

Издательство **Ультра.Культура**
благодарит за содействие
в подготовке этой книги:

Издательство Гилея, Left.ru,
Anarh.ru, издательскую группу
Третий Путь, Мوند Дипломатик,
Митин Журнал, Алекса Керви,
Бориса Кагарлицкого, издатель-
ство Логос, издательство Праксис
и Сапатистскую Армию Нацио-
нального Освобождения.

**АНТОЛОГИЯ
современного
анархизма
и левого
радикализма**

1

Москва 2003

Содержание:

- Полезная тавтология и черный флаг анархизма (Алексей Цветков)
- Без государства. Анархисты (Алексей Цветков)
- Отрывки из книги «Анархизм» (Даниэль Герен)
- Революция повседневности (Рауль Ванейгем)
- Прописные истины: часть первая (Рауль Ванейгем)
- Прописные истины: часть вторая (Рауль Ванейгем)
- Отрывки из «Содействия «Революционной борьбе» (Рауль Ванейгем)
- Инструкции к мятежу (Рауль Ванейгем)
- О новом урбанизме. Свод правил (Иван Щеглов)
- Ситуационисты и автоматизация (Асгер Йорн)
- Теория Дрейфа (Ги-Эрнест Дебор)
- Отрывки из «Комментария к «Обществу спектакля» (Ги-Эрнест Дебор)
- Ситуационистские тезисы о движении (Ги-Эрнест Дебор)
- Введение в критику городской географии (Ги-Эрнест Дебор)
- Манифест ОПУМ (общество полного уничтожения мужчин) (Валери Соланс)
- Из книги «Экоанархизм» (Мюррей Букчин)
- Очерчивая революционный проект (Мюррей Букчин)
- Миллениум (Хаким Бей)
- Устойчивые временные автономные зоны (Хаким Бей)
- Информационное чародейство: оккультное наступление на социальные институты (Хаким Бей)
- Коммюнике ассоциации онтологического анархизма (Хаким Бей)
- Да здравствует неоизм (Лютер Блиссет)
- Десять правил для тех, кто хочет стать настоящим культовым художником (Лютер Блиссет)
- Месь Ральфа Рамни и прочие шутки (Лютер Блиссет)
- Покупательский бум для пролетариата (Лютер Блиссет)
- Телемагия (Дженезис Пи-Орридж)
- Молекулярная революция (Росс Бирелл)
- Контрреволюционный коммунизм (Монти Кэнтсин)
- «Классовая война» (Стюарт Хоум)
- Неолиберализм и глобальный порядок (Ноам Хомский)
- Мировой порядок и его правила (Ноам Хомский)
- «Где-то там есть общественное движение» (Ноам Хомский)
- Интервью с «Черным блоком» (Крис Ней)

Алексей Цветков

ПОЛЕЗНАЯ ТАВТОЛОГИЯ И ЧЕРНЫЙ ФЛАГ АНАРХИЗМА

Он спрашивает: «Вы анархист?» Я отвечаю: «Во-первых, что мы будем понимать под словом "анархизм"? Анархизм практический, метафизический, теоретический, отвлеченный, мистический, индивидуальный, социальный? Когда я был молод, все это для меня имело значение». Мы имели очень интересную дискуссию, вследствие которой я провел на Эллис-Айленд две целые недели.

Владимир Набоков. Пнин

Дерзновенная буква А, забранная в круг, введена в обиход в 64-м году французской группой «Юные либертарики» и красуется сегодня на майках демонстрантов-подростков, на стенах гаражей и стеклах вагонов, на постерах рок-звезд и на обложках изданий, претендующих на независимость. Глядя на неё, задаешься неизбежным вопросом: «А к чему, собственно?»

К чему нас призывают?

Буржуазные либералы доказывают, что история вообще кончилась и всем можно от неё немного отдохнуть. Традиционалисты возражают им в том смысле, что история продолжается, она всегда одна и та же и с архетипической её, богом заданной, цикличностью не поделаешь ничего. И только левые считают, что истории еще не было ни у мира, ни у человека. Всё, что вокруг, — предыстория, позорно откладываемая возможность, предконцертная настройка и доделка инструментов. История мудрого мира, который сам из себя строит будущее посредством адекватных человеческих действий, начнется, когда преодолены будут антагонистические классы, принудительный труд, иерархическая и отчужденная от общества власть, геополитическая зависимость одних территорий от других. Мировая душа и всеобщий смысл свободно выйдут на сцену и начнут, наконец, прямо действовать. История пойдет оттуда, где людям станет ненужным денежный эквивалент, выражавший отчуждение и неполноту современного человека, оттуда, где капитал будет преодолен народом ради более достойных и осмысленных стимулов активности. В футурологии левых деньги уступят безвозмездной коммуникации, победившей в обществе с не представимым сейчас уровнем взаимного доверия и новым языком, более адекватным мироустройственной миссии человека.

Для левой критики все то, что, по нашему мнению, «было», все то, что «есть», и само это «наше мнение» — лишь недобросовестное искажение, нереализованная возможность реальности, пейзаж нашего небескорыстного и социально обусловленного самооправдания.

Для классических левых, которых нет в этой антологии, пролетариат был тем особым секретным органом в теле вышеописанной иллюзии, благодаря которому и призвана родиться подлинная реальность. Пролетариат — та часть возможности, то парадоксальное место, через которое будет, наконец, реализована, снята сама возможность, а вынужденная необходимость исторических обстоятельств уступит место свободе их выбора. То есть буквально пролетариат есть объект, призванный стать субъектом, он приходит под своим красным знаменем, чтобы так возник мир, ибо мир для левых возможен лишь при условии, если он сам познает и трансформирует себя в соответствии с самостоятельно открытыми и утвержденными своими законами. До этого момента мы имеем дело с самодовольной иллюзией. Нельзя даже сказать «мы имеем с ней дело», потому что «мы» вплоть до революции — столь же несамостоятельные фрагменты этого миража. Таким образом, «мы имеем с ней дело» могут говорить о себе только люди, готовящие революцию для себя и других. Революционеры — те фрагменты иллюзии, внутри которых зашевелилась опасная догадка, точки проникновения откровения, сгустки сна, поставившие себя под сомнение, — на их территории и должно случится пробуждение.

Орудием познания, трансформации, открытия и утверждения мира для левой классики был человек, а точнее — пролетарий, а еще точнее — член революционной пролетарской партии. Сам же революционный акт возникновения реальности напоминал хайдеггеровское *entwerden* — «разрешение становления».

Возникшая реальность должна быть абсолютна, лишена искажения и обращена к себе с целью всегда становиться чем-то новым. Это постоянно разворачивающееся на поверхности, ничем не сдерживаемое, самовозобновляющееся качество. Препятствие циклу деформаций упраздняется вместе со сменой периодов «деградации и возрождения» (то есть сменой периодов большей и меньшей рефлексии в истории каждой личности и любого коллектива). Именно в этом и состояла для левых историческая задача пролетарской революции.

Пролетариат как богоизбранный алхимик, изменявший по воле эксплуататоров все вещи, в конце концов по собственной воле изменяет самого себя, и только тогда возникает всё: освобождается из дореволюционной тьмы пленения подлинный облик, звучат истинные имена. «Мы наш, мы новый ...» Наш язык, наше поведение, наше сознание, мы сами перестаем, наконец, быть чем-то темным, закрытым, кому-то отданным. Мы возникаем для самих себя. Но «для» отнюдь не в том буржуазном, моральном, утробном смысле, который вкладывает в этот предлог минимальный гуманизм, господствующий на территории торгующих. Точнее было бы сказать: «Мы возникаем во имя самих себя». Речь идет о подчинении тому нашему «Я», которое дано как задание и высшая возможность для человеческого типа. Того «Я», которое призвано быть «законом» пробужденных и обособленных своим пробуждением от остального сна.

Не нужно иметь семь академических пядей во лбу, чтобы опознать такое мировоззрение как довольно оптимистический вариант политической эсхатологии. В атеистическом изводе этой веры изначального творца заменяет сам человек, и библейский сюжет о сотворении превращается в законспирированный шестидневный план — неделя божьей работы как своего рода декларация о намерениях, данная человеком в долг самому себе.

При таком сопоставлении судьба пролетариев совпадает с судьбой праведников нового града, избранного спасителем народа, к которому и приходит Мессия во славе ради торжества благодати во вселенной. Как тут не вспомнить зараострийское по происхождению, а потом манихейское и гностическое пророчество об окончательном разделении абсолютно реального — огня, света и огненно-световых детей — от абсолютного обмана и его до поры господствующих креатур хищной тьмы.

Почему же мы вынесли на обложку именно анархизм в качестве фермента, приводящего в движение другие проекты сегодняшних радикально левых? Почему именно этот термин представляется нам наиболее полезным для понимания пафоса современных революционеров? По очень простой причине. Самым слабым и не подтвердившимся в классическом левом мифе является, собственно, социальный адрес субъекта. Оптимизм никогда не ведет к познанию. Пролетариат и не мог оправдать надежд.

Это всегда очень заманчиво и облегчает проповедь — предположить, что та или эта группа и есть трансформаторы, революционные алхимики, эмбрионы реальности. Группы, якобы обреченные на откровение самим своим положением в истории. Версия о таких упорядочивает радикальный проект. Претензии на знание адреса высказываются и будут высказываться впредь людьми, близкими анархистам по духу и практике, но не по идентификации, людьми, заимствующими у анархистов героическую энергию, нигилизм и чувство личной ответственности ради достижения частных исторических целей вроде национального освобождения в третьем мире или борьбы за экологические ограничения в мировой метрополии.

Анархизм не есть самое верное учение, но есть всегда актуальная и именно этим ценная для радикалов тавтология. На вопрос: «Кто является волшебным субъектом и знающим пароль проводником к абсолютному?» — анархизм отвечает только: «Тот, кто является».

Тот, кто берет на себя эту задачу и кого хватило, чтобы ей соответствовать. Выходец из любого класса, конфессии, интеллектуальной семьи. Другой вопрос, что начавший столь рискованное движение неизбежно порывает и с классом, и с конфессией, и с семьей, и с прочими этажами социализации, попадая в своеобразное международное братство, интернационал несогласных и сопротивляющихся, связанных надклассовой, надэтнической и с трудом вербализуемой в дореволюционном языке конвенцией. Хьюи Ньютон называл это «революционным самоубийством» в своей одноименной книге. Смысл революционного самоубийства состоит в великом отказе от минимального буржуазного гуманизма со всеми из него вытекающими связями. Великий отказ

свидетельствует о настигшем борца революционном откровении. После опыта такого откровения великий отказ происходит почти автоматически. Самоцелью же такой отказ является лишь для подражателей и, во-первых, не может заменить собой собственной причины, а во-вторых, не может быть по-настоящему осуществлен без этой причины, то есть без непосредственного опыта.

Берущий на себя обязанность быть субъектом определяется, конечно, поведением, а не болтовней. Для анархистов это всегда был первый критерий. Сто текстов, выступлений, семинаров доказывают чью-то причастность к субъекту истории в гораздо меньшей степени, нежели одна вовремя и не за деньги выпущенная пуля, один взорванный памятник, один день, проведенный за дело в камере. Как говорил кумир Хью Ньютона председатель Мао, правильно и вовремя написанный иероглиф может вызвать бурю. Однако гораздо чаще иероглиф — это ничего не стоящий мусор, оставленный прошлыми бурями истории на дороге обыденной жизни народа и призванный своим видом бередить сентиментальную ностальгию правящих классов по уходящим временам. Цена иероглифа редко превышает цену той капли туши, что на него потрачена.

Итак, помимо констатации вечной вакантности исторического адреса субъекта, анархизм — это еще и культ прямого действия как главного критерия. Хаким Бей называет такое действие «поэтическим терроризмом», а Мюррей Букчин — «непосредственным протестом, мобилизующим в нас смысл». Помня Ницше, предлагавшего философствовать молотом, анархист философствует арматурным прутком и булыжником, философствует, бастуя, садясь на рельсы, перекрывая движение, устраивая хакерскую атаку против глобалистского офиса, уходя добровольцем на далекий, но необходимый ему фронт, поджигая бутылкой с самодельным напалмом асфальт на пути полиции или минирю витрину магазина, затерроризировавшего зрителей ежеминутной рекламой. Даже захватывая балкон мавзолея, чтобы вывесить там антивыборный лозунг, анархист все-таки немного философствует, понимая, что радикальная социальная практика есть единственный доступный ему в «обществе спектакля» вид практики духовной.

На вопрос: «Кто является?» — анархизм тавтологично отвечает: «Тот, кто является». Таким образом, через свою тавтологию анархизм исключает обреченность. Тот, у кого хватает ностальгии по абсолюту, чтобы соответствовать требованиям, высказанным левыми к революционному классу. Тот, кто способен к мобилизации, внешне противоположенной обстоятельствами.

После окончания холодной войны современная капиталистическая метрополия чем дальше, тем больше напоминает как раз мир тотальной демобилизации, а современная массовая культура, заполняющая основную часть не занятого работой времени, в своих сюжетах, темах и принципах есть бесконечный и непрерывно перелистываемый семьями дем-бельский альбом, эксплуатирующий героические сюжеты в детективной, исторической либо футурологической версиях.

Найдется новый автор, который докажет и назовет точный социальный адрес очередной кандидатуры в исторические субъекты. И можно знать заранее, что адрес этот будет отнюдь не окончательным. Пока же все коллективные кандидатуры остаются лишь благими пожеланиями интеллектуалов к трудящимся третьих стран, городским маргиналам, угнетаемым женщинам и меньшинствам, молодежным субкультурам, этническим пассионариям. Эти группы, гипотетически способные на многое, не оправдывают возлагаемых на них надежд. Тут действует свой закон невыяснимости адреса, то есть вечной близорукости доказательного оптимизма.

Восстание исключает конъюнктуру, и потому проблема субъекта сопротивления переносится из исторической в экзистенциальную оптику, во вневременную ситуацию. После 68-го года революционеры в своем самоанализе превратились из экскурсоводов по будущему в трагических героев, а их чувство истории стало пониматься скорее как особое достояние, нежели маршрут расписания ближайших станций социального развития. Анархисты, впрочем, говорили об этом всегда и с самого начала меньше других левых увлекались позитивными оптимистическими утопиями.

Практика анархизма демонстрирует, что для человека-объекта, пытающегося стать субъектом, добивающимся от самого себя *entwerden*, пораженного революционным откровением и опознавшего в себе нездешнего агента, избранная социальная программа является скорее инструментальной, довольно условной и варьируемой, как модель оружия или цвет камуфляжа для партизана. Экзистенциальная утопия большинства современных левых воплощается в самом

революционном акте. Что не отменяет, конечно, необратимых социальных последствий такого акта, просто последствия воспринимаются теперь как историческое эхо, угасающее вплоть до следующего «события».

Утопия анархизма призывает нас к действию в качестве субъекта истории, и любые вспомогательные программы тут всего лишь сопутствующие иносказания, метафоры, намёки на положение революционера, изложенные на нашем предреволюционном, доисторическом, неполном и гротескном языке.

Клоун и пингвин

Кроме деления левых на «классических» (оптимистов) и «новых» (экзистенциалистов) применяют также иную классификацию, делящую радикалов на «внутренних» и «внешних». Если вы видели фильм «Бэтман», вам будет очень легко это понять.

Отрицательный герой первого фильма «Бэтман» — внешний анархист, клоун без цирка, явно читавший Ги Дебора, переделывает канонизированные кураторами «шедевры» в музеях, справедливо полагая, что культ «классики» в искусстве всегда на руку тем, кто стремится заморозить социальное устройство в нынешней форме. На вопрос журналистки о своей мечте остроумно пародирует её же хозяев: «Увидеть свой портрет на однодолларовой банкноте» (скрытая критика института президентской власти). Он швыряет в толпу деньги, потому что они ему не нужны, но каждый, кто позарится на них и поклонится капиталу, должен в конце спектакля заплатить за представление своей жизнью. Деньги — это тест. Антибэтману нужны не деньги, а необратимые перемены.

Зато антигерой второго «Бэтмана», человек-пингвин, — явно внутренний анархист по повадкам. Не веря даже в разрушительные возможности нынешних масс, каждый день упускающих свой шанс измениться, он рассчитывает на неуклюжих и зловещих птиц нижнего полюса.

Не умеющие летать антарктические птицы — несложная метафора электората, ведь человек-пингвин согласился баллотироваться в мэры, однако лишь для того, чтобы похоронить своего недалекого и самовлюбленного спонсора — электрического олигарха. Должность мэра в таком городе его не привлекает, он и так находится в подобной роли, играя в подземном полигоне со своими управляемыми волной, но неповоротливыми тварями. Мрачноватый гений этого террориста скрыт в сточной системе, он надеется похоронить технократию и индустриализм их же оружием, используя для тотальной технологической катастрофы привычку не умеющих летать к ежедневному подчинению невидимым волнам.

Проигрыш обоих мы оставляем на совести голливудских постановщиков, работавших за деньги и обходивших социальный заказ только в форме намеков и недомолвок. В первом случае ангел на вертолете не может вознести опасного клоуна на небо, потому что его тащит в бездну химера выбранной борьбы. «Хэппи энд» в духе коммерческого «христианства», предупреждающего нас об ответственности. Ответственность перед Богом, если верить клерикалам, совпадает с ответственностью перед господствующей системой. Означает ли это, что их «бог» санкционирует без разбору все государства, в свою очередь признающие права клерикалов на доступ к ушам и глазам миллионов граждан? Попы нужны системе для того, чтобы гасить в людях инстинкт откровения, постоянно бубня о нём.

Во второй серии развязка еще дешевле: великолепный пингвин, едва умещавшийся в человеческом теле, гибнет от действий собственной подземной антисистемы. Если моралист-постановщик не знает, как примерно наказать врага общества, его убивают им же сконструированным оружием, не очень реалистично, но в строгом соответствии с требованиями буржуазной морали. Воплощенному духу правопорядка — Бэтману — противостоят анархисты, наглядно расслоенные на эзотерику и экзотерику, поделенные на «типы», то есть на серии фильма. Бэтман — существо, которому сходит с рук нарушение закона, потому что закон нарушается в интересах системы. Бэтман и есть обобщенная персона системы, кое-что сообщающая нам о её генеалогии. Настоящий *WASP*, классический буржуа, стопроцентный элегантный англосакс, в распоряжении которого все новейшие достижения технократии, с благообразным лакеем и неразрешимыми проблемами в личной жизни. Трагическая и вроде бы устранимая, но так и не устранимая

необеспеченность его «аристократически» выраженного либидо — вот разгадка страсти Бэтмана к «справедливости», понимаемой в чисто полицейском смысле.

Что же касается двух анар-хистов-атибэтманов — внешнего (клоуна) и внутреннего (пингвина), то даже такой фильм доказывает нам, что для разрушения системы и торжества альтернативных принципов эти двое должны превратиться в одно лицо.

Только внешний анархист — обреченный провокатор, который рано или поздно взорвется изнутри как безвредная хлопушка под давлением скрытой в нем пустоты. Признать себя таим пиротехническим устройством означает признать себя вовсе не «тем, кем является». Свести своё восстание к публичному самоудовлетворению. Отказать себе в субъектности. Тавтология — Революция — Активизм, изолированные от своих причин, превращаются в эксцентричный грим на лице покойника.

Анархист только внутренний, визионер, скрываясь в тайных водах своей невербализуемой биографии, обречен иначе: он заранее признает поражение любой экспансии за пределами этих вод, и его стихией становится анальный мрак и гибельная задумчивость. Субъект такого восстания так и не может по-настоящему родиться, ибо на него давит внешний космос враждебной «обусловленности». Откровение — Восстание — Сокровенная Практика невозможны без внешних социальных манифестаций.

Три сценария пропаганды

Чтобы быть как-то высказанным, революционное откровение прибегает к тавтологии, восстание формулируется в терминах революции, а сокровенная практика выражается в актуальном активизме.

На сегодняшний день анархисты используют для оправдания своей практики три основных сценария, варьируя и оснащая их деталями в зависимости от региона, аудитории и местных настроений. Три этих сценария отвечают трем основным мировоззренческим сюжетам, к которым могут быть сведены сегодня человеческие представления о реальности.

Первый мировоззренческий сюжет практически отождествляет человека с Демиургом реальности; история в этом сюжете есть возможность устранения недоразумений между человеком как представителем творящего принципа и самим этим принципом.

Второй сюжет предполагает драматическое противоречие между миром принципов и миром их реализации. Остается вечно выяснять опытным путем, разрешимо ли это противоречие, однако оно никогда не устранимо бесповоротно. Противоречие вновь и вновь стремится к возвращению.

Третий сюжет исходит из отсутствия у человека каких бы то ни было эксклюзивных прав на реальность, а значит, любой бунт против такой «смыслооставленности» имеет исключительно внутреннее значение, является самодостаточным произволом.

Прежде чем открыть рот в чьем-то присутствии, анархист хотя бы в общих чертах пробует уяснить для себя мировоззренческий сюжет своего собеседника и уже после этого иносказательно поясняет свою практику в ландшафте выбранного сюжета и при помощи одного из соответствующих сценариев.

Первый сценарий предполагает необходимость и возможность ли-бертарного прорыва на территории самых обеспеченных, индустриально и информационно развитых стран, то есть революцию на исторической родине транснациональных корпораций. В подтверждение такой вероятности приводится антиглобалистский всплеск, возрождение внепарламентских антибуржуазных движений вплоть до новых «Красных бригад», рост левых симпатий даже в «дезинфицированном» сознании среднего класса. Согласно этому плану, практика состоит в том, чтобы поддерживать любой — профсоюзный, феминистский, экологический и т.д. — протест, углублять всякое сопротивление, придавая локальному недовольству глобальный смысл, требовать до тех пор, пока система не будет дезорганизована требующим фронтом и не начнет разрушаться изнутри. Недостаточная активность населения для реализации такого сценария объясняется левыми «патологизацией толп», осуществляемой с помощью масс-медиа и массовой культуры, и потому столько внимания уделяется росту и распространению альтернативного стиля жизни — поведения — сознания, призванных в перспективе конкурировать с телевизионным облучением и вывести из пассивности достаточное для прорыва число людей. Для мобилизации людей ради этого сценария применяются варианты ориентирующих утопий.

Например, революция даст возможность перераспределить корпоративные средства, что приведет к невиданному росту повсеместной автоматизации, а следовательно, сделает любую работу отныне и вовеки необязательной. Каждый житель земли по праву рождения будет получать необходимое для жизни пособие и сам станет распоряжаться своим временем и энергией. Труд после революции станет исключительно добровольным. Большинство людей в первом же послереволюционном поколении станет тратить себя на творчество и свободную от системного заказа интеллектуальную деятельность. Современные технологии вполне позволяют достигнуть такого результата в самом ближайшем будущем, однако это будущее не наступает, потому что оно не сулит сверхприбылей корпорациям, упраздняет подавляющие и подавляемые классы и ставит государственную власть перед проблемой ничем не занятых праздных толп. Следовательно, революция должна упразднить корпорации, отменить эксплуатацию и растворить государства при помощи повсеместной самоорганизации людей, объединенных либер-тарными настроениями.

Такой наиболее оптимистический сценарий находит приверженцев скорее в странах «золотого миллиарда», среди людей среднего класса, студентов гуманитарных институтов и склонных к личной самостоятельности высоко оплачиваемых профессионалов, ежегодно собирающихся под антиглобалистскими лозунгами в бразильском Порту-Алегри. Из включенных в антологию авторов первого сценария придерживаются Горц, Хоум, Соланс, Ванегейм, Эби Хофман и Джери Рубин.

Второй сценарий более драматичен и находит аудиторию скорее в странах третьего мира, а так же в группах, традиционно склонных к общинности, коллективному энтузиазму, здоровому аскетизму и соблюдению неписаных норм народной морали.

Согласно этому сценарию, никакого освободительного прорыва в странах капиталистических метрополий давно уже произойти не может, так как метрополии практикуют в отношении всей остальной планеты неэквивалентный экономический обмен, на евроамериканской территории «золотого миллиарда» существует искусственно завышенный уровень жизни, который никогда не был бы достигнут без тотального планетарного грабежа, а значит, все граждане этих стран, включая самих эксплуатируемых, объективно относятся к «коллективным эксплуататорам» остального мира, и поддерживать их борьбу за дальнейшее улучшение качества жизни аморально и исторически бессмысленно. Поддержка любых экономических и социальных требований левых радикалов в развитых странах приведет отнюдь не к дележу собственности и власти в пользу нуждающихся, но к еще более мучительной эксплуатации третьих стран транснациональными корпорациями и передовыми государствами, перешедшими в фактическую собственность этих корпораций. Следовательно, несмотря на то, что интеллектуальный и технологический ресурсы обеспечения борьбы находятся в наиболее развитых странах, революция ожидается вовсе не на их территории, но в третьем мире, где в обостренной форме сохранились все неустранимые противоречия между разными классами, а также между населением и открыто враждебным ему классовым государством. Раз поддержка протеста в развитых странах стратегически неверна, значит все усилия революционеров должны быть перенесены за пределы стран-метрополий. Именно такой ход мысли был использован участниками сапатистского восстания в Мексике для создания международного имиджа, без которого вооруженное движение индейцев в штате Чьяпас осталось бы мало кому интересным провинциальным событием. Капитализм заканчивает возведение единой планетарной системы эксплуатации, в которой государства не имеют уже прежней самостоятельности. Поэтому грядущая революция будет иметь характер планетарной гражданской войны. Вначале наиболее нищие, «дикие» и «аграрные» регионы третьего мира завоевывают себе относительную партизанскую автономию, отсюда революция двигается к большим городам, чтобы захватить центры промышленности и власти. Дальше неизбежны геополитический конфликт «вышедших из под контроля» территорий с мировой метрополией и появление вместо одного — двух планетарных проектов мирового глобализма против мирового интернационала несогласных. Для подтверждения возможностей такого сценария, кроме вышеназванных сапатистов, приводятся примеры действий современных колумбийских, перуанских, непальских и т.д. партизан, а в «доминирующих» странах рост числа всевозможных «изоляционистских» поселений и других проектов, стремящихся к альтернативным формам жизнеобеспечения и к максимальной автономии от системы.

Постсоветская территория в такой оптике оценивается как стремительно распадающаяся на «столичное» меньшинство, с некоторыми оговорками уступающее в стандарт жизни «золотого

миллиарда», и основное население новых стран, возникших на территории советского блока, жизнь которых окончательно скатывается к условиям и правилам третьего мира. Поэтому некоторый конфликт настроений, вкусов и сюжетов сопротивления в мегаполисах и провинции непременно учитывается теми, кто выступает как агент будущего восстания.

Например, если в первом сценарии акцент делается на небывалую реализацию индивидуальных возможностей личности и отказ от массы системных запретов и ограничений, то во втором, адресованном другой аудитории, особо могут подчеркиваться мотивы коллективной ответственности и классовой справедливости, а грядущее выяснение отношений между угнетенными и угнетателями приобретает мифологически экзальтированную окраску, вплоть до эсхатологических настроений, как в латиноамериканской «теологии освобождения». Ко второму сценарию с отдельными оговорками можно отнести субкоманданте Маркоса, Хью Ньютона, Франца Фанона, Абу Джамала, Исроэля Шамира.

Третий сценарий — наиболее пессимистичный и экзистенциальный — рассчитан скорее на тех людей, которые не нашли себя в системе, но не в силу отставания от неё, а наоборот — по причине не востребовавшего обгона, «оверквалификаейшн». Вокруг нас всегда есть люди, добившиеся гораздо большего, чем нужно для реализации принятой в обществе нормы счастья. Именно эти люди, у которых «есть все и еще чуть-чуть», острее других могут чувствовать всю уродливость предлагаемой системой «реализации» и сильнее других могут стремиться к «невозможному». Это те, кому «невозможное» действительно необходимо. Откровение проявляется в них не через бунт против произвола и не через деятельную солидарность с угнетенными, но посредством никуда не умещающегося и «опасного» избытка личного ресурса. Именно этот тип поставляет в историю наиболее «фанатичных» и самых непримиримых единиц,

вроде основательницы немецких RAF Ульрики Майнхоф. Чтобы мобилизовать таких людей, бесполезно обещать им праздность, творческую реализацию или экономическое освобождение целых народов.

В третьем сценарии капитализм полностью справляется со всеми глобальными противоречиями, существовавшими в его системе. Справляется с помощью выведения новых, контролируемых при помощи зрелища одномерных людей, двуногих насосов с заранее смоделированным сознанием, прогоняющих сквозь себя в разном направлении большие и малые потоки капитала. Среди этих фантомов, жизнь которых не имеет никакого внекапиталистического смысла, существуют лишь редкие и роскошные недоразумения, единицы, в силу тех или иных «нежелательных» причин сохраняющие видовое достоинство и некоторые незапрограммированные цели и желания. Максимум для таких персон — поиск себе подобных и объединение в небольшие конспиративные альянсы, абсолютно непонятные и путающие остальное общество, преследуемые государством, ведущие свою внутренне необходимую им священную войну.

В наиболее мрачных киберпанковских вариантах третьего сценария интеллектуальная и преобразующая мир функция человека вообще постепенно передается более способному к решению таких задач искусственному разуму машин, суперкомпьютеры ближайшего будущего перехватывают факел эволюции у человечества, пробежавшего свой круг и впавшего на финише в маразм. Люди как вид остаются, не вписавшись в исторический поворот, на периферии истории мира. Их более деятельные и совершенные создания, ставшие передовым отрядом трансформаторов реальности, все сильнее удаляются от бессмысленной и неспособной качественно измениться человеческой толпы. В этой толпе остаются парадоксальные исключения, красиво и бесполезно мерцающие последние пассионарные искры исторического смысла, пережившие пик собственного вида и беспокоящие толпу просто потому, что не могут с ней слиться и стать простыми рыночными приматами, из которых эта толпа отныне и навеки состоит.

Третий сценарий в пропаганде используют Хаким Бей, Ги Дебор, Унабомбер.

Внутренний и внешний анархисты, подлинная утопия которых — это само восстание, а не его частное историческое выражение и уж тем более не некое «послереволюционное» бытие,

используют три вышеназванных сюжета, детализируя их на местности и по ситуации, как буддистский наставник использует пробуждающие коаны, а гностик — посвящающие притчи.

Речь может идти об обострении протеста на территории мировой метрополии, о сохранении экологии, о контркультуре, о непроницаемых большим социумом линзах инобытия, о теологии освобождения или о технологии дестабилизации режима жизни современного мегаполиса, об избавлении от воспитанного семьей невроза или о концептуально новом способе общественного воспроизводства. Для анархиста, говорящего об этом, речь всегда будет идти о провокации пробуждения, об откровении, которое человек однажды обнаруживает в себе и узнает, что если оно ЕСТЬ, значит нет никакой системы, её истории и её «наиболее разумной на данный момент» власти, поэтому с этой властью не может быть никакого тактического консенсуса и временного компромисса. Анархист не может обнаружить это откровение вместо вас у вас внутри, зато он может попытаться его спровоцировать, тронуть с места первый камень вашей лавины-интифады.

Социальная миссия и цвет флага

У анархизма, даже в самом внешнем, то есть исключительно социальном, смысле растут перспективы в западном обществе, как и вообще у всякого радикализма. Наблюдатели связывают это с геополитическим поражением советского блока, а значит, с утратой возможности социального шантажа верхов со стороны дискриминируемых, выгодно разыгрывавших «красную карту» во второй половине ушедшего века.

Новая принятая в постиндустриальном обществе контроля система «гибкой», или «домашней», эксплуатации упраздняет многие из прежних социальных завоеваний, гарантий, а также существенно тормозит нежелательную «гедонистическую» эмиграцию из третьих стран, что приводит все чаще к прямым уличным столкновениям и другим непарламентским, даже неконституционным, формам выражения недовольства, в которых тамошние анархисты и их симпати-занты традиционно играют детонирующую роль. Подробно эти «глубинные» (в смысле — не всегда заметные для читателей популярных СМИ) процессы проанализированы в новой, написанной в римской тюрьме Ребибья книге Антонио Негри «Империя».

Возможно, главное внешнее послание анархизма — это попытка оценить любые коллективы по достигнутому в них уровню доверия, а не по экономическим или информационным показателям.

Уровень доверия в разных сообществах может оставаться в рамках семьи, клана, банды, этнической диаспоры и т.д. Может понижаться (победа системы) или повышаться (успех анархии). Людьями, которые не доверяют друг другу, легко управлять: достаточно определить границу, где кончается их уровень и с какой ноты они уже могут быть запросто противопоставлены друг другу.

Даже отец классического анархизма князь Кропоткин признавался, что впервые серьезно ощутил губительное влияние государственности на личность, путешествуя по Сибири и наблюдая ежедневную жизнь кочующих автохтонов и скрывающихся от «петербургского антихриста» духоборческих общин. И там, и там был выражен совершенно непредставимый для столичного жителя уровень доверия. Именно тогда главный общественный вопрос был для Петра Алексеевича решён, а европейская прудоновская терминология потребовалась для того, чтобы сформулировать это решение в доступной для интеллигенции того времени форме.

Проблема доверия прямо связана с мировоззрением и методологией. Мировоззрение обычных людей массового, буржуазного, информационного общества начала XXI века не может превратиться в методологию, то есть стать их практическим повседневным руководством, оно невротически отчуждено и напоминает скорее мифологию, воплощенную не в буквальной реализации, но в потребительском ритуале.

Отчужденное мировоззрение, какими бы словами оно ни выражалось и в харизме каких бы лидеров не воплощалось, остается мифом, принимает желаемое за действительное до тех пор, пока, наконец, мировоззрение не превратится в методологию. Многочисленные фабрики грёз, с конвейеров которых сходят массовые легенды, эксплуатируют как раз эту невозможность превращения мировоззрения из мифа в метод. Таких людей ничего не стоит подчинять сколь угодно

но долго, используя объекты их мифа как вечную и никогда не достижимую приманку. Зато с теми, кто личным усилием сделал своё мировоззрение методологией, остается либо бороться, либо дружить, их существование становится для общества контролем фактом, игнорировать который нельзя.

Уровень доверия прямо связан с возможностью мобилизации, то есть превращения вашего мифа в метод. В минуты общественного подъема, революции, социальной экзальтации вас примут за своего, разделят с вами хлеб, вино и горсть патронов только из-за вашей принадлежности к побеждающему классу или освобождающейся нации. Уровень доверия в рамках целого народа описан в советской сказке о Кибальчише и военной тайне. Тайну знала вся страна, но никто её не выдал.

«Экстремальная» литература второй половины двадцатого века демонстрирует как центральную проблему нечто обратное — кризис доверия даже в границах сознания отдельной атомарной личности. У ее единственного (всегда одного и того же) героя уровень доверия понижен до нуля, то есть герой доверяет только себе, но за этим нулем быстро обнаруживается минусовая степень: навязчивая тема — герой перестает доверять себе и распадается на созвездие спорящих и конкурирующих несчастных существ, хоровод неполных и антагонистичных химер.

Глобалистская социальная философия в лице того же Фрэнсиса Фукуямы или Жака Аттали нарочно смешивает такие понятия, как «уровень доверия» и «уровень корпоративности», заминая бескорыстную, иррациональную основу доверия в отличие от корпоративности, исходящей из обязательного, заранее оговоренного наказания

для нарушителей соглашения. Доверие не предполагает никакой внешней ответственности, кроме ответственности перед самим собой и историей своего вида, и степень этой ответственности, достигнутая каждым из нас, определяет наш личный градус доверия.

«Корпоративность» Фукуямы выгодна монополистическому капитализму как основа его плановости. Плановость современного корпоративного хозяйства должна держаться на чем-то пародирующем доверие, ведь буржуазность — это синоним паразитарности и заимствования, у неё нет никаких собственных оснований для самосохранения, кроме сценариев, украденных и искаженных либо в докапиталистическом прошлом, либо в посткапиталистическом «полагаемом будущем».

Анархисты и крайне левые оценивают настоящий момент как высшую, планетарную стадию власти капитала, когда сама возможность сознания людей заранее конвертируется в капитал при помощи информационного террора системы. Журналисты чаще называют этот строй «глобализмом», «новым мировым порядком», геополитики — «мондиализмом».

Культ доверия, не искаженного корпоративностью, — социальная миссия анархистов, их вклад в международный революционный проект. Чем больше людей готово помочь вам, участвовать в вашей жизни, считая её и своим делом на основании вашей с ними идентичности, — он наш, потому что он одних взглядов, в том же положении, относится к той же культуре, принадлежит к прямоходящему виду, теплокровный, живой, существующий, — тем ближе мы, по мнению анархистов, к самореализации и свободе.

Анархистам недоступна магия имени и гипноз авторитета. Наши здешние имена условны, а авторитеты оплачены кем-то как даровая похлебка для поиздержавшихся духом. Помимо социоэкономических, более или менее способствующих, предпосылок анархистской практики всегда остается и метафизика революционного флага, вечно актуальная притягательность этой манящей вертикали. В этом пафос внутреннего анархизма и его тавтологии. Этот пафос, как и сам флаг, совершенно не нов. Флаг означает вертикаль, а его цвет лишь зовет нас к ней. Черный предпочтительнее потому, что это цвет отказа, отсутствия, изъятия всех обманывающих возможностей зрелищного спектра. Одни предпочитают поддерживать эту вертикаль, другие — за нее держаться. Для анархистов оказаться в числе первых — честь, в числе вторых — шанс.

Метафизика левого политического проекта изначально заключена в его внутренней анархической составляющей, без которой освободительное дело обязательно вырождается в упрямое и идиотское желание сделать всех полуграмотными и полуголодными.

Алексей Цветков

БЕЗ ГОСУДАРСТВА. АНАРХИСТЫ

В первой части антологии собраны и близко к хронологии расставлены фигуры, принадлежность которых к анархизму и антигосударственной левизне, как правило, не подвергается сомнению. Вы не встретите здесь уже вошедших в учебники истории персон, ориентированных на классический образец революционера, заданный еще Бакуниным, Прудоном, Кропоткиным, Теккером и Реклю. «Современность» для левых начинается в 68-м году. Единственное исключение и мост между классической и нынешней эпохами — французский теоретик и исследователь *Даниэль Герен*, красный анархист, или «либертарный коммунист», как он сам себя порою определял, работы которого открывают сборник. Начав как поэт и литературный критик, Герен еще в 30-х годах часто путешествовал на Ближний и Дальний Восток, но в отличие от многих других номадов нашел там не оригинальный метод освобождения сознания, а вопиющую картину колониального неравенства и вековых традиций бесчеловечности власти, рьяно поддерживаемых в своих меркантильных целях западными «цивилизаторами». Тогда же Герен становится золотым пером газеты «Революсьен Пролетарьен» и активистом «Синдиката корректоров» — организации с давними традициями радикального неповиновения и самоорганизации трудящихся. Одно время синдикат (под влиянием Герена) угрожал даже начать без объявления акцию творческого саботажа со стороны корректоров, которая заключалась бы в том, что корректоры в последний момент и по собственному усмотрению вставляли бы революционные цитаты, призывы, инструкции и лозунги во все завтрашние газеты, журналы, рекламные ревью и новые книги. Несмотря на то, что этот смелый план так и не был тотально реализован, отдельные случаи подобных действий со стороны радикально настроенных корректоров (например, появление в колонках биржевых или международных новостей сообщений о завтрашних собраниях и митингах анархистов) не раз отслеживались и пресекались. В пятидесятых годах Герен увлекается глубоким анализом экономических моделей фашистских и просто авторитарных режимов, поддерживает активные отношения с палестинским и алжирским сопротивлением, постоянно настаивая на практической несовместимости социального романтизма, питающего национально-освободительные движения, и социального авторитаризма лидеров этих движений, использующих романтизм в своих узкополитических целях. Несмотря на свои 64 года, Герен с восторгом принимает парижскую «студенческую революцию» 68-го и волну аналогичных выступлений по всему миру, открыто заявляет о своей бисексуальности, «универсальной сексуальности», как он выражался сам, и даже публично бравирует ею, став пропагандистом Гомосексуального фронта революционного действия, основанного другим литератором и анархистом Ги Гогенхеймом. Стиль и стандарт поведения 68-го были непосредственно подготовлены «Ситуационистским Интернационалом» («СИ») — действовавшей с конца 50-х группой художественных и политических интеллектуалов, провозгласивших своей целью «революционную ликвидацию капитализма эпохи спектакля». В реальности «СИ» стал творческой лабораторией, в которой, как на полигоне, отработывались терминология, пафос, образный ряд (пресловутая «карнавализация сопротивления») и манера будущих «гошистов», выведших студентов из-под контроля сначала в 66-м в Страсбурге, а потом и в 68-м в Париже и Нантере. Не менее важное значение ситуационистские провокации и тексты имели и для всей последующей контркультуры 70-х. «Интернационал» был создан в 57-м французским авангардным кинорежиссером и акционистом *Ги Эрнестом Де-бором* и датским композитором и

художником-сюрреалистом *Асгером Йорном* и воспринимался истеблишментом сначала как исключительно эстетическое направление, декларировавшее противодействие повсеместному порабощению смысла формой и сопротивление торжеству зрелищности над знаковостью. Однако у ситуационистов очень скоро обнаружились вполне конкретные политические амбиции, а изначальная «художественность» оказалась во многом просчитанным стратегическим ходом с целью добиться первоначального медиа-эффекта вокруг своей деятельности. Вот для примера текст ситуационистской телеграммы, посланной в Политбюро ЦК КПСС из захваченной студентами Сорбонны: «Трепещите, бюрократы! Скоро международная власть Рабочих Советов выметет вас из-за столов! Человечество обретет счастье лишь тогда, когда последний бюрократ будет повешен на кишках последнего капиталиста! Да здравствует борьба кронштадтских матросов и махновщины против Троцкого и Ленина! Да здравствует восстание Советов Будапешта 1956 года! Долой государство!»

Небольшие, но активно действующие группы «СИ» скоро возникли по всей Европе и даже в Северной Африке. В ситуационистских «тестирующих провокациях» участвовали самые эксцентричные персонажи, вроде художника и архитектурного утописта *Ивана Щеглова* из русской эмигрантской семьи. С 61-го года в «СИ» — самый, может быть, успешный из ситуационистских теоретиков *Рауль Ванейгем*. Его книга «Революция повседневности» (второе название: «Трактат об умении жить для молодых поколений») стала Библией и полезным учебником для очень разных людей. Уже в 80-х родоначальник панк-культуры *Малькольм Макларен*, входивший когда-то в английскую ветвь ситуационизма, признавался, что без идеи и рецептов Ванейгема не было бы ни «СексПистолз», ни «Грэтрок-н-ролсвиндл», ни всей остальной успешной индустрии, построенной вокруг «музыкантов, не умеющих и не желающих играть и петь». В 60-х Ванейгем — ведущий автор журнала «Ситуационистский Интернационал» и теоретик «Всеобщей международной карнавальная и вооруженной забастовки за полный отказ от принудительного труда», впоследствии — историк сюрреализма под псевдонимом Жюль-Франсуа Дюпуа, человек, прославившийся как «неуловимый провокатор, играющий с политкорректными правилами, вместо того чтобы играть по этим правилам», и крестный отец современного поколения ситуационистски настроенных интеллектуалов Лондона, скрывающихся под множеством популярных псевдонимов вроде *Росса Бирелла*, *Монти Кэнт-сина* и *Лютера Блиссета*, отказавшихся, впрочем, от прежней, излишне левацкой риторики своего учителя.

Что же касается судьбы Ги Эрнеста Дебора, автора «Общества спектакля» — второй книги ситуационистского канона, — то она сложилась не столь успешно. Сняв несколько агрессивных бессюжетных фильмов и разочаровавшись в возможностях изменений через студенческие выступления и накопление критического ресурса в резервации альтернативной мейнстриму культуры, он надолго нашел утешение в полузабытом тогда абсенте и других сильных напитках, экспериментировал с «психогеографией», сравнивая революционные возможности разных ландшафтов и городских районов, обвинялся в причастности к убийству собственного издателя Жерара Любавичи, написал в 88-м комментарии к своему главному труду, гораздо более актуальные и конкретные, чем основной текст, а в 94-м — застрелился. По завещанию прах бунтаря развеян над парижским островом Сите.

Ситуационистскую линию в наше время продолжает не только упомянутое выше лондонское сообщество, но и отдельные персоны, соединяющие анархический пафос восстания как признака жизни с оккультными категориями откровения и персонального экстаза «по ту сторону означаемого и означающего». Одним из таких «профессиональных переводчиков» с языка леваков на язык традиционалистов является американец Питер Лемборн Уилсон, более известный под своим вторым, «суфийским», именем — *Хаким Бей*. Якобы созданная им «Ассоциация онтологического анархизма» осталась литературным фантомом, но идеи подвижных и временных автономных зон, имедиатизма и возрождения проектов Шарля Фурье, причем со всеми изначальными мистическими и поэтическими элементами, к которым французский утопист был столь склонен, находят сегодня массовую поддержку в таких скорее социальных движениях, как «Вернем себе улицы», или таких скорее артистических объединениях, как «Какофоническое сообщество» или «Саботаж Коммюникейшн».

В сердцах анархо-феминисток всего мира всегда будут жить идеи их главной мученицы и легенды 70-х — *Валери Соланс*. В университете Миннесоты она изучала биологию и психологию, много общалась с феминистками и неомарксистами и вынашивала планы создания нелегальной антиправительственной группы. Разочаровавшись в возможностях университетских и

«редакционных» левых, особенно — мужчин, начала пропаганду среди проституток, занимаясь с ними на равне этим древнейшим ремеслом. Проституция и сексуальная эксплуатация одного пола другим стали для неё ключом к объяснению любых форм наемного труда и глубокой метафорой всякой тайной и явной власти. Соланс пробует писать сценарии на эти темы, но для всех существующих студий они слишком экстремальны и авангардны. Единственный, кто обещает ей помочь с воплощением её замыслов — Энди Уорхолл. Она снимается в нескольких его фильмах и создает «Общество полного уничтожения мужчин», раздает свой манифест на улицах и студенческих демонстрациях. В мае 68-го, решив, как и многие, что по всему миру началась некая единая и необратимая революция, Соланс обращается к анархисту Полу Краснеру, издателю нелегальной левацкой газеты «Реалист», и предлагает себя в качестве исполнителя покушений, имеющих символическую важность. Цели, впрочем, она выбирает сама. Сначала планировалась ликвидация её издателя Мориса Жиродиа, но потом Соланс с двумя пистолетами является на «Фабрику» Энди Уорхолла, открывает там стрельбу и тяжело ранит Уорхолла и арт-куратора Марио Амайя. Погуляв после этого по городу, она сдается властям. «Читайте мой манифест, там все написано», — отвечает она на все вопросы прессы о мотивах своей «акции». Впрочем, позже она объясняла, что разочаровалась в Уорхолле и многих других, отказавшихся стать промоутерами и спонсорами её революционных идей. В суде её интересы представляли радикальная феминистка Флоринс Кеннеди и глава «Национальной организации женщин» Ти-Грейс Эткинсон. Все ждали превращения процесса в большое политизированное шоу, но он был отложен из-за «временной неадекватности» подсудимой. После психиатрической клиники и тюрьмы Соланс много раз задерживалась за попытки шантажа различных известных лиц. Вплоть до своей смерти в 88-м, причиной которой стали наркотики, она не оставляла попыток организации «подполья мстительниц» из среды американских проституток. «Я считаю свои пули нравственными, — говорила Валери уже в 80-х. — Безнравственными я считаю те пули, что угодили в стену. Нужно было заранее тренироваться».

Совсем другое дело — профессиональный аналитик, политолог и лингвист *Ноам Хомский* со своей кафедрой в массачусетском технологическом институте. Еще в школе он увлекся анархистскими идеями на примере гражданской войны в Испании и до сих пор не разочаровался в них, несмотря на преклонный возраст и немалый опыт. Конечно, он уже не верит в антикварную романтику чернознаменных отрядов Дурутти, но продолжает последовательно отстаивать в своих лекциях и книгах антиавторитарную альтернативу как «глобальному капитализму», так и «авторитарному социализму», считая последний тупиком и ложным выходом из вечного противоречия между рыночной экономикой, углубляющей зависимость и неравенство, и демократическими принципами. Реализация этих принципов, по Хомскому, возможна только там, где формальное государство уступает неформальной самоорганизации, а вместо финансовых включаются совершенно иные, не коммерческие, стимулы активности людей. Ни возраст, ни строго научный подход к социальным проблемам, ни отсутствие «героической биографии» не помешали профессору стать одним из вдохновителей и теоретиков молодежного антиглобализма, или «поколения Сизтла», как часто называет пресса этих людей после беспрецедентных сизтлских беспорядков, направленных против Всемирной Торговой Организации. На фоне других «создателей антиглобалистских теорий и настроений» (Наоми Кляйн, Уолден Белло, Сьюзен Джордж) выступления, статьи и предложения Хомского часто смотрятся как самые крайние. Некоммерческие панк-группы вроде американского «Антифлага» вставляют фрагменты интервью с ним в свои альбомы, а независимые кинодокументалисты снимают разоблачительные фильмы о характере глобализации в третьих странах с его комментариями.

Под статью Хомскому и другой ветеран американского анархизма, теоретик «социальных экологов» *Мюррей Букчин*. Первым, вызвавшим общественный резонанс, исследованием этого ученого стала статья «Проблема химии в продуктах» 1952 года. Последовательно соединяя некоторые классические принципы анархизма, например, необходимость перехода от конкуренции к симбиозу, о которой так много писал Кропоткин, с новейшими данными о состоянии окружающей среды и динамике мирового потребления, Букчин написал принесшую ему известность книгу «Реконструкция общества», в которой предлагал конкретные сценарии перехода от пирамидальных иерархических отчуждающих структур управления к подвижным сетевым формам повсеместной «муниципализации» власти и замены государства моделью «коммуны коммун». Созданный им институт является сейчас одним из важнейших интеллектуальных центров, поддерживающих либертарные и революционные начинания по всему

миру. В конце 80-х Букчин выступает с критикой вошедшей в моду «глубинной экологии», то есть мировоззрения, делающего ответственными за экологический кризис всех без исключения людей и их «неуемные потребительские аппетиты». Букчин последовательно доказывает, что такая «глубинная» точка зрения уводит от сути проблемы. Среда обитания уничтожается не «вообще человеком», а прежде всего транснациональными корпорациями, не вообще человечеством, а прежде всего странами — геоэкономическими гигантами, то есть лидерами мировой экономики, точно так же, как постоянно растущее потребление не есть антропологическая черта нашего вида, а активно навязываемая через медиа и популярную культуру массовая истерия, необходимая мировой капиталистической элите для бесконечного и самоубийственного роста нынешней иррациональной и античеловеческой цивилизационной модели. «Глубинной экологии» Букчин противопоставлял «экологию социальную», то есть настаивающую на неразрывной связи между решением экологических проблем и радикальным изменением базовых принципов самого общества в экономике, политике и культуре. Несмотря на принципиальный анархизм Букчина и его регулярный отказ идти на компромиссное сотрудничество с государственной властью, многие его идеи поддерживаются «радикалами в рамках системы»: так, например, Букчина называет «важнейшим авторитетом» и часто цитирует альтернативный, то есть третий, кандидат на последних американских выборах президента, эксцентричный левак и любимец университетских радикалов Ральф Найдер.

Показательной и драматичной является судьба Теодора Качинского, более известного по данному ему прессой прозвищу — *Унабомбер*. За три года освоив программу обычной школы и в двадцать лет окончив Гарвардский университет, Качинский стал изучать математику в университете Беркли и подавал в этой области большие надежды, хотя круг его интересов был намного шире. В 70-х годах, неожиданно для окружающих, молодой ученый оставляет научное поприще, покупает себе полуразрушенный дом в Монтане, где живет без телевизора и канализации: охотится, рыбачит, разводит кроликов. В течение восемнадцати лет, с 78-го по 96-й, неуловимый для ФБР Унабомбер ведет персональную войну с американской системой: рассылает оригинальные бомбы в сигарных коробках, воспламеняющиеся письма, «взрывающиеся книги» тем, кого считает персонально ответственным за «индустриально-потребительское безумие». У него есть фирменный знак: деревянные, «экологически чистые» детали в бомбах и подпись «Фридем Клуб» на них. В релизах, поясняющих для журналистов смысл своих взрывов, Унабомбер утверждает, что «Клуб» — это конспиративная анархистская группа, дает детективам множество неясных улик, вплоть до оттиска записок на бумаге, но все они оказываются ложными. Даже детали для своих «посылок» изобретательный взрывник-одиночка собирает на свалке и тщательно обрабатывает, чтобы нельзя было определить, в каком штате и в каком году они были изготовлены. Считая, что «насилие — это прежде всего пиар бедных и зависимых», Унабомбер, как правило, не ставил себе целью физически устранить своих жертв. Бомб было около полусотни, но погибли от них только трое: вице-президент крупнейшей рекламной компании при нефтяном концерне, главный американский торговец лесом, владелец сети магазинов, торгующих компьютерами. Еще около тридцати человек было тяжело ранено, среди них известные генетики специалисты по искусственному интеллекту, владельцы авиакомпаний. Когда Унабомбера упрекают в том, что от его взрывов нередко страдали всего лишь офисные служащие и среднего звена менеджеры ненавистных ему учреждений, он резонно отвечает, что они совершили свой добровольный выбор, когда получили эту работу, и несут часть ответственности так же, как на войне её несут не только генералы, но и рядовые солдаты оккупационных армий. В начале 90-х во всех штатах был расклеен фоторобот Унабомбера, но это не дало никаких конкретных результатов. За его поимку обещали награду в миллион долларов. В 95-м он присылает в редакции «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон Пост» свой объемный манифест с требованием опубликовать его в обмен на «прекращение войны». Газеты идут на это, но так как публикация не приводит ни к каким общественным изменениям, Унабомбер продолжает слать бомбы. Миллион за его поимку получили в итоге родственники Качинского, установившие слежку за этим необщительным отшельником. На момент задержания ему было 55. Жизнь была сохранена Унабомберу в обмен на его признание за собой всех взрывов. В настоящий момент в тюрьме он занимается теоретической математикой и, так и не раскаившись, продолжает отстаивать те же взгляды и защищать те же методы борьбы. В доме, где он жил, анархисты собираются открыть музей Унабомбера, местные власти же настаивают на том, чтобы деньги от посещения этого музея-квартиры шли в фонд пострадавших от его взрывов.

Даниэль Герен

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ «АНАРХИЗМ»

Смотря как сказать

Слово «анархия» старо как мир. Оно составлено из греческих слов *an* (ан) и *arхе* (архе) и означает отсутствие централизованной власти, правительства. Тысячелетиями, однако же, считалось, что человеку обязательно требуется либо одно, либо другое, и под анархией в чисто отрицательном смысле понимались беззаконие, хаос и смута.

Пьер-Жозеф Прудон, известный своими парадоксами (такими, например, как «частная собственность — это воровство»), не обошел своим вниманием и слово «анархия». Как будто задавшись целью шокировать, в 1840 г. он опубликовал такой диалог с «Филистимлянином»:

- Вы - республиканец.
- Да, республиканец, ну и что? *Respublica* означает «государство»; таким образом, выходит, что и короли - республиканцы!
- А, так вы - демократ!
- Нет.
- Как! Может, вы монархист?
- Нет.
- Конституционалист?
- Упаси Бог.
- Тогда вы - аристократ?
- Вовсе нет!
- Значит, вы выступаете за смешанную форму правления?
- Это еще дальше от истины.
- Тогда кто же вы?
- Я - анархист.

Иногда, дабы сбить со следа толпы своих идеологических противников, он писал слово «анархия» как «ан-архия» и под этим термином подразумевал все что угодно, но только не беспорядок. Как мы увидим, несмотря на кажущуюся противоречивость, Прудон был скорее созидателем, нежели разрушителем. Он полагал, что ответственность за разлад и беспорядок несет правительство и что только в обществе, лишенном правительства, возможно восстановить естественный порядок вещей и достичь социальной гармонии. Прудон утверждал, что в языке нет термина более подходящего для обозначения такого состояния, чем «анархия», и что этому слову следует вернуть его исходное и строго обоснованное этимологически значение. Удивительно, впрочем, что в полемическом пылу он упрямо и настойчиво использовал это слово вдобавок еще и в отрицательном смысле — как обозначение беззакония и хаоса, таким образом внося еще большую неразбериху в и без того запутанную терминологическую систему. В этом отношении его ученик Михаил Бакунин пошел по стопам своего учителя.

Сознательно не делая явных различий между двумя ипостасями этого термина, Прудон и Бакунин извлекали извращенное удовольствие из игры с определениями. Для них анархия означала как высшую степень неорганизованности, колоссальный общественный разлад, так и

следующую за ним стадию развития общества — строительство нового стабильного и рационального порядка, в котором приоритет был бы отдан свободе и добровольному единению.

Непосредственные последователи двух отцов-основателей анархии не хотели использовать настолько эластичное слово, ведь для непосвященных оно несло бы лишь отрицательный заряд и само по себе способствовало бы возникновению раздражающей терминологической путаницы на пустом месте. Даже сам Прудон к концу своей недолгой карьеры стал более осторожен и принялся называть себя «федералистом». Его мелкобуржуазные последователи предпочитали термину *anarchisme* (анархизм) слово *mutuellisme* (мютюэлизм — от слова *mutuel* «взаимный»); в социалистической линии наследования принято было название *collectivisme* (коллективизм), позже уступившее место термину *socialisme* (социализм). В конце XIX века во Франции Себастьян Фор выбрал для названия своего журнала слово, придуманное в 1858 г. неким Жозефом Дежаком, — «*Le Libertaire*» («Либертарианец»); сегодня термины «анархист» и «либертарианец» стали вполне взаимозаменяемы.

Однако большинство этих названий страдает вполне определенным недостатком: они недостаточно точно передают суть тех доктрин, которые призваны характеризовать. Слово «анархизм» на самом деле синонимично слову «социализм», ведь анархист — это социалист, чьей приоритетной задачей является устранение эксплуатации человека человеком. Анархизм — лишь одно из течений социалистической мысли, такое, в котором главным является стремление к свободе и желание отменить государство. Один из чикагских мучеников¹, Адольф Фишер, утверждал, что «каждый анархист — непременно социалист, но не каждый социалист обязательно анархист».

¹ В 1883 г. активное ядро революционных социалистов основало в США Международную ассоциацию рабочих. Наиболее сильное влияние на них оказал Международный конгресс анархистов, прошедший в Лондоне в 1881 г., и Иоганн Мост, социал-демократ, позже ставший анархистом, который в 1882 г. переехал в Америку. В этом движении центральными фигурами были Альберт Р. Парсонс и Адольф Фишер; под их предводительством Ассоциация собрала под свои знамена массовое движение за переход к восьмичасовому рабочему дню. Эта кампания была инициирована трейд-юнионами и орденом Рыцарей Труда, и первое мая 1886 г. было объявлено окончательной датой для введения укороченного дня в действие. В течение первой половины мая по всей стране бастовало 190000 рабочих, из которых в одном Чикаго было 80000. В этом городе и первого мая, и в течение нескольких последующих дней происходили внушительные массовые демонстрации; буржуазия, напуганная и застигнутая врасплох этой волной повстанчества, решила подавить восстания силой, опустившись по необходимости даже и до кровавой провокации. Предлогом для этого могла стать уличная стычка между рабочими и полицейскими 4 мая 1885 г., когда к ногам полицейских на Хеймаркетской площади была брошена неизвестно откуда взявшаяся бомба. Восемь предводителей революционного и либертарианского социалистического движения были незамедлительно арестованы, семерых приговорили к смерти и четверых из них повесили (пятый покончил с собой в камере за день до казни). С тех пор имена чикагских мучеников (Парсонс, Фишер, Энгель, Спайс и Линг) принадлежат всему международному пролетариату, а первое мая до сих пор празднуется по всему миру в знак памяти о преступлении, совершенном в Соединенных Штатах. — *Прим. авт.*

Некоторые анархисты считают себя наиболее логичными социалистами, цветом этого движения, но они либо добровольно навесили на себя такой же ярлык, как и террористы, либо позволили это сделать другим. Из-за этого их нередко принимают за своеобразное «инородное тело» в социалистическом семействе, что в свою очередь приводит к зачастую бесполезным словесным баталиям и длинной череде недопониманий. Многие современные анархисты попытались разрешить это недоразумение путем отождествления себя с либертарианским социализмом или коммунизмом.

Внутреннее восстание

В первую очередь анархизм — это внутреннее восстание. Анархист — это революционер, целиком отрицающий как существующее общество, так и его хранителей. Макс Штирнер утверждал, что анархист освобождает себя от всего священного и производит масштабную операцию по снятию священного ореола. Эти «бродяги от интеллекта», эти «плохие люди» «отказываются принять за правду, пусть неосязаемую, те вещи, в которых тысячи находят себе отдушину и утешение, а вместо того перескакивают через барьеры традиций и дают неограниченную свободу своей дерзкой критике».

Прудон не признавал всех без исключения «официальных лиц» — философов, священников, судей, ученых, журналистов, парламентариев, ибо для них «народ всегда был чудовищем, с которым надо бороться, заковывать его в цепи и натягивать ему намордник; которое надо

обманывать, как носорога или слона, или устрашать голодом, — чудовищем, которое от колонизации и войны и так истекает кровью». Элизе Реклю² так объяснял, для чего этим продвинутым господам нужно такое общество: «Поскольку есть богатые и бедные, правители и подданные, хозяева и слуги, Цезари, отдающие приказ идти на бой, и гладиаторы, идущие на бой и погибающие, расчетливым людям следует лишь оказаться на стороне богатых и хозяев и стать придворными при императорах».

² Элизе Реклю (1830-1905) — французский писатель, известный преимущественно как географ. Его брат Эли принимал активное участие в судьбе Парижской Коммуны 1871 г. — *Прим. пер.*

Постоянная неудовлетворенность существующим положением вещей роднит анархиста с нонконформистами и отступниками и позволяет ему понять осужденного и парию. По мнению Бакунина, Маркс и Энгельс в высшей степени несправедливо отзывались о люмпен-пролетариате, о «пролетариате в лохмотьях», «поскольку дух и сила грядущего социального переворота за ним и только за ним, а не за той прослойкой рабочего класса, которая стала сродни буржуазии».

Сенсационные заявления, от которых не отказался бы ни один анархист, были вложены Бальзаком в уста Вотрена, могущественного воплощения сущности социального протеста — полуреволюционера, полупреступника.

Государство-чудовище

Для анархиста государство — самый фатальный предрассудок из всех, что ослепляли человека на протяжении веков. Штирнер говорил о «сетях государства, столетиями опутывающих человека».

Прудон с особенным жаром выступал против «распространенного убеждения в том, что любое свободное и рациональное существо должно жить лишь с оглядкой на музеи и библиотеки», и осуждал механизм, благодаря которому «сохранилась и обрела силу предрасположенность человека к тому, чтобы считать государство органом, насаждающим справедливость и защищающим слабых». Он насмеялся над закосневшими авторитаристами, которые «склоняются перед властью, как церковный староста перед евхаристией», и осуждал «все без исключения стороны» за то, что они «постоянно в минуты сомнения обращают свой взгляд ко власти, как мореходы к Полярной звезде». Он с нетерпением ожидал того дня, когда «на смену вере во власть и политическому катехизису придет неприятие власти и отказ от нее».

Кропоткин глумился над буржуа, которые «считают людей толпой дикарей, не годной ни на что, стоит лишь правительству перестать функционировать». Малатеста³ во много предвосхитил психоанализ, когда в подсознании авторитаристов обнаружил страх перед свободой.

³ Эрико Малатеста (1853-1932) — итальянский философ-анархист. — *Прим. пер.*

В чем же, по мнению анархистов, заключается главный порок государственности?

Штирнер выразил его такими словами: «Государство и я — злейшие враги». «Каждое государство — тирания, будь то тирания одного человека или группы людей». Каждое государство непременно (как мы бы сказали сейчас) тоталитарно: «у государства всегда лишь одна цель — ограничить, подчинить, проконтролировать проявления личности и определить ее на службу одной общей цели. Посредством цензуры, надзора, с помощью полиции государство пытается затруднить всякую свободную деятельность и в этом видит свое единственное предназначение, поскольку такого отношения требует его инстинкт самосохранения». «Государство не позволяет мне раскрыть всю ценность мысли и передать ее другим людям... если только это не его мысль. В противном случае оно затыкает мне рот».

В том же духе высказывался и Прудон: «Когда человек управляет человеком — это порабощение». «Тот, кто своей рукой пытается мною управлять, — узурпатор и тиран. Я объявляю его своим врагом». Он разразился тирадой, достойной пера Мольера или Бомарше:

Иметь правительство - значит постоянно находиться под наблюдением, подвергаться беспрестанному надзору, шпионажу, управлению, организации, значит быть под лупой, под чьим-то неустанно оценивающим оком, строиться

по ранжиру, быть под началом кого-то, значит быть регламентированным и жить в страхе перед цензурой; и все - от людей, не обладающих ни правом на это, ни мудростью, ни достоинством. Иметь правительство означает, что на каждом шагу, при любой сделке или операции человека отметят, зарегистрируют, переписуют, обложат налогом, проштемпелюют, навесят ярлык, оценят, прикрепят патент, выдадут лицензию и милостивое разрешение, отрекомендуют, пожурят, изменят и выправят. Правительство - это оброк, натаскивание, игра в выкуп, эксплуатация, монополия, насилие, мистика и грабительство; все во имя общественной полезности и общего блага. При малейшей жалобе или ничтожнейшем сопротивлении человека репрессируют, штрафуют, преследуют, объявляют персоной нон грата, изгоняют из общества, унижают, избивают, душат, расстреливают из винтовок или автоматов, судят, приговаривают, депортируют; им жертвуют, его продают и предают, и в довершение всего над ним издеваются, его приводят в бешенство и, наконец, обесчещивают. Вот что такое государство, вот его справедливость и мораль!.. О человек! Как получилось, что на протяжении шестидесяти столетий ты жил в страхе перед этим нагромождением ограничений?

С точки зрения Бакунина, государство есть «абстракция, пожирающая жизнь народа», «огромное кладбище, где все истинные порывы, стремления и жизненные силы страны в щедром беспамьятстве сходят в могилу во имя этой абстракции».

Как писал Малатеста, «нельзя говорить о государстве, творящем энергию; напротив, методы его таковы, что гигантский потенциал растрачивается, парализуется и бесцельно распыляется».

По мере того как множатся силы государства и укрепляется его бюрократия, опасность становится более острой. Прудон предвидел величайшее зло XX века: «*Fonctionnairisme* [власть чиновников]... ведет к государственному коммунизму, поглощению всей местной и частной жизни административной машиной и уничтожению всяких проявлений свободомыслия. Любому хочется найти прибежище под крылом власти, жить сообща со всеми». Но пришло уже время остановиться, так как «централизация становится сильнее и сильнее... положение вещей таково, что общество и государство не могут больше сосуществовать». «Сверху и донизу существующей иерархии все, что есть в государстве, — это нарушения, которые надо исправить, паразитизм, который надо подавить, или тирания, которую надо уничтожить. А вы говорите о сохранении государства и приумножении его сил! Прочь — вы не революционер!»

Аналогичный мрачный взгляд на судьбу все более тоталитаризирующегося государства разделял и Бакунин. Он видел, что силы мировой контрреволюции, подкрепленные «огромными бюджетными средствами, постоянной армией и раздутой бюрократией» и наделенные «всем могучим арсеналом современной централизации», стали «грозной, неизбежной и сокрушительной действительностью».

Враждебность анархистов к буржуазной демократии

Анархист осуждает лживость буржуазной демократии даже еще более решительно, чем авторитарный социалист. Буржуазно-демократическое государство, окрещенное «нацией», путало Штирнера не меньше, чем государство старое и абсолютистское. «Монарх... был очень бедным человеком в сравнении с новой «суверенной нацией». В либерализме мы имеем только продолжение древней концепции «Я» (Самости)». «Безусловно, многие привилегии были устранены с течением времени, но только ради выгоды Государства... а вовсе не для того, чтобы усилить мое «Я».

По мнению Прудона, «демократия — это не что иное, как конституционный тиран». «Трюк» наших праотцев объявил народ повелителем. На деле же он является королем, чья власть чисто символическая. Народ царствует, но не правит, осуществляя свое царствование посредством периодического участия во всеобщем голосовании, подновляющем его власть каждые три или пять лет. Главы династий были сметены с тронов, но монаршьи права остались

неприкосновенными. В руках народа, чьим образованием пренебрегали, голосование является просто хитроумной уловкой, от которой выигрывают объединенные заправилы от промышленности, торговли и собственности.

Сама теория правления народа содержит в себе отрицание себя. Если бы целый народ действительно был повелителем, не было бы больше ни правительства, ни управляемых; повелитель стал бы ничем; у государства не осталось бы смысла к существованию, оно бы идентифицировалось с обществом и исчезло, растворившись в промышленной организации.

Бакунин видел, что «представительская система далека от того, чтобы быть гарантией для народа, напротив, она создает, охраняет и поддерживает существование правительственной аристократии, действующей против народа». Всеобщее избирательное право является ловким трюком, приманкой, предохранительным клапаном, маской, за которой «прячется действительно деспотическая власть государства, основанная на полиции, банках и армии», это «великолепный способ подавлять и уничтожать людей от имени так называемой народной воли, которая используется только в целях маскировки».

Анархист не верит в освобождение посредством голосования. Прудон был абстинентом (воздерживался от голосования), по крайней мере в теории, он думал, что «социальная революция может быть серьезно скомпрометирована, если она воплощается в жизнь посредством политической революции». Голосование — это противоречие, это акт слабости и соглашения с коррумпированным режимом. «Мы должны воевать со всеми старыми партиями, вместе взятыми, используя парламент как законное поле боя, но оставаясь вне его». «Всеобщее избирательное право — это контрреволюция», и, для того чтобы конституироваться как класс, пролетариат должен сначала «отколоться» от буржуазной демократии.

Однако воинственный Прудон часто отходил от этой принципиальной позиции. В июне 1848 г. он позволил избрать себя в парламент и ненадолго увяз в парламентском болоте. Два раза, во время местных выборов в сентябре 1848 г. и президентских выборов 10 декабря того же года, он поддержал кандидатуру Распайля — спикера крайне левых. Он даже зашел настолько далеко, что позволил ослепить себя тактикой «меньшего зла», выразив поддержку генералу Каваньяку, палачу парижского пролетариата, перед диктатором-недоучкой Луи Наполеоном. Гораздо позже, в 1863 и 1864 гг., он выступал уже за то, чтобы избиратели сдавали пустые бланки для голосования, но в качестве демонстрации протеста против имперской диктатуры, а не в качестве оппозиции всеобщему голосованию, которое он отныне окрестил «блестящим демократическим принципом».

Бакунин и его последователи из Первого интернационала возражали против ярлыка «абстинент (абстенционист)», навешенного на них марксистами. Для них бойкотирование избирательных урн было простым вопросом тактики, а не вопросом принципа. Хотя они отдавали предпочтение классовой борьбе в экономической области, они бы не согласились с мнением, что игнорируют «политику». Они отвергали не всю «политику» — только буржуазную. Они не осуждали политическую революцию, если она должна была произойти до социальной революции. Они держались далеко от других политических движений за исключением тех моментов, когда они не руководствовались намерениями немедленно и полностью уравнивать в правах рабочих. То, чего они боялись и от чего дистанцировались, — это двусмысленные избирательные союзы с радикальными буржуазными партиями образца 1848 г., или с «народными фронтами», как мы бы их назвали сегодня. Они также боялись, что когда рабочие избираются в парламент и переносятся в буржуазные условия жизни, они перестают быть рабочими и делаются государственными служащими, обуржуазиваются, возможно, более, чем сама буржуазия.

Однако отношение анархиста к всеобщему голосованию далеко от логики и постоянства. Некоторые считали голосование последним прибежищем. Другие, более бескомпромиссные, готовы были предать их проклятию за использование голосования в любых условиях и расценивали этот вопрос как вопрос о доктринальной чистоте. Таким образом, во времена выборов в Картель левых в мае 1924 г. Малатеста отказался идти на какие-либо уступки. Он признал, что в определенных обстоятельствах результат выборов может иметь «хорошие» или «плохие» последствия и что он будет иногда зависеть от голосов анархистов, особенно, если силы противодействующих им политических группировок были довольно ровно сбалансированы. «Но это не важно! Даже если какой-то минимальный прогресс мог бы стать прямым результатом победы на выборах, анархист не должен кидаться на избирательный участок». Он заключал: «Анархисты всегда были чисты и остаются революционной партией без страха и упрека, партией будущего, потому что смогли противодействовать сладким песням сирен в форме выборов».

Непоследовательность анархистской доктрины в этом вопросе особенно хорошо была проиллюстрирована в Испании. В 1930 г. анархисты объединились в единый фронт с буржуазными демократами, для того чтобы сбросить диктатора Primo de Rivera. На следующий год несмотря на их официальный отказ от участия в голосовании, многие анархисты все же вышли на муниципальные выборы, что привело к развалу монархии. Во всеобщих выборах в ноябре 1933 г. они усиленно рекомендовали воздержаться от голосования и таким образом более чем на два года вернули к власти антилейбористские правые силы. Анархисты позаботились о том, чтобы объявить, что, если их невыход на выборы приведет к победе реакции, они начнут социальную революцию. Вскоре они попытались сделать это, но тщетно. Попытка стоила им больших потерь (убитых, раненых и арестованных).

Когда в 1936 г. партии левого крыла объединились для создания Народного фронта, центральная анархо-синдикалистская организация подверглась тяжелому давлению в поисках правильного отношения к проблеме. В конце концов она очень неохотно объявила себя воздерживающейся от голосования, но ее кампания была так неактивна, что массы практически ничего не поняли в этой позиции и уже были готовы участвовать в выборах. Выйдя на выборы, массы поддержали триумф Народного фронта (263 депутата от левого крыла против 181 от всех остальных).

Необходимо заметить, что, несмотря на свои яростные атаки на буржуазную демократию, анархисты признали, что она относительно прогрессивна. Даже Штирнер, самый упорный из всех, иногда позволял себе произносить слово «прогресс». А Прудон пришел к такому заключению: «Когда народ переходит от монархического государства к демократическому, налицо некий прогресс». Бакунин говорил: «Не надо думать, что мы хотим... критиковать буржуазное правительство в пользу монархии... Самая несовершенная республика в тысячу раз лучше, чем самая просвещенная монархия... Демократическая система постепенно обучает массы жить общественной жизнью». Это опровергает взгляды Ленина, который утверждал, будто «некоторые анархисты» провозглашают, что «форма угнетения безразлична пролетариату». Это также рассеивает страх Генри Арвона, высказанный в его книжке «Анархизм», где он утверждает, что анархистскую оппозицию демократии можно спутать с контрреволюционной оппозицией.

Критика авторитарного социализма

Все анархисты были солидарны в своей жесткой критике авторитарного социализма. Но стоит отметить, что их ранние, особенно жаркие и язвительные, нападки не имели под собою достаточного основания, поскольку позиция, на которую они были направлены, была либо примитивным, «вульгарным» коммунизмом, доктриной, не оплодотворенной марксистским гуманизмом, или, как это было уже в случае с Марксом и Энгельсом, не была настолько заиклена на власти и государственном контроле, насколько они стремились это показать.

Хотя в XIX в. авторитарные тенденции в социалистической мысли находились еще в зародышевом состоянии и не были в достаточной степени развиты, в наше время они значительно укрепились и выросли. С учетом такого разрастания критика анархистов кажется уже менее тенденциозной и несправедливой; иногда она даже приобретает некоторый пророческий оттенок.

Штирнер принимал многие базовые позиции коммунизма, но со следующей поправкой: признание коммунистической веры, по его мнению, действительно было первым шагом к полной эмансипации всех жертв нашего общества, но полностью излечить их «отчужденность» и дать им сполна развить свою индивидуальность стало бы возможным лишь только при условии перерастания общества в состояние качественно более продвинутое, чем коммунизм.

Штирнер считал, что в коммунистической системе отдельный рабочий все равно остается подвластен правлению общества трудящихся. Он будет работать так, как от него требует общество, и работа останется для него выдаваемым сверху заданием. Разве не писал коммунист Вейтлинг⁴: «Человеческие качества можно развивать лишь дотоле, пока они не нарушают гармонии общества». На это Штирнер отвечал: «Для меня нет разницы, быть ли лояльным тирану или «обществу» Вейтлин-га, — при любом положении вещей у меня отняты мои права».

⁴ Вилгельм Вейтлинг (1808-1871) — немецкий утопист и коммунист, писатель, основатель Рабочих клубов коммунистов во время 1830-х и 1840-х гг. — *Прим. пер.*

Как полагал Штирнер, коммунисты не видели человека за рабочим. Они не разглядели самой важной проблемы — предоставления человеку возможности почувствовать себя личностью, после того как он выполнил свою функцию в качестве производителя. И что самое важное, Штирнер предвидел ту возможность, что, как только коммунистическое общество заполучит в коллективную собственность все средства производства, государство будущего станет еще более всевластным, чем нынешнее:

Полностью отменив частную собственность, коммунизм поставит меня в положение, где я еще больше буду зависеть от других, от общности [социума], и, несмотря на то, что он критикует понятие государства, он намеревается установить свое собственное государство... порядок, который парализует мою свободу действий и сделает меня субъектом суверенной власти. Коммунизм справедливо возмущается безнаказанности и произволу частных собственников, но та власть, которой он предлагает наделить тоталитарное общество, куда более ужасна.

Прудон тоже был в высшей степени не удовлетворен «коммунизмом авторитарным, догматическим, не мыслящим себя без централизованного правительства», который «основан на принципа полного подчинения человека коллективу». Коммунистическая идея государства ничем не отличается от существующей концепции, и в придачу она куда менее либеральна: «Подобно армии, захватившей оружие неприятеля, коммунизм всего лишь обратил артиллерийский огонь армии частной собственности против самой этой армии, ведь раб всегда подражает хозяину». Вот в каких словах Прудон описывал политическую систему коммунистов:

Миниатюрная демократия - основанная, очевидно, на диктатуре масс, в которой, впрочем, эти массы наделены силой достаточной лишь для насаждения всеобщего повиновения по рецепту, позаимствованному у старого абсолютизма: неразделимость власти; всепоглощающий централизм; систематическое изничтожение всякой частной или групповой мысли, которая не укладывается в общую линию; инквизиторская полиция.

Авторитарные социалисты призывают к «революции сверху». Они убеждены, что государство должно продолжаться и после революции. Они сохраняют государство, власть, единый центр и правительство, лишь расширяя их аппарат. Они только меняют названия, как будто смена ярлыков может изменить суть вещей! Прудон заключал: «Правительство по самой своей природе контрреволюционно; дайте власть Сен-Винсенту де Полу, и он станет Гизо⁵ или Талейраном».

⁵ Гизо — министр в правление Луи Филиппа, был известен своей исключительно консервативной позицией.— *Прим. пер.*

Бакунин подвел еще более широкую базу под критику авторитарного социализма:

Я презираю коммунизм, потому что он отрицает свободу, а я не могу себе представить ничего человеческого без свободы. Я не коммунист, потому что коммунизм сосредоточивает все силы общества и всасывает их в государство, поскольку он неизбежно приводит к централизации собственности в руках государства, в то время как я хочу, чтобы государство было отменено. Я хочу, чтобы не осталось и следа от авторитарного принципа государственного надзора, который, утверждая, что морализует и цивилизует людей, на самом деле всегда унижал, репрессировал и эксплуатировал их. Я хочу, чтобы общество и коллективная (или общественная) собственность организовывались снизу вверх на свободных началах, а не сверху вниз по инициативе власти, какой бы природы она ни была... В этом смысле я коллективист, но вовсе не коммунист.

Вскоре после произнесения этой речи Бакунин присоединился к Первому интернационалу. Здесь он со своими соратниками столкнулся не только с Марксом и Энгельсом, но и с другими оппонентами, гораздо более уязвимыми, чем двое основателей научного социализма: с одной

стороны, с немецкими социал-демократами, для которых государство было фетишем (они предлагали использовать бюллетени и электоральные альянсы для создания загадочного «народного государства» /Volkstaat/); с другой стороны, с бланкистами⁶, воспевавшими достоинства диктатуры революционного меньшинства в переходный период. Бакунин сражался с обеими этими позициями не на жизнь, а на смерть, а Маркс и Энгельс по тактическим соображениям колебались между ними, но в итоге под влиянием мощной критики со стороны анархистов решили отвергнуть обе.

⁶ Последователями Огюста Бланки (1805-1881), французского социалиста и революционера, апологета революционных меньшинств. — *Прим. пер.*

Впрочем, раскол между Бакуниным и Марксом произошел в первую очередь из-за того, что последний, в особенности после 1870 г., начал кулуарно прибирать Интернационал к своим рукам. Несомненно, в этой схватке, где на карту был поставлен контроль над всей организацией (а значит, и над международным рабочим движением), ошибки были допущены по обе стороны баррикад. Бакунин был не безгрешен и в своих опровержениях Маркса часто передергивал факты. Однако современному читателю следует знать, что уже в 1870 г. Бакунин поднял тревогу по поводу отдельных идей, касающихся организации рабочего движения и пролетарской власти, — именно тех, которым значительно позже было суждено извратить завоевания российской революции. Иногда несправедливо, а иногда и обоснованно Бакунин утверждал, что видит в марксизме зародыш того, что потом превратилось в ленинизм и уже позднее в злокачественную опухоль сталинизма.

Бакунин злорадно приписывал Марксу и Энгельсу соображения, которые эти двое даже если и лелеяли, то в открытую никогда не высказывали:

Мне возразят, что все рабочие... не могут стать учеными; и разве недостаточно того, что в этой организации [Интернационале] есть группа людей, освоивших науку, философию и политику социализма так полно, как только можно их освоить в наши дни, так что большинство... может быть уверено в том, что не свернет с верного пути к освобождению пролетариата... послушно следуя за ними? А ведь рассуждения такого характера, пусть высказанные не вполне открыто, а всегда обиняками, с оговорками, мы уже слышали - просто их носителям недостает смелости и откровенности, чтобы изложить их прямо.

Бакунин продолжил свою филиппику:

Начиная с базового принципа о том, что мысль первична по отношению к жизни, а абстрактная теория - по отношению к социальной практике, и делая из этого вывод, что в любом социальном перевороте и реконструкции главенствующее место должно быть отдано социологии, эти люди заключали, что, поскольку мысль, теория и наука -по крайней мере пока - являются исключительной собственностью всего лишь нескольких людей, этому большинству и надлежит направлять жизнь общества.

Предполагаемое народное государство стало бы не чем иным, как деспотическим правлением, учиняемым над массами новой и исключительно тонкой прослойкой знающей аристократии (настоящей или искусственной).

Бакунин перевел на русский главный труд Маркса, «Капитал», глубоко уважал Маркса как мыслителя, полностью принимал материалистическую концепцию истории и лучше, чем кто бы то ни был, понимал теоретический вклад Маркса в дело освобождения рабочего класса. Он не мог принять лишь соображений Маркса, что интеллектуальное превосходство может дать кому-либо право возглавить движение рабочих:

Остается лишь задаваться вопросом: как человек, обладающий умом Маркса, мог настолько безрассудно пойти против здравого смысла и накопленного историей опыта и решить, будто группа людей, какими бы умными и предусмотрительными они ни были, может стать душой и объединяющей силой революционного движения и экономической организации пролетариата всех

стран?.. Создание универсальной диктатуры... диктатуры, которая каким-то образом выполняла бы функции главного инженера мировой революции, направляя и контролируя повстанческие движения масс во всех странах, как направляют и контролируют машину... - создание такой диктатуры само по себе означало бы неминуемую смерть революции, паралич и остановку всех народных движений. И что можно думать о международном конгрессе, который якобы в интересах этой революции предлагает поставить над пролетариатом цивилизованного мира правительство, наделенное властью диктатуры?

Конечно, Бакунин довольно существенно искажал мысли Маркса, когда приписывал ему столь одномерно-авторитарный подход, но, как показал опыт Третьего интернационала, опасность, о которой он предупреждал, в итоге воплотилась в жизнь.

Изгнание из России показало, что он был настолько же прав и в отношении той угрозы, которую представлял собой государственный контроль в условиях коммунистического режима. По мнению Бакунина, «догматические» социалисты привели бы народ в тиски «новой системы контроля». Конечно, они, как и либертарианцы, призывают рассматривать любое государство как аппарат подавления, но при этом утверждают, что только диктатура — их диктатура, конечно — даст народу настоящую свободу; на это ответом было утверждение, что любая диктатура должна стремиться к тому, чтобы просуществовать так долго, как только может. Вместо того чтобы дать народу возможность уничтожить государство, они хотят «передать его... в руки попечителей, опекунов и учителей, лидеров Коммунистической партии». Они хорошо понимают, что такое правительство, «пусть демократическое по форме, будет самой настоящей диктатурой», и «утешаются идеей, что она будет временной, недолговечной». «Но нет», — отвечал Бакунин. Эта, как предполагается, временная мера неизбежно приведет к «восстановлению государства с его привилегиями, его неравенством и всем арсеналом репрессий», к формированию правительственной аристократии, «которая будет править и эксплуатировать во имя всеобщего счастья или ради спасения государства». И такое государство будет «более абсолютистским, поскольку его деспотизм будет аккуратно скрыт под тщательно симитированным уважением... к волеизъявлению народа».

Всегда трезво мыслящий Бакунин верил в русскую революцию: «Если рабочие Запада будут слишком долго ждать, им подадут пример крестьяне России». В России революция будет «анархистской». Но он опасался конечного результата: возможно, революционеры просто возродят государство Петра Великого, которое «основывалось на... подавлении всех проявлений жизни народа», ибо «можно изменить ярлык, навешенный на государство, и его форму, но основание останется неизменным». Надо либо уничтожить государство, либо «смириться с самой страшной и опасной ложью нашего века — ...красной бюрократией». Бакунин резюмировал так: «Возьмите самого яркого революционера и посадите на трон всея Руси, или наделите самодержавной властью... и меньше чем за год он станет хуже самого царя».

В России участником, свидетелем и летописцем Революции был Волин, и он записал впоследствии, что события эти преподали ему такой же урок, как и отцы анархизма. Действительно, социалистическая власть и социальная революция — вещи, «противоречащие друг другу», и свести их вместе нельзя:

Революция, вдохновленная государственным социализмом и принимающая его форму, пусть «на время» и «по необходимости», потеряна: она катится по все более крутой дороге вниз. Всякая политическая власть неизбежно создает для своих адептов привилегированное положение... Взяв революцию под контроль, овладев ею и подчинив ее, облеченные властью должны создать бюрократический и репрессивный аппарат, который незаменим для любой власти, желающей сохранить себя, командовать, отдавать приказы - одним словом, править. ...До определенной степени любая власть стремится контролировать жизнь общества. Ее существование настраивает массы на пассивный лад, само ее присутствие душит любой зачаток инициативы... «Коммунистическая» власть - это... настоящая дубина. Раздуваясь от своей значительности... она боится любого независимого поступка. Любое

автономное действие воспринимается как угроза, нападка... поскольку такая власть хочет одна стоять у штурвала. Инициатива, исходящая из любого другого источника, - это вторжение на ее территорию, нарушение ее прерогатив, и потому она неприемлема.

Больше того, анархисты категорически отрицают необходимость «временных» и «условных» стадий. В преддверии испанской революции 1936 г. Диего Абад де Сантильян поставил авторитарный социализм перед следующей дилеммой: «Либо революция даст производителям общественные богатства, либо нет. Если да, то производители организуются с тем, чтобы наладить коллективное производство и распределение, и государству не останется никаких функций. Если нет, значит, революция была обманом и государство не прекратило своего существования». Можно сказать, что дилемма несколько упрощена; этого можно было бы избежать, переведя ее в категории намерений: анархисты не настолько наивны, чтобы полагать, будто все остатки государства могут исчезнуть за одну ночь, но у них есть воля к тому, чтобы заставить их рассеяться так быстро, как только можно; авторитаристы, с другой стороны, удовлетворяются перспективой бесконечного выживания «временного» государства, произвольно названного «государством рабочих».

Источники вдохновения: человек (индивид)

Анархист располагает двумя видами революционной энергии против ограничения и иерархий авторитаристского социализма: энергией индивидуума и — иногда — масс. Некоторые анархисты более индивидуалистичны, чем социальные, некоторые — более социальные, чем индивидуалистичны. Однако невозможно быть либертарианцем и не быть индивидуалистом. Наблюдения, сделанные Огюстеном Га-моном в обзоре, упомянутом выше, подтверждают этот анализ.

Макс Штирнер (в книге «Единственный и его собственность») реабилитировал индивидуум во времена, когда в философской области доминировал гегельянский антииндивидуализм, и большинство реформаторов в социальной области были ведомы ошибочными деяниями буржуазного эгоизма, подчеркивавшего свою противоположность: разве само слово «социализм» не было создано как антоним к слову «индивидуализм»?

Штирнер прославил истинную сущность уникального индивидуума, то есть неповторимое уникальное воплощение (эта идея недавно была подтверждена исследованиями в области биологии). В течение длительного времени этот мыслитель оставался изолированным в анархистских кругах, будучи эксцентриком, за которым следовала лишь небольшая секта индивидуалистов. Сегодня смелость и размах его мысли можно разглядеть в новом свете. Современный мир, кажется, поставил себе задачу спасти индивидуум от всех форм отторжения, которые его уничтожают, — от индивидуального рабства и тоталитарного конформизма. В знаменитой статье, написанной в 1933 г., Симон Вейль жаловался, что не может найти в марксистских трудах ответа на вопросы, возникающие вследствие необходимости защищать индивидуум от новых форм угнетения, возникающих после классических форм капиталистического угнетения. Штирнер вознамерился заполнить этот серьезный пробел уже в середине XIX века.

Он писал живым стилем, расцвеченным афоризмами: «Не ищите в своем самоотречении свободы, которая отрицает вашу личность, но ищите эту самую свою личность... Пусть каждый из вас будет всемогущим «Я». Нет иной свободы кроме той, которую индивидуум завоевывает для себя. Свобода данная или уступленная является не свободой, а «украденным богом». «Единственными вещами, право делать которые я не имею, являются те, которые я не стал бы делать по собственной свободной воле». «У вас есть право быть там, где у вас есть сила находиться». Все, что вы совершаете, вы делаете как уникальный индивид: «Ни Государство, ни общество, ни человечество не могут победить этого дьявола».

Для того чтобы освободиться самому, индивидуум должен начать с того, чтобы положить под микроскоп интеллектуальный багаж, который нагрузили на него его родители и учителя. Он должен предпринять масштабную операцию по «десанктификации», начиная с так называемой буржуазной морали: «Подобно самой буржуазии, ее родины, она все еще слишком близка к «боженьке», она все еще недостаточно свободна и бездумно пересаживает буржуазные законы на свою собственную почву, вместо того чтобы выработать новые и независимые доктрины».

В особенную ярость Штирнера приводила сексуальная мораль. «Махинации» христианства «против страсти» просто были унаследованы сторонниками светского государства. Эти последние отказывались прислушиваться к зову плоти и демонстрировали свое негодование против него. Они «плевали в лицо аморальности». Моральные предрассудки, насаждаемые христианством, имеют особенно сильное влияние на широкие массы людей. «Люди увлеченно науськивают полицию на все, что кажется им аморальным или даже предосудительным, и эта общественная страсть к морали защищает полицию как институт намного более эффективно, чем это могло бы сделать правительство».

Штирнер предвосхитил современный психоанализ, заметив и разоблачив интернационализацию моральных родительских ценностей. Начиная с детства, моральные предрассудки пожирают нас.

Мораль стала «внутренней силой, от которой я не могу себя освободить», «ее деспотизм стал в десять раз хуже, чем раньше, потому что он ругает меня изнутри моего сознания». «Молодых людей посылают в школу в составе орд таких же молодых людей для того, чтобы твердить зады, и когда они зазубривают прописные истины наизусть, им объявляют, что они стали взрослыми». Штирнер объявил себя иконоборцем: «Бог, сознание, обязанности и законы являются ошибками, которые вдальбливают в наши умы и сердца». Истинные обольстители и растлители молодежи — священники и родители, которые «вываливают в грязи молодые сердца и дурят молодые головы». Если и есть что-то, что «идет от лукавого», это как раз этот фальшивый божественный голос, который был интерполирован в сознание.

В процессе реабилитации индивидуума Штирнер также открыл фрейдистское подсознание. Эго нельзя постичь. Против него «восстает империя мысли, ума и умозаключений», оно невыразимо, непостижимо, непонимаемо, и именно в живых афоризмах Штирнера читатель может найти первые мысли, предвосхищающие экзистенциалистскую философию: «Я начинаю с гипотезы, принимая за гипотезу самого себя... Я использую ее лишь для собственного удовольствия и удовлетворения... Я существую только потому, что я вскармливаю свое Эго... Тот факт, что я представляю поглощающий интерес для самого себя, означает, что я существую».

Естественно, что раскаленное добела воображение, которое порой помогало Штирнеру писать, иногда доводило его до парадоксальных умозаключений. Он позволял себе разражаться антисоциальными афоризмами и пришел к умозаключению, что жизнь в обществе невозможна: «Мы выступаем не за общественную, а за отдельную жизнь». «Люди мертвы! Здравствуй, Я!» «То, что хорошо для людей, плохо для меня!» «Если это правильно для *меня*, это — правильно. Может быть, для других это и неправильно, так пусть они сами об этом позаботятся!»

Однако эти единичные выплески, вероятно, не являлись фундаментальной частью его мышления, и, несмотря на неистовство отшельника, он стремился к общественной жизни. Подобно большинству людей-интровертов, изолированный, замкнутый в себе, он переживал острую ностальгию по общению. Тем, кто спрашивал, как он может жить в обществе с этой его исключительностью, он отвечал, что только человек, который понял собственную «неповторимость и уникальность», может иметь какие-то отношения с другими людьми. Индивиду необходима помощь и друзья; например, если он пишет книги, ему нужны читатели. Он объединяется с другими людьми, для того чтобы умножить свою силу и более полно самовыразиться посредством их общей силы, чем они все могли бы сделать это в изоляции. «Если у тебя есть еще несколько миллионов за спиной, способных защитить тебя, вместе вы станете великой силой и с легкостью добьетесь победы», но при одном условии: эти отношения с другими должны быть свободными, совершаемыми по свободной воле, и их всегда можно было разорвать. Штирнер различает общество уже установившееся, которое ограничивает, и объединение, которое является проявлением собственной воли. «Общество использует *вас*, но вы используете объединения». Необходимо признать, что объединение подразумевает жертву, накладывает ограничение на свободу, но эта жертва приносится не для общественной пользы: «Меня приводит туда мой личный интерес».

Штирнер занимался современными ему проблемами, особенно когда рассматривал вопрос о политических партиях, в частности о коммунистах. Он сурово критиковал конформизм партий: «Человек должен следовать установкам своей партии везде и повсюду, полностью одобряя и защищая ее основные принципы». «Члены партии... склоняются перед ее малейшими желаниями». Программа партии должна «быть для них очевидна, свободна от вопросов... Человек должен принадлежать партии телом и душой... Любой переходящий из одной партии в другую немедленно воспринимается как ренегат». По мнению Штирнера, монолитная партия перестает быть объединением, оставляя от него лишь мертвую оболочку. Он отвергал подобную партию, но не оставлял надежду присоединиться к политическому объединению: «Я всегда найду достаточное количество людей, которые захотят объединиться со мной без того чтобы приносить мне присягу под знаменем». Он чувствовал, что смог бы вступить в партию только в том случае, если «в ней нет ничего обязательного», и единственным его условием была уверенность в том, что «он не позволит партии подмять себя». «Партия — это всего лишь то, в чем участвует человек». «Он свободно вступает в объединение и точно таким же образом может забрать назад свою свободу».

В аргументации Штирнера есть только одна слабость, хотя в той или иной мере она присуща всем его трудам: его концепция единства индивидуума не только «эгоистична», выгодна для «эго», но ценна также и для коллективности. Объединение людей плодотворно только тогда, когда оно не разрушает индивидуума, но, наоборот, развивает инициативу и творческую энергию. Разве сила партии не является суммой сил всех индивидуумов, которые ее составляют? Этот пробел в его аргументации обязан своим происхождением тому факту, что штирнеровский синтез индивида и общества остался незавершенным. В наследии этого бунтаря столкновение общественного и антиобщественного не всегда разрешается. Социальные анархисты были вынуждены совершенно обоснованно упрекать его за это.

Эти упреки были еще более горькими, потому что Штирнер, возможно, по незнанию, совершил ошибку, включив Прудона в число коммунистов-авторитаристов, которые осуждают индивидуальные порывы, клеймя их от имени «общественного долга». Верно, что Прудон высмеивал «преклонение» перед индивидуумом в штирнеровском духе (без прямого указания на Штирнера, чью работу он, таким образом, может быть, и не читал), но вся его работа была поиском синтеза или, скорее, даже «равновесия» между властью индивидуума и властью коллектива. «Как индивидуализм является первоначальным качеством человека, точно так же склонность к объединениям является его дополнением».

Некоторые думают, что человек ценен только через общество... и склоняются к втягиванию индивидуума в коллективность. Таким образом... коммунистическая система является обесцениванием личности во имя общества... Это тирания, мистическая и анонимная тирания, это не объединение... Когда человеческая личность лишается своих прерогатив, общество остается без своего основополагающего принципа.

С другой стороны, Прудон отрицал индивидуалистический утопизм, который объединяет индивидуальности, не имеющие органической связи между собой, и, таким образом, предает его неспособность разрешить проблему общих интересов. «У нас слишком много общих интересов, слишком много общего».

Бакунин также был одновременно индивидуалистом и социалистом. Он без конца повторял, что общество может достичь более высокого уровня, если начнет со свободного индивидуума. Когда бы он ни рассуждал о правах, которыми должны располагать группы, таких, как право на самоопределение или право собраний, он всегда подчеркивал, что индивидуум должен быть тем первым, кто выиграет от этого. Индивид чем-то обязан обществу только до тех пор, пока он свободно соглашается являться его частью. Каждый свободен объединяться или не объединяться и, если человек так захочет, «идти и жить в пустынях или в лесу с дикими зверями». «Свобода является абсолютным правом каждого человека не искать никаких иных санкций на свои действия помимо санкций собственной совести, определять эти действия исключительно по своей воле и впоследствии быть ответственным в первую очередь перед самим собой». Общество, которое индивидуум свободно избрал для того, чтобы стать его членом, является всего лишь вторичным фактором в списке ответственностей. Оно имеет больше обязанностей по отношению к нему, чем

прав на него, и при условии, что индивид достиг совершеннолетия, общество не должно «ни приглядывать за ним, ни управлять» им; оно обязано ему лишь обеспечить «защиту его свободы».

Бакунин развил идею «абсолютной и полной свободы» очень широко: я могу распоряжаться своей личностью так, как считаю нужным, я могу ничего не делать, а могу и трудиться, могу честно жить своим собственным трудом, а могу бесстыдно эксплуатировать благотворительность или частные анонимные пожертвования. Все это возможно только при одном условии: эта благотворительность или поддержка должны быть добровольными и предоставленными мне индивидами, достигшими совершеннолетия. У меня даже есть право вступать в объединения, субъекты которых являются «аморальными» или выглядят таковыми. В своей увлеченности свободой Бакунин зашел так далеко, что позволил индивиду вступать в объединения, задуманные в целях коррумпирования и уничтожения индивидуума или общественной свободы: «Свобода может и должна защищать себя только посредством свободы; пытаться ограничить ее под предлогом защиты свободы означает впасть в опасное противоречие».

В вопросе этических проблем Бакунин был уверен, что «аморальность» является последствием порочным образом организованного общества. Это последнее должно быть, таким образом, уничтожено сверху донизу. Одна только свобода может принести улучшение моральных качеств. Ограничения, вводящиеся под предлогом улучшения нравственного облика, всегда оказывались вредными для него. Репрессии не только не контролируют распространение аморальности, они лишь расширяют и углубляют ее. Поэтому наивно противостоять ей строгим законодательством, которое посягает на индивидуальную свободу. Бакунин допускал только одну санкцию против бездельников, паразитов и злоумышленников — лишение политических прав, то есть тех гарантий, которые индивид должен получать от общества. Из этого следует, что каждый индивид имеет право распоряжаться своей собственной свободой через свои поступки, но в этом случае ему отказывается в праве обладать своими политическими правами на протяжении его добровольной службы.

Если преступления все же совершаются, к ним надо относиться как к болезни и наказывать их так, как если бы их лечили, а не как если бы за них мстили. Более того, осужденный индивид должен пользоваться правом не подчиняться вынесенному приговору, если он объявляет, что больше не желает быть членом соответствующего общества. Последнее в свою очередь имеет право выслать подобного индивида и объявить его находящимся за рамками его защиты.

Бакунин, однако, отнюдь не являлся нигилистом. Провозглашение индивидуальной абсолютной свободы не привело его к отказу от всех общественных обязательств. Он считал, что свободным можно стать лишь через свободу других: «Человек может воплотить свою свободную индивидуальность, только если все индивидуумы соберутся вокруг него и только через работу и коллективную силу общества». Членство в обществе свободно, но Бакунин не сомневался, что вследствие своих колоссальных преимуществ «все изберут подобное членство». Человек — это и самое «индивидуальное, и самое общественное из всех животных».

Бакунин не выказывал склонности к эгоизму в его вульгарном смысле—к буржуазному индивидуализму, «который приводит индивидуума к обретению и установлению своего собственного благополучия... вместо всех, на спинах других, так, чтобы причинить им вред».

Обладая обширным и синтезирующим интеллектом, Бакунин пытался создать мост между индивидуумом и массовыми движениями: «Вся общественная жизнь является просто этой продолжающейся взаимной зависимостью индивидуумов и масс. Даже сильнейшие и самые умные из индивидуумов...; являются в каждый момент своей жизни и теми, кто осуществляет, и теми, что является продуктами желаний и действий масс». Анархист видит революционное движение как продукт этого взаимодействия; таким образом, он полагает, что индивидуальное действие и автономное коллективное действие масс равно плодотворными и активными.

Испанские анархисты были интеллектуальными наследниками Бакунина. Хотя и очарованные социализацией, в самый канун Революции 1936 г. они не преминули дать торжественное обещание защищать священную автономию индивидуума. «Вечное стремление быть уникальным, — писал Диего Абад да Сантильян, — будет выражено тысячью способов: индивидуум не будет удушен принижавшим выравниванием... Индивидуализм, личный вкус и оригинальность будут иметь равное право на самовыражение».

Источники вдохновения: массы

После революции 1848 г. Прудон понял, что тот источник, откуда революция черпает свою энергию, — это массы. В конце 1849 г. он писал: «Революции не имеют зачинщиков; они начинаются, когда к тому благоволит судьба, и заканчиваются с окончанием того загадочного импульса, что дает им силу». «Все революции происходили посредством спонтанных действий народа; если случайно правительства и отвечали на народную инициативу, так только потому, что были принуждены к тому и скованы в своих ответных действиях. В остальном же они всегда запрещали, подавляли, наносили удар». «Ведомый своими инстинктами, народ почти всегда видит дальше и лучше, чем если им управляет горстка лидеров». «Социальная революция... происходит не по велению хозяина с теорией наготове и не по завету пророка. Истинно органичная революция — это результат общественной жизни, и хотя у нее есть исполнители и глашатаи, она не есть дело рук кого-то одного». Революция должна направляться снизу, а не сверху. Едва лишь закончится революционный кризис, восстановление общества должно стать делом рук самих народных масс. Прудон подтверждал, что «массы обладают автономностью и личностью».

Бакунин тоже без устали повторял, что революция не может быть начата по указу и не может быть организована сверху; она может начаться и развиваться только под влиянием спонтанных и продолжительных действий народа. Революции приходят «аки тать в ночи». Они «производятся силой событий». «Они долго готовятся в глубине инстинктивного сознания масс — а затем взрываются, часто как будто по незначительным причинам». «Их можно предвидеть, замечать предзнаменования их появления... но ускорить их прорыв на поверхность нельзя». «Анархистская социальная революция... спонтанно вырастает в сердцах людей, уничтожая все, что подавляет и регламентирует жизнь, с тем чтобы потом создать новую форму общественной жизни, которая вырастет из самых потаенных глубин народной души». В Парижской коммуне 1871 г. Бакунин увидел поразительное подтверждение своих взглядов, ведь коммунары были убеждены, что в революции «действовать поодиночке бессмысленно» и «все определяется спонтанными действиями масс».

Как и его предшественники, Кропоткин восхвалял «удивительное чувство самоорганизации, которое у народа... есть в такой значительной степени и которое так редко ему было дозволено применять». Он игриво добавлял, что «сомневаться в этом может лишь тот, кто всю жизнь прожил, заживо похоронив себя под толщей официальных бумаг и печатей».

Сделав все эти щедрые и оптимистические утверждения, анархист, его собрат и враг марксизма оказался перед лицом серьезных противоречий. Спонтанность масс является базовым качеством, абсолютным приоритетом, но она не самодостаточна. Помощь революционного меньшинства, способного замыслить революцию, остается необходимой для того, чтобы мобилизовать массовое сознание. Как можно удержать эту элиту от того, чтобы она не использовала свое интеллектуальное превосходство для узурпации роли масс, желания парализовать их инициативу и даже установить над ним новую власть?

После своего идиллического спонтанного восторга массами Прудон пришел к признанию инертности масс, пораженных предрассудками в отношении правительств, инстинктом чинопочитания и комплексом неполноценности, который не дает народу подняться. Таким образом, коллективные действия людей должны стимулироваться, и, если никакое озарение не будет навязано им извне, низшие классы останутся на положении рабов до бесконечности. Помимо этого он признавал, что «в каждую эпоху идеи, которые возбуждали массы, сначала возникали в головах нескольких мыслителей... Большинство никогда не проявляло инициативы... Индивидуальность имеет приоритет в любом проявлении деятельности человеческого духа». Было бы идеальным, если бы это сознательное меньшинство могло передать народу свою науку — науку революции. Но на практике Прудон казался скептическим в отношении подобного синтеза: ожидать — это означало бы недооценивать вязкую природу власти. В лучшем случае возможно сбалансировать два элемента.

Перед обращением в анархизм в 1864 г. Бакунин был вовлечен в заговоры и тайные общества и познакомился с типично бланкистской идеей о том, что действия меньшинства должны предшествовать пробуждению широких масс и соединяться с их самыми продвинутыми элементами, после того как их удастся вытащить из обычной летаргии. Проблема стояла совершенно иначе в рабочем Интернационале, когда это широкое движение было, наконец, организовано. Хоть Бакунин и стал анархистом, он оставался убежден в необходимости сознательного авангарда: «Для того чтобы революция одержала триумф над реакцией,

объединение революционной мысли и действия должно иметь свой орган в гуще народной анархии, которая станет самой жизнью и источником всей революционной энергии».

Группа — маленькая или большая — индивидуумов, вдохновленных одной и той же идеей и разделяющих общую цель, произведет «естественный эффект на массы». «Десять, двадцать или тридцать человек с ясным пониманием и хорошей организацией, знающие, чего они хотят и куда они направляются, могут с легкостью увлечь за собой сотню, две сотни, три сотни и даже больше». Мы должны создать хорошо организованные и правильным образом вдохновленные кадры лидеров массового движения». Методы, которые защищал Бакунин, очень похожи на то, что ныне называется «инfiltrацией». Она состоит в нелегальной работе с наиболее умными и влиятельными индивидуумами в каждой отдельной местности так, что «каждая организация максимально согласится с нашими идеями. В этом и состоит весь секрет нашего влияния». Анархисты должны быть «невидимыми лоцманами», которые управляли бы готовыми раздуть пожар массами. Они должны направлять их не при помощи явной и осязаемой власти, но при помощи «диктатуры без знаков отличия, титулов или официальных прав, и эта диктатура все равно будет более мощной, потому что она не будет обладать никакими признаками власти». Бакунин четко отдавал себе отчет в том, как мало его терминология («лидеры», «диктатура» и т.д.) отличалась от той, которой пользовались оппоненты анархизма, и заранее отвечал «любому, кто предполагал, что акция, организованная подобным образом, является просто еще одним покушением на свободу масс, попыткой создать новую авторитарную власть»: «Нет! Авангард не может ни получать выгод, ни являться лидером-диктатором народа, он может быть лишь посредником, помогающим народу самостоятельно обрести свободу. Максимум, которого может он достичь, — это распространить в массах идеи, соответствующие их собственным инстинктам. «Революционные власти» (Бакунин не воздерживался от использования этого термина, но извинял его использование выражением надежды на то, что «их будет как можно меньше») не должны были навязывать революцию массам, но — пробуждать ее в их гуще; они не должны были делать массы субъектом любых форм организаций, но стимулировать их автономные организации снизу доверху.

Гораздо позже Роза Люксембург пролила свет на то, что имел в виду Бакунин: противоречие между либертарианской спонтанностью и необходимостью действовать, существующей у сознательного авангарда, будет полностью разрешено, когда наука и рабочий класс сплавятся воедино и массы станут полностью сознательными, им не будут нужны еще какие-то «лидеры», но только «исполнительные органы» для их «сознательных действий». Подчеркнув, что пролетариату по-прежнему не хватает знаний и организации, русский анархист приходит к заключению, что Интернационал мог стать инструментом эмансипации, только «когда он смог бы добиться того, чтобы наука, философия и политика социализма проникли в рефлектирующее сознание его членов».

Однако каким бы теоретически удовлетворительным ни был бы этот синтез, это был набросок, прикинутый на очень отдаленную перспективу. До тех пор пока историческая эволюция не позволяла осуществить все это, анархисты, подобно марксистам, оставались более или менее заключенными в рамки противоречия. Должна была произойти русская революция, с ее конфликтом между спонтанной властью Советов и заявкой Партии большевиков на «направляющую роль». Этому противоречию было суждено проявить себя в испанской революции, где либертарианцев заносило из одной крайности в другую, от массового движения до осознания себя анархистской элитой.

Два исторических примера смогут проиллюстрировать это противоречие.

Анархисты должны были сделать из опыта российской революции один категорический вывод: то, насколько порочна «руководящая роль» Партии. Волин сформулировал это таким образом:

Ключевая идея анархизма проста: ни одна партия или политическая или идеологическая группа, даже если она искренне желает сделать так, никогда не преуспеет в эмансипации рабочих масс, пытаясь расположить себя над ними или в стороне от них, для того чтобы «управлять» ими или «вести» их. Истинное равенство может быть достигнуто только прямым действием... тех, кто заинтересован, — самих рабочих, через их собственные классовые организации (производственные синдикаты, рабочие комитеты, кооперативы и

т.д.) и не под эгидой любой политической партии или идеологического объединения. Их освобождение должно основываться на конкретных действиях и «самоуправлении», которым можно помогать, но которые не должны контролировать революционеры, работающие изнутри масс, а не «над» ними... Анархистская идея и истинная уравнительная революция никогда не могут быть доведены до воплощения анархистами как таковыми, но только широкими массами... от анархистов или других революционеров в целом требуется только просвещать их или помогать им в определенных ситуациях. Если анархисты упорствуют в том, что могут провести социальную революцию, «направляя» массы, подобная претензия будет иллюзорной ровно настолько же, насколько большевистская, и по тем же самым причинам.

Однако испанским анархистам в свою очередь было суждено испытать нужду в организации идеологически сознательного меньшинства — Иберийской Анархистской Федерации (FAI), существовавшей внутри их обширной профсоюзной организации, Национальной Конфедерации Труда (CNT). Этой организации было суждено сразиться с реформистскими тенденциями некоторых «чистых» синдикалистов и с маневрами агентов «диктатуры пролетариата». FAI черпала вдохновение в идеях Бакунина и пыталась, таким образом, скорее просвещать, чем направлять. Относительно высокая либертарианская сознательность многих рядовых членов CNT также помогала избежать эксцессов авторитарных революционных партий. Однако она выполняла свою направляющую роль не очень хорошо, будучи неуклюжей, постоянно сомневающейся по поводу своей опекунской роли в отношении с профсоюзами, нерешительной в своей стратегии и более щедро обеспеченной активистами и демагогами, чем революционерами, ясно мыслящими как на уровне теории, так и на уровне практики.

Отношения между массами и сознательным меньшинством создают проблему, разрешения которой не нашли ни марксисты, ни даже анархисты, проблему, последнее слово по которой еще не прозвучало.

В поисках нового общества: Анархизм не утопичен

Поскольку доктрина анархизма по своей сути конструктивна, анархистская теория горячо отвергает любые обвинения в утопизме. Она использует метод исторической реконструкции, чтобы доказать, что общество будущего — не изобретение анархистов, а продукт незаметных глазу побочных эффектов от событий прошлого. Прудон утверждал, что в течение 6000 лет человечество томилось под пятой неумолимой системы власти, но все же жило за счет «тайной добродетели»: «Под аппаратом правительства, под сенью его политических институтов, общество медленно и молчаливо производило свою собственную организацию, создавая для себя новый порядок, в котором выразилась его жизнеспособность и автономность».

Каким бы вредоносным ни было государство, оно содержит в себе свою собственную противоположность. Оно всегда было «феноменом коллективной жизни, публичной демонстрацией силы наших законов, выражением общественной спонтанности, и все это было направлено на то, чтобы подготовить человечество к более высокому и правильному порядку вещей. То, что человечество ищет в религии и зовет Богом, содержится в нем самом. Точно так же и то, что гражданин ищет в государстве... содержится в нем самом это свобода». Французская революция ускорила это неизбежное продвижение в сторону анархии: «В тот день, когда наши отцы утвердили принцип свободного проявления воли человеком как гражданином, небо и земля откликнулись от власти, а правительство, пусть делегированное, стало невозможным».

Завершила дело промышленная революция. По ее истечении экономика получила примат над политикой и полностью подчинила ее себе. Государство более не могло избежать непосредственной конкуренции между производителями и превратилось в нечто подобное центру разрешения конфликтов заинтересованных сторон. Эту революцию завершил рост пролетариата. Несмотря на протесты, только социализм теперь признавался властью: «Кодекс Наполеона настолько же бесполезен для нового общества, насколько и концепция республики Платона: в течение нескольких лет абсолютный закон собственности будет повсеместно заменен

относительным, гибким законом промышленного сотрудничества, после чего этот карточный домик будет необходимо заново отстраивать сверху донизу».

В свою очередь Бакунин признавал «огромную и неопенимую услугу, оказанную всему человечеству Французской революцией — матерью всех нас. Принцип власти был навсегда устранен из сознания людей, и порядок, устанавливаемый кем-то свыше, стал теперь невозможен. Остается лишь организовать общество так, чтобы оно смогло существовать без правительства». Здесь Бакунин рассчитывал на ресурсы самого народа. «Несмотря на назойливую и разрушительную опеку государства», массы на протяжении веков «спонтанно развивали в себе многие, если не все, элементы, необходимые для материального и морального устройства настоящего единства людей».

Необходимость организованности

Анархизм вовсе не отождествляет себя с беспорядком, это понятия далеко не синонимичные. Еще Прудон заявлял, что анархизм — не хаос, а порядок, что это, в отличие от искусственно насаждаемого верхами жизненного устройства, — естественное положение вещей; настоящее, цельное единство в отличие от единства, формирующегося под гнетом ограничений. Такое общество «думает, действует и разговаривает как один человек именно потому, что представлено теперь не одним человеком, потому что больше не признает личной власти и, как Паскалева бесконечность⁷, имеет центр в любой точке, а края не имеет вовсе».

⁷ Паскаль, Блез (1623-1662) - французский математик, физик и теолог, изобретатель счетной машины, писал так (*Мысли*, 72): «Мир - безграничная сфера, центр которой всюду, а поверхности нет нигде». - *Прим. пер.*

Анархия — это «организованное живущее общество», «высшая степень свободы и порядка, какую только может достичь человечество». Возможно, некоторые анархисты считали иначе, но итальянец Эррико Малатеста призвал их к порядку:

Под влиянием полученного авторитарного образования им кажется, что власть - суть социальной организованности, и они, с тем чтобы поразить власть, отвергают и организованность как таковую... Эти анархисты, находящиеся в оппозиции к любой форме организованности, совершают роковую ошибку, полагая, что организованность и власть - понятия неразделимые. Принимая эту гипотезу, они отрицают любую организацию, дабы не пойти и на минимальную уступку власти. Но если бы мы считали, будто организованности без власти не существует вовсе, мы были бы отъявленными авторитаристами, потому что в таком случае у нас не было бы выбора, кроме как предпочесть власть (пусть такую, которая закует жизнь в цепи и сделает ее серой) тотальному беспорядку, который сделает ее совсем невозможной.

Уже в двадцатом веке анархист Волин так осветил и развил эту идею:

Ошибочное - а чаще нарочито некорректное - представление таково, что либертарианская концепция заключается в отсутствии какой бы то ни было организации. Эта позиция всецело неверна: дело не в «организованности» или «неорганизованности», а в двух разных принципах организации... Конечно, утверждают анархисты, общество должно быть организовано, но эта новая организация... должна быть устроена на свободной социальной основе, а инициатива ее в первую очередь должна исходить снизу. Принципы организации не должны исходить из центра, который был заранее создан с тем, чтобы захватить все и подчинить себе, но напротив, должны происходить отовсюду и создавать естественные координационные точки, которые будут обслуживать всю систему. С другой стороны, такая манера «организации», которую можно позаимствовать у деспотического эксплуататорского общества,

лишь многократно увеличила бы все пороки старой системы... Содержать ее тогда можно будет лишь с помощью нового трюкачества.

Фактически же анархисты стали бы не только главными действующими лицами в новой организационной системе, но и превратились бы в «первоклассных организаторов», как признавал в своей книге о Парижской коммуне Анри Лефевр. Однако, по мнению этого философа, здесь скрывалось противоречие — «довольно удивительное противоречие, которое мы постоянно видим в истории рабочих движений вплоть до нынешнего времени, а особенно в Испании». И действительно, это может лишь «шокировать» тех, для кого либертарианцы — *a priori* дезорганизаторы.

Самоуправление

Подготавливая в 1848 г. накануне революции «Коммунистический манифест», Маркс и Энгельс предвидели, что в течение долгого переходного периода все орудия производства будут сосредоточены в руках всеобъемлющего государства. Они взяли авторитаристскую идею Луи Блана о соединении как сельскохозяйственных, так и промышленных рабочих в «трудовые армии». Прудон был первым, кто предложил антигосударственную форму управления экономикой.

Во время революции 1848 г. рабочие объединения по производству спонтанно возникли в Париже и Лионе. В 1848 г. этот росток самоуправления показался Прудону гораздо более революционным событием, чем политическая революция. Он не был изобретен теоретиками и не проповедовался доктринерами, государство не дало ему изначального толчка, он был воплощен народом. Прудон побуждал рабочих организовываться таким образом во всех областях республики, втягивать в это мелкий бизнес, торговлю и индустрию, затем крупный бизнес и предприятия и, наконец-то, самые большие предприятия (шахты, каналы, железные дороги и т.д.), таким образом «становясь хозяевами всего».

Современная тенденция заключается в том, чтобы постоянно поминать Прудону наивную и сиюминутную идею о сохранении мелкой торговли и кустарных мастерских. Это действительно было наивно и, без сомнения, неэкономично, но его идеи на этот счет были неоднозначны. Прудон был ходячим противоречием: он рассматривал собственность как источник несправедливости и эксплуатации и испытывал к ней слабость, хотя только до того предела, за которым он видел независимость индивидуума. Более того, на Прудона слишком часто влияло то, что Бакунин называл «маленькой прудоновской кличкой», которая собралась вокруг него в его последние годы. Эта довольно-таки реакционная группа была мертворожденной. Во времена Первого интернационала она тщетно пыталась подчеркнуть противоречие между частной собственностью на средства производства и коллективизмом. Главной причиной, почему эта группа оказалась недолговечной, была та, что большинство ее участников слишком просто поддавали под влияние бакунинской аргументации и отказывались от своих так называемых прудоновских идей в поддержку коллективизма.

В своем последнем выражении эта группа, называвшая себя мю-тюэлистами, была лишь частично оппозиционной к коллективизму: они отказались от него в сельском хозяйстве ввиду индивидуализма французского крестьянина, но приняли его в транспорте, и в вопросах промышленного самоуправления, на самом деле, требовали его, при этом отвергая это название. Их страх перед термином был обязан своим происхождением их неуверенности перед лицом временно объединившегося фронта, выставленного против них бакунинскими учениками-коллективистами и определенными авторитарными марксистами, которые являлись почти открытыми сторонниками государственного контроля над экономикой.

Прудон действительно двигался вместе со временем и понимал, что невозможно повернуть часы вспять. Он был достаточно реалистичен, чтобы понять, что «малая промышленность так же нелепа, как малая культура», и записал это мнение в своих «Записных книжках». Что же касается крупной современной индустрии, требовавшей вложения больших трудовых ресурсов, то тут он был решительным коллективистом: «В будущем крупномасштабная индустрия и широкая культура должны стать плодом объединения». «У нас нет выбора в этом вопросе», — заключал он

и приходил в негодование, когда кто-либо предполагал, что он выступал против технического прогресса.

В своем коллективизме Прудон был, однако, категорически против государственности. Собственность необходимо отменить. Общность (как ее понимал авторитарный коммунизм) является угнетением и рабством. Таким образом, Прудон выступал за сочетание собственности и общности: это была идея объединения. Средства производства и обмен не должны контролироваться ни капиталистическими компаниями, ни государством. Ввиду того, что для людей, которые в них работают, они являются тем же, чем «улей является для пчел», они должны управляться объединениями рабочих и только таким образом коллективные власти перестанут быть «отъединены» ради выгоды нескольких эксплуататоров. «Мы, рабочие, объединенные или уже почти объединенные, — писал Прудон в стиле манифеста, — не нуждаемся в Государстве... Эксплуатация государством всегда означает наличие правителей и рабов зарплаты. Мы хотим управления человека человеком не более, чем эксплуатацию человека человеком. Социализм является противоположностью государ-ственности... мы хотим, чтобы эти объединения были... первым компонентом в широкой федерации объединений и групп, объединенных в общую связь демократической и социальной республикой».

Прудон вдавался в детали и точно перечислял базовые черты рабочего самоуправления:

- Каждый объединенный рабочий должен иметь неотделимую долю собственности компании.
- Каждый рабочий должен выполнять свою долю тяжелой и отталкивающей работы.
- Каждый должен пройти через весь спектр операций и инструкций, степеней и деятельности, для того чтобы быть всесторонне подготовленным.

Прудон настаивал на том, что «рабочий должен пройти через все ступени работы в промышленности, в которой он трудится»:

- Офисные работники должны избираться, а правила и установления должны подаваться на одобрение их помощникам.
- Вознаграждение должно быть пропорционально природе занимаемой должности, уровню умений и несомой ответственности. Каждый помощник должен иметь свою долю дохода в той пропорции, в которой он внес вклад в работу.
- Каждый свободен сам устанавливать свое рабочее время, выполнять свои обязанности и покидать объединение по желанию.
- Рабочие объединения должны выбирать своих руководителей, инженеров, архитекторов и бухгалтеров.

Прудон подчеркнул тот факт, что пролетариату все еще не хватает технических работников: отсюда необходимость привлечь в рабочие программы по самоуправлению «выдающихся людей в области промышленности и торговли», которые обучили бы рабочих приемам ведения бизнеса и получали бы за это фиксированную зарплату: «Под солнечным светом революции есть место для каждого».

Либертарианская концепция самоуправления находится на противоположном полюсе от патерналистской, статичной формы самоуправления, разработанной Луи Бланом в проекте закона 15 сентября 1849 г. Автор «Организации труда» хотел создать рабочие ассоциации, спонсировавшиеся и финансировавшиеся государством. Он предложил арбитражное разделение доходов следующим образом: 25% — в фонд общей амортизации; 25% в фонд социального страхования; 25% — в резервный фонд; 25% — должны быть разделены между рабочими.

Прудон не допустил бы ничего подобного в своей схеме самоуправления. С его точки зрения, объединенные рабочие должны не «подчиняться государству», а «сами быть государством». «Объединение... может сделать все и реформировать все без вмешательства со стороны властей, может противостоять властям и подчинять их». Прудон хотел «двигаться к правительству через объединения, не к объединениям через правительство». Он выпустил предупреждение против иллюзии, выношенной в мечтах авторитарных социалистов, что государство могло бы вынести

свободное самоуправление. Как могло оно допустить «образование враждебных анклавов наряду с централизованной властью»? Прудон провидчески предупреждал: «Покуда централизация продолжает обеспечивать постоянным доходом мощное Государство, ничто не может быть достигнуто посредством спонтанной инициативы или путем независимых акций групп или индивидуумов».

Следует подчеркнуть, что на конгрессе Первого интернационала либертарианская идея самоуправления превалировала над этатистской концепцией. На Лозаннском конгрессе 1867 г. докладчик от комитета, бельгиец по имени Сезар де Пэп, предложил, чтобы государство стало владельцем предприятий, которые должны быть национализированы. В то время Шарль Лонгэ был либертарианцем, и он ответил: «Хорошо, при условии, что все поймут, что мы определяем государство как «коллектив граждан»... и также что эти службы будут исполняться не государственными чиновниками... но группами рабочих». Дебаты продолжились на будущий год (1868) на Брюссельском конгрессе, и на этот раз тот же самый докладчик от комитета был более четок в этом вопросе: «Коллективная собственность должна принадлежать всему обществу в целом, но она должна быть подчинена объединениям рабочих. Государство должно быть не более чем федерацией различных групп рабочих». Уточненная таким образом, резолюция была принята.

Однако тот оптимизм, который выразил Прудон в 1848 г. в отношении самоуправления, оказался неоправданным. Не так много лет спустя, в 1857 г., он сурово раскритиковал существующие рабочие объединения: вдохновленные наивными утопическими иллюзиями, они заплатили дорогую цену за свой недостаток опыта. Они стали тесными и элитарными, начали функционировать как коллективные эксплуататоры и запутались в иерархических и управленческих концепциях. Все несправедливости капиталистических компаний «были еще больше раздуты в так называемых братствах». Они разрывались разногласиями, соперничеством, пороками и предательствами. Как только управленцы этих объединений обучались тому бизнесу, которым они занимались, они, «в свою очередь, превращались в буржуазных эксплуататоров». В других ситуациях, члены объединений настаивали на том, чтобы разделить владения. В 1848 г. было создано несколько сотен рабочих объединений, через девять лет от них осталось только двадцать.

В противовес этому узкому и частному взгляду на проблему, Прудон выступал за «универсальную» и «синтетическую» концепцию самоуправления. Задача на будущее стояла гораздо более важная, чем просто «заполучить несколько сотен рабочих в объединения»; она состояла в «экономической трансформации нации из тридцати шести миллионов душ». Рабочие объединения будущего должны были работать для всех, а не «для выгоды немногих». Самоуправление, таким образом, требовало от своих членов некоторого объединения: «Человек не рождается членом объединения, он им становится». Сложнейшей задачей, стоящей перед объединением, является «образование ее членов». Более важно создать «людской фонд», чем сформировать «массу капитала».

В правовом отношении первая идея Прудона заключалась в том, чтобы поручить владение предприятием объединениям рабочих, но затем он отошел от этого недалековидного решения. Для этого он провел различие между владением и собственничеством. Собственничество — это понятие абсолютное, аристократическое, феодальное; владение — демократично, имеет отношение к республике, эгалитаризму, оно состоит из узуфрукта (права пользования чужим имуществом и доходами от него), который нельзя ни отторгнуть, ни отдать, ни продать. Рабочие должны содержать свои средства производства в *alleu* (феодальный термин для наследственной, неотторгаемой собственности) подобно древним германцам, но не должны быть прямыми ее владельцами. Собственность должна быть заменена федеральным, кооперативным владением, принадлежащим не государству, но производителям в целом, объединенным широкими сельскохозяйственными и промышленными федерациями.

Прудон выражал огромный энтузиазм по поводу будущего таких пересмотренных и исправленных форм, как самоуправление: «Утверждать это — не просто фальшивая риторика, это экономическая и общественная необходимость: близится время, когда мы не сможем прогрессировать в каких-либо иных условиях помимо этих новых... Общественные классы... должны слиться в одну-единственную ассоциацию производителей». Достигнет ли успеха самоуправление? «От ответа на это зависит... все будущее рабочих. Если он будет положительным, для человечества откроется целый новый мир, если — негативным, пролетарий может успокоиться... в этом враждебном мире для него не останется никакой надежды».

Основы обмена

Как же следовало организовать взаимоотношения между различными ассоциациями рабочих? Вначале Прудон утверждал, что меновая стоимость всех товаров измеряется количеством труда, необходимого, чтобы эти товары произвести. Рабочим следует платить «трудовыми талонами»; следует организовать торговые агентства или социальные магазины, где рабочие могли бы приобретать товары по розничным ценам, рассчитанным по часам работы. Крупномасштабная торговля должна осуществляться бы посредством счетной палаты или Народного Банка, который бы принимал платежи в трудовых талонах. Такой банк был бы и кредитной организацией, дающей рабочим ассоциациям требуемые для бесперебойного функционирования суммы денег в долг, и такие кредиты должны были быть беспроцентными.

Эта схема (так называемый взаимообмен */mutuellisme/*) была, конечно, довольно утопична и не могла быть воплощена в жизнь в условиях капиталистической системы. В 1849 г. Прудон организовал подобный народный банк, и в течение шести недель к нему присоединились около 20000 человек, но этот банк просуществовал недолго. Конечно, было преждевременно думать, что принципы взаимообмена, подобно капле масла на горячей сковороде, распространятся повсюду, и вслед за Прудоном утверждать, что «это воистину новый мир, обещанное новое общество, которое прорастает корнями в старое и видоизменяет его».

Сама концепция, что размер оплаты труда должен зависеть от количества проработанных часов, представляется по ряду причин сомнительной. Либертарианские коммунисты школы Кропоткина — Малатеста, Элизе Реклю, Карло Кафиери — не преминули раскритиковать ее. В первую очередь они считали ее несправедливой. Кафиери писал, что «три часа работы Питера могут стоить пяти часов работы Пола». Помимо продолжительности, стоимость труда должна определяться и другими факторами: напряженностью работы, наличием профессиональных и интеллектуальных навыков, пр. Следует также принять во внимание и семейные обстоятельства рабочих⁸. Кроме того, при коллективистском режиме рабочий остается заложником зарплаты, выплачиваемой ему тем обществом, которое оплачивает и контролирует его труд. Оплата труда на основе количества проработанных часов не может быть идеальным решением проблемы; в лучшем случае это может быть временной мерой. Мы должны положить конец примату бухгалтерских книг, философии «дебета и кредита». Этот метод вознаграждения за труд, происходящий от видоизмененного индивидуализма, вступает в противоречие с коллективным владением средств производства, и не может привести к глубоким революционным переменам в человеке. Он несовместим с анархизмом; новая форма собственности требует новой формы вознаграждения. Услуги, оказанные обществу, не могут быть измерены в денежных единицах. Приоритет следует отдать нуждам, а не услугам, и все продукты труда должны принадлежать всем, чтобы каждый мог их свободно брать. Девизом либертарианского коммунизма должно быть: *каждому по потребностям*.

⁸ Ср. схожее обсуждение в «Критике Готской программы», написанной Карлом Марксом в 1875 г., но до 1891 г. не опубликованной. - *Прим. автора*.

Кропоткин, Малатеста и их последователи как будто не заметили, что Прудон предвосхитил их критику и пересмотрел свои ранние идеи. В книге «Теория собственности», опубликованной после его смерти, он объяснял, что поддерживал идею одинаковой оплаты за одинаковое количество труда лишь в «Первом Меморандуме о собственности» 1840 г.: «Я забыл упомянуть о двух вещах: во-первых, труд измеряется путем сочетания его продолжительности с его интенсивностью; во-вторых, в зарплату рабочего не следует включать амортизацию стоимости его образования, ту работу, которую он сделал по собственной воле как неоплачиваемый подмастерье, и премию за тот риск, с которым он сталкивается в ежедневной своей работе, — все они меняются в зависимости от конкретной профессии». Прудон утверждал, что в более поздних работах «исправил» эти «упущения»; позже он предлагал, чтобы кооперативные ассоциации по взаимному страхованию компенсировали неравные издержки и риски. Больше того, Прудон считал, что вознаграждение, выплачиваемое членам рабочих ассоциаций, — это не «зарплатная ставка», а часть прибылей, свободно устанавливаемая несущими одинаковую ответственность рабочими — членами ассоциации. В еще неопубликованной статье Пьер Гаубтман, один из современных последователей Прудона, отмечает, что самоуправление рабочих не имело бы смысла, если бы не интерпретировалось именно в таком ключе.

Либертарианские коммунисты сочли возможным раскритиковать как «взаимообмен» Прудона, так и более логичный коллективизм Бакунина за то, что обе эти доктрины не давали четкого представления о том, как именно при социалистической системе будет вознаграждаться труд. Эти критики как будто проглядели тот факт, что два основателя анархизма упорно не хотели закладывать формы будущего общества раньше, чем следует. В этом вопросе они хотели оставить самоуправляющимся ассоциациям широкую свободу выбора. Либертарианские коммунисты сами должны были обеспечить обоснование для такой гибкости, для нежелания сразу перепрыгнуть к выводам, столь разительно отличающимся от их нетерпеливых прогнозов: они подчеркивали, что в идеальной системе «продуктов труда будет больше чем достаточно для всех» и что «буржуазные» способы выплаты вознаграждения могут быть заменены «коммунистическими» способами лишь после того, как наступит эра всеобщего изобилия, но не раньше. В 1884 г., когда Малатеста готовил наброски программы для анархистского интернационала, он писал, что немедленно устроить коммунизм было можно лишь в очень ограниченном числе мест, а остальным в течение переходного периода предстояло существовать при коллективизме.

Чтобы коммунизм стал возможным, от членов общества требуется высокий уровень моральной подготовки и развития, значительная и глубокая солидарность, которой может и не возникнуть от одной только революции. Это сомнение тем более обоснованно, что материальные условия, благоприятствующие такому становлению, вначале существовать не будут.

Анархизм должен был лицом к лицу встретить проверку опытом накануне испанской революции 1936 г., когда Диего Абад де Сантьян продемонстрировал (и в очень похожих формулировках) непрактичность либертарианского коммунизма на данном этапе. Он утверждал, что капиталистическая система не подготовила людей к коммунизму: развитие социальных инстинктов и солидарности не только не поощряется, но, наоборот, подавляется и всячески наказывается.

Сантьян обратился к опыту российской и иных революций с тем, чтобы урезонить анархистов. Он обвинил их в том, что к наиболее свежим урокам истории они относятся предвзято или с подозрением. Он заметил, что далеко не очевидно, что революция сразу приведет к воплощению идеала коммунистического анархизма. На первом этапе революции коллективистская максима «каждому по труду» больше подойдет к реальной ситуации, чем идеи коммунизма, потому что экономика будет в разрухе, производство значительно снизится, и приоритетом станет обеспечение самым необходимым. Те экономические модели, которые можно было бы апробировать, в лучшем случае будут лишь медленно эволюционировать по направлению к коммунизму. Взять и без оглядки поместить людей за решетку, надеть на них оковы закоснелой социальной жизни означает воплотить авторитаризм, который будет лишней помехой революции. Взаимообмен, коммунизм, коллективизм — все это лишь разные способы достижения одной цели. Сантьян забыл о мудром эмпирицизме Бакунина и Прудона, заявив, что испанская революция имеет карт-бланш на любые эксперименты: «Та степень взаимодействия, коллективизма или коммунизма, которой можно достичь, будет определяться в каждой конкретной местности и каждой социальной сфере». Как мы увидим, опыт испанских «коллективов» 1936 г. продемонстрировал, какие трудности влечет за собой преждевременное внедрение полноценного коммунизма⁹.

⁹ В настоящее время Куба судорожно и преждевременно пытается перейти к полноценному коммунизму. - *Прим. автора.*

Конкуренция

Конкуренция — это одна из реалий буржуазной экономики, интерпретация которой в контексте коллективной экономики или экономики самоуправления представляет некоторые проблемы. Прудон видел в ней «выражение социальной спонтанности» и гарантию «свободы» объединений. Больше того, в течение долгого времени конкуренция была бы, по его мнению, «незаменимым стимулом», в отсутствие которого и без того напряженная промышленная деятельность выродилась бы во «всеобщее отлынивание» от работы. Здесь он довольно подробно разъяснил

свою позицию: «Братство рабочих обязуется поставлять обществу товары и услуги по ценам, минимально разнящимся со стоимостью производства. Поэтому рабочие ассоциации запрещают себе тем самым какое-либо слияние [монопольного типа], подчиняют себя закону конкуренции, а свою отчетность делают открытой для общества; оно, в свою очередь, оставляет за собой — в качестве адекватной меры надзора — право распустить такое объединение». «Конкуренция и объединение рабочих взаимозависимы... Самой грубой ошибкой социализма было считать конкуренцию хаотическим элементом в обществе. Не имеет смысла... обсуждать целесообразность устранения конкуренции... скорее, это вопрос соответствующего равновесного положения и комплекса мер».

Верность Прудона принципу конкуренции навлекла на себя сарказм Луи Бланка: «Нам не понять тех, кто проповедует странную связь двух противоположных принципов. Пересадить идею рабочего братства на почву конкуренции — порочный шаг, это все равно, что заменить евнухов гермафродитами». Будучи протомарксистом, Луи Бланк хотел достичь «единой цены», определенной государством, и избежать конкуренции между разными частями одной отрасли. Прудон отвечал на это, что цены «могут устанавливаться только конкуренцией, то есть правом потребителя... пренебречь производителем, запрашивающим слишком большую цену». «Убери конкуренцию, и ты убережешь движущую силу общества, без нее оно остановится, как часы, в которых сломалась пружина».

Однако Прудон не закрывал глаза и на недостатки конкуренции, которые он очень полно описал в своем трактате о политэкономии. По его мнению, в ней скрывался источник неравенства, и «победа всегда оставалась за большими армиями». Весьма «анархично» (в отрицательном смысле слова), что конкуренция всегда работает на частный интерес, порождает гражданские раздоры и, в конце концов, олигархии. «Конкуренция убивает конкуренцию».

Впрочем, он считал, что и отсутствие конкуренции не менее губительно. Рассматривая в качестве примера сигаретную индустрию¹⁰, он отмечал, что ее продукты слишком дороги, а предложение неадекватно просто потому, что она в течение долгого времени оставалась монополией, свободной от конкуренции. Если бы такая ситуация существовала во всех отраслях промышленности, страна никогда бы не смогла свести баланс доходов и расходов. Идеальная конкуренция по Прудону — это не капиталистическая конкуренция *laissez-faire*¹¹, а конкуренция, наделенная неким высшим соображением социализации, — такая, которая была бы основана на принципе справедливого обмена и солидарности, и при этом защищала бы частную инициативу, возвращая обществу те ресурсы и богатство, которые при капитализме утаивались от него частными собственниками.

Очевидно, что в такой идее было нечто утопическое. Конкуренция и так называемая рыночная экономика неизбежно ведут к неравенству и эксплуатации даже в том случае, если изначально все поставлены в равные условия. Эту систему невозможно совместить с самоуправлением рабочих иначе как на временной основе, как неизбежное зло, пока: (1) среди рабочих не выработается психология «честного обмена» и, что важнее, (2) общество в целом не перейдет от существования в условиях постоянной нехватки товаров к существованию в изобилии, когда конкуренция потеряет свой смысл.

Даже и в течение такого переходного периода, впрочем, представляется целесообразным ограничить конкуренцию сектором потребительских товаров (как это было сделано в сегодняшней Югославии¹²), в котором, по крайней мере, она обладает тем преимуществом, что защищает интересы потребителя.

¹⁰ На которую во Франции существовала государственная монополия. - Прим. автора.

¹¹ Дословно: «разрешать делать» (*франц.*); принцип минимального государственного вмешательства в рыночную деятельность, которая сама успешно контролируется "невидимой рукой". - Прим. пер.

¹² Под этим понимается неудачный комплекс реформ, проведенных в Югославии в 1960-х годах после рецессии 1962 г., и направленных в том числе на расширение «самоуправления». - Прим. пер.

Коммунист-либертарианец осудил бы идею коллективной экономики Прудона из-за того, что она зиждется на принципе конфликта. Пусть вначале конкуренты и поставлены в одинаковое положение, но по мере того как все большее их количество втягивается в борьбу, неизбежно разделение на проигравших и победивших и, как следствие, обмен товаров на основе взаимодействия спроса и предложения, что означает «откат к конкуренции в понимании буржуазного мира». Некоторые критики югославского эксперимента из других коммунистических

стран используют в своих обличениях практически те же слова. Как им кажется, самоуправление в любой форме заслуживает такого же враждебного отношения, как и конкурентная рыночная экономика, как будто эти два понятия фундаментально неразделимы.

Централизация и планирование

При любых обстоятельствах Прудону было очевидно, что там, где управление осуществляется рабочими союзами, им приходится иметь дело с большими производственными единицами. Он особо отмечал «необходимость централизации и больших объединений» и задавался вопросом: «Разве те рабочие союзы, которые формируются с целью управления тяжелой индустрией, не есть большие объединения?» «На место политической централизации мы ставим централизацию экономическую». Однако страх перед авторитарным планированием все-таки заставлял его инстинктивно предпочитать конкуренцию, вдохновенную солидарностью. Уже позже мыслители-анархисты стали проводниками либертарианской и демократической формы планирования, целиком выработанной федерацией предприятий по самоуправлению.

Бакунин предвидел, что самоуправление открыло бы перспективы для планирования в мировых масштабах:

Союзы рабочих - новый исторический феномен; сегодня, поскольку мы еще только наблюдаем их рождение, их будущее для нас неясно, и мы можем лишь догадываться - какая значительная роль уготована им в будущем, какие новые политические и социальные условия они произведут на свет. Не только возможно, но и вероятно, что со временем они перерастут рамки сегодняшних провинций, графств, и даже штатов с тем, чтобы трансформировать всю структуру человеческого общества, которое будет делиться не на нации, а на промышленные единицы.

Эти единицы впоследствии сформировали бы «пространную экономическую федерацию», возглавляемую верховной ассамблеей. «На основе «всемирной статистики, данных, настолько же полных, насколько и обширных», такая ассамблея уравнивала бы спрос и предложение, направляла бы мировое промышленное производство и так распределяла бы его между странами, что торговые кризисы, нехватка занятости, насильственная стагнация, утечка капитала и иные экономические неурядицы отошли бы в прошлое и перестали бы существовать.

Полная социализация?

Идея Прудона об управлении посредством рабочих союзов, впрочем, была довольно расплывчатой. Не всегда было ясно, следует ли самоуправляющимся группам продолжать участвовать в конкуренции с капиталистическими предприятиями — иными словами, следует ли социалистическому сектору сосуществовать с частным, как это происходит в сегодняшнем Алжире¹³, — или же надо социализировать все производство и перестроить его на систему самоуправления.

¹³ «Сегодняшний Алжир» здесь - это Алжир после обретения независимости (3 июля 1962 г). - *Прим. пер.*

В противоположность ему Бакунин был последовательным коллективистом и видел в параллельном существовании двух секторов определенную опасность. Даже объединенным в ассоциацию рабочим никогда не удастся собрать достаточное количество капитала, средств производства, чтобы успешно конкурировать с крупным капиталом, накопленным буржуазией. Существовала также и опасность того, что капиталистическая среда отравила бы рабочие ассоциации настолько, что внутри них возникла бы «новая прослойка эксплуататоров труда пролетариата». В теории самоуправления есть зерна полной экономической эмансипации трудящихся масс, но ростки из этих зерен смогут пробиться лишь тогда, когда «капитал, основы промышленности, сырье и оборудование... станут коллективной собственностью рабочих союзов,

употребляемой как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве, и это производство станет свободно организовываться и федерироваться внутри себя». «Кардинальные, окончательные перемены в обществе возможны только при условии, что подвергаться изменениям будет все общество целиком», то есть при условии социальной революции, переводящей собственность из статуса частной в статус коллективной. В такой социальной организации рабочие будут своими собственными капиталистами и нанимателями, и «в частной собственности останутся лишь те вещи, которые и в самом деле нужны лишь для личного использования».

Бакунин признавал, что кооперативы производителей успешно приучили рабочих к самоорганизации и эффективному управлению своими делами; что они, таким образом, стали первым шагом на пути к созданию системы коллективного управления рабочего класса, но, по его мнению, до тех пор, пока не произошла полновесная социальная революция, эффекта от таких одиноких островков посреди капиталистической системы будет немного, и он призывал рабочих «думать в первую очередь о забастовках, а не о кооперативах».

Тред-юнионы (профсоюзы)

Бакунин был высокого мнения о той роли, которая была отведена профсоюзам, «естественным организациям масс» и «единственному эффективному оружию рабочих в борьбе с буржуазией». По его мнению, профсоюзное движение могло дать больше, чем просто идеологов, для организации сил пролетариата независимо от буржуазного радикализма; в будущем ему виделось объединение рабочих по профессиональным признакам вначале на национальном, а затем и международном уровне.

На первых конгрессах Интернационала профсоюзам не уделялось особого внимания. Но начиная с Базельского конгресса 1869 г., они из-за влияния анархистов стали доминировать на повестке дня — считалось, что после отмены почасовой оплаты труда, именно профсоюзы стали бы зародышем администрации будущего, а правительство как таковое было бы заменено советами рабочих организаций.

В 1876 г. Жам Гильом (James Guillaume), ученик Бакунина, написал книгу «Соображения о социальной организации», в которой включил тред-юнионизм в понятие самоуправления. Он выступал за создание корпоративных федераций рабочих в каждой конкретной области — «не для того, чтобы, как раньше, защищать свою оплату от притязаний со стороны жадного нанимателя, а... для обеспечения взаимных гарантий доступа к инструментам труда, которые в результате соответствующих общих договоренностей стали бы коллективной собственностью всей корпоративной федерации». Бакунин считал, что такие федерации могли бы функционировать как планировочные центры, заполняя, таким образом, одну из каверн в доктрине самоуправления Прудона. Ведь в его предложении не хватало одного — таких связей между различными объединениями производителей, которые исключили бы элемент личной наживы и не давали бы им зашориться и начать заниматься своими делами без оглядки на другие объединения. Движение за профсоюзы должно было исправить этот недочет и позволить самоуправлению полностью оформиться; для производителей оно представало в качестве источника планирования и единства.

Коммуны

На ранней стадии своей карьеры Прудон не интересовался практически ничем, кроме проблемы экономической организации нового общества. Его недоверчивое отношение ко всему политическому привело к тому, что он полностью проигнорировал проблему территориальной администрации. Ему было достаточно отметить, что рабочие должны занять место государства, не уточняя при этом, как именно. В более поздние годы жизни он уделил политике больше внимания, и здесь он, как истинный анархист, начал свой анализ снизу и понемногу продвигался вверх. В отдельно взятой местности людям надо собираться в «естественные группы», из которых затем формируется «город или иная политическая единица, цельная и утверждающая себя независимостью и автономностью». «У похожих групп, пусть расположенных на некотором расстоянии друг от друга, могут быть общие интересы; вполне можно себе представить, что такие группы захотят связаться между собой и образовать с целью взаимной безопасности группу более

высокого уровня». Здесь мыслителю-анархисту с готовностью увиделся призрак ненавистного государства: никогда, ни при каких условиях не должны группы на местах «по мере объединения для охраны своих интересов и приумножения своих богатств... опускаться до радостного и добровольного принесения себя в жертву у ног нового Молоха».

Однако Прудон вполне четко определял автономные коммуны: это, по его мнению, были бы «суверенные единицы», и, как таковые, они имели бы право «управляться изнутри и так же администрироваться, облагать налогом, распоряжаться своим имуществом и доходами, создавать школы для молодежи и назначать учителей», пр. «Такова коммуна, поскольку такова коллективная политическая жизнь... Она отрицает всякие ограничения — она сама себя ограничивает по необходимости; любое внешнее принуждение чуждо ей и являет собой угрозу ее выживанию». Как уже было отмечено, по мнению Прудона, самоуправление было несовместимо с авторитарным государством; аналогичным образом и коммуна не могла сосуществовать с властью, централизованной сверху:

Никакой компромисс не возможен. Коммуна будет либо суверенной, либо субъектом, всем или ничем. В каком бы благоприятном положении она не оказалась изначально, стоит ей потерять возможность устанавливать закон для самой себя, стоит ей признать верховную власть, частью которой она является, и... поставить интересы объединения над своими... как результатом непременно станут разлад и конфликт. Где есть конфликт, там логика силы непременно принесет победу централизованной власти, и это произойдет без обсуждения, переговоров или суда, поскольку спор между властью и подчиненными недопустим и абсурден.

Бакунину удалось значительно более стройно и логично, чем Прудону, вписать коммуны в структуру социальной организации будущего. Ассоциации рабочих-производителей должны были свободно объединяться внутри коммун, а коммуны, в свою очередь, должны были свободно вступать в федерации. «Спонтанность жизни и действий на протяжении веков удерживалась в узде монополистической и всепоглощающей властью государства; его уничтожение вернет эту спонтанность коммунам».

Как будут связаны с коммунами профсоюзы? В 1880 г. в районе Куртелари «Федерации Юры»¹⁴ был дан такой ответ: «Орган местного самоуправления станет федерацией профессий, и эта местная федерация станет коммуной». Но те, кто составлял отчет, полностью не определились со своим решением и подняли вопрос: «Будет ли конституция коммуны составлена... ассамблеей всех жителей или делегациями от каждой профессии? » В результате было решено, что можно рассматривать две альтернативные системы. Но кому надо было отдать предпочтение — профсоюзам или коммунам? Позднее, особенно в России и Испании, этот вопрос отделил анархо-коммунистов от анархо-синдикалистов.

¹⁴ Швейцарская ветвь Интернационала, принявшая идеи Бакунина. (Юра - кантон Швейцарии. - *Прим. пер.*

Бакунин видел в коммуне идеальный аппарат для экспроприации орудий производства на пользу самоуправления. В течение первой фазы социальной реорганизации именно коммуна даст необходимый минимум каждому «обездоленному» в качестве компенсации за конфискованные товары. Внутреннюю организацию такой коммуны Бакунин описал в деталях. Она будет управляться советом выборных делегатов с мандатами на управление; в случае, если делегат не будет отвечать требованиям электората, мандат можно будет отозвать. Совет коммуны может из своего числа выбирать исполнительные комитеты для каждой конкретной отрасли революционного управления коммуной. Разделение обязанностей между таким большим количеством людей позволяет вовлечь в процесс управления как можно больше рядовых исполнителей; оно позволяет избежать ситуации, в которой небольшое количество избранных делегатов осуществляло бы весь контроль, в то время как большинство людей оставались бы практически пассивны, имея право голоса лишь в изредка созываемых общих ассамблеях. Бакунин инстинктивно понимал, что выбираемый совет должен быть «рабочим органом», с обязанностями как исполнительными, так и нормативными — позже Ленин, впад в либертарианское настроение, назвал это «демократией без парламентаризма». И опять эту идею развил район Куртелари:

Чтобы не допустить отката к ошибкам централизованной, бюрократической администрации, мы считаем, что в общих интересах коммуны - управляться различными специализированными комиссиями по каждой сфере деятельности, а не единым местным административным органом... Такое положение вещей позволит администрации не принимать характера постоянного правительства.

Последователи Бакунина не выказали единодушия по поводу того, какие именно стадии исторического развития были необходимы. В 1880-х к делу были привлечены анархисты-коллективисты. Критикуя прецедент Парижской коммуны 1871 г., Кропоткин ругал народ за то, что он «опять использовал представительскую систему внутри Коммуны», за то, что «личная инициатива была отринута в угоду волеизъявлению людей, избранных практически случайным образом», и сокрушался, что некоторые реформаторы «пытаются любой ценой сохранить хоть чучело правительства». По его мнению, представительская система себя изжила; она была формой организованного доминирования буржуазии и должна была исчезнуть вместе с ней. «Ибо наступает новая экономическая эра, мы должны найти новую форму политической организации, основанную на принципе, отличном от представительства». Общество должно отыскать формы политических отношений, которые ближе к людям, чем репрезентативное правительство, «ближе к самоуправству, к правлению себя над собой». Для авторитарных или либертарианских социалистов идеалом, конечно, должна быть именно такая непосредственная демократия, которая, если довести ее до логического завершения, как в части экономического самоуправления, так и в части территориального администрирования, уничтожит последние признаки какой бы то ни было власти. Но совершенно необходимым условием для ее функционирования является такая стадия социальной эволюции, на которой у всех рабочих уже появились необходимые знания, навыки и добросовестность, а место недостатка занял избыток. В 1880 г., задолго до Ленина, район Куртелари провозгласил: «Более или менее демократическая практика всеобщего избирательного права в обществе, организованном на научных принципах, станет с течением времени все менее важной». Но не до появления такого общества.

Неоднозначное понятие государства

Читатель уже знает, что анархисты отказались использовать термин «государство» даже в переходных ситуациях. Различия в трактовках взгляда на этот вопрос авторитаристов и либертарианцев не всегда были столь велики. В Первом интернационале коллективисты, выразителем идей которых был Бакунин, допустили, чтобы термины «восстановить Государство», «новое и революционное государство» или даже «социалистическое государство» использовались как синонимы «социального коллектива»! Вскоре анархисты увидели, однако, что для них довольно опасно было использовать то же слово, что использовали авторитаристы, вкладывая в него при этом другой смысл. Они почувствовали, что новая концепция требовала и нового слова и что использование старого термина могло стать опасно двусмысленным; поэтому с тех пор они перестали называть именем «Государство» социальный коллектив.

Марксисты же, в свою очередь, стремились скооперироваться с анархистами во имя триумфа принципа коллективного владения в рамках Интернационала, которому предстояло возобладать над последними останками неопрудонистского индивидуализма. Поэтому они стремились делать словесные уступки и не вполне искренне согласились с предложением анархистов заменить слово «государство» либо *федерацией*, либо *солидаризацией* коммун. В том же духе Энгельс напал на своего друга и соотечественника Августа Бебеля по вопросу о Готской программе немецких социал-демократов и полагал мудрым предложить, чтобы тот «повсеместно избавился от термина «государство», заменив его на «*Geneinwesen*» — хорошее старое немецкое слово, означающее то же самое, что и французское слово *Commune* — коммуна». На Базельском конгрессе 1869 г. анархисты-коллективисты и марксисты объединились, чтобы определить, что после того, как собственность будет социализирована, она превратится в солидаризированные коммуны (*communes solidarisees*). В своей речи Бакунин поставил точки над *i*: «Я голосую за коллективизацию социального богатства, и в особенности земли, в смысле социальной ликвидации. Под социальной ликвидацией я понимаю экспроприацию всех, кто является ныне собственниками,

посредством отмены юридического и политического Государства, которое является санкционером и единственным гарантом собственности, каковой она ныне является. Что же касается последующих форм организации... я выступаю за *солидаризацию* коммун... с тем большим удовлетворением, что подобная солидаризация повлечет за собой переорганизацию общества с самого низа».

Как управлять рынком общественных услуг?

Достигнутый компромисс был еще очень далек от того, чтобы устранить двусмысленность, что было еще более верно вследствие того, что на том же самом Базельском конгрессе социалисты-авторитаристы не постеснялись аплодировать идее государственного управления экономикой. Проблема впоследствии оказалась особенно коварной, когда обсуждение перешло на управление крупномасштабных общественных публичных служб, подобных железным дорогам, почтам и т.д. Ко времени Гаагского конгресса 1872 г. последователи Маркса и Бакунина разделились. Таким образом, дебаты о публичных службах возникли в неверно называемом «антиавторитаристском» Интернационале, который пережил раскол. Вопрос вызвал новые разногласия между анархистами и теми более или менее «этатистскими» социалистами, которые предпочли отколоться от Маркса и остаться вместе с анархистами в Интернационале.

Ввиду того, что подобные общественные службы носят общенациональный размах, очевидно, что ими невозможно управлять только посредством рабочих ассоциаций или силами коммун. Прудон пытался разрешить проблему путем «сбалансирования» рабочего управления некими формами «общественной инициативы», которую он полностью не объяснил. Кто должен был отправлять общественную службу? Федерация коммун, отвечали либертарианцы; Государство — так и подмывало ответить авторитаристов.

На Брюссельском конгрессе Интернационала в 1874 г. бельгийский социалист Сезар де Пэп попытался достичь компромисса между двумя конфликтующими точками зрения. Местные общественные службы должны были отойти к коммунам с тем, чтобы управляться самим местным административным органом, назначенным профсоюзами. Общественные службы более крупного масштаба должны, по его мысли, были управляться региональной администрацией, состоящей из людей, назначенных федерацией коммун и находящихся под управлением региональной палаты труда, общественные службы общенационального масштаба проходят под эгидой «государства рабочих», то есть, государства, «основанного на союзе свободных рабочих коммун». Анархисты с подозрением относились к этим двусмысленным организациям, но де Пэп предпочитал расценивать эти подозрения как недопонимание: в конце концов, разве это не было просто конфликтом терминов? Если это все было так, он бы удовлетворился тем, что отложил бы слово «государство» в сторону, сохраняя и даже развивая то, что называлось этим словом «под какой-либо более приятной маской или с другим термином».

Большинство либертарианцев считали то, что произошло на Брюссельском конгрессе реставрацией идеи Государства: они видели, что «государство Рабочих» неизбежно трансформировалось в «авторитарное государство». Если речь шла просто о конфликте терминов, они не понимали, почему существует необходимость окрестить новое общество без правительства тем же самым именем, которое использовалось для описания организации, которую предстояло отменить. На последующем конгрессе в Берне в 1876 г. Малатеста признал, что общественные службы требуют уникальной централизованной формы организации, но он отказался признать необходимость администрировать их сверху, со стороны государства. Ему казалось, что его враги путают государство с обществом, с этим «живым органическим телом». В следующем 1877 году, на Всеобщем социалистическом конгрессе в Генте Сезар де Пэп признал, что его драгоценное Государство рабочих или Народное государство «может на некоторое время оказаться не чем иным, как Государством людей, получающих зарплату», но что оно «может быть не более, чем переходной фазой, чье существование обосновано обстоятельствами», после которой требовательные безымянные массы не преминут завладеть средствами производства и передать их в руки рабочих объединений. Анархисты не были успокоены этой нечеткой и отдаленной перспективой: то, чем государству удавалось завладеть, оно назад не отдавало.

Федерализм

Резюмируем: будущее либертарианское общество должно было иметь двойственную структуру — экономическую, в форме федерации самоуправляющихся рабочих объединений; административную, в форме федерации коммун. Заключительное требование состояло в том, чтобы возвеличить и обозначить эту доктрину как концепцию более широкого спектра, которая могла бы быть расширена на весь мир в форме федерализма.

По мере того как укреплялись идеи Прудона, федералистская идея прояснялась и становилась доминирующей. Одно из его последних произведений носило название «Федеральный принцип и необходимость реконструкции Революционной партии» (1863 г.), и, как указывалось раньше, ближе к концу жизни он склонялся скорее к тому, чтобы называть себя федералистом, чем анархистом. Мы более не живем в век маленьких древних городов, которые тем не менее даже в свое время иногда объединялись на федеральной основе. Проблема нашего времени состоит в управлении большими государствами. Прудон писал: «Если бы Государству никогда не было бы суждено расширяться за пределы государства или коммуны, я бы предоставил каждому возможность судить за себя и больше ничего бы не сказал. Но мы не должны забывать, что речь идет об огромных территориальных объединениях, в рамках которых города, городки и деревни насчитываются тысячами». Вопрос о фрагментации общества на микрокосмы не стоит. Важно единство.

Однако намерение авторитаристов заключалось в том, чтобы управлять этими местными группами по законам «завоевания», на что Прудон отвечал так: «Я объявляю им, что это совершенно невозможно по причине самих законов единства».

«Все эти группы... являются неразрушимыми организмами... которые не могут больше лишать себя суверенной независимости подобно жителю города, который мог бы потерять свое гражданство или прерогативы свободного человека... Все это будет достигнуто... может стать созданием непримиримого антагонизма между общим суверенитетом и каждым отдельным суверенитетом, выставлением авторитета против авторитета, — другими словами, в то время как предположительно речь идет о развитии единства, будет организовываться разделение».

В подобной системе «унитарной абсорбции» города или естественные группы «всегда будут обречены на то, чтобы потерять свою идентификацию в верховной агломерации, которую вполне можно назвать искусственной». Централизация означает «сохранение в рамках правительственных отношений групп, которые автономны по своей природе»; «...что для современного общества является истинной тиранией». Это система, характерная для империализма, коммунизма, абсолютизма, разорвался Прудон, добавляя один из тех сплавов, на которые он был большой мастак: «Все эти слова — синонимы».

С другой стороны, единство, реальное единство, централизация, реальная централизация, которая не разрушалась бы в тисках закона, должна быть контрастом взаимности, федеральным пактом, заключенным между различными территориальными единицами.

Общество свободных людей на самом деле централизует... контракт. Социальное единство... Является продуктом свободного объединения граждан... Для того чтобы нация провозгласила себя единой, это объединение должно быть централизовано... во всех своих функциях и разделах; централизация должна создаваться снизу доверху, от периферии к центру, и все функции должны быть независимыми и самоуправляющимися. Чем более многочисленны ее фокусы, тем сильнее будет централизация.

Федеральная система является противоположностью правительственной централизации. Два принципа либертарианства и авторитаризма, которые находятся в постоянном конфликте, должны прийти к соглашению: «Федерация разрешает все проблемы, которые возникают из-за нужды сочетать свободу и власть. Французская революция обеспечила основы для нового порядка, секретом которого обладает ее наследник — рабочий класс. Это новый порядок: объединить всех

людей в «федерацию федераций». Это выражение использовалось не без осторожности: универсальная (единая) федерация была бы слишком большой; большие объединения должны объединиться друг с другом. В своем любимом провидческом стиле Прудон заявлял: «Двадцатый век откроет эру федераций».

Бакунин всего лишь развил и усилил федералистские идеи Прудона. Подобно Прудону, он признавал превосходство федерального единства перед авторитарным единством: «Когда проклятая власть Государства больше не будет существовать, сдерживать индивидуумов, ассоциации, коммуны, провинции или регионы, принуждая их к совместной жизни, они станут намного более тесно связаны, станут представлять собой гораздо более жизнеспособное, реальное и могущественное целое, чем то, в которое государство ныне сбивает их силой, равно подавляюще действуя на них всех». Авторитаристы «всегда путают... формальное, догматическое и правительственное единство с реальным и живым единством, которое может происходить только от самого свободного развития всех индивидуумов и групп, равно как и из федерального и совершенно свободного союза... рабочих объединений в коммуны и сверх коммун в регионы, сверх регионов — в нации».

Бакунин подчеркивал необходимость существования промежуточного звена между коммуной и национальным федеральным органом: провинции или региона, свободной федерации автономных коммун. Однако не стоит думать, что федерализм может привести к эгоизму или изоляции. Солидарность неотделима от свободы: «В то время как коммуны остаются абсолютно автономными, они ощущают... солидарность друг с другом и объединяются без того, чтобы терять хотя бы часть своей свободы». В современном мире моральные, материальные и интеллектуальные интересы создали реальное и мощное единство между различными частями одной нации и между разными нациями; это единство переживет Государство.

Федерализм, однако, — это палка о двух концах. Во время Французской революции «федерализм» жирондистов был реакционным, а роялистская школа Шарля Морра выступала в его защиту под именем «регионализма». В некоторых странах, типа США, федеральная конституция используется теми, кто лишает людей с цветной кожей гражданских прав. Бакунин думал, что только социализм может дать федерализму революционное содержание. По этой причине его испанские последователи выказали не очень большой энтузиазм в отношении буржуазной федералистской партии Пи-и-Маргалля, которая называла себя прудонистской, и даже в отношении ее «кантоналистского» левого крыла в течение короткого и безуспешного эпизода существования республики 1873 г.

(Пи-и-Маргалль был министром в период между 1873 и 1874 гг., когда в Испании была ненадолго установлена республика. Когда в январе 1937 г. Федерика Монтсени, женщина-анархист, которая стала министром, восхваляла регионализм Пи-и-Маргалля, Гастон Леваль ответил, что тот далеко не являлся верным последователем Бакунина.)

Интернационализм

Из идеи федерализма естественным образом вырастает интернационализм, то есть организация наций на федеральной основе в «большую отчизну, общую для всего человечества». И здесь Бакунин дал раскрыться буржуазной и утопической концепции федерализма, не основанного на международном и революционном социализме. Значительно обогнав свое время, он уже тогда был «европейцем» в современном понимании этого слова — он призывал к созданию Соединенных Штатов Европы как к единственному действенному методу «предотвращения какой бы то ни было возможности гражданской войны между народами европейской семьи». Но он был достаточно осторожен и отметил, что создание любого такого союза из государств в том виде, в котором они есть сейчас, обречено на крах.

Ни одно централизованное бюрократическое, а значит, и военное государство, пусть даже и республика, никогда не вступит вполне искренно и с серьезными намерениями в какую-либо международную федерацию. По самой своей сути такое государство будет либо открытым, либо тайным, подковерным, способом отрицать всяческую внутреннюю свободу и, готовое потому в любой момент объявить войну, будет постоянно угрожать своим соседям, делая для

сопредельных с ним стран жизнь в мире невозможной». Потому любой союз с реакционным государством стал бы «предательством революции. Соединенные Штаты Европы - а затем и мира - возможны только после того, как будет сброшен старый порядок,

целиком строящийся на насилии и принципе централизованной власти. С другой стороны, любые отдельно взятые страны, где социальные революции увенчались успехом и где они были построены по одинаковым принципам, должны свободно объединиться в революционную федерацию, несмотря на существующие границы. Истинный интернационализм основывается на самоидентификации, а она, в свою очередь, - на праве выхода из любой федерации, любого союза. Вслед за Прудонем Бакунин утверждал, что «любой человек, любая артель, коммуна, провинция, регион, любая нация, наконец, имеет абсолютное право определять свою собственную судьбу - решать, объединяться с другими или нет, союзничать с кем-то по своему выбору или разбивать любые союзы без какой-либо оглядки на так называемые исторические претензии или удобство своих соседей». «Право свободного вступления в союзы и выхода из этих союзов с такой же легкостью есть наиболее важное из всех политических прав, без которого под конфедерацией всегда будет скрываться замаскированная централизованность».

Однако анархисты не считали, что такой принцип неизбежно приведет к изоляции через выход из федерации. Напротив, они были убеждены, что «единожды было утверждено право на выход из союза, такой выход станет невозможным, поскольку национальные единицы будут теперь установлены в свободном естественном порядке и не будут более продуктом насилия и исторической несправедливости». Тогда и только тогда они станут «сильными, плодотворными и постоянными».

Уже позже эти идеи Бакунина были унаследованы Лениным и ранними конгрессами Третьего интернационала; большевики переняли их и сделали основой своей национальной и антиколониальной политики, пока вся система не была искажена до такой степени, что превратилась в централизованный авторитаризм и замаскированный империализм.

Деколонизация

Стоит отметить, что одним лишь путем логических умозаключений федералисты дошли до практически пророческого предвидения проблем, связанных с деколонизацией. Прудон различал территориальную единицу, «присоединенную завоеванием», и «рациональную единицу» и считал, что «любая организация, которая превысила свои естественные размеры и стремится присоединить или аннексировать другие организации, теряет в своей силе столько же, сколько приобретает в размере, и движется по направлению к собственному распаду». Чем больше в городе (т.е. в нации) населения, чем больше у него территории, тем ближе он к тирании и к распаду:

Если метрополия основывает колонию или иную дочернюю структуру на некотором расстоянии от себя, эта колония или структура рано или поздно перерастет в новый город, связанный с материнским образованием федерацией или вовсе никак...

Когда новый город станет в силах поддерживать себя сам, он сам и провозгласит свою независимость, ибо нет такого права, по которому метрополия должна эксплуатировать такой город как свою собственность, как своего вассала. Таким образом, в наше время Соединенные Штаты (да и Канада на деле, если не на словах) отделились от Великобритании, а Австралия находится на пути к отделению по всеобщему согласию, и с одобрения материнской державы. Точно так же рано или поздно Алжир станет конституционно признан африканской Францией, только если мы по низким и

эгоистическим мотивам не будем продолжать удерживать его в нашей власти силой и нищетой.

Бакунин наблюдал за развивающимися странами и сомневался, что «империалистическая Европа» сумеет удержать в узде 800 миллионов азиатов. «Эти две трети человечества, эти 800 миллионов спящих и поработанных азиатов непременно проснутся и задвигаются. Но куда и с каким результатом?» Он объявил о своей «поддержке любого национального восстания против любой формы репрессии» и упоминал, в частности, удивительный пример восстания испанцев против Наполеона: несмотря на фантастический перевес имперских сил над отрядами повстанцев-партизан, захватчикам не удалось насадить своей власти, и после пятилетней борьбы они были вынуждены убраться из страны.

У любого народа «есть право быть самим собой, и никому нельзя силой навязывать обычаи, одежду, язык, мнения или законы». Но Бакунин считал, что истинный федерализм невозможен без социализма, и хотел, чтобы национальное освобождение было достигнуто «настолько же в экономических, насколько и в политических интересах масс», а не с «амбициозной целью создания могущественного государства». Любая революция за национальную независимость будет «обязательно направлена против народа... если она проводится в жизнь без участия народа и поэтому своим успехом обязана привилегированному классу», и станет, таким образом, «разрушительным откатом назад, контрреволюцией».

Было бы весьма прискорбно, если бы деколонизированные страны сбросили иностранное иго только с тем, чтобы попасть в ловушку политической или религиозной паутины. Необходимым условием их эмансипации является «полное уничтожение всякой веры масс в возможность божественной или человеческой власти». Вопрос национальности исторически второстепенен по сравнению с вопросом социальным; изолированная национальная революция победить не может. Социальная революция неизбежно становится мировой революцией.

Бакунин предвидел, что вслед за деколонизацией последует все более широкая федерация революционных народов: «Будущее за созданием европейско-американского международного союза. Затем, уже значительно позже, эта великая европейско-американская нация сольется с африканскими и азиатскими частями».

Таким образом, наш анализ приводит нас в самую середину двадцатого века.

Постскриптум: май 1968 г.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как я впервые подумал, что вижу среди французской молодежи зачатки либертарианской революции. Я был среди тех, кто наблюдал с интересом и, признаюсь, состраданием за тем, как разворачивался гротескный конфликт между молодыми рабочими, обществом, полицией и взрослыми вообще: я имею в виду знаменитые «черные куртки»¹⁵, организованные банды с рабочих окраин.

Но, как я отметил, и помимо этих антисоциальных молодых людей наша молодежь, в общем, не имела сильной привязанности к кому бы то ни было. Ее очевидный скептицизм не носил характера оторванности от мира или дилетантизма; в нем не было нигилизма, а было лишь комплексное неприятие ложных ценностей старших, будь то буржуа, опьяненных иерархией и властью, или сталинистов, новых иезуитов, слепо подчиняющихся слепо подчинившимся.

В 1958 г. во время дебатов на французском радио, посвященных молодежи, я заявил: «Социализм в сердцах молодых все еще жив, но, чтобы увлечь их за собой, он должен порвать с трагическими ужасами сталинизма и предстать в либертарианском обличье». На следующий год я опубликовал собрание сочинений под названием «*Jeunesse du Socialisme Libertaire*»¹⁶ и в предисловии так обратился к молодежи:

¹⁵ Французский аналог более известных английских «модов» на рубеже 50-х - 60-х - коротко стриженные, одетые без богемных излишеств, в тяжелой армейской обуви, молодежные группировки пролетарских районов собирались в барах и противопоставляли себя центральной богеме, буржуазии и полиции. Социологи выводят генеалогию современных скинхедов из подобных движений 60-х годов, но тогда никто не отмечал в них расизма. Государству противопоставлялось районное братство, а любой политической системе - романтическая сеть полукриминальных группировок. - *Прим. ред.*

¹⁶ Либертарианская социальная молодежь. - Париж, 1969 г.

«Эти сочиненья посвящаются вам, молодые люди сегодняшнего дня. Я знаю, что вы поворачиваетесь спиной ко всем идеологиям, всем из-мам, которые из-за ошибок ваших отцов превратились всего лишь в пустые звуки. Я знаю, что вы с бесконечным подозрением (и, увы, небезосновательно) относитесь ко всему, связанному с «политикой». Я знаю, что солидные старики, которые ломали головы над проблемой общества в девятнадцатом веке, вам кажутся скучной рухлядью. Я знаю, что вы с оправданным скептицизмом относитесь к «социализму», который так часто предавали и так неумело латали его сторонники. Ваш ответ хорошо сформулирован в тех откликах, которые получил по результатам опроса журнал *Nouvelle Vague*: «Социалистическое будущее нежелательно, поскольку оно означает полное подчинение человека политической идее, государству».

Вы говорите, что в социализме вас отталкивает не возможность отменить эксплуатацию человека человеком, а «бюрократия и чистки».

Иными словами, вы бы приняли социализм, будь он настоящим, аутентичным. Большинство из вас очень сильно переживает по поводу социального неравенства, и многие среди вас знают, что «капитализм обречен». Больше того, вы страстно привязаны к свободе, и один из вас пишет, что «французская молодежь все более анархична». Вы, сами не зная того, стали либертарианскими социалистами; в отличие от изжившего себя, обанкротившегося авторитарного и тоталитарного якобинского социализма, либертарианский социализм отмечен печатью молодости. Не только из-за того, что в нем секрет будущего, единственно возможная рациональная и человеческая альтернатива экономическому режиму, осужденному веками истории, но и потому, что он соответствует глубинным, хотя и запутанным, стремлениям сегодняшней молодежи. А без вашей поддержки, без вашего участия было бы пустым занятием пытаться перестроить мир.

Один из этих молодых людей написал: «Думаю, еще до своей смерти я увижу крах этой цивилизации». Я хотел бы, чтобы мне было дозволено пожить достаточно долго, чтобы успеть поучаствовать в этой гигантской расчистке мусора вместе с вами. Надеюсь, что те аргументы, которые я приведу в этой работе против ложного социализма, дадут вам еще материала для того, чтобы построить более свободное и справедливое общество — с новыми силами и новым энтузиазмом, свободным от скепсиса».

Майская революция 1968 г. во Франции полностью подтвердила это предсказание. Из всех углов молодежью была выметена паутина, и это были не только студенты, но и юные борцы рабочего класса, объединенные возрастом и отчужденностью. В университете, так же как и на фабрике и в профсоюзе, диктатуре взрослых был брошен вызов: перчатка легла к ногам университетских магистров, фабрикантов, начальников профсоюзов. И диктатура эта основательно пошатнулась. Произошедший взрыв был подобен удару грома, он нес разрушения и по характеру был совершенно либертариански-социалистическим.

Толчком послужила критика — не только буржуазного общества как такового, но и постсталинского коммунизма, — она в университетских кругах достигла дотоле небывалой остроты. Эта критика, в свою очередь, была стимулирована отречением, выраженным в *La Misure en Milieu Etudiant*¹⁷ небольшой группой ситуационистов, и вдохновлена восстаниями студентов в нескольких странах, а особенно в Германии.

¹⁷ «Бедственные условия студенческой жизни» - название листка, опубликованного студентами Страсбургского университета в 1967 г.

Вооружившись готовностью перейти от слов к действиям, нарочито пренебрегая законом, занимая рабочие места, бунтовщики не боялись отвечать на насилие репрессий революционным насилием; они бросили вызов всему существующему мироустройству, всем структурам, всем идеям; они отринули монологи профессуры с таким же негодованием, как и авторитарность своих нанимателей; они отреклись от культа личности и настояли на анонимности и коллективности; за несколько недель этот подъем молниеносно обернулся переходом к истинной демократии, диалогом тысяч голосов, общением всех и вся.

Она жадно пила из фонтана свободы. На всех их встречах, на всех собраниях каждому человеку было дано право полной свободы на выражение своего мнения. Площади превратились в амфитеатры, машины остановились, и участники обсуждения сидели на тротуарах, неспешно и подробно вырабатывая стратегию будущей уличной войны. Этот революционный пчелиный рой набирал себе сторонников в суде, в коридорах власти, в аудиториях Сорбонны. Здесь каждое без исключения революционное течение могло выставлять и продавать свою литературу.

Либертарианцы воспользовались этим моментом свободы, чтобы отказаться от своего прежнего, узкого взгляда на мир. Они боролись бок о бок с революционерами-марксистами авторитарного уклона, не сводя старые счеты, временно забыв о прошлых недомолвках. Черный стяг реял рядом с красным, без конкуренции, без конфликта, по крайней мере в течение самой острой фазы конфликта, когда братство сплотило всех под знаменами борьбы против общего врага.

Всякая власть отрицалась, высмеивалась. Миф старика-провидца¹⁸ из Елисейского дворца был не столько подорван серьезными аргументами, сколько поднят на смех карикатурой и сатирой. Болтовня парламентариев была сражена губительным оружием — безразличием; один из долгих маршей студентов через столицу проходил мимо дворца Бурбонов, но даже не удостоил его вниманием.

¹⁸ Имеется в виду де Голль. - Прим. пер.

Одно волшебное слово эхом повторялось в течение славных недель мая 1968 г., и на фабриках, и в университетах. Оно было темой бесчисленных собраний, толкований, отсылок к историческим прецедентам, детального изучения тех современных событий, которые могли предложить ключ к его сути, — этим словом было *самоуправление*. Особенный интерес вызвал пример испанской коллективизации 1936 г. По вечерам рабочие приходили в Сорбонну, чтобы узнать больше об этом новом решении общественных проблем. Когда они отправлялись обратно к себе в мастерские, обсуждения все равно продолжались — теперь возле молчащих машин. Конечно, революция мая 1968 г. не воплотила самоуправление в жизнь, но она была недалеко, можно даже сказать — в шаге от этого. Но идея самоуправления глубоко укоренилась в умах людей с тем, чтобы рано или поздно опять заявить о себе.

Наконец, этой революции, столь глубоко либертарианской по духу, посчастливилось найти себе рупор: им стал молодой франко-немецкий еврей-анархист двадцати трех лет, Даниэль Кон-Бендит. Он, вместе с группой своих друзей, стал детонатором, а когда его депортировали из Франции, и живым символом революции. «Дэни» — не теоретик от анархизма; в части, касающейся идей, его брат Габи, преподаватель в лицее Сен-Назар, вероятно, даже превосходит его по образованности и зрелости. Но у Дэни есть более поразительный дар, чем начитанность, — он наделен просто неугасимым огнем либертарианства. Он проявил себя как прирожденный агитатор, необыкновенно сильный и убедительный оратор, конкретный, прямой, не боящийся спровоцировать слушателя, заставляющий задумываться без демагогии или искусственности. Кроме того, он, как настоящий либертарианец, отказывается играть в лидера и настаивает на том, чтобы оставаться одним из многих. Он был движущей силой, стоявшей за первым студенческим восстанием во Франции, в университете Нантерра, и так, без предварительных приготовлений инициировал гигантское столкновение, которое потрясло всю страну. Буржуазия, а уж тем более сталинисты, которых он называл «пройдохами», не простили ему этого. Но с их стороны наивно было бы считать, что они избавились от Дэни — не важно, здесь он или нет¹⁹, он всегда будет идти по их следу.

¹⁹ Кон-Бендит, будучи немецким гражданином, хотя и родился во Франции, был депортирован из страны режимом де Голля в мае 1968 г., и с тех пор ему не было позволено вернуться.

Рауль Ванейгем

РЕВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Опубликовано
в «The Revolution of Everyday Life»
1967 г.

Глава 18. Подставная оппозиция

Выживание — это жизнь, сведенная к экономическим императивам. Однако в настоящее время выживание — это жизнь, сведенная к предметам потребления. Реальность дает свои ответы на проблему трансцендентного раньше, чем наши так называемые революционеры только начинают задумываться над ее формулировкой. Все, что вне трансцендентного, это гнилье, и все, что прогнило, вызывает к трансцендентному. Не имея никакого понятия об этих двух тенденциях, искусственная оппозиция только ускоряет процесс разложения, являясь к тому же его неотъемлемой частью. Задача трансцендентного, таким образом, упрощается, но только в том смысле, в каком можно сказать, что убитый облегчил задачу своего убийцы. Выживание — это не трансцендентное, потерявшее свою жизнеспособность. Открытое неприятие выживания обрекает нас на бессилие. Нам необходимо воскресить суть радикальных требований, которые много раз передавались движениями, начинавшимися как революционные. Тут-то и наступает момент преодоления, определяемый как сила и бессилие власти и как низведение личности до уровня одноклеточной субъективности, как тесная связь между повседневностью и тем, что ее разрушает. Это преодоление будет общим, целостным и построенным на субъективности. Однажды отказавшись от изначального экстремизма, революционные элементы неизбежно становятся реформистскими. Почти повсеместный отказ от революционного духа в наше время является почвой, на которой процветают пережитки реформизма. Любая современная революционная организация должна распознавать семена трансцендентного в великих движениях прошлого. В частности, ей необходимо заново открыть и воскресить идею индивидуальной свободы, извращенную либерализмом, идею коллективной свободы, извращенную социализмом, идею нового покорения природы, извращенную фашизмом, и идею целостной личности, извращенную идеологами марксизма. Последняя, выраженная в теологических терминах своего времени, когда-то вдохновляла самые известные средневековые ереси и их антиклерикальный гнев. Их не столь давняя эксгумация весьма характерна для нашего столетия с его новым духовенством из так называемых «экспертов». Люди типа «ressentiment»¹ прекрасно выживают, это люди, лишённые сознания возможности трансцендентного, люди эпохи разложения. Опасаясь стать частью впечатляющего процесса разложения, человек «ressentiment» становится нигилистом. Активный нигилизм предшествует революционности. Не может быть сознания трансцендентного без осознания разложения. Юные правонарушители — это законные наследники дадаистов.

¹ Термин, введенный в культурный обиход Фридрихом Ницше. Обозначает психологическое состояние «последних людей», не способных ни к чему бескорыстному и героическому и постоянно испытывающих мучительную смесь расплывчатой вины, безадресной обиды и жгучей, но такой же «блуждающей», зависти. — *Прим. ред.*

Глава 19. Вопрос трансцендентного

Протест имеет множество форм, но трансцендентное едино. Обличенная современной неудовлетворенностью и призванная в свидетели, человеческая история являет собой лишь историю радикальных протестов, неизменно несущих в себе трансцендентное, неуклонно стремящееся к самоотрицанию. Несмотря на то, что одновременно можно наблюдать лишь один-два аспекта проявления одного протеста, ему никогда не удастся замаскировать своей принципиальной идентичности диктатуре Бога, монарха, вождя, класса или организации. Но не будем вдаваться в антологию бунта. Путем превращения физической отчужденности в отчужденность социальную ход истории учит нас свободе в рабстве, он учит нас как бунту, так и покорности. Бунт менее нуждается в метафизиках, чем метафизики в бунте. Иерархическая власть, которую мы можем наблюдать на протяжении тысячелетий, дает исчерпывающее объяснение постоянству бунтов так же, как и постоянству репрессий, эти бунты подавляющих. Свержение феодализма и создание класса господ без рабов есть по сути одна и та же идея. Память о частичном провале в осуществлении этой идеи Великой французской революцией продолжает представлять ее более близкой и привлекательной так же, как и позднейшие Парижская Коммуна и Большевицкая революция, каждая по-своему неудачная, только обозначившая контуры идеи, но так и не воплотившая их в жизнь. Все философии в истории без исключения согласны в оценке этого провала, из чего понятно, что осознание истории неотделимо от осознания необходимости трансцендирования. Благодаря чему момент трансцендентного стало проще различить на социальном горизонте? Вопрос трансцендентного есть вопрос тактический. В общих чертах мы можем обозначить его следующим образом:

а) Все, что не убивает Власть, укрепляет ее; и все, что Власть не убивает сама, ослабляет ее.

б) Чем больше требования сферы потребления начинают вытеснять требования сферы производства, тем скорее тоталитарное правительство уступает место правительству либеральному.

с) С расширением демократического права потребления расширяются соответственно права крупнейших групп народа на распространение своей власти (в разных степенях, разумеется).

д) Как только люди поддаются гипнозу Власти, они ослабляют себя и, вместе с тем, снижается их способность к протесту. Таким образом, Власть усиливается, это верно, но в то же время она низводится до уровня потребления, к потреблению, как таковому, и благодаря этому она рассеяна и при случае легко уязвима. Момент трансцендентного является составной частью этой диалектики силы и слабости. И поскольку задача радикальной критики, несомненно, состоит в определении этого момента и разработке тактики ниспровержения Власти, глупо было бы игнорировать избыточные вокруг нас факты, дающие повод для подобной критики. Трансцендентность сидит верхом на противоречии, разделяющем современный мир, пронизывающем сводки новостей и, несомненно, накладывающем отпечаток на наше поведение. Это противоречие между бессильным протестом, т.е. реформизмом, и протестом бурным, т.е. нигилизмом (который, в свою очередь, делится на два типа — пассивный и активный). Распространение иерархической Власти, несомненно, расширяет сферы влияния этой власти, но одновременно снижает ее авторитет. Все меньше людей остается за чертой, за которой живут бомжи и паразиты, но одновременно все меньше людей испытывают пиетет перед работником, монархом, лидером или правителем, и, несмотря на то, что все большее количество людей живет и выживает благодаря социальной организации, все больше появляется людей, которые в грош ее не ставят. Каждый ведет свою особую борьбу за выживание в этом мире. Из этого можно сделать два вывода:

а) Во-первых, индивидуум есть не только жертва атомизации общества, он также и жертва раздробленности власти. Сейчас эта субъективность выступила на историческую арену, с тем чтобы немедленно подвергнуться атаке и стать поводом для самых решительных революционных требований. Отныне построение гармонического общества требует революционной теории, основанной не на принципах коммуны, а наоборот, исходящих из субъективности, или, иными словами, основанной на частных случаях, на жизненном опыте индивидуумов.

б) Во-вторых, сильная раздробленность сопротивления и протеста ведет по иронии судьбы к противоположному результату, поскольку воссоздает те условия, которые являются предпосылками глобального протеста. Новое революционное сообщество вовлекается в цепную реакцию, перетекающую из одной субъективности в другую. Построение общества, состоящего из одних индивидуумов, знаменует собой обратную перспективу, без которой невозможна никакая трансцендентность.

В конце концов идея обратной перспективы овладевает умами масс. Каждый видит комфорт, но не имеет его. Близость к смерти призывает жизненные силы к мятежу. И так же, как привлекательность далеких пейзажей теряется по мере приближения к ним, эффект перспективы теряется по мере приближения предмета к глазу. Окружая людей декорациями предметов в неуклюжей попытке подменить этими предметами самих людей, Власть неизменно вызывает недовольство и разочарование. Зрение и мышление спутаны, ценности размыты, формы расплывчаты, и нам все трудней сфокусировать глаз, словно мы рассматриваем картину, уткнувшись в нее носом. Между прочим, искажение перспективы в изобразительном искусстве (Учелло, Кандинский) напрямую связано с изменением перспективы в **общественной жизни**². Ритм общества потребления создает такое умственное пространство, в котором далекое и близкое неотличимы одно от другого. Сама жизнь вскоре поможет человечеству в его борьбе за вступление в то состояние свободы, к которому оно стремилось. Хотя бы это стремление уже и было дискредитировано теми самыми швабскими еретиками, о которых упоминает Норман Кон в книге «В погоне за Тысячелетием», говоривший, «что они взобрались выше самого Господа Бога и, достигнув самой вершины Божественного, отвергли Бога. Зачастую такой адепт заявляет, что «более не нуждается в Боге».

² Прием обратной перспективы широко применялся в иконописи и сакральном изобразительном искусстве средневековья, чтобы через принцип «неподобного подобия» символически показать вещи не глазами сотворенного человека, но глазами их спасителя и творца. Тем самым обратная перспектива выражала идеал общества, полюсом притяжения которого является не человеческий, но божественный образ. Прием равноправного совмещения разделенных во времени сцен подчеркивал цикличность самого времени, делая саму категорию времени временной и дополнительной особенностью пространства, которая будет преодолена и исчерпана в момент Страшного суда. Рациональный и аналитический взгляд гуманистов Ренессанса и концепция необратимого линейного времени выразили себя в оптическом эффекте прямой перспективы. Но авангард двадцатого века вновь вернул в обиход все прежние, дискредитированные изобразительные приемы «мракобесного» прошлого, дав им новое, «антибуржуазное» и «антирационалистическое» оправдание. — Прим. ред.

Глава 20. **Отречение от бедности** **и бедность отречения**

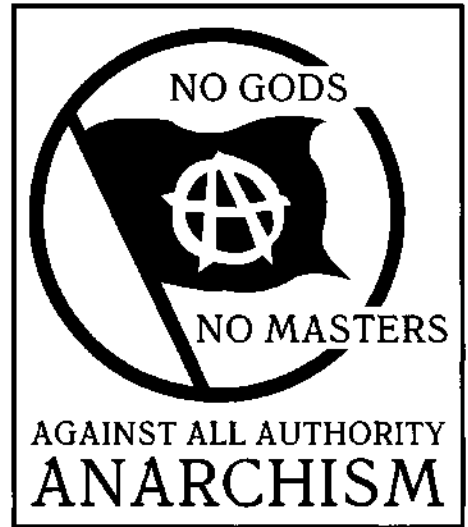
Почти любое революционное движение несет в себе стремление к полным переменам, но до сих пор почти все революции преуспевали только в изменении некоторых деталей. Как только вооруженные люди отказываются от своей собственной воли и начинают исполнять волю своих идеологов и вождей, они теряют контроль над ситуацией и сами коронуют своих тиранов. В этом и заключается коварство раздробленной Власти: она порождает фрагментарные революции, революции, лишённые обратной перспективы, отрезанные от цельности и парадоксальным образом обособленные от пролетариата, который и является их вершителем. Ни для кого не секрет, что тоталитарный режим является той ценой, которую приходится платить, когда требование полной свободы исключается, как только выиграно несколько мелких фрагментарных свобод. Но разве могло быть по-другому? Люди толкуют в связи с этим о фатальности, о проклятии: революция пожирает собственных детей и т.п. Разве поражение Махно, подавление Кронштадтского мятежа, убийство Дурутти не были большими буквами вписаны еще в структуру первоначальных большевистских ячеек, а возможно, и в авторитарную позицию Маркса в Первом интернационале? «Историческая необходимость» и «интересы государства» — это только красивые слова для того, чтобы вожди революций могли легитимировать свое отступление от первоначальной революционной идеи, свое отречение от экстремизма.

Отречение есть отказ от трансцендентности. А политика дискуссий, частичное отступление и поэтапные требования — это как раз то, что закрывает дорогу трансцендентному. Самая страшная бесчеловечность — не что иное, как результат подавленных желаний освобождения, погрязших в компромиссах и похороненных в пластах последовательных жертв. И либерализм, и социализм, и большевизм — все выстраивали новые тюрьмы под вывеской свободы. Левые комфортно борются за свое влияние в пределах возможного, искусно продвигаясь к этой жалкой цели, размахивая красными флагами, вспоминая о баррикадах и великих революционных событиях прошлого. В этом смысле когда-то радикальные стремления были вдвойне преданы и дважды похоронены: сначала их умертвили и закопали, а затем вырыли снова и использовали как вывеску. «Революция» процветает повсюду: рабочие-священники, священники-наркоманы, коммунисты-

генералы, красные самодержцы, профсоюзные лидеры в совете директоров... Радикальный шик прекрасно гармонирует с обществом, которое торгует пивом «Красный бочонок Уотни» под лозунгом «Да здравствует красная революция!» Нельзя сказать, чтобы это совсем не несло в себе риска для системы. Бесконечные карикатуры на святая святых революционных идеалов могут набить оскомину. Революционные идеалы могут возродиться через очищение как реакция на всеобщую проституцию. Не бывает утраченных аллюзий.

Новая волна бунта ведет к сплочению молодежи, оставшейся в стороне от политических движений современности, как правых, так и левых, или тех, кто вышел из них из-за вполне простительных разногласий с ними или остракизма с их стороны. Все течения сходятся в общем потоке нигилизма. Однако единственно важное лежит за пределами всей этой сумятицы. Повседневная революция станет уделом тех, кто в той или иной степени способен распознать зерна полной самореализации, собранные из самых разных идеологий, тех, кто постепенно перестанет поддаваться на различные мистификации или, наоборот, мистифицировать других.

Если дух бунтарства и существовал когда-либо в рамках христианства, я сомневаюсь, что человек, называющий себя христианином, способен понять его. Такие люди не имеют ни права, ни способности наследовать еретические традиции. Сегодня ереси невозможны. Язык теологии, в терминах которого выражены устремления многих мятежей прошлого, был всего лишь приметой времени; другого языка тогда просто не было. Нельзя сказать, чтобы перевод представлял какие-то трудности. Оставляя в стороне время, в котором я живу, и те объективные знания, которые я могу получить благодаря этому, вряд ли я мог бы сегодня сказать лучше, чем Братство Свободного Духа в тринадцатом веке: «Человек может настолько слиться с Богом, что чего бы он ни делал, он не согрешит. Я часть свободной Природы, и я удовлетворяю все мои природные желания. Свободный человек абсолютно прав, делая все, что приносит ему удовольствие. Пусть лучше весь мир разлетится на куски, чем свободный человек воздержится от любого действия, на которое подвигает его Природа». Остается также только восхищаться словами Иоганна Хартмана: «Истинно свободный человек есть бог и господин всех тварей. Все принадлежит ему, и он имеет право пользоваться всем, чем только пожелает. И если кто-либо попытается ему помешать, свободный человек имеет право убить его и завладеть его имуществом». Примерно так же считал Джон из Брюнна, который оправдывал свои мошенничества, кражи и вооруженные грабежи, заявляя: «Все вещи, созданные Богом, являются общей собственностью. Чего бы ни увидел глаз, руке позволено хватать». Опять же вспомним арнольдиан, утверждавших, что они просто не способны совершить грех, что бы они ни делали, настолько они чисты. (1157). Подобные алмазы Христианского духа всегда были слишком яркими для подслеповатых глаз христиан. Великую еретическую традицию можно распознать пусть и не очень четко, но со всем присущим ей достоинством, и в действиях Пауэлса, подложившего бомбу в церковь Святой Мадлены (15 марта 1894 г.), и даже в действиях молодого Роберта Бюргера, перерезавшего горло священнику (11 августа 1963 г.). Последние из последних вероятные примеры священников, пытающихся спасти что-то истинное из революционного наследия христианства, видны в действиях Меслие и Жака Руа, вдохновляющих погромы и мятежи. Однако нет надежды, что сегодняшние сектанты от экуменизма способны это понять. Они действуют как из Москвы, так и из Рима, и их евангелисты в той же мере отребье кибернетического века, как и креатуры *Opus Dei*. С таким новым духовенством новые трансцендентные ереси без труда получают благословение.

Никто не может отрицать огромное влияние, которое оказывает либерализм на распространение жажды свободы во всех уголках света. Свобода печати, свобода мысли, свобода

творчества — если все их «свободы» не имеют других достоинств, то, по крайней мере, они возвышаются монументами, олицетворяющими лживость либерализма. Воистину, какая выразительная эпитафия: «Свобода была заключена под стражу во имя самой свободы!» В либеральной системе свобода индивидуумов уничтожена взаимной интерференцией: свобода одного человека кончается там, где начинается свобода другого. Те, кто не принимает этого основополагающего принципа, становятся жертвой оружия, те, кто принимает, становятся жертвой правосудия. Никто не марает рук: кнопка нажата, гильотина полиции и государственного насилия приведена в действие. Вот уж воистину процветающий бизнес. Государство — это нечистая совесть либералов, инструмент необходимых репрессий, за которые они снимают с себя ответственность. А что касается повседневного бизнеса, то во имя свободы капиталистов ограничивается свобода рабочих. Однако тут на сцену выходит восставший против подобного лицемерия социалист. Что такое социализм? Это путь вывода либерализма из его противоречий. Однако фактически он и защищает, и одновременно поработает свободу индивидуума. Социализм предлагает (и трудно представить себе более достойную цель) воспрепятствовать индивидуумам отрицать свободу друг друга посредством вмешательства общества. Но решение этой проблемы на практике приводит к иным результатам: вмешательство заменяется поработанием индивидуума. И что еще хуже — воля индивидуума ограничивается эталоном коллективной заурядности. Стоит, однако, отметить, что только сфера экономики находится под влиянием института социализма, и нельзя сказать, что оппортунизм, т.е. либерализм в повседневной жизни, полностью не совместим с бюрократическим планированием всех вышеупомянутых сфер деятельности, включая продвижение, борьбу за власть между лидерами и т.д. Таким образом, социализм, отказываясь от экономического соревнования и свободного предпринимательства, ограничивает действие вмешательства одним уровнем, заставляя народ потреблять Власть как единственную авторизованную форму свободы. Сторонники самоограничения свободы делятся на два лагеря: на тех, кто за либерализм в производстве, и тех, кто за либерализм в потреблении. Различия между ними существенны. Противоречие между радикализмом и его неприятием хорошо видно на примере двух тезисов, занесенных в повестку дня дебатов Первого интернационала. В 1867 г. Шемаль напоминает своим слушателям, что «одна продукция должна обмениваться на другую равной ценности; обмен на продукцию меньшей ценности расценивается как обман, мошенничество, кража». По Шемалю, следовательно, проблема в том, как рационализировать обмен и сделать его справедливым. В этом смысле цель социализма в том, чтобы подкорректировать капитализм, придать ему человеческое лицо и, таким образом, лишить его своей хищнической сущности. А кому выгоден крах капитализма? Это мы знаем еще с 1867 года. Но тогда же был и другой взгляд на социализм, существовавший наравне с первым, его высказывал Варлен, будущий коммунарь, на Женевском конгрессе того же самого Международного товарищества рабочих в 1866 году: «Свобода будет существовать, пока что-либо будет препятствовать самой занятости». Таким образом, свобода заперта в рамках социализма, и не может быть более безрассудного риска, чем попытка выпустить эту свободу на волю сегодня, не объявив при этом тотальную войну социализму. Стоит ли ставить под сомнение отступление социализма во всех его проявлениях от изначальной марксистской идеи? Советский Союз, Китай, Куба — чего они достигли в создании гармоничного человека? Материальная бедность, которая питала революционные устремления к трансцендентности и радикальным переменам, исчезла, но появилась другая бедность — бедность, порожденная отречением от идеи свободы и компромиссом. Отречение от бедности привело только к бедности отречения. Не это ли чувствовал и сам Маркс (видя, как его идеи, становясь модными, распадаются на фрагменты и приемлемые для переваривания куски), когда в свое время сказал: «Я не марксист». Даже ужасы фашизма выросли из воли к жизни, но воля к жизни обратилась вспять, против самой себя, как вросший ноготь. Воля к жизни превратилась в волю к власти, воля к власти превратилась в волю к пассивному повиновению, воля к пассивному повиновению превратилась в волю к смерти. При попадании в соответствующую среду допустимость дробления означает полное отречение. Давайте уничтожим фашизм, но пусть тот же пламень пожирающий истребит все идеологии с их лакеями в придачу.

В силу обстоятельств поэтическая энергия всегда либо отвергается, либо хоронится, как семя, в землю. Изолированные люди отказываются от своей индивидуальной воли, своей субъективности

в попытке прорыва. Наградой им служат иллюзия единства общества и усиление воли к смерти. Отречение от собственной воли есть первый шаг на пути создания общества людей посредством механизма власти. Нет таких методов или идей, которые возникли бы не из воли к жизни, однако в мире официальном нет таких методов или идей, которые не вели бы нас к смерти. Истинный смысл поражений прошлого относится к той части истории, которая в большинстве своем остается нам неизвестной. Изучение их следов помогает нам ковать оружие тотальной трансцендентности. Где радикальное ядро, где качественное пространство? Этот вопрос в состоянии потрясти обыденное сознание и привычный уклад жизни, и у него есть своя роль в стратегии преодоления, в построении новой сети радикального сопротивления. Это может относиться к философии, где онтология свидетельствует об отречении от идеи бытия-как-становления. Это может относиться и к психоанализу, и к технике освобождения, которая призвана прежде всего «освободить» нас от разрушительных по отношению к обществу тенденций. Это может относиться и ко всем мечтам и желаниям, попорченным, похороненным или задушенным компромиссами. В основном, радикальный характер наших спонтанных действий подлежал осуждению с точки зрения наших устойчивых взглядов на мир и на самих себя. Что до игрового импульса, то его заключение в рамки разрешенных игр, от рулетки до войны, не оставляет места для истинной игры, которую мы призваны играть каждую секунду нашей жизни. А любовь, которая неотделима от революции, но так отрезана в действительности от радостной самоотдачи?! Уберите эти качества, и останется только отчаяние. Отчаяние есть продукт любой системы, допускающей убийство человека, системы иерархической власти: реформизма, фашизма, филистерского популизма, медиократии, активизма и пассивности, бойскаутства и идеологической мастурбации. Один из друзей Джойса вспоминал: «Я не помню, чтобы Джойс хоть раз говорил о Пуанкаре, Рузвельте, де Валера или Сталине, разве иногда поминал Женеву или Локарно, Абиссинию, Испанию, Китай, Японию...» И то правда, что бы он мог еще добавить к «Улиссу» или «Поминкам по Финнегану»? «Капитал» индивидуального творчества уже был написан, Леопольдам Блумама всего мира оставалось только объединиться, отбросить свои жалкие пережитки и сконцентрироваться на богатстве своих внутренних монологов в живой реальности их существования. Джойс никогда не был соратником Дурутти, он не сражался в одних рядах с астурийскими или венскими рабочими. Но он был достаточно благороден, чтобы не опускаться до обсуждения сиюминутных новостей, и он воздвиг «Улисса», этот «памятник культуры», как назвал его один критик, и тем самым увековечил себя, Джойса, человека тотальной субъективности. «УЛИСС» есть свидетель бесхребетности человека, букв и слов. Таким образом, революция и контрреволюция следуют друг за другом, наступая друг другу на пятки иногда в течение суток, даже в небогатые событиями дни. Но сознание радикального акта и отречения от него становится все более распространенным и разнообразным. Это неизбежно. Потому что сегодня выживание есть не трансцендентное, ставшее отжившим.

Глава 21. Господа без рабов

Власть — это социальная организация, которая дает возможность господам диктовать условия рабства. Бог, Государство, Организация — эти три слова достаточно красноречиво говорят о степени автономии, и здесь в полную силу вступает момент исторического детерминизма, три принципа власти, благополучно сплетшиеся в один клубок: доминирующий признак (феодалская власть), принцип эксплуатации (буржуазная власть) и организационный принцип (кибернетическая власть). Иерархическая социальная организация совершенствуется путем десакрализации и механизации, но при этом противоречия ее усугубляются. Она гуманизировала себя настолько, что начисто лишила людей их гуманной сущности. Она добилась автономии при помощи господ (хозяев); правители сохраняют контроль, но сами при этом являются марионетками. Сегодня те, кто у власти, стремятся навечно утвердить класс изнывающих от жажды рабов, тех, о ком Теогнис сказал, что «они рождены со склоненными головами» и даже утратили нездоровое желание доминировать. Перед обществом господ-рабов стоит человек отказа, новый пролетариат, богатый революционными традициями. Эти господа-без-рабов и создадут новый, высший тип общества, в котором будут воскрешены детские мечты и осуществлены исторические проекты великих аристократов.

Платон писал: «Каждый человек хотел бы, если бы это было возможно, быть господином всех остальных людей. А лучше Богом». Убогие амбиции, принимая во внимание слабость господ и богов. Ибо если, в конечном счете, ограниченность рабов происходит из их преданности своим хозяевам, то ограниченность господ и самого Господа Бога происходит, по определению, из-за отсутствия хозяев над ними. Господин знает пределы своего господства, раб знает пределы своего рабства, полное господство в равной мере отрицается ими обоими. Как видит себя феодальный господин в подобной диалектике господ и рабов? Раб Божий и господин над людьми. Поскольку он есть раб Божий (если это мифическое лицо вообще существует), он осужден сочетать в себе отвращение с почтительным интересом к Богу, потому что именно Бог является тем Лицом, которому он подчиняется, и именно от Него он получает власть над людьми. Если кратко, то он воссоздает между собой и Богом тот тип отношений, который существует между дворянином и монархом. Что же такое монарх? Единственный избранный среди избранных, и при этом преемственность монархической власти осуществляется, в основном, как игра, в которой соревнуются равные. Феодальные сюзерены служат королю, но служат они ему как равные, они стоят вместе перед Богом, как соперники и конкуренты.

Можно понять, чего не хватало господам прошлых эпох. Через Бога они достигают положительного полюса отчуждения, через своих вассалов, отрицательного. Как господин может хотеть быть Богом, зная всю скуку положительного отдаления? И в то же время как может он не хотеть освободиться от Бога, этого стоящего над ним тирана? «Быть или не быть» великих людей заключается в неразрешимом вопросе: как отказаться от Бога и все же сохранить Его, свергнуть Его и достигнуть Его? История оставила нам свидетельства двух попыток такого свержения; одну из области мистики, другую — из «великого отрицания». Мастер Экхарт провозглашал: «Я молю Бога освободить меня от Бога». А упомянутые выше швабские еретики в 1270 г. заявляли, что они вознесли себя выше Бога, достигнув наивысшей степени божественного совершенства, они более не нуждаются в Нем³. С другой стороны, стороны отрицательной, отдельные сильные личности вроде Гелиогабала, Жилья де Ре⁴ и Эржебет Батори⁵ боролись, как мы можем видеть, за то, чтобы достичь тотального господства над миром путем ликвидации всех посредников, тех, кто находился от них на положительном отдалении, — своих рабов. Они реализовывали идею тотального человека через тотальную бесчеловечность. «Противно Природе». Таким образом, страсть к неограниченному господству и абсолютный отказ от принуждения являют собой одну и ту же восходящую и нисходящую лестницу, на которой стоят плечом к плечу Калигула и Спартак, Жилья де Ре и Дьёрдь Дожа⁶, все вместе, и все же каждый по отдельности. Однако недостаточно сказать, что всеобщий бунт рабов (я настаиваю на всеобщем бунте, а не на его неполных формах, будь то христианских, буржуазных или социалистических) стоит в одном ряду с экстремальным бунтом сюзеренов прошлого. Фактически стремление к отмене рабства и освобождению всех угнетаемых (пролетариата, слуг, покорного и пассивного народа) дает уникальный шанс реализации воли к управлению миром без ограничений, если не считать воссозданную природу и сопротивление материальных объектов при их трансформации. Этот шанс вписан в исторический процесс. История существует, пока существуют угнетенные. Борьба против природы и затем борьба против различных общественных организаций, борющихся с природой, это всегда борьба за человеческое освобождение, борьба за цельного человека. Отказ быть рабом — вот что действительно может изменить мир⁷.

³ Еретические движения, на которые ссылается Ванегейм, были преимущественно гностического толка, т.е. считали, что есть «мертвый Бог» Ветхого Завета - создавший материальную реальность злой демиург, и «живой Бог» Нового Завета - спаситель и источник всякого духа. Дух, вопреки воле «мертвого Бога», был тайно поселен в мире и людях «Богом живым». В такой оптике «мертвый Бог» - демиург должен быть преодолен, т.к. человек с искрой духа внутри потенциально выше демиурга. Через это преодоление и лежал для еретиков-гностиков путь к «живому Богу» и «спасению во Христе». — *Прим. ред.*

⁴ Жилья де Лаваль барон де Ре (1404-1440) был обвинен в убийстве на сексуальной почве 140 детей.

⁵ Батори Эржебет, графиня, прозванная Кровавая (ок. 1560-1614) - венгерская аристократка, возвращавшая себе молодость купанием в крови своих жертв.

⁶ Руководитель восстания венгерских крестьян (1514 г.).

⁷ Противники всегда приписывали анархистам желание немедленно отменить всех начальников и хозяев, дальше традиционно следуют страшные слова «хаос», «непредсказуемость» и «смута». В реальности все усилия анархистов наоборот всегда сводились к тому, чтобы отменить подчиненных и принадлежащих. В ситуации, когда человек несет полную ответственность за все свои действия, начальникам и хозяевам, представителям и посредникам просто не остается места и преобладает самоорганизация и гармония. В этом смысл загадочного для многих афоризма «Анархия - мать порядка!» и часто повторяемого Ванейгемом лозунга «Господа без рабов!» — *Прим. ред.*

А какова же цель истории? История делается «в силу определенных условий» (Маркс) рабами против рабства... Таким образом, всегда преследуется одна и та же цель — низвержение господ. В свою очередь, господин всегда будет пытаться ускользнуть от истории, истребляя тех, кто делает эту самую историю в ущерб его интересам. Вот некоторые парадоксы:

1. Самый человечный аспект господ прошлого состоит в их притязании на абсолютное господство. Эта претензия предполагает абсолютную остановку исторического процесса, а следовательно, и однозначный отказ от освобождения. Это уже, так сказать, полная бесчеловечность.

2. Желание избежать истории делает вас уязвимым. Если вы пытаетесь убежать, вы открываете свой тыл, и вас проще атаковать; определенная неподвижность не может устоять под натиском живой реальности дольше, чем у нее на это хватит диалектики производительных сил. Господа — это священные жертвы истории. С высоты пирамиды сегодняшнего дня, оглядывая три тысячелетия истории, мы видим, что они полностью сметены историческим вихрем, будь то в пределах определенного плана, четкой программы либо линии силы, позволяющей понять Смысл Истории (конец мира рабов, феодального мира и буржуазного мира).

Из-за того, что господа пытаются избежать истории, они всеми силами стараются попасть в ее летописцы, они вступают в линейную временную эволюцию вопреки самим себе. С другой стороны, те, кто вершит историю, революционеры, рабы, опьяненные тотальной свободой, похоже, действуют «sub specie aeternitatis» (с точки зрения вечности), под знаком непреходящего, влекомые ненасытной жаждой цельной жизни, преследуя свои цели в самых разных исторических условиях. Возможно, философское понятие вечности напрямую связано с историческим опытом освобождения, и, может быть, это понятие когда-нибудь воплотится как философия теми, кто носит внутри себя тотальную свободу и конец традиционной истории.

3. Превосходство отрицательного полюса отчуждения над положительным в том, что его всеобъемлющий бунт делает идею абсолютного господства единственно возможным решением. Рабы в своей борьбе за избавление от рабства достигают момента, через который история ликвидирует господ, а вне истории в этом проявляются возможности новой власти по отношению к тому, с чем они сталкиваются, — власти, которая более не захватывает объекты, захватывая людей. Но в ходе поступательного развития истории неизбежно наступает момент, когда господа, вместо того чтобы исчезнуть, начинают вырождаться, господ более не существует, есть только рабы — потребители власти, различающиеся между собой только по степени и количеству потребляемой власти. Изменение мира при помощи производительных сил неуклонно двигало его к созданию материальных условий для тотального освобождения, пройдя вначале через буржуазную стадию. Сегодня, когда автоматика и кибернетика, применяемые в гуманном ключе, могли бы позволить осуществить мечты и господ, и рабов всех времен, существует лишь бесформенная социальная магма, которая смешивает в каждом индивидууме микроскопические частицы господина и раба. Но именно из этой смеси эквивалентных величин и должны явиться новые господа — господа без рабов.

Здесь мимоходом я хотел бы отдать должное маркизу де Саду. Он, во многом благодаря как своему удачному появлению на поворотном этапе истории, так и своей яркой индивидуальности, является последним из великих аристократов бунта. Каким образом господа из Дворца Торговли заявляют о своем абсолютном господстве? Они устраивают резню всем своим рабам и этим жестом достигают вечности в наслаждении. Это предмет «120 дней Содома».

Маркиз и санкюлот, Д. А. Ф. де Сад соединяет совершенную логику гедонизма порочного гранд-сеньора и революционную жажду наслаждений без ограничений субъективностью, которая наконец-то высвободилась из рамок иерархии. Отчаянная попытка избежать как позитивного, так и негативного полюсов отчуждения, которую он предпринимает, сразу ставит его в один ряд с главными теоретиками цельного человека. Революционерам давно пора начать штудировать де Сада с тем же рвением, с которым они заглывают Маркса. (О Марксе, как мы знаем, революционерам-профессионалам известно, в основном, то, что он писал под псевдонимом Сталин или, в лучшем случае, Ленин или Троцкий). Во всяком случае, никто из тех, кто стремится к радикальному изменению повседневной жизни, не может теперь игнорировать ни великих отрицателей власти, ни тех сюзеренов прошлого, что стали чувствовать себя стесненными той властью, которой наделил их Бог.

Буржуазная власть питалась крохами со стола феодальной власти. Она сокрушила феодальную власть. Съеденная революционным критицизмом, растоптанная и сломленная (без этой ликвидации, когда-либо достигавшей своего логического завершения конца иерархической власти) аристократическая власть пережила гибель аристократии в форме пародии с перекошенной от боли усмешкой. Неуклюжие и закоснелые в своей фрагментарной власти, придавая своему фрагменту статус тотальности (а тоталитаризм весь в этом), буржуазные правители были вынуждены наблюдать, как трещит по всем швам их престиж, разъеденный гнилью театральности. Как только власть и ее мифы исчерпали лимит доверия, формой правления могли стать либо бурлескный террор, либо демократическая лабуда. Взгляните-ка на миленьких деток Наполеона! Луи-Филипп, Наполеон III, Тьер, Альфонс XIII, Гитлер, Муссолини, Сталин. Франко, Салазар, Насер, Мао, Де Голль... вездесущий Убю⁸, во всех четырех сторонах света плодящий все более и более уродливые выкидыши. Только вчера они еще размахивали жезлами-прутиками своей власти, подобно олимпийским громовержцам; сегодня эти обезьяны власти подбирают на общественной сцене крохи сомнительного уважения. Разумеется, абсурдность Франко по-прежнему убийственна, навряд ли такое может выветриться из памяти, но мы не должны забывать, что тупость власти бывает более беспощадным убийцей, чем тупость у власти.

⁸ Король Убю (он же Папаша Убю) - персонаж абсурдистских кукольных пьес Альфреда Жарри, предтечи сюрреализма. Убю - гротескный садист, непредсказуемый диктатор и воплощение безграничной brutality. - *Прим. ред.*

Этим спектаклем управляет мозгоскре-бущая машина нашей уголовной колонии. Господа-рабы сегодня ее верные слуги, статисты и постановщики. Кто захочет их осудить? Они будут настаивать на своей невинности, и они действительно невинны. Им требуется не столько цинизм, сколько внезапные признания, столько террора, сколько нужно для покладистых жертв, и столько силы, сколько имеется у кучки мазохистов. Оправданием власть имущих является малодушие тех, кем они управляют. Сегодня всеми правит и манипулирует как предметами некая абстрактная власть, организация-в-себе, чьи законы писаны самозванными правителями. Предметы нельзя судить, их можно только устранить, чтобы не надоедали.

В октябре 1963 г. мсье Фурасти пришел к следующему заключению по поводу лидера будущего: «Лидер потерял свою, почти магическую в прошлом, власть; он есть и останется человеком, способным на провокационные действия. В конце концов подготовка к принятию решений будет осуществляться рабочими группами. Лидер лишь займет должность председателя комиссии, который будет обобщать ее работу и принимать окончательное решение». Мы можем наблюдать три исторические стадии, характеризующие эволюцию господина:

1. Принцип доминирования, связанный с феодальным обществом.
2. Принцип эксплуатации, связанный с буржуазным обществом.
3. Принцип организации, связанный с кибернетическим обществом.

Фактически все три элемента неразделимы; никто не может доминировать, не будучи эксплуатируемым или управляемым, но степень важности этих элементов видоизменяется вместе с эпохой. При переходе от одной стадии к другой автономность и роль господина идут на убыль и ослабевают. Гуманность господина стремится к нулю, в то время как негуманность обезличенной власти стремится к бесконечности.

В соответствии с принципом доминирования, господин отказывает рабам во всем, что могло бы ограничить его собственную власть. По принципу эксплуатации босс допускает тот уровень свободы рабочих, который не мешает ему получать доходы и развивать производство. Принцип организации классифицирует индивидуумов по фракциям соответственно их организаторским или исполнительским способностям. (Например, заведующего магазином можно описать в результате длительных расчетов, касающихся результатов труда, его представительских функций и т.д., как: 56% руководящей роли, 40 % исполнительной и 4% неопределенности, как сказал бы Фурье.)

Доминирование — это право, эксплуатация, договор, организация, порядок вещей. Тиранин доминирует в соответствии со своей волей к власти, капиталист эксплуатирует в соответствии с законами прибыли, организатор планирует и сам подчиняется планированию. Первый желает

быть деспотичным, второй — справедливым, третий — рациональным и объективным. Бесчеловечность аристократа — это человечность в поисках самой себя; бесчеловечность эксплуататора маскируется под гуманность, соблазняя техническим прогрессом, комфортом и борьбой с голодом и болезнями; кибернетическая бесчеловечность откровенно признается в своей бесчеловечности. Таким образом, бесчеловечность господина становится все более и более бесчеловечной. Концентрационный лагерь смерти — гораздо более ужасное явление, чем убийственная ярость феодальных баронов, внезапно бросающихся в военные авантюры. Но даже ужасы Освенцима покажутся сущей лирикой в сравнении с ледяными руками грядущей кибернетической эры. Не обольщайтесь: дело не в выборе между гуманностью *lettre de cachet*⁹ (° Королевский указ о заточении без суда и следствия (*франц.*)) и гуманностью промывания мозгов. Выбор только в том, быть повешенным или застреленным. Я просто имею в виду, что сомнительное удовольствие доминировать и попирать имеет тенденцию к исчезновению. Капитализм формально учредил необходимость эксплуатации человека человеком, не утверждая при этом, что она должна вызывать эстетическое наслаждение. Нет садизма, нет порочного удовольствия от причинения человеку боли, нет человеческой извращенности, нет даже «человека против природы». С властью вещей покончено. В своем отказе от гедонистических принципов господа отрекаются от господства. Задачей господ-без-рабов является коррекция этого самоотречения.

То, что было посеяно обществом производства, пожинает сегодня диктатура потребления. Ее принцип организации только совершенствует реальное господство мертвых вещей над человеком. Что бы власть ни оставляла владельцам средств производства, оно неизменно исчезает, как только их техника отчуждается от них и переходит под контроль техников, которые занимаются организацией их применения. Между тем самих организаторов постепенно поглощают те схемы и программы, над которыми они так самозабвенно трудились. Простая машина будет последним оправданием лидера, последним костылем, поддерживающим то, что осталось от его человеческой сущности. Кибернетическая организация производства и потребления должна обязательно контролировать, планировать и рационализировать повседневную жизнь. Специалисты, эти мини-господа, господа-рабы, сплошь кишат в современной жизни. Но не стоит беспокоиться по их поводу, у них нет шансов. Еще в 1867 году, на конгрессе в Базеле, Франкау, член Первого интернационала, провозглашал: «Нас слишком долго тянули на буксире дипломированные маркизы и ученые принцы. Давайте сами заботиться о своих делах, и как бы мы ни были глупы, мы не сможем сотворить большего беспорядка, чем они уже учинили от нашего имени». Зрелые слова мудрости, чье значение возрастает по мере того, как специалисты множатся и наполняют собой индивидуальную жизнь. Те, кто околдован магнетическим притяжением, исходящим от гигантского кафкианского кибернетического механизма, сильно отличаются от тех, кто следует своим собственным порывам и стремится этот механизм обойти стороной. Последние и являются хранителями гуманности, ибо отныне никто уже не может предъявить никаких прав от имени аристократов прошлого. С одной стороны, есть только вещи, имеющие одинаковую скорость падения в вакууме, а с другой стороны, вековые устремления рабов, опьяненных идеей тотальной свободы.

Глава 22. Пространство-время жизненного опыта

Диалектика увядания и замещения — это диалектика диссоциированного и унитарного пространства-времени. Новый пролетариат несет внутри себя реализацию детства, которое и является его пространством-временем. История разделений медленно разрешилась в конце «исторической» истории. Циклическое время и линейное время. Жизненное пространство-время есть пространство-время в трансформации, а ролевое пространство-время заключается в адаптации. Функция прошлого и его проекции в будущее заключаются в том, чтобы лишить прав настоящее. Историческая идеология — это экран, поставленный между волей к самореализации и волей к сотворению истории; она предохраняет их от слияния и смешивания. Настоящее — это пространство-время в процессе созидания; оно несет в себе коррекцию прошлого.

Пока специалисты озабочены выживанием своих детищ и составляют научные диаграммы с целью запрограммировать историю, повсюду среди людей растет стремление изменить жизнь, изменив само мироустройство. Каждый человек, как и все человечество в целом, стоит перед стеной вселенского отчаяния, за которой лежат забвение и вытеснение. Наступило время, когда вся эволюция истории в целом и история каждого индивидуума в отдельности стремятся к слиянию, поскольку у них общая цель, общее начальное зерно. Мы можем сказать, что история рода человеческого и мириады индивидуальных историй собираются вместе, чтобы либо умереть, либо начать все сначала. Прошлое вновь наступает на нас со своими эмбрионами смерти и семенами будущей жизни. Наше детство тоже участвует в этой встрече, напуганное участием Лота. Опасность предать детство дает, как мне хочется верить, толчок к вспышке бунта против отвратительного взросления, на которое обрекает нас принудительное потребление идеологий и рабство у машин. Я хочу подчеркнуть очевидную аналогию между мечтами и стремлениями, феодальной волей и субъективной волей детства. Реализуя детство, мы, зрелые люди технологической эры, богатые тем, о чем мечтают дети, и сильные там, где величайшие завоеватели были слабы, — разве мы не осуществляем стремления великих владык прошлого? Разве мы не можем понять смысл истории и личной судьбы лучше, чем Тамерлану и Гелиогабалу могло бы только пригрезиться в самых дерзких мечтах?

Превосходство жизни над пережитком есть историческое движение, которое уничтожит историю. «Построй повседневную жизнь и осуществи историю» — эти два призыва сегодня сливаются в один. В увядании и замещении (это является существенным противоречием нашей эпохи) и готовится переход к новой, высшей стадии истории. Каким образом будет построено и учреждено новое общество, как будет осуществляться ежедневная революция? Вырывая с корнем гнилое и отжившее и засеивая новые семена. Все, что не заменяет собой прогнившее, рискует быть задавленным гнилью. Так или иначе, все попытки преодоления, предпринимавшиеся в прошлом, являются частью поэзии сегодняшней обратной перспективы. Они сейчас с нами, преодолевая границы пространства и времени и сокрушая их. Очевидно, что конец разделения начинается там, где кончается разделение между пространством и временем. Из чего следует, что в воссоздании первоначального единства должен быть критический анализ пространства-времени детей, унитарных обществ и фрагментарных обществ, отживших и могущих быть воскрешенными сегодня.

2

Если молодой человек просто плывет по течению, то болезнь потребления быстро превращает его в изможденного старого Фауста, обремененного сожалениями о том, что он потерял свою молодость, не заметив ее. Лицо тинейджера уже бороздят первые морщины потребителя.

Немногое отличает его от шестидесятилетнего потребителя; потребляя все быстрее и быстрее, он зарабатывает преждевременную старость, соответственно ритму своих компромиссов с миром, живущим вне истины. Если он вдруг не опомнится, дверь прошлого захлопнется за его спиной, и он никогда не сможет вернуться к тому, что он делал, и попытаться это исправить. Как много отделяет его от детей, с которыми он только вчера играл. Он стал частью пошлого базара потребителей, обменяв поэзию, свободу и романтику детства на роль марионетки в социальном спектакле. Однако если бы он захотел, он смог бы стряхнуть с себя этот морок, и тогда враг потерял бы свою власть над ним. Мы увидели бы, как он бросает вызов дряхлому миру, противопоставив священные права своего детства самому грозному оружию, созданному марзматической технократией. Мы видели недавно, какие выдающиеся подвиги совершали «молодые африканские львы» в революции, вождем которой был Лумум-ба, несмотря на их смехотворное вооружение; так насколько же большего мы можем ожидать от поколения, которое в такой же степени угнетено, но имеет гораздо более эффективное оружие и при этом участвует во всех сферах современной жизни. Почти каждый аспект современной жизни был прожит в игровой форме в годы детства. Богатый запас событий, прожитых за несколько дней или даже часов, удлиняет ход времени. Два месяца каникул — это целая вечность. Для старика два месяца лишь несколько минут. Время взрослых пожирается страстями и мечтами, которые не успевают за реальностью. Воспитатели наблюдают за ребенком в ожидании момента, когда он сможет присоединиться к их взрослой жизни и вольется в их временной цикл. Они хозяева времени. Поначалу ребенок воспринимает навязывание себе взрослого времени как иноземное вторжение,

но рано или поздно, как правило, это заканчивается тем, что он уступает и смиряется с необходимостью стать взрослым. Не зная, как защититься, он попадает в расставленные сети, подобно молодому неопытному зверю. Когда же, наконец, он овладевает оружием критического анализа и знает, что сказать, чтобы защитить свое детство от насилия взрослого мира, годы уже унесли его далеко от цели. Но детство остается незаживающей раной его сердца. Во всех нас живет детство, но социальная организация научно убивает его. Психологи и социологи знают свое дело, и как только вчерашнее дитя вырастает, ему говорят: «Посмотри, какие миленькие зелененькие доллары!»

Наблюдая за детьми, я вижу, в чем главное преимущество детского времени перед моим (то, что я не заметил этого раньше, и послужило причиной моего падения): у детей есть возможность проживать многие события, в любой момент возобновляя их и переживая их опять и опять до бесконечности.

И вот теперь, в тот момент, когда жизнь ускользает от меня, только теперь я понимаю, что я потерял. Как случилось, что детский инстинкт не уберег меня от искушения фальшивыми ценностями взрослого мира, как я не понял раньше уроки истории и истинный смысл классовой борьбы! Новый пролетариат должен поставить своей целью реализацию детства во всей его первоначальной чистоте и утвердить его приоритеты в мире взрослых. Мы, открыватели нового и в то же время уже известного мира, которому не хватает единства пространства и времени; мира, который все еще насквозь пронизан разделением, все еще фрагментарен. Анализ наших телесных потребностей и спонтанность наших проявлений, детство, обогащенное знанием, открывают нам тайные ходы, которые никогда не были обнаружены за века аристократии и о которых буржуазия даже не подозревала. Теперь мы можем проникнуть в лабиринт погибших цивилизаций и всех попыток освобождения, похороненных историей. Заново открытые желания детства вновь открывают детство наших желаний. Из заповедных глубин прошлого выплывает всегда такая близкая, но никогда не удовлетворенная до конца новая география увлечений.

3

Мобильное внутри неподвижности время унитарных обществ циклично. Люди и вещи следуют своим курсом, двигаясь по окружности, в центре которой Бог. Эта точка вращения, неизменная везде и нигде, измеряет собой продолжительность вечной власти. Он служит сам себе стандартом, а также стандартом всему, что, притягиваясь на равном расстоянии к нему, развивается и возвращается, никогда по-настоящему не отдаляясь и никогда не оставаясь в полном покое. «Тринадцатый возвращается, и он снова первый».

Пространство унитарных обществ организовано как функция времени. И время, и пространство целиком принадлежат Богу. Пространство протягивается от центра к точке вращения, от неба к земле, от единого ко множеству. На первый взгляд время кажется ненужным, так как оно ни приближает нас к Богу, ни отдаляет нас от него. Пространство, с другой стороны, это путь к Богу, восходящая тропа духовного возвышения и иерархического продвижения. Время в действительности принадлежит единственно Богу, но человек, одаренный пространством, имеет специфически человеческий и непреодолимый характер. Фактически человек может возвышаться или опускаться, преуспевать в обществе или терпеть поражение, спастись или быть навеки проклятым. Пространство — это обитель человека, сфера его относительной свободы, и только время ограничивает его внутри этой сферы. И что такое Страшный суд, как не тот момент, когда Бог забирает назад свое время, центр, всасывающий в себя окружность и собирающий в этой нематериальной точке бесконечность пространства, ранее данного своим творениям? Аннигиляция материи человека (уничтожение его существования в пространстве) — это идея господина, который не может полностью владеть своим рабом и, таким образом, не может избежать участи быть частично в его власти. Протяженность крепко держит пространство в своих рамках, время толкает нас по направлению к смерти, пожирая пространство нашей жизни. Однако в ходе истории эти отличительные особенности нивелируются. Феодалное общество — это общество разделения в той же мере, что и буржуазное, поскольку разделение это определяется имущественным неравенством. Однако преимущество феодальных обществ перед буржуазными заключается в непререкаемом авторитете мифа, на котором они основаны. Властью мифа объединяются разрозненные элементы, заставляя их жить унитарно, пусть и под фальшивым предлогом. Но мир единого мифа — это мир, где божество, пусть и мифическое, едино по сути и

единодушно принимается всем обществом, будь то племя, клан или королевство. Бог — это образ, символ слияния разобщенных пространства и времени, и любой, кто «живет в Боге», принимает участие в этом слиянии. Однако большинство может принимать участие только опосредованно, имея в виду, что в пространстве их повседневных жизней они, простые смертные, послушны Богу, священникам и вождям, организаторам существующего иерархического пространства. В награду за их покорность им обещана вечность вне пространства, гарантировано вневременное пребывание в Боге. Однако некоторые считают подобный обмен никудышной сделкой. Они мечтают достигнуть вечного настоящего времени, которое дарует абсолютное господство над миром. Поразительна аналогия между синхронизированным пространством-временем детей и волей к единству великих мистиков. Так, Григорий Палама (1341)¹⁰ описывает озарение как некое нематериальное сознание единства: «Свет существует вне пространства и времени. Обретающий единство с божественной энергией сам становится Светом; он един со Светом, и в этом Свете он видит совершенным сознанием все то, что остается скрытым от тех, кто не получил такой милости». Эта робкая надежда, которая может быть только смутной и даже неопишуемой, была популяризована и выражена более определенно в буржуазную эру. Буржуазная эпоха конкретизировала ее, уничтожив аристократию вместе с ее духовностью, но дала ей новый шанс к возрождению, приведя свое собственное загнивание к логическому завершению. История разделений медленно завершается в конце разделений. Феодалная унитарная иллюзия постепенно воплощается в свободное единство жизни, которую надлежит построить, но которая, однако, находится за пределами материально гарантированного выживания.

¹⁰ Наиболее известный афонский исихаст (от «исихиа» - молчание) и главный авторитет этого движения внутри восточного христианства. Практика исихазма подразумевала перенос центра личности верующего из головы в сердце и внутреннее наслаждение спасительным светом на пути «обожения». В своих проповедях Палама призывал принять как братьев во Христе не только всех людей, но и всех остальных живых существ, а также вообще все сотворенные вещи видимого мира, как нуждающиеся и участвующие в спасении. В средневековье католики критиковали исихастов за отказ от рациональной теологии и склонность к «личному экстазу», а в наше время их практику чаще всего сравнивают с парадоксальным духовным путем адептов дзена и приверженцев трансцендентальной медитации. -Прим. ред.

4

Рассуждения Эйнштейна о пространстве и времени напоминают нам теорию смерти Бога. Когда миф уже больше не мог сдерживать разделение пространства и времени, болезнь расщепленного сознания привела к расцвету романтизма (манящему очарованию дальних стран, тоске по ускользающему времени...).

Как буржуазное сознание относится ко времени? Уже не как ко времени Бога, а скорее, как ко времени власти, фрагментарной власти. Время, раздробленное на части, имеет общее измерение в момент попытки возврата к цикличности. Окружность в этот момент не существует. Вместо этого мы имеем конечную и бесконечную прямую линию. В том месте, где каждый из нас синхронно управляется в соответствии с часами, установленными Богом, бывают состояния, когда каждый гонится за самим собой, но никогда не настигает, словно проклятие Наступающего обрекает нас увидеть только силуэт собственной спины, в то время как лицо наше остается скрытым от нас, всегда обращенным к будущему. Если больше не существует сферического пространства, находящегося под всевидящим оком Всемогущего, то возникает серия маленьких точек, которые появляются автономно, но существуют в реальности, будучи интегрированы последовательно пунктирной линии, в которой они следуют одна за другой.

Время вытекло сквозь песочные часы средневековья, но тот же песок сыплется обратно, опять перетекая из одной половины в другую. На круглом циферблате время роняет свои семена, никогда не возвращаясь. Ирония форм: новый дух заимствовал свою форму у мертвой реальности, в то время как буржуазия носит на своих запястьях смерть своего времени, как дешевое украшение, столь характерное для гуманистического легкомыслия, причем каждый из них ходит по кругу. Но это ни к чему не приводит, и вот мы живем в эпоху часовщиков. Экономический императив превратил человека в живой хронометр с отличительными свойствами на запястье. Всеу свое время: время для работы, для прогресса, производства, потребления и программирования, время для развлечения, для поцелуя, фотографирования, время, время, время. Время — деньги. Время — товар. Время выживания.

Пространство — это точка на прямой времени в механизме превращения будущего в прошлое. Время контролирует жизненное пространство, но контролирует его снаружи, позволяя ему проходить мимо, транзитом. Но пространство индивидуальной жизни не есть чистое пространство, как время, мимо которого оно несется, не есть чистое время. Это заслуживает более углубленного изучения. Каждая точка, завершающая прямую времени, уникальна и особенна, но как только к ней прибавляется следующая, предыдущая тонет в однородной линии, поглощенная прошлым наряду с другими прошедшими временами, в его чреве. Различить их уже невозможно. Таким образом, каждая точка добавляется к линии, в которой и исчезает.

Власть гарантирует свою продолжительность по принципу разрушения и замещения, но в то же время те, кого поощряют потреблять власть, разрушают и возобновляют ее. Если власть разрушит все, она разрушит и саму себя, но если она ничего не будет разрушать, то будет разрушена сама. Только меж двух полюсов этого противоречия осуществляется ее продолжительность, и диктатура потребляемости сближает их день ото дня. И продолжительность власти подчиняется простой продолжительности людей, или, иными словами, постоянству их выживания. Вот почему проблема диссоциированного пространства-времени ставится сегодня в революционных терминах.

Космос жизни вполне может быть вселенной мечтаний, желаний и успешного творчества, но в порядке продолжительности это только одна точка, сменяющая другую — они текут в определенном направлении навстречу своему разрушению. Точка появляется, растет и исчезает в анонимной прямой прошлого, где ее труп дает пищу для историков и спонтанных воспоминаний.

Преимущество живой точки пространства в том, что она частично избегает обобщенной системы обусловленности. Ее недостаток в том, что сама в себе она ничто. Пространство повседневной жизни отвлекает немного времени на свой собственный конец, оно заключает его в себя и присваивает. С другой стороны, время, которое утекает прочь, впитывается в живое пространство и придает ему чувство быстротечности, разрушения и смерти. Остановимся на этом подробнее.

Точечное пространство ежедневной жизни похищает часть «внешнего» времени, благодаря которому оно создает ограниченное унитарное пространство-время: это пространство-время моментов творчества, удовольствия и оргазма. Сфера этой алхимии — одна минута, но жизненная интенсивность ее такова, что вызывает у большинства людей ни с чем не сравнимое притяжение. В глазах Власти, которая наблюдает со стороны, эти страстные моменты ничего не значат — мгновение, перетекающее из будущего в прошлое. Линия объективного времени ничего не знает и не желает знать о настоящем как о субъективном единовременном моменте. И, в свою очередь, субъективная жизнь концентрируется на пространстве точки моей радости, моих удовольствий, моих мечтах и не интересуется временем, которое течет мимо, в линейном времени, времени вещей. Наоборот, она хочет знать все о своем настоящем, хотя это всего лишь настоящее.

Таким образом, пространство жизни вытягивает из времени, уносящего его прочь, ту часть, которая создает его настоящее, или, скорее, пытается это сделать для настоящего, которое всегда должно быть создаваемо.

Это единое пространство любви и поэзии, удовольствия и общения... Это живой опыт без мертвого времени. С другой стороны, линейное время, объективное время, время, которое утекает прочь, вливает, в свою очередь, пространство, включаемое в ежедневную жизнь. Оно представляется как отрицательное время, как мертвое время, отражение времени разрушения. Это время роли, время без жизни как таковой, время, которое заставляет ее терять свою сущность и побуждает непосредственное пространство жизни съеживаться и принимать притворный и театральный характер. Пространство-время, появившееся в результате этого гибридного брака, это только пространство-время выживания.

Что такое частная жизнь? В каждый момент, в каждой точке она движется навстречу своему разрушению на всем протяжении линии выживания, амальгамы реального пространства-времени (момента) и фиктивного (роли). Несомненно, структура частной жизни не вполне подходит к такой дихотомии. Это постоянное взаимодействие. Хотя ограничения, которые окружают жизненный опыт со всех сторон и сжимают его в слишком узкое пространство, побуждают его видоизменять себя в роль, вступать во время, которое является только предметом потребления, становиться чисто театральным и создавать как ускоренное время фиктивное пространство жизненного спектакля. Пока в то же самое время болезнь, вызванная неестественностью, пространство фальшивой жизни, побуждает человека обратиться к поискам реального времени,

времени субъективности, которое и есть настоящее. Таким образом, частная жизнь диалектична: реальное время жизни + фиктивное ролевое время + фиктивное ролевое пространство 4- реальное пространство жизни. Чем больше фиктивное время совмещается с фиктивным пространством, тем больше оно продвигается к тому, чтобы стать просто вещью и обрести реальную продажную цену. И чем больше пространство непосредственного живого опыта совмещается с реальным живым временем, тем больше человек становится хозяином самому себе.

Единое пространство-время реальной жизни — это первооснова партизанской войны, искра в той ночи, которая до сих пор окутывает революцию повседневности. Таким образом, объективное время не только яростно пытается разрушить точечное пространство, более того, оно вгрызается в него изнутри в том ускоренном ритме, который создает ролевую субстанцию. (Ролевое фиктивное пространство является результатом ускоренного повторения позиции, подобно тому, как повторы сцены из фильма создают иллюзию реальности.) Роль устанавливает время, которое уходит прочь (старение и смерть в субъективном сознании). Это «колея, в которую было загнано сознание», по выражению Антонина Арто. Управляясь снаружи линейным временем и изнутри ролевым временем, субъективности не остается ничего иного, кроме как превратиться в вещь, предмет купли-продажи, имеющий свою цену. Чего же более, и процесс мчится сквозь историю. Фактически роль отныне есть потребление времени в обществе, где известно только время потребления. И вновь единство угнетения создает единство оппозиции. Что есть смерть сегодня? Отсутствие субъективности и отсутствие настоящего.

Воля к жизни всегда реагирует унитарно. Большинство людей стремится к космосу жизни. Если их усилия сделать проживаемый опыт более интенсивным и увеличить пространство-время подлинности не пропадут втуне и не погибнут в изоляции, есть шанс, что объективное время, время смерти, потерпит поражение. Разве революционный момент не есть вечная юность?

В попытке осуществить проект обогащения пространства-времени жизни мы должны проанализировать, что мешает ему. Власть линейного времени над человеком мешает ему изменять мир и побуждает его приспособляться к нему. Свободно распространяющееся творчество — это враг власти номер один. И сила творческой активности в единстве. Что делает власть для того, чтобы разрушить единство живого пространства-времени? Превращает живой опыт в товар и выбрасывает его на рынок в социальном спектакле, определяющем спрос на роли и стереотипы. Я касался этого вопроса в разделе, посвященном роли (Гл. XV). Также при помощи особых способов идентификации: взаимное притяжение прошлого и будущего, которое уничтожает настоящее. И, наконец, пытается восстановить в идеологии истории волю к построению единого пространства-времени живого опыта (другими словами, волю к созданию ситуаций, достойных жизни). Я коснусь этих двух пунктов далее.

С точки зрения Власти никаких моментов подлинной жизни не существует (опыт жизни не имеет названий), есть только моменты, следующие один за другим, равные друг другу в линии прошлого. Вся система компромиссов провозглашает эту позицию. И вот результат. О чем пекутся люди в этом настоящем? В каком забытом уголке настоящего прячется истинная жизнь? Если мы не видим настоящего, мы смотрим в будущее или в прошлое. Тень моей следующей встречи сливается с тенью предыдущей. Обе неизбежны для меня. Каждая проходящая секунда влечет меня из момента, который был, в момент, который будет. Каждая секунда уносит меня прочь от меня самого; сейчас не существует никогда. Любое событие убеждает меня в том, что «все преходяще», или, как гласит миленькое выраженьице, «все там будем», в том, что время втекает в человека и протекает сквозь него. Когда Шопенгауэр пишет: «До Канта мы были во времени, после Канта время поселилось в нас», — это хорошо показывает дряхлость человеческого сознания. Но Шопенгауэр не видел, что именно тот факт, что человек разорван на части на дыбе времени, сведен к очевидной разнице между прошлым и будущим, и привел его как философа к построению его мистики отчаяния.

Представьте отчаяние и головокружение человека, разрываемого между двумя мгновениями, которые он преследует зигзагами, никогда не достигая их, не в силах настигнуть себя самого. Или

отчаяние страстного ожидания: вы весь во власти какого-то момента прошлого, любви (например, женщина, которую вы любите, вот-вот должна появиться, вы уверены, что она придет, вы уже чувствуете на губах ее поцелуи...) Страстное ожидание — это нечто большее, чем просто тень ситуации, которую вы планируете. Но в результате большая часть времени, проведенного во власти воспоминаний и предвкушения их нового воплощения в настоящем, превращается в безумную и мучительную гонку за мертвым и пустым временем.

Через телескоп Власти будущее видится лишь перефразированным прошлым. Значительная часть фиктивного пространства воспроизводится так называемым бесплодным воображением во времени, которое уже заполнено абсолютным вакуумом. Воспоминания человека — это только роли, когда-то сыгранные, а мечты о будущем — это только воспроизведение уже испытанного ранее. Согласно Власти, память человека должна оперировать только со своей временной шкалой, как постоянное напоминание о настоящем. «Nihil novi sub sole» (ничто не ново под солнцем - лат.), что в вольном переводе означает «кто-то всегда виноват».

Будущее представляется как «новые времена», возделенное попадание в место, «где я наконец-то смогу позволить себе расслабиться». Смена времени, смена кожи, смена роли, одно только отчуждение неизменно. В любой момент времени «Я» уже другое, «Я» находится где-то между прошлым и будущим. Роль никогда не имеет настоящего. Как некто может желать своей роли доброго утра? Если я не справляюсь с настоящим, как я могу думать, что все было прекрасно раньше или будет отлично в будущем?

Стремление к достижению идентификации с прошлым-будущим — это историческая идеология, которая побуждает индивидуальную и коллективную волю развиваться.

Время — это одна из форм сознательного восприятия, отнюдь не человеческое изобретение, но диалектические отношения с окружающей реальностью; зависимость, возникающая из отчуждения и борьбы человека с ним. Животные полностью подчиняются адаптации и не заботятся о времени. Человек сопротивляется адаптации и стремится переделать мир. Он все время стремится быть демиургом, необходимость подчинения адаптации он переживает как агонию, он разрывается от боли, когда чувствует себя униженным до пассивности животного. Осознание необходимости адаптации — это осознание ускользающего времени, вот почему время завязано в плотный узел с человеческим страданием. Чем больше человеку надо приспособливаться к обстоятельствам, довлеющим над его желаниями и делающим невозможным их исполнение, тем больше он чувствует, как железные руки времени смыкаются на его горле. Мучительная боль выживания есть не что иное, как острое осознание того, что время и пространство ускользают прочь, осознание своей постоянной отчужденности от них. Неприятие осознания неизбежности старения и объективных условий, ведущих к нему, происходит во многом оттого, что оно ограничивает человека в его стремлении переделать историю, приспособить мир к субъективным желаниям каждого.

Единственная причина существования исторической идеологии в том, чтобы не дать людям самим творить историю. Можно ли придумать лучший способ отвлечь человека от его настоящего, чем привлечь его внимание к утекающему прочь времени? В этом главная роль историка. Он организует прошлое, строя его в соответствии с официальной линией времени, затем классифицирует события в соответствии с ней. Эти готовые к употреблению классификации помещают события в некий карантин. Несокрушимые скобки замыкают их с обеих сторон, не позволяя им ожить вновь, возродиться и вырваться на улицы современности. Событие заморожено. Отныне всем и каждому запрещено присоединиться к нему, переделывать его, усовершенствовать его, повести его дальше, преодолеть его. Оно там навсегда, и отныне вся вечность существует только для удовольствия эстетов. Оно слегка изменяет свое значение — и оп-ля! — его можно переместить прямиком в будущее, где только историки опять начнут повторять его, как заученный урок. Будущее, которое они предсказывают, это коллаж из их воспоминаний. Вульгаризованная сталинистскими мыслителями знаменитая концепция чувства истории кончила тем, что представила будущее, отведенное человечеству, как прошлое.

Побуждаемый идентифицировать себя в пределах другого времени и других личностей современный индивидуум обкраден настоящим под предлогом приобретения исторической перспективы. В театрализованном пространстве-времени («вы приобщаетесь к истории, товарищи!») он теряет чувство подлинной жизни. До сих пор те, кто не восхищается героизмом «участия в истории», обвиняются в том, что над ними довлеет физиологическое начало. Эти две

категории натирают мозоли, увязая в нищете «построения нового общества». Выбирайте: история или спокойная обеспеченная жизнь.

Все роли прогнили, и исторические, и все прочие. Кризис истории слился с кризисом быта. Эта смесь может быть взрывоопасна. Наша задача теперь направить историю к субъективному завершению; в этом должны участвовать все. Маркс желал именно этого.

Рауль Ванейгем

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ: ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Опубликовано
в «Internationale Situationniste»
№7, 1963 г.

1

Бюрократический капитализм нашел в Марксе свое законное обоснование. Я имею в виду не то сомнительное достоинство марксизма, которое заключается в успешном подкреплении неокapи-талистических структур (теперешняя реорганизация этих структур напоминает неявную дань советскому тоталитаризму), а, скорее, хочу особо отметить степень, в которой глубочайший анализ процесса отчуждения у Маркса был вульгаризован современными зауряд-ностями — очевидно, что, если сорвать с этих бытовых проявлений, материализованных в каждом жесте, их магический покров, откроется единственная повседневная сущность жизнью все большего числа людей. Одним словом, бюрократический капитализм содержит в себе осязаемую реальность отчуждения; значительно более успешно, чем мог бы вознамериться даже и сам Маркс, этому капитализму удалось донести отчужденность до каждого — ведь отчужденность эта становилась все тривиальней по мере того, как материальная бедность, отступая, сменялась все более распространяющейся общей нищетой существования. Бедность уменьшилась в отношении материально-количественном, но возросла и углубилась в отношении нашего образа жизни — и это, по крайней мере, одно из соображений, которое реабилитирует Маркса после всех тех порочных прочтений, которым мы обязаны недалекому большевизму. «Теория» мирного сосуществования помогла тем, кто еще сомневался, быстрее усвоить, что эксплуататоры, несмотря на разительные расхождения в позициях, могут вполне комфортно уживаться друг с другом.

2

«Всякое действие, — писал Мирча Элиаде, — может стать религиозным. Человеческое существование реализуется одновременно в двух плоскостях: с одной стороны, в плоскости временности, становления, иллюзии; с другой — в плоскости вечности, субстанции, реальности». В XIX веке эти две плоскости были настолько грубо разъединены, что было бы лучше, если бы обычная сила сохранила реальность в тумане божественной трансцендентности. Но и реформизму, преуспевшему там, где потерпел поражение Бонапарт, надо отдать должное, ведь он растворил становление в вечности, а реальность в иллюзии. Возможно, такому единению и не хватает крепости священного таинства обручения, но, по крайней мере, ему не занимать долговечности, а больше этого не осмелится требовать ни один апологет сосуществования и социального равновесия. Отсюда же вытекает — пусть в иллюзорном, но, тем не менее, неизбежном контексте переходящего — и самоопределение нас как окончания абстрактной бренности, как завершения овеществленного срока наших деяний. Поэтому мы — это положительный полюс, конец социального отчуждения; мы — окончание всего срока отчуждения, опущенного человечеству.

3

По мере того, как примитивные человеческие группы в своей эволюции приближаются к состоянию современного общества, по мере их социализации обнажается воля к упорному и результативному сопротивлению ужасающим и непостижимым силам природы. Но со-

противление в естественной среде — сопротивление как вместе с этой средой, так и собственно ей, подчинение ее нечеловеческим законам ради попытки выживания — может породить лишь более изощренную форму агрессивной защиты, более сложное и менее рефлекторное отношение. На более высоком уровне в таком отношении отражаются все те противоречия, которые, неконтролируемые, но подвластные влиянию силы природы, постоянно нагнетают. По мере социализации все более успешная борьба со слепой влас-

тью природы постепенно ассимилировала примитивную и естественную форму отчуждения, но уже в другом виде. Теперь это было общественное отчуждение в борьбе с отчуждением естественным. Разве случайно технологическая цивилизация развилась до такой стадии, где общественное отчуждение сполна проявляется в конфликте с теми последними областями сопротивления природы, которых технологическая мощь не смогла (и небеспричинно) покорить? Сегодня технократы предлагают положить конец примитивному отчуждению: с трогательной гуманностью они убеждают нас улучшить и отладить технику, которая «сама» позволила бы нам победить смерть, страдания, дискомфорт и скуку. Но избавление от смерти есть чудо куда меньшее, чем избавление от самоубийств или желания умереть. Можно разными способами отменить смертную казнь, в том числе и так, чтобы об этом сразу пришлось пожалеть. До недавнего времени применение технологии (а в более широком смысле — манифестации социокультурного контекста, которым ограничена человеческая деятельность), уменьшая количество смерти и боли, все равно позволяло смерти, как раку, вгрызаться в сердце повседневной жизни человека.

REFORMES

CHLOROFORME

4

На смену доисторическому периоду собирательства пришла эпоха охотников, в течение которой начали формироваться кланы, пытавшиеся таким образом увеличить свои шансы на выживание. Четко разграничивались охотничьи угодья и хозяйства, в которые ни в коем случае не допускали чужих, поскольку благополучие всего клана зависело от того, насколько умело оберегалась эта территория. В результате свобода, полученная благодаря менее затрудненному заселению естественной среды и более эффективной защите от ее угроз, вне границ, размеченных кланом, породила, напротив, опровержение себя самой и заставляла клан умерять свои обычные требования в организации отношений с исключенными из существующего распорядка и представляющими какую-то опасность группами. С момента своего появления социально конституированное экономическое выживание подразумевало существование границ, запретов, непопулярных мер. Не стоит забывать, что до сегодняшнего дня, как история, так и собственно наша природа развивались в соответствии с общим направлением частного накопительства: получение классом, группой, кастой, наконец, индивидуумом общей власти над социоэкономическим выживанием при том, что форма этой власти остается многосоставной — от владения землей, заводом или капиталом до «чистой» власти над людьми (иерархии). За борьбой против режима, чей рай — государство кибернетического благополучия, скрывается необходимость еще более развернутой борьбы против фундаментального и имманентного порядка вещей, в развитии которого капитализму отведена мимолетная и преходящая роль; такого порядка вещей, который может исчезнуть, лишь если исчезнут последние следы иерархической власти наряду, конечно, с «дрянь-человеком».

5

Быть владельцем означает получить в свое безраздельное пользование благо, к использованию которого не будет допущен больше никто, признавая в то же время абстрактное право других на владение этим благом. Путем отлучения людей от фактического права собственности владелец распространяет свою власть на всех тех, кого он, таким образом, отлучил (в абсолютном смысле

— на несобственников, в относительном — на иных собственников) и без кого сам он ничем не являлся бы. Здесь у несобственников нет выбора: владелец присваивает их собственность и отчуждает их как производителей его собственной власти, а их самих необходимость физического существования принуждает, пусть даже против их воли, к сотрудничеству, то есть, во-первых, к своему собственному исключению и, во-вторых, к выживанию в отсутствие жизни как таковой. Выключенные из процесса обладания собственностью, они все же участвуют в нем как посредники собственника — такое мистическое, по сути, участие всегда характеризовало все клановые и социальные взаимоотношения, которые постепенно пришли на смену принципу обязательного слияния, где каждый член общества непременно являлся неотъемлемой частью целого сообщества («органическая взаимозависимость»). То, насколько гарантировано выживание этих невладельцев, зависит от их действий в структуре частного собственничества. Они лишь усиливают право на собственность, от которой отлучены, и из-за этой размытости понятий каждый из них видит в себе участника собственности, живое воплощение права обладать. В свою очередь, эта слепая вера усиливает их положение на правах отлученных и зависимых. (Красноречивые примеры такого отчуждения: верный раб, полицейский, телохранитель, центурион — это существа, которые посредством своеобразного единения со своей смертью сообщают смерти силу, равную силе жизни, и в деструктивной энергии выделяют два полюса отчуждения — бесправного раба и полновластного хозяина). Для эксплуататора же такое положение вещей опасно. В его интересах поддерживать, укреплять и запутывать эту систему еще больше не потому, что он какой-то особенный макиавеллист, а потому, что он хочет остаться в живых. То, как организована внешняя сторона такого распорядка, тесно связано с сохранением его привилегий и физическим выживанием несобственника, который таким образом остается в живых и при этом эксплуатируется и не является личностью. Частное собственничество и доминирование, таким образом, устанавливаются с самого начала и воспринимаются как положительное право, пусть и в форме отрицательной общности. Для всех верное, в глазах всех оправданное божественными или естественными законами право на присвоение в частную собственность объективируется общими иллюзиями, универсальной трансцендентностью, общим и фундаментальным законом, в рамках которого каждый по-своему старается обустроиться в тех узких границах, что соответствуют его праву жить и условиям жизни в целом.

6

В таком социальном контексте функцию отчуждения должно воспринимать как необходимое условие выживания. Сам по себе труд несобственников противоречив настолько же, насколько и право на частную собственность. Труд этот делает из них совершенно подневольных существ, производителей своей же собственной экспроприации, выступает причиной исключения их из процесса собственничества и в то же время для рабов, рабочих, крепостных такой труд есть единственная возможность выжить. Она настолько уникальна, что занятия, вообще-то освобождающие жизнь от всякой осмысленности, принимают позитивный характер из-за естественного, саркастического искажения перспективы. Ведь ценность приписывали не только работе как таковой (в античных обществах это выливалось в жертвоприношения, в буржуазных обществах принимало иные грубые формы, выливалось в так называемые «народные демократии»), но и работе на хозяина; добровольное отчуждение стало почетной и едва ли вообще ставящейся под вопрос ценой выживания. Удовлетворение фундаментальных нужд остается лучшим стражем отчуждения; отчуждение сложно обосновать, иначе как объясняя его естественными необходимостями. Отчуждение умножает потребности, поскольку ни одной из них удовлетворить не может: теперь недостаток удовлетворения измеряется количеством машин, холодильников и телевизоров. С отчуждающих объектов был сорван трансцендентный покров тайны, и они остались оголенные, во всей своей обезоруживающей нищете. Быть богатым сегодня означает обладать большим количеством нищих предметов.

До недавнего времени выживание не позволяло нам жить. Поэтому стоит многого ожидать от все более увеличивающейся невозможности выживания, невозможности, которая станет очевиднее по мере того, как душащий избыток удобств и составных частей выживания сведет жизнь к примитивному выбору: самоубийство или революция.

Священное контролирует даже борьбу против отчуждения. Когда спадает мистический покров, скрывающий, во-первых, отношения, которые контролируют эксплуатацию, и, во-вторых, насилие, на котором эта эксплуатация зиждется, бывает прорыв, момент ясности — и раскрывается сущность сражения против отчуждения. Сущность эта — жестокая война на кулаках, война против квинтэссенции власти, явившейся во всем блеске своего грубого могущества и неприкрытой слабости. Власть — уязвимый гигант, и малейшая рана, нанесенная такому гиганту, покрывает нападавшего вечным позором нового Герострата.

Но поскольку власть жива, происшедшее непросто истолковать. Лишь избавление от всякой иерархической власти поможет нам забыть о практике разрушения, о тех моментах, когда сложность мира становится ощутимой, прозрачной, достигаемой для любого, — такие моменты сопровождаются неукротимыми жакериями, восстаниями иконоборцев, «бешеных», Кронштадтом, Астурией, и, предвосхищая события, всплесками хулиганства в Стокгольме, и спонтанными забастовками... Мы приложим все усилия, чтобы избавиться от этой власти.

Медлительность, с которой восстанавливаются после разрушения мифологические структуры, делает возможным пробуждение сознания и взрывы восстаний. Она также виной тому, что, как только «эксцессы» революции остаются в прошлом, борьба против отчуждения переходит в теоретическую плоскость и подвергается «анализу», а на самом деле не чему иному, как переходящей демистификации, которая уже предвещала восстание. Именно на этом этапе теоретики, которым поручено объяснить значение мятежа его инициаторам (тем, кто демистифицирует делом, а не словом), пересматривают и отвергают самые глубокие и верные аспекты восстания с формулировкой «мы этого не хотели».

Всякое действие, направленное на оспаривание власти, требует анализа, пробирования на предмет тактической пригодности. Сейчас многого можно ожидать от:

- а) нового пролетариата, который вдруг посреди потребительского изобилия обнаружил, что он нищ (обратите внимание на повстанческие настроения среди рабочих Англии и на общую позицию реакционно настроенной молодежи в современных странах);
- б) стран, которым хватило незаконченных полуреволюций и которые теперь препоручают своих прошлых и нынешних теоретиков заботам музеев (такова, к примеру, роль интеллигенции в восточном блоке);
- в) третьего мира, чье неверие в технологические мифы современности поддерживалось колониальной полицейщиной и наемниками, последними излишне усердными бойцами трансцендентности, при том, что они - самая лучшая прививка против нее;
- г) силы Ситуационистского Интернационала («наши идеи покорили все умы»), способной предвосхищать удаленно контролируемые восстания, «хрустальные ночи» и стадное сопротивление

Собственничество связано с диалектикой частного и общего. В загадочном измерении, где разрешены внутренние противоречия рабовладельческой и феодальной систем, несобственник, отлученный как индивид от права владеть, пытается обеспечить себе выживание трудом: чем больше идентифицирует он себя с интересами своего хозяина, тем он успешнее. Он знает остальных несобственников только потому, что их объединяет одно общее обязательство — неизбежная передача своей рабочей силы (христианство рекомендовало добровольно сдаться: единожды раб «по своей воле» предлагал свою рабочую силу и переставал быть рабом), поиск оптимальных условий выживания и мистическое отождествление. Хотя борьба рождается от универсальной воли к выживанию, она располагается на том уровне существования, где в игру вступает идентификация с желаниями хозяина и таким образом возникает определенное индивидуальное соперничество, которое отражает соперничество между хозяевами. Соревнование развивается на этом поле до тех пор, пока героические отношения остаются скрытыми за мистической завесой, и до тех пор, пока условия, вызывающие к жизни существование этой заве-

сы, сохраняются; или, говоря иными словами, до тех пор, пока степень рабства определяет сознание уровня прожитой реальности раба (мы все еще называем «объективным сознанием» то, что на самом деле есть сознание объектности). Владелец, со своей стороны, зависит от общего признания права, из которого не исключается лишь он один, но которое присутствует на плоскости видимости как право, доступное любому отдельно взятому индивидууму. Его привилегированная позиция зависит от подобной веры, которая в свою очередь также является базисом для силы, существенной в случае, если он должен удерживать свое собственное среди других собственников; это его сила. Если он создает видимость отказа от безраздельного присвоения всего и всех, если он является в меньшей степени хозяином, чем слугой общественного добра и защитником коллективной безопасности, тогда его власть увенчана славой, и к остальным своим привилегиям он добавляет привилегию отрицания на уровне существования (которая является единственным уровнем соотношения с миром при односторонней коммуникации) самым понятием о персональном присвоении. Отрицая тот факт, что каждый имеет свое право, он отрекается от других владельцев. В феодальной перспективе владелец не интегрирован в видимость в той же степени, что и невладельцы, рабы, солдаты, функционеры и слуги всех мастей.

Жизни последних настолько жалки, что большинство может жить лишь как карикатура на Хозяина (феодала, князя, дворецкого, заводского мастера, верховного жреца, Бога, Сатаны). Но и сам хозяин вынужден исполнять одну из карикатурных ролей. Он может это делать, не прилагая особых усилий, поскольку его претензия на общую жизнь уже столь карикатурна при его-то изолированности среди тех, кто способен лишь выживать. Он уже один из нас (да еще осознание величия прошлых эпох добавляет горький оттенок к его грусти); он, как каждый из нас, жадно искал таких приключений, где он мог бы оказаться на пути к вечным мукам. Мог ли хозяин в тот самый момент, когда отчуждал прочих, увидеть и понять, что низводит их до уровня ущербных,

исключенных существ, и отдать себе отчет в том, что сам выступает всего лишь как эксплуататор, персонаж чисто отрицательный? Такое осознание маловероятно и опасно. Расширяя свою власть на самое большое количество субъектов, какое только возможно, разве он не позволяет им выжить, предоставляя им единственный шанс на спасение? («Что стало бы с рабочими, если бы капиталисты не сообразовали взять их к себе в услужение?» — таким вопросом любили задаваться высоколобые мыслители XIX века). На самом же деле владелец официально отрекается от любых претензий на частное владение. На жертву несобственника, который через труд обменивает свою настоящую жизнь на жизнь кажущуюся (и таким образом избегает немедленной смерти, предоставляя вместо этого своему хозяину право на выбор по его усмотрению смерти растянутой, смерти заживо), хозяин отвечает якобы жертвой своего «я» как владельца и эксплуататора; он ставит себя на место слуги, во-

первых, всего сущего и, во-вторых, легенды (Бога и людей, например). Еще одним лишь жестом, деянием столь безвозмездным, что оно омывает его сиянием иного, лучшего мира, хозяин сообщает отречению форму чистой мифической реальности: отказываясь от повседневной жизни, он является подлинным нищим среди кажущихся богатств, он, принеся себя в жертву на благо всех, не такой, как остальные, жертвующие себя лишь ради себя. Свое затруднительное положение он обращает себе на пользу, выводя из него престиж мученика. Чем могущественней он, тем больше он кладет на алтарь; он становится тем самым живой отсылкой к целому корпусу несуществующей жизни, наивысшей возможной точкой на шкале мифологем. По собственной воле отошедший от простых смертных, он притягивается к миру божественному, и его более или менее признанная причастность к божественному (на уровне внешнего — единственном уровне, признаваемом другими) освящает его положение среди иных таких же, как он, владельцев. В устройстве трансцендентности феодальный господин (*сеньор*) — и через связь с ним в разной степени и другие владельцы средств производства — играет главную роль, ту роль, которую он действительно играет в экономической организации выживания всей группы. В результате существование группы на каждом уровне привязано к существованию владельцев как таковых, к тем, кто, владея всем по праву владения всеми, заставляет всех отказаться от своих жизней под предлогом уникального, абсолютного, божественного отречения собственников. (На пути от бога Прометея, наказанного богами, и до бога Христа, наказанного людьми, жертва Хозяина принимает

обывательский характер, теряет ауру священности, становится очеловеченной.) Миф поэтому объединяет собственника и несобственника, заключает их в общую оболочку, в которой необходимость выживания, будь то выживание обычное, физическое или выживание в качестве привилегированного существа, заставляет их жить внешним, перевертышем жизни реальной, перевертышем ежедневных практик. Мы все еще здесь ожидаем своей очереди, чтобы прожить жизнь хотя бы вне той мистической силы, против которой протестует каждое наше движение и которой мы покоряемся.

9

Миф — то есть тот единый абсолют, в котором противоречия нашего мира обретают кажущееся разрешение, то гармоничное и постоянно гармонизируемое видение, которое отражает и усиливает правящий порядок, — есть сфера священного, внечеловеческая зона, где проявляется изобилие откровений и аккуратно подавляется откровение о процессе частного собственности. Ницше видел это, когда писал: «Всякое становление есть преступное отступление от вечного бытия, и расплата — смерть». Когда буржуазия заявила, что заменит чистое Бытие феодализма Становлением, на самом деле она лишь сорвала сакральность с Бытия и вновь одела в нее Становление, сыграв при этом себе на руку. Свое собственное Становление она возвела в статус Бытия, статус не абсолютного обладания, но скорее относительного приобретения: мелкого демократического и механического Становления с его внутренними понятиями о прогрессе, достоинствах и причинной связи. Жизнь хозяина прячет его от себя самого; привязанный к мифу соглашением о жизни и смерти, он не может увидеть себя-исключительного наслаждающимся каким-либо благом, разве что сквозь призму опыта его собственного отлучения. (И не через это ли мифическое отлучение несобственники сумеют осознать реальность их собственного исключения?) Он несет ответственность за группу, он принимает на себя груз божественности, и, подвергаясь благословию и каре, сопутствующим этому грузу, он опутывает себя аскезой и иссыхает. Модель богов и героев, господина и владельца является истинной реальностью Прометея, Христа, всех тех, чьи красочные и богатые жертвы позволяют «подавляющему большинству людей» продолжать приносить себя в жертву абсолютному меньшинству — господам. (Анализ жертвоприношения собственника следовало бы изучить повнимательнее: возможно, случай Христа — на самом деле жертвоприношение хозяином своего сына? Если хозяин не может принести себя в жертву иначе, как внешне, то Христос — пример настоящего жертвоприношения повелителем своего сына в ситуации, когда обстоятельства не оставляют иного выбора. Как сын господина он тоже хозяин, но лишь на ранней стадии своего становления, эмбрион, эскиз будущего властителя. К этому же мифическому измерению следует отнести и известное замечание Мориса Барра, которое он сделал в 1914 г., когда пришла война, и его видения наконец-то сбылись: «Наша молодежь, как ей и полагается, ушла проливать реки крови».) Эта довольно безвкусная игра, еще задолго до того, как трансформироваться в символический ритуал, познала и героический период, когда короли и главы кланов ритуально умерщвлялись в соответствии с их «волей». Историки уверяют нас, будто на смену этим августейшим мученикам вскоре пришли пленники, рабы и преступники. Наказание было передано дальше, а правители сохранили божественный ореол.

10

Концепция общей судьбы основана на жертве собственника и несобственника. Говоря иными словами, понятие «человеческого состояния» основано на идеальном и измученном образе, целью которого является попытка разрешить неразрешимое противоречие между мистической жертвой меньшинства и действительно жертвенной жизнью любого другого. Функция мифа состоит в объединении и делании чего-либо вечным, в последовательности статических моментов, в диалектической «воле к жизни» и ее противоположности. Это универсально доминантное фактическое единство достигает своего наиболее осязаемого и конкретного выражения в коммуникации, особенно в языке. Двусмысленность лучше всего манифестируется на этом уровне, она ведет к недостатку настоящей коммуникации, она заставляет аналитика отдаваться на милость странных фантомов, на милость слов — вечных и меняющихся мгновений, содержание

которых изменяется в соответствии с тем, кто их произносит, как это происходит с понятием жертвы. Когда язык подвергается проверке, он не может больше скрывать неверность интерпретации и таким образом провоцирует кризис участия. В языке эпохи можно увидеть следы тотальной революции, незаконченной, но всегда неминуемой. Эти следы являются возвышающими и ужасающими знаками переворотов, которые они предвещают. Но кто принимает их всерьез? Дискредитирующий и поражающий язык так же глубоко укоренен и инстинктивен, как и подозрение, с которым люди смотрят на мифы, в то же самое время оставаясь накрепко привязанными к ним. Как можно использовать фразы для того, чтобы указать знаки, которые опровергают фразеологическую организацию внешнего? Лучшие тексты до сих пор ожидают своего оправдания. Только когда стихотворение Малларме станет единственным объяснением революции, и поэзия, и революция избавятся от своей двусмысленности. Ожидание и подготовка к этому часу требуют обработки информации не как последней шоковой волны, когда важность события всем уже безразлична, а напротив, как первого предвестника грядущих деяний.

11

Порожденный желанием человека пережить буйство неконтролируемых сил природы, миф на самом деле является изжившей себя программой социального благополучия. Миф свел воедино всю свою тираническую силу путем низведения жизни до единственного измерения — выживания, путем отождествления ее с движением и всеобщностью.

Если атаковать миф, он сольет в единый поток все разнообразие атак, а затем, рано или поздно, он обволакивает и ассимилирует их все. Ничто не в силах устоять перед ним, ни одно изображение или концепция, которая может внести разлад в доминанту духовного здания. Он преломляет любое выражение фактов или пережитого опыта: он сообщает им свою собственную интерпретацию и по-своему их драматизирует. Частное сознание — это сознание опыта, которое находит свое выражение на уровне организованного внешнего проявления.

Миф поддерживается вознаграждаемым жертвоприношением. Поскольку каждая жизнь основывается на своем, личном отречении, опыт надо определить как жертвоприношение и последующую компенсацию. В качестве награды за проявленный аскетизм посвященному (которым может быть продвигаемый по службе работник, специалист или менеджер — то есть все новые мученики, канонизированные демократией) предоставляется ниша в нагромождении фасадов, внешностей. Теперь ему позволено с комфортом расположиться в системе отчуждения. Но коллективные приюты исчезли вместе с едиными обществами; все, что от них осталось, это их позднейшие воплощения из бетона, рассчитанные на использование широкой публикой: храмы, церкви, дворцы — памятники универсальной защите. Приюты нынче частные, и если не совсем ясно, в чем заключается защита, которую они предоставляют, нет никакого сомнения в том, какова же цена этой защиты.

12

«Частная» жизнь определена, в первую очередь, в формальном контексте. Она, конечно, порождается социальными отношениями, возникающими в течение процесса приобретения в собственность, но форма ее определяется конкретным выражением этих отношений. Универсальная, неоспоримая, но постоянно оспариваемая, эта форма делает присвоение неотъемлемым правом каждого, правом, от которого каждый отлучен и которое может получить, только отвергая его. До тех пор, пока ему не удастся освободиться от контекста, держащего его под спудом (такой прорыв называется революцией), наиболее аутентичный опыт можно осознать, выразить и передать только через инверсию, посредством которой рассеивается его фундаментальное противоречие. Другими словами, если позитивный проект не в состоянии поддерживать практику радикального преобразования условий жизни, которые являются не чем иным, как условиями присвоения в частную собственность, он обречен, будучи захваченным негативностью, которая управляет проявлением социальных отношений, поглощаясь ею в качестве перевернутого зеркального образа. В тотализирующей перспективе, где она выступает в качестве условий чьей-то целостной жизни и в которой ее реальная и мистическая власть более не

может быть отделенной (будучи как реальной, так и мистической), процесс присвоения в частную собственность привел к тому, что жизнь стало невозможно выразить каким-либо иным способом помимо негативного. Жизнь в своей целостности погружена в негативность, которая разъедает ее и формально определяет. В наши дни говорить о жизни — все равно что говорить о веревке в доме повешенного. С тех самых времен, как ключ к жажде жизни был потерян, мы бродим по коридорам бесконечного мавзолея.

Того разговора, который ведут между собою случай и набор игральных костей, уже недостаточно для оправдания нашей апатии. Те, кто до сих пор принимает жизнь в хорошо обставленной усталости, представляют себе, как они ведут праздное существование, и в то же время забывают заметить в каждом из их ежедневных жестов живое отрицание их отчаяния, отрицание, которое должно было бы заставить их отчаяться только из-за бедности их воображения. Даже если забыть о жизни, человек может отождествлять себя с целым рядом образов: от беспощадного завоевателя и раба на одном полюсе до святого и непорочного героя — на другом. В качестве представлений мир и человек воняют хуже падали и больше нет рядом Бога, который превратил бы склеп в цветочное ложе. После всех тех веков, что люди умирали, безропотно принимая неизменные объяснения о богах, природе и биологических закономерностях, не будет необоснованным вопрос: «Не умираем ли мы оттого, что столько смерти — и по вполне определенным причинам — наполняет каждый момент наших жизней?»

13

Практику присвоения в частную собственность можно определить как собственничество над предметами, осуществляемое посредством собственничества над людьми. Такое состояние вещей, по своей сути, сродни растревоженной весенней талой воде, в которой отражения смешиваются и теряют свои очертания. Воздействие и влияние этой практики, которое распространяется на всю историю человечества, кажется, характеризовалось до сегодняшнего дня следующей фундаментальной двойственностью модели поведения: с одной стороны, онтологией, основанной на жертвенности и отрицании себя (соответственно, на субъективных и объективных аспектах такого отрицания), с другой — бинарным разделением на конкретное и обобщенное, индивидуальное и коллективное, частное и общественное, теоретическое и практическое, духовное и материальное, умственное и физическое, и т.д. Антитеза универсального собственничества и универсальной экспроприации предполагает, что суть «хозяина» увидели, поняли и изолировали. Происходящий из этого противостояния мифический образ страха смерти, желая и отрешения, не дает покоя рабам, слугам, вообще всем тем, кто уже больше не может жить так, как жил. Такой образ — иллюзорное отражение их участия в процессе владения; иллюзия, возникающая тем естественней, потому что они действительно участвуют в ней, каждодневно жертвуя свои силы (древние называли это болью или мукой, а мы зовем работой или трудом) на производство собственности таким способом, который им самим не оставляет никакого места в иерархии мироздания. Хозяин может лишь цепляться за отождествление работы с приносимой жертвой, подобно тому, как Христос цепляется за свой крест и гвозди. Ведь целиком в его, хозяина, власти признать жертву и совершенно отказаться от права на уединенное наслаждение благами, прекратить экспроприировать с чисто человеческой тягой к насилию (то есть неумеренному, беспредметному насилию). За возвышенными жемами скрывается исходный насильственный заряд; благородность пожертвования искупает завоевателя — теперь его зверство омыто светом трансцендентности, а ее власть сокровенна, ее боги — бескомпромиссные хранители прав, суровые пастыри законопослушного мирного стада «владеющих и желающих владеть». Игра на трансцендентность и та жертва, которую подразумевает эта игра, — вот величайшие завоевания хозяев. Любой, кто интригует властью, но отказывается от очищения отречением (то есть разбойник или тиран), будет рано или поздно выслежен и убит, как бешеный пес, а то и хуже, как, например, те, чье несложное понимание «труда» не брало в расчет мироощущение других, — Тропман, Лан-дрю, Петьо — убийцы людей, которые не считали нужным оправдываться высокими идеалами типа защиты Свободного Мира, или Христианского Запада, или Государства, или Человеческого Достоинства. Они были обречены на поражение. Отказываясь играть по правилам, пираты, разбойники и изгои беспокоят добропорядочных людей (их добропорядочность, впрочем, — тоже отражение мифа), хозяева же через убийство нарушителя или перевербовку его в подневольного стража заново утверждают «вечную истину»:

непродающиеся теряют право на выживание; продающиеся теряют право на жизнь. Сущность гуманизма заключается в жертве, приносимой хозяином, из-за чего гуманизм — и это следует уяснить раз и навсегда — не более чем несчастная антитеза всего человеческого. Гуманизм строится на осознанном и серьезном восприятии хозяина в контексте его собственной игры, то есть такого хозяина, которого восславляют те, кто в его самоочевидном акте пожертвования (этой карикатуре на настоящую жертву) видит причину надеяться на спасение. Справедливость, Достоинство, Благородство, Свобода — все эти слова, что выкрикиваются и выпеваются, вряд ли могут претендовать на роль чего-то большего, чем домашние животные, которые всякий раз с тех пор, как героические лакеи завоевали право прогуливать их на улице, исправно возвращаются домой. Использовать такие слова означает забыть, что они — балласт, сброс которого позволяет власти взлететь за пределы досягаемости. И если мы представим себе режим, постановивший, что мифический жертвенный акт хозяев не следует продвигать в таких универсальных формах, режим, который поставит себе целью выследить эти слова-понятия и уничтожить их, то мы с такой же легкостью увидим, что левые такому режиму не смогут предложить ничего, кроме жалкой словесной баталии, где каждая следующая фраза, одновременно с упоминанием о «жертве» предыдущего хозяина, призвала бы к столь же мифической жертве господина нового (то есть левого — ведь это режим, косящий рабочих во имя пролетариата). Связанный воедино с понятием жертвы, гуманизм рождается из взаимного страха рабов и повелителей: это не что иное, как солидарность испуганного до усеру человечества. Но те, кто отрицает любую иерархическую власть, могут использовать любое слово как оружие для укрепления своих действий. Лотреамон и нелегальные анархисты об этом уже знали, как знали об этом и дадаисты.

Собственник, таким образом, становится владельцем с того самого момента, как помещает в руки Господа или некоей универсальной трансцендентности власть над вещами и людьми; априорная безгрешность такого божественного управления отбрасывает на него небесные блики, оправдывающие и освящающие малейший его жест. Встать в оппозицию к подобным образом помазанному на владение хозяину означает воспротивиться Богу, естественному порядку вещей, отечеству, людям, то есть исключить себя из цельности физического и духовного мира. Как справедливо заметил Марсель Аврен, «мы не должны управлять, но не должны и подчиняться». Для тех, кто к этому юмору добавит полагающуюся толику насилия, не будет больше ни спасения, ни проклятия; не будет вовсе никакого места во вселенском мироустройстве — ни с Сатаной, великим сообщником верующих, ни с иной формой мифа, так как они, люди эти, будут живым доказательством бесполезности всего такого. Они рождены были для жизни, которую еще только предстоит изобрести; и в течение отпущенного им срока мечта о такой жизни привела их к краху и несчастью.

Два следствия обособленности в трансцендентности таковы:

- 1) если из онтологии следует трансцендентность, вполне очевидно, что любая онтология автоматически оправдывает и хозяина, и иерархию власти, в которой хозяин предстает в примитивных, но более или менее верных изображениях;
- 2) на различие между трудом физическим и умственным, между теорией и практикой, накладывается различие между трудом как истинной жертвой и трудом в форме фальшивой жертвы.

Заманчиво было бы объяснить фашизм в числе прочих причин и актом веры, аутодафе буржуазии, мучимой убийством Бога и срывом великого священного спектакля, посвящающей себя дьяволу, извращенному мистицизму — черному мистицизму с его ритуалами и холокостами. Мистицизму и большим деньгам.

Не следует забывать, что иерархическая власть непредставима без трансцендентности, без идеологии, без мифов. Демистификация сама по себе может всегда обратиться в миф: довольно лишь по-философски «забыть» перейти от демистификации на словах к демистификации действиями. Любая демистификация, нейтрализованная таким образом, такая, у которой вырвано жало, становится безболезненной, эвтанатической — одним словом, гуманистической. Вот только само движение демистификации рано или поздно демистифицирует демистификаторов.

Что станет с всеобщностью, присущей каждому унитарному обществу, когда ей придется столкнуться с буржуазным разрушением этого общества?

Успешной ли будет попытка искусственно восстановленного единства надуть рабочего, отчужденного от потребления?

Каким может быть будущее всеобщности в раздробленном обществе?

Какова должна быть та неожиданная смена этого общества и всей его организации внешностей, которая приведет нас к счастливому концу?

Если вы пока не знаете, выясните это во второй части!

Рауль Ванейгем

ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ: ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Опубликовано
в «Internationale Situationniste»
№7, 1963 г.

Краткое содержание первой части

Подавляющему большинству людей всегда приходилось посвящать все свои силы *выживанию*, отказывая себе, таким образом, в какой-либо надежде на *жизнь*. Люди эти продолжают бороться за выживание и сегодня, когда благополучие предлагает им элементы выживания в форме технологических удобств (бытовых приборов, готовых продуктов, заранее сконструированных городов, Моцарта по радио).

Контроль над материальным обеспечением нашей повседневной жизни организован так, что вещи, которые могли бы помочь нам богато обустроить ее, вместо этого повергают нас в пучину нищего изобилия. Отчуждение становится все более невыносимым, по мере того как все новые удобства сулят свободу и оборачиваются вместо этого ярмом. Мы порабощены свободой.

Чтобы понять эту проблему, ее надо рассматривать вкупе с проблемой иерархической власти. Здесь недостаточно отметить только, что иерархическая власть законсервировала человечество на несколько тысяч лет подобно тому, как зародыш сохраняется в банке с формалином, — не давая ни разлагаться, ни расти. Надо сказать также, что иерархическая власть представляет собою высшую форму личного присвоения и исторически является ее альфой и омегой. Личное присвоение, или присвоение в частную собственность, — это такое присвоение предметов, при котором присваиваются и люди тоже, это борьба против естественного отчуждения, порождающего отчуждение социальное.

Личное присвоение подразумевает такую *организацию видимости*, при которой его радикальные противоречия могут быть отброшены: слуги видят в себе искаженное отражение хозяина, таким образом усиливая сквозь зеркало воображаемых свобод свою зависимость и покорность. Хозяин, с другой стороны, отождествляет себя с мифическим, совершенным слугой Бога или трансцендентности, которая есть не что иное, как абстрактная и священная форма *единства* всех тех людей и предметов, над которыми у хозяина есть власть — власть тем более реальная и бескомпромиссная, что хозяин закрыт эгидой отречения, оправдан ею. Мифическому жертвоприношению начальника поставлено в соответствие фактическое жертвоприношение подчиненного; оба находят в отражении противоположность, незнакомое становится знакомым, и наоборот; каждый исполняет свое предназначение, становясь перевертышем своего отражения. В этом общем отчуждении рождается гармония отрицаний, чье фундаментальное единство заключается в понятии жертвоприношения. Эта объективная и извращенная гармония подкрепляется мифом — термином, который используется здесь для обозначения организации видимости в единых, унитарных обществах, то есть таких, где рабская, племенная или феодальная власть официально благословляется божественной инстанцией и где священное позволяет власти подчинить себе всеобщность сущностей.

Изначально основанная на «принесении себя *в дар*», эта гармония содержит некую форму отношений, которой суждено развиваться и приобрести автономность, а затем разрушить прародителя. Такие отношения, в свою очередь, базируются на частичном *обмене* (товара, денег, продукта, рабочей силы), где в качестве менового объекта хождение приобретает часть личности. Концепция этого обмена лежит в основе буржуазного понятия свободы, которое возникает по мере того, как коммерция и технология начинают доминировать в аграрных экономиках.

Изначально, когда буржуазия захватила власть, целостность власти была разрушена. Некогда священный процесс присвоения в личную собственность теперь, в капиталистическом механизме, приобрел мирской и обыденный характер. Высвободившись из мертвой хватки власти, общность вновь стала конкретной и неминуемой. Эра расчленения была на самом деле всего лишь последовательностью попыток вновь заполучить недоступную целостность, восстановить некий эрзац священного, за которым могла бы укрыться власть.

Революционный момент настает, когда «все, что может дать реальность», находит свое немедленное *отражение*. Все остальное время иерархическая власть, лишаящаяся чем дальше, тем большего количества своих мистических и магических регалий, пытается заставить всех забыть, что общность (то есть, конечно, реальность!) всего лишь выставляет напоказ свое мошенничество.

Направ непосредственно на мифическую организацию внешнего, структуру видимости, буржуазная революция неумышленно задела слабое место не только единой силы, но и всей иерархической власти как таковой. Объясняет ли эта неизбежная ошибка комплекс вины, неизменно присутствующий в буржуазной ментальности? Как бы то ни было, эта ошибка была, безусловно, предсказуемым и естественным результатом процесса.

И это действительно была ошибка, потому что единожды было развеяно облако лжи, покрывавшее процесс личного присвоения, миф был поколеблен и разрушен, и остался лишь вакуум, который могли заполнить лишь горячее ощущение свободы и замечательная поэзия. А она уж точно пока не сокрушала власти, и ее неудача на этом фронте объясняется просто: двусмысленные жесты, неся разрушение, также и исцеляют. Оставим историков и эстетов рыться в их коллекциях; нам же стоит лишь ковырнуть подсохшую корку памяти, и прошлое своими воплями, криками и жестикуляцией заставит тело власти содрогаться и источать кровь. Вся деятельность, направленная на сохранение воспоминаний, все же не сумеет запретить им кануть в Лету по мере соприкосновения с жизнью и совершенно так же, как и наше выживание, растворится в повседневном быту.

Процесс этот неизбежен: как показал Маркс, появление «меновая стоимость» и ее символического денежного выражения вскрыло глубокий латентный кризис в сердце единого мира. Товар, введенный в отношения между людьми, увязывает воедино универсальность (купюра в 1000 франков представляет собою все, что я могу на нее приобрести) и эгалитарность (так как обмениваются равноценные предметы). Эта «эгалитарная универсальность» частично ускользает как от эксплуататора, так и от эксплуатируемого, но они все же узнают друг друга сквозь нее. Они обнаруживают друг друга лицом к лицу, теперь уже не внутри мистерии божественного рождения и происхождения, как это было до того со знатью, а скорее внутри доступной для понимания трансцендентности, Логоса, свода законов, понятного каждому, хотя и окутанного тайной. Тайной с ее посвященными: прежде это были жрецы, которые пытались сохранить Логос в чистилище божественного мистицизма; позже они уступили и положение, и величие их священной миссии философам, а затем и техникам, пройдя путь от Республики Платона до Кибернетического Государства.

Таким образом, под давлением «меновая стоимость» и технологии (которую можно было бы назвать «подручным посредничеством») миф понемногу принимал мирской статус. Но следует отметить два факта:

а) По мере того, как Логос высвобождается из мистического единства, он утверждается и внутри, и вне этого единства. Рациональные и логические структуры поведения накладываются на структуры старые, метонимические, одновременно и сохраняя их, и противопоставляясь им (математика, поэзия, экономика, эстетика, психология, и т.д.).

б) Стечением времени, когда Логос, «организация видимости», приобретает все большую автономность, он порывает со священным и дробится. В таком виде он представляет двойную угрозу для единой власти. Мы уже показали, что священное выражает захват властью всеобщности и что всякий согласный на всеобщность должен пройти через посредничество с властью - подавление мистиков, алхимиков и гностиков служит тому достаточным подтверждением. Это также объясняет, почему современная власть «защищает» специалистов (впрочем, не доверяя им до конца): она чувствует в них миссионеров вновь

освященного Логоса. Различные исторические движения представляют собой попытки найти внутри мистической единой власти иную власть, с нею соперничающую, основанную на Логосе: христианский синкретизм (который делает Бога психологически объяснимым), Возрождение, Реформы и Просвещение.

Хозяева, чьей задачей было сохранить целостность Логоса, хорошо знали, что только единство может стабилизировать власть. При более пристальном рассмотрении окажется, что усилия их были не напрасны, как могло бы показаться после того, как Логос был раздроблен в XIX и XX вв. В раже общей атомизации Логос был разбит на отдельные техники (физику, биологию, социологию, папирологию и т.д.), но в то же самое время стала более императивной и необходимость заново установить общность. Не следует забывать, что для того, чтобы тоталитаризм возобладал над общностью, для того, чтобы на смену доминирующему над общностью мифу пришел Логос с единой кибернетической властью, потребовалась бы всего лишь всемогущая технократическая сила. В таком случае только два столетия успели бы истечь до того, как материализовалось бы видение энциклопедистов (строго рационализированный прогресс, растянутый в будущее до бесконечности). В этом направлении идет подготовка к будущему у сталинистов-кибернетиков. В этом контексте мирное сосуществование следует воспринимать как первый шаг к тоталитарному единству. Пора всем осознать, что они уже сопротивляются ему.

15

Поле битвы нам известно. Вопрос в том, как подготовиться к битве до того, как врачеватель патологий, вооруженный всеобщностью без техники, и кибернетик, вооруженный техникой без всеобщности, доведут до конца свое политическое сношение.

С точки зрения иерархической власти, миф перестанет быть сакральным только в том случае, если Логос или, по меньшей мере, те его элементы, которые способны десакрализовывать, наоборот станут сакральны. Нападение на священное одновременно с тем должно высвободить всеобщность и таким образом уничтожить власть (нечто похожее мы уже слышали!). Но власть буржуазии, раздробленная, обнищавшая, постоянно оспариваемая, остается в относительной стабильности благодаря тому, что зависит от следующей двусмысленности: технология, которая объективно десакрализуется, одновременно с этим является субъективным инструментом освобождения. Не настоящего освобождения, которое достигается лишь десакрализацией — ближе к концу спектакля, а карикатуры, имитации, наведенной галлюцинации.

То, что единое мировоззрение вывело за предел мироздания, фрагментарная власть проецирует (буквально «швыряет вперед») в состояние будущего благополучия, ярких завтрашних дней, о которых нам возвещают с вершин сегодняшних навозных куч, ведь завтрашние мы не больше, чем мы сегодняшние, помноженные на количество произведенных нами технических безделиц. От лозунга «Живи в Боге» мы перешли к гуманистическому девизу «Доживи до старости», который эвфемистически можно передать как: «Оставайся юн сердцем и доживешь до преклонных лет».

Лишенный священного покровы, десакрализованный и расчлененный миф теряет свое величие и свою духовность. Он становится лишь обесцвеченной, грубой оболочкой, сохраняющей многие прежние характеристики, но теперь охотно открывающей их в конкретной, доступной и осязаемой форме. Бог больше не конференсье, и до тех пор, пока Логос, вооруженный технологией и наукой, не перехватит инициативу, фантомы отчуждения будут продолжать материализовываться и сеять повсюду хаос. Ищите эти фантомы: они первые признаки будущего порядка. Мы должны начать играть уже сейчас, если не хотим, чтобы будущее наше было обречено на несчастное, униженное выживание; более того, если не хотим для себя будущего, в котором выживание как таковое станет невозможно (вот старая идея о человечестве, уничтожающем себя, а вместе с собой и весь эксперимент по сооружению обыденной жизни). Жизненно важные цели борьбы за создание ежедневной жизни — вот главные чувствительные точки любой иерархической власти; выстроить одно — значит разрушить другое. Пойманные в водоворот десакрализации и повторной сакрализации, мы превыше всего ставим намерение отменить: 1) организацию внешнего как спектакля самоотречений; 2) разделение, на котором основана личная жизнь, так как именно в ней проживается и отражается на каждом уровне разделение между господами и обездоленными; и 3) жертвоприношение. Три этих элемента, очевидно, взаимозависимы, как и их противоположности:

участие, общение и реализация. То же самое можно сказать и о соответствующем контексте, всеобщности (обанкротившийся мир, подконтрольная общность).

16

Человеческие отношения, до того растворенные в божественной трансцендентности (то есть общности, увенчанной священным), осели и застыли, как только священное перестало быть катализатором. Обнажилась их вещественность. Как Провидение уступило место капризным законам экономики, так и власть человеческая стала проявляться за властью божественной. Сегодня единственной роли, которая раньше в божественном освещении была отведена каждому, соответствует целый спектр ролей. И хотя масками в этих ролях стали теперь человеческие лица, роли эти все еще требуют и от ведущих актеров, и от массовки отказаться от настоящей жизни в соответствии с диалектикой настоящего и мифического жертвоприношения. Спектакль — всего лишь миф, секуляризованный и разбитый на фрагменты. Он составляет броню, в которую закована власть (и он же — жизненно необходимый посредник), а она становится уязвима для любого удара, если в какофоническом многоголосье воплей, тонущих друг в друге, не может больше скрывать своей природы личного присвоения и тех разнородных кусков несчастья, которые уготовила для каждого.

Все роли в контексте фрагментированной власти, сменяемой десакрализацией, обесцвечены и обесценены, равно как и спектакль представляет собой лишь обедненную копию мифа. Исполнители ролей с такой охотой и неуклюжестью передают секреты своих механизмов и уловок, что власти, дабы защититься от всеобщего осуждения и отказа от спектакля, остается лишь организовать такой отказ самой путем еще более неуклюжего замещения актеров и исполнителей или через спровоцированные погромы заранее сфабрикованных козлов отпущения (агентов Москвы, Уолл-стрита, мирового сионизма или Двухсот Семейств). Как следствие, весь актерский состав играет бездарно, и на смену стилю приходит манерность.

Миф, эта бездвижная всеобщность, охватил всякое движение (паломничество можно считать примером авантюрного стремления к цели при отсутствии мобильности). С одной стороны, спектакль может взять всеобщность под контроль только через низведение ее до уровня фрагмента или набора фрагментов (психологических, социологических, филологических и мифологических мировоззрений); с другой стороны, он расположен в той точке, где процесс десакрализации предельно сходится с попытками повторного освящения, ресакрализации. Таким образом, он может преуспеть в установлении бездвижности только в границах фактического движения, движения, которое формирует его, несмотря на его противодействие. В эпоху фрагментации организация внешнего превращает движение в линейную последовательность неподвижных стоп-кадров (прекрасный пример такого перехода от засечки к цепочке — сталинский «диалектический материализм»), В структуре того, что мы назвали «колонизацией повседневной жизни», единственные возможные изменения — это изменения фрагментарных ролей. Используя сравнительно негибкую общепринятую терминологию, можно сказать, что человек попеременно бывает гражданином, родителем, сексуальным партнером, политиком, специалистом, профессионалом, производителем, потребителем. Но какой начальник не чувствует над собой начальства? Ведь ко всем из нас применима такая максима: может, и удастся иногда кого трахнуть, но уж тебя-то трахают постоянно.

По крайней мере, эпоха фрагментации не оставила никакого сомнения вот по какому поводу: повседневность есть поле битвы, на котором идет сражение между властью и общностью, где власти приходится использовать все силы, чтобы контролировать общность.

Чего мы требуем, прикрывая власть ежедневной жизни под огнем власти иерархической? Мы требуем всего. Мы занимаем свою жесткую позицию в обобщенном конфликте, распространяющемся от домашней склоки до революционной войны, и ставка в нашей игре — воля к жизни. Это означает, что мы должны выжить как антитеза выжившим. На самом базовом уровне нас волнуют лишь те моменты, когда жизнь пробивается сквозь оледенение выживания, будь эти моменты бессознательные, теоретические, исторические (например, революция) или личные.

Но нам надо отдавать себе отчет и в том, что нам не дает свободно плыть по течению таких моментов (за исключением, пожалуй, собственно момента революции) не только общее давление со стороны власти, но и требования нашей собственной борьбы и тактики. Нам надо найти

способы компенсировать это накопление ошибок путем более полного охвата таких моментов, через демонстрацию их качественной важности. Тому, что мы говорим о строении повседневной жизни, не дает стать обедненным достоянием культурного и субкультурного истеблишмента (академиков с оплачиваемыми отпусками) лишь тот факт, что все идеи ситуационистов суть верные продолжения и логические расширения действий всех тех тысяч людей, которые пытаются не дать каждому своему дню выродиться в двадцать четыре часа потерянного времени. Авангардны ли мы? Если да, то быть авангардным означает двигаться в ногу с реальностью.

17

Мы не заявляем исключительных прав на разум как таковой, а только на его применение. Наша позиция — стратегическая, мы находимся в центре всякого конфликта. Качественное — наша ударная сила. Люди, лишь отчасти понимающие то, что пишется в этом журнале, просят нас выпустить книгу с разъяснениями, с помощью которых они смогли бы убедиться, как силен их интеллект и насколько всеобъемлюща образованность — иными словами, понять, что они законченные идиоты. Человек, приходящий от нашей писанины в возмущение и выбрасывающий ее в урну, действует более разумно. Рано или поздно надо будет отдать себе отчет в том, что слова и фразы, которые мы используем, отстают от реальности на несколько шагов. Искажение и неуклюжесть, с какими мы расписываем свою доктрину (которую один не лишенный вкуса человек изящно окрестил «не очень-то приятным герметическим терроризмом»), происходят от нашей центральной позиции, позиции на размытом и постоянно смещающемся фронте, где язык, захваченный властью (обусловливающий), и язык свободный (поэзия) схлестнулись в своей бесконечно запутанной схватке. Тем, кто плетется за нами, мы предпочитаем тех, кто раздраженно и нетерпеливо отвергает нас из-за того, что наши слова не есть еще законченная поэзия, не есть еще свободное строительство повседневной жизни.

Все, что связано с мыслью, связано и со спектаклем. Почти каждый человек живет в постоянном страхе от мысли, что он может проснуться и очутиться в самом себе, и пламя этого страха сознательно раздувается властью. Обусловливание, особая поэзия силы и власти, подчинило себе столь большое количество вещей (ведь все материальное принадлежит ему: пресса, телевидение, стереотипы, магия, традиция, экономика, технология — все то, что мы зовем захваченным языком), что ему почти удалось растворить то, что Маркс называл недоминируемым сектором, заменив его сектором доминируемым (см. наш составной портрет «выжившего»). Но пережитый опыт не может с такой легкостью быть разложен на набор последовательно сменяющихся пустых ролей. Спротивление внешней организации жизни, т.е. организации жизни в качестве выживания, содержит больше поэтического заряда, чем самый толстый том прозы или стихов, и тот поэт в литературном смысле слова, кто сумел, по меньшей мере, понять или почуять это. Такая поэзия находится в весьма опасном положении. Конечно, поэзию в ситуационистском смысле слова умалить невозможно, и она не может пойти на компромисс с властью, потому что любой акт компромисса — стереотип, нечто обусловленное языком силы. Но она окружена властью со всех сторон. Власть заключает в себе неумолимое путем изоляции; такая изоляция не может быть продолжительной, и одна из сторон должна уступить. Один зубец клещей — угроза распада (безумие, болезнь, лишения, суицид), другой — удаленно контролируемая терапия. Первый дарует смерть, второй — безжизненное выживание (пустые сообщения, видимость «совместности» с семьей и друзьями, психоанализ на службе у отчуждения, здравоохранение, эрготерапию). Раньше или позже СИ придется защищать свое положение терапевта: мы готовы отстаивать чистую, истинную поэзию, сотворенную всеми, в борьбе против фальшивой поэзии, махинации власти. Докторам и психоаналитикам тоже следовало бы разобраться в этом, или однажды они вместе с архитекторами и другими апостолами выживания будут вынуждены лицом к лицу встретиться с последствиями того, что однажды сделали.

18

Все неразрешенные, несмещенные вовремя противостояния ослабевают. Такие противостояния могут эволюционировать только в том случае, когда они заключены в предыдущих, несмещенных формах (например, искусстве, направленном против культуры, внутри культурного спектакля).

Любая экстремальная оппозиция, которая терпит крах или добивается лишь частичной победы (что по сути одно и то же), постепенно вырождается в оппозицию реформистскую. Фрагментарные оппозиции как зубья на шестернях, они сцепляются и заставляют работать машину спектакля, машину власти.

Миф сохранял весь спектр противостояний, весь набор антагонизмов внутри манихейского архетипа. Но что может служить архетипом в раздробленном обществе? Воспоминания о прошлых противостояниях, представленные в обесцененной и неагрессивной форме, сегодня выглядят, как последняя попытка внести некоторую последовательность в организацию внешнего — настолько далеко уже ушел спектакль по дороге вырождения в фарс запутанности и усредненности. Мы готовы стереть всякий след этих воспоминаний путем аккумуляции всего заряда, накопившегося в прошлых противостояниях, для грядущей глобальной борьбы. Все ручки, которые власть так долго блокировала, однажды прорвутся мощным потоком, водопадом, который изменит лицо мира.

В общей карикатуре противостояний власть призывает каждого занять свою позицию по отношению к Бриджит Бардо, к новому роману, «ситроену» в четыре лошадиных силы, итальянской кухне, мес-калю (мексиканской водке из сока алоэ), мини-юбкам, ООН, классикам, национализации, термоядерной войне и езде автостопом. Каждого человека спрашивают его мнения о малейшей детали, чтобы не дать ему возможности сформировать своей позиции в отношении всеобщности — совокупности вещей в их целостности. Каким бы неуклюжим ни был такой маневр, он бы сработал, если бы агенты, которым было поручено нести его от двери к двери, не очнулись и не осознали своей собственной отчужденности. Теперь же к пассивности обездоленных масс добавляется еще и растущая пассивность режиссеров и актеров, подвергнутых абстрактным законам рынка и спектакля и все бесповоротнее теряющих из-за этого реальный контроль над миром. Признаки назревающего недовольства происходящим уже видны среди актеров — это и звезды, пытающиеся сбежать из-под света прожекторов, и правители, критикующие свою собственную власть (Бриджит Бардо, Фидель Кастро). Инструменты власти изнашиваются, поскольку их воля к свободе — это фактор, которым нельзя пренебрегать.

19

В тот самый момент, когда восстания рабов угрожали перевернуть структуру власти и выявить отношения между трансцендентностью и механизмом личного присвоения, явилось христианство со своим грандиозным реформаторством, главным демократическим требованием которого было условие рабам согласиться не на реальность человеческой жизни, потому что это было бы невозможно без осуждения отшельнического аспекта личного присвоения, а на нереальность существования, которое черпает счастье из мифа (имитация Христа как цены того, что последует дальше). Что изменилось? Ожидание того, что грядет, превратилось в ожидание радужного завтра; жертва жизни настоящей и немедленной — вот цена, уплаченная за иллюзорную свободу жизни кажущейся. Спектакль — это та сфера, где насильный труд превращается в добровольную жертву. В мире, где выживанием шантажируют труд, максима «каждому по труду», пожалуй, наиболее подозрительна, не говоря уж о «каждому по потребностям» в мире, где потребности определяются властью. Любой конструктивный проект, определенный в отрыве от остальной сущности и потому частичный, не принимающий во внимание тот факт, что он на самом деле определен от все приостанавливающего противного, становится реформистским. А это сродни попыткам строить на зыбучем песке вместо цемента. Игнорирование или непонимание контекста, установленного властью, может послужить только укреплению этого контекста. Те спонтанные действия против власти и ее спектакля, которые мы видим повсюду, надо вначале предупредить обо всех препятствиях на их пути и вооружить тактикой, которая учитывала бы силу врага и его способность к нахождению компромиссов. Эта тактика, которую мы собираемся популяризовать, называется *detournement* (у ситуационистов термин, обозначающий некую абстрактную девиацию от общепринятой нормы, иначе — похищение, кражу).

20

Принесение жертвы должно быть вознаграждено. В обмен на их настоящую жертву рабочие получают инструменты освобождения (составляющие комфорта, различные технические приспособления), но это освобождение остается чистой фикцией, поскольку власть контролирует те способы, которыми можно использовать этот материал. Иначе говоря, власть использует себе на руку как инструменты, так и тех, кто ими орудует. Христианская и буржуазная революции демократизировали мифическое жертвоприношение, «принесение хозяина в жертву». Сегодня бесчисленные посвященные получают крохи со стола власти за то, что обращают на службу общественности свои фрагментарные знания во всей полноте общности. Они больше не «посвященные» и пока не «жрецы Логоса»; они просто специалисты.

На уровне спектакля силу их отрицать невозможно: и участник шоу «Кто хочет стать миллионером», и почтовый чинуша, болтающий весь день про особенности своей машины, отождествляются со специалистом, и мы знаем, как производственные менеджеры используют такую самоидентификацию, для того чтобы заставить неквалифицированных рабочих ходить по струнке. Истинной миссией технократов было бы объединение Логоса, если бы они не были так безнадежно и абсурдно изолированы и разведены по своим отделам жизни. Любой специалист отчуждается, если не совпадает по фазе с остальными; каждый знает что-то о частности и ничего — о целом. Физик-атомщик, стратег, политик — кто из них имеет реальный контроль над ядерным оружием? Как может власть льстить себя надеждами проконтролировать всякую направленную против нее манифестацию? Ведь сцена настолько перегружена актерами, что единственным постановщиком спектакля служит хаос, и «порядок правит, но не управляет» («Internationale Situationniste », №6).

В той степени, в какой специалист участвует в развитии инструментов, формирующих и преобразовывающих мир, он подготавливает дорогу для революции привилегированных. До настоящего времени такая революция называлась фашизмом. Практически это оперный переворот (разве не считал Ницше Вагнера своим предшественником?), в котором особенно бесправные актеры, долгое время прозябавшие в «кушать подано» и чувствовавшие, как постепенно теряют свободу, внезапно начинают исполнять ведущие роли. Говоря языком медицины, то фашизм — истерия мира спектакля, доведенная до точки климактического разрешения. В такой кульминационной точке спектакль мгновенно обретает целостность и раскрывается во всей своей абсолютной нечеловечности. Через фашизм и сталинизм, которые суть его романтические кризисы, спектакль открывает свою истинную природу: это болезнь.

Мы отравлены спектаклем. Все элементы, необходимые для успешной нейтрализации токсинов (то есть для того, чтобы мы сами взяли в свои руки процесс построения наших ежедневных жизней), находятся в руках специалистов. Поэтому мы в высшей степени заинтересованы в них, но все по-разному. Некоторые случаи безнадежны: например, мы не будем демонстрировать специалистам от власти, правителям, насколько глубоко они зашли в своей горячке. С другой стороны, мы готовы принять в расчет горечь тех специалистов, которые заключены в тесных, постыдных, абсурдных ролях. Должны признаться, впрочем, что наше снисхождение не беспредельно. Ведь бывает так, что, несмотря на все наши усилия, они упорствуют в том, чтобы употреблять свою нечистую совесть и свою горечь на службе власти путем фабрикации системы условий, которая колонизирует их же собственную каждодневную жизнь; что они предпочитают лишь видимость своего представительства в иерархии причастных к настоящей власти; что они настаивают на том, чтобы всюду рекламировать свои специализации (свои картины, свои романы, свои уравнения, свою социометрию, свой психоанализ, свою баллистику); что они, в конце концов, отлично зная (а вскоре и незнание этого факта уже не будет служить оправданием), что только власть и СИ владеют ключом к использованию их специализации, тем не менее, по-прежнему предпочитают служить власти (ибо власть, разжиревшая на их инерции, выбрала их, чтобы служили ей, чтобы получить все, что они могут дать, а затем трахнуть их!). У нашей щедрости есть предел. Они должны понимать все это, а в особенности то, что бунт актеров, отлученных от власти, таким образом, связан с бунтом против спектакля (см. ниже тезис о СИ и власти).

использования, какое ему было найдено буржуазией, которой он служил одновременно и как регулирующий механизм, и как источник рекрутирования для более двусмысленных сил порядка (полиции, информаторов, наемных убийц, художников...) Тем не менее, люмпен-пролетариат воплощает потрясающе радикальную скрытую критику рабочего общества. В его открытом презрении как к лакеям, так и к хозяевам содержится хорошая критика работы как отчуждения, критика, которая не принималась в учет до сегодняшнего дня не только потому, что люмпен-пролетариат был неоднозначным сектором, но также и потому, что на протяжении XIX и начала XX века борьба против естественного отчуждения и производства благосостояния по-прежнему выступала как необходимое и достаточное оправдание работы. Как только стало ясно, что избыток потребительских товаров не что иное, как обратная сторона отчуждения в производстве, люмпен-пролетариат приобрел новое измерение: он исполнился презрения к организованной работе. Она в эру Государства, предоставляющего пособие по безработице, приобретает такие масштабы, что их неадекватность по-прежнему отказываются признавать только правители. Вместо постоянных попыток власти свести к компромиссу каждый эксперимент, ставившийся в каждодневной жизни, то есть каждая попытка превзойти такой эксперимент (а ведь эта деятельность была нелегальной со времен разрушения феодальной власти, когда она была сужена до тонкой прослойки правящего меньшинства), ныне конкретизируется в критике отчуждающей работы и отказе предоставить принуждаемый труд. Это тем более верно, потому что новый пролетариат может быть абстрактно определен как «Фронт Против Принудительного Труда»: фронт этот объединяет вместе всех, кто сопротивляется ассимиляции властью. Это наше поле действия, арена, где мы с помощью уловок истории ставим на кон против уловок власти, поддерживая рабочего (будь то металлург или художник), который — сознательно или нет — принимает работу под диктатом власти. В этой перспективе не лишена основания попытка предугадать переходный период, во время которого автоматизация и воля нового пролетариата оставят работу исключительно специалисту, низведя менеджеров и бюрократов до уровня временных рабов. С расширением автоматизации «рабочие», вместо управляющих ими машин, смогут посвятить свое внимание присмотру за специалистами по кибернетике, чьей единственной задачей будет увеличение продукции, которая через искажение перспективы перестанет быть приоритетным сектором и станет вместо этого служить примату жизни над выживанием.

22

Единая власть пыталась растворить частное существование в коллективном сознании с тем, чтобы каждый отдельный социальный элемент субъективно определял себя как частичку с точным весом, зависшую, как будто в масле. Всем следовало ощущать необычайный подъем от самоочевидного. Единая власть стремилась распылить индивидуальное существование в коллективное сознание так, чтобы каждая социальная ячейка предметно определила себя как частица с ясно детерминированным весом, поддерживаемым на манер частиц, плавающих в воде. Каждый должен был чувствовать себя переполненным вездесущими свидетельствами того, что все — лишь глина, сырой материал в руке Божией, а Бог использует все это в своих личных целях, которые, естественно, находятся вне разума отдельного индивидуума. Все феномены являлись эманациями высшей воли; любая, казалось бы, необъяснимая пертурбация полагалась новым способом к достижению некой большей, скрытой гармонии (Четыре Царства, Колесо Фортуны, испытания, посланные богами). Любой может говорить о коллективном сознательном в том смысле, что оно одновременно для каждого индивидуума: сознание мифа и сознание отдельного-существования-внутри-мифа. Власть иллюзии была такова, что жизнь, действительно прожитая, черпала свой смысл из того, что существовало лишь иллюзорно. Отсюда и жреческое проклятие жизни, низведение жизни до простой последовательности, до убогого материализма, до тщетного внешнего и до униженного состояния трансцендентности, которое все более деградировало, по мере того как покидало свою мистическую организацию.

Бог был гарантом времени и пространства, его координаты определяли единое общество. Он был общей отправной точкой для всего

человечества; в нем сходились пространство и время, как и все существа обретали в нем единение со своей судьбой. Сейчас, в эпоху раздробленности, человек разрывается между пространством и временем, которые ни одна трансцендентность не способна объединить через посредничество

любой централизованной власти. Мы живем в пространстве-времени, которое лишено системы координат, несбалансированно, как будто нам суждено никогда больше не вступить в контакт с самими собою, хотя к тому и есть все предпосылки.

Есть место, где ты создаешь себя, и время, в течение которого ты себя играешь. Пространство каждодневной жизни, то есть единственной истинной реализации человека, окружено тысячей разных условностей. Самых нас определяет узкое пространство нашей истинной реализации, а мы определяем себя во времени спектакля. Иначе говоря, наше сознание — больше не мифическое сознание некоего существа внутри мифа, но, скорее, сознание спектакля и некой роли внутри спектакля. (Выше я проанализировал связь между всею онтологией и единой властью; здесь следует вспомнить, что кризис онтологии проявляется по мере продвижения к раздроблению.) Можно сформулировать это и так: в системе пространственно-временных отношений, где расположено все и вся, время стало воображаемой величиной (полем отождествлений); нас определяет пространство, хотя мы сами определяем себя лишь в воображаемой плоскости, и воображаемое определяет нас через субъективности.

Наша свобода — это свобода абстрактной временности, в течение которой мы именуемся на языке власти (и имена эти соответствуют ролям, нам уготовленным). Все колебания нашего выбора сводятся к официально принятым синонимам для нас самих. С другой стороны, в пространстве нашей аутентичной реализации, то есть в пространстве повседневной жизни, доминирует молчание. Никаким словом невозможно назвать пространство пережитого опыта, кроме как словом поэтическим на языке, свободном от контроля власти.

23

Десакрализуя миф и разбивая его на фрагменты, буржуазия потребовала прежде всего независимости сознания (свободы мысли, свободы прессы, свободы исследования, отрицания догм). Вследствие этого сознание перестало быть мифом, отражающим сознание. Оно стало осознанием череды ролей, исполняемых в спектакле. Превыше всего буржуазия ставила свободу актеров и массовки в спектакле, теперь режиссируемом не Господом с его приспешниками и жрецами, а естественными и экономическими законами, «неумолимыми и капризными законами» под защитой новой команды законников и специалистов.

Бог был оторван, как использованный бинт, но рана так и не затянулась. Возможно, бинт и не давал ране зажить, но он оправдывал страдание, он придавал ему значение, ради которого вполне можно было стерпеть несколько уколов морфия. Теперь же у страдания оправдания нет вовсе, а морфий дорог. Разлука приобрела конкретные очертания, и каждый может их увидеть, потрогать. Единственное решение проблемы, которое предлагает нам кибернетическое общество, — это стать зрителями в театре, где бал правят гангрена и гниение, в театре, где ставится спектакль о выживании.

Драма сознания, о которой говорил Гегель, есть на самом деле осознание драмы. Романтизм отдается звуками, напоминающими плач души, вырванной из тела. Страдание это тем более остро, что каждый из нас вынужден в одиночестве наблюдать, как рушится священная всеобщность и все остальные дома Эшеров.

24

Всеобщность является объективной реальностью, в движении которой субъективность может принять участие только в форме реализации. Все не связанное с реализацией ежедневной жизни присоединяется к спектаклю заново — это спячка; замёрзшее в ней выживание подается кусками. Никакая реализация невозможна вне объективной реальности, вне всеобщности. Все остальное — фарс. Объективная реализация, которая функционирует внутри механизма спектакля, — просто успех объектов, которыми манипулирует власть («объективная реализация в субъективности» известных художников, актеров, знаменитостей). На уровне организации внешнего каждый успех — и даже каждая неудача — раздувается до тех пор, пока не превратится в стереотип, и преподносится как единственно возможный успех или неудача. До сих пор единственным судьей была власть, хотя суждения ее и подвергались различным проверкам и выдерживали давление. Ее критерии — единственно удовлетворительные для тех, кто согласен играть роль в спектакле по

его внутреннему распорядку. Но ведущих актеров на этой сцене больше не осталось. Есть только массовка.

25

Пространственно-временной континуум частной жизни был гармонизирован пространством-временем мифа; и гармония Фурье откликается на колебания этой извращенной гармонии. Как только миф перестает объединять индивидуума и частность во всеобщности, доминируемой священным, каждый фрагмент, каждая доля превращается во всеобщность, а каждый такой фрагмент тоталитарен. В разобленном пространстве-времени, составляющем частную жизнь, время — абсолютное в форме абстрактной свободы, свободы спектакля — объединяет в целое силой самой своей разобщенности пространственный абсолют частной жизни, его изоляцию, его стесненность. Механизм отчуждающего спектакля столь силен, что частная жизнь теперь уже определяется как нечто отлученное от спектаклей; тот факт, что кому-то не достается ролей и категорий в спектакле, воспринимается как дальнейшее усиление лишений, и это-то гнетущее ощущение власть использует как предлог для сведения повседневной жизни до статуса ничего не значащих жестов (открывания двери, сидения на стуле, стирки).

26

Спектакль, устанавливающий свои нормы для жизненного опыта, сам по себе возникает из пережитых вещей. Удивительное время, что было проведено в смене последовательных ролей, превращает пространство аутентичного опыта в область объективного безвластия, бессилия; в тоже время объективное бессилие, происходящее от обуславливания личного присвоения, делает спектакль конечной точкой потенциальной свободы.

Элементы, рожденные из накопленного опыта, признаются только на уровне спектакля, где они выражаются в форме стереотипов, хотя такое выражение постоянно опротестовывается и опровергается жизненным опытом. Составной портрет выживших, тех, кого Ницше называл «маленькими людьми», или «последними людьми», может быть представлен только в контексте следующей диалектики возможного и невозможного: возможность на уровне спектакля (разнообразия абстрактных ролей) усиливает невозможность на уровне пережитого опыта. Невозможность (то есть рамки, наложенные на аутентичный опыт процессом присваивания) определяет поле абстрактных возможностей.

Выживание двумерно. Какая сила сможет в противодействие такому подавлению поднять вопрос, составляющий ежедневную проблему всякого человеческого существа: диалектику выживания и жизни? Либо те силы, на которые рассчитывал СИ, сделают возможной смену этих двух противоположных начал, вновь объединяя пространство и время в строительстве ежедневной жизни; либо жизнь и выживание сцепятся в противостоянии, становясь все слабее и слабее до тех пор, пока не запутаются окончательно и не падут до уровня абсолютной нищеты.

27

На поставленные в спектакле куски пережитой реальности аккуратно наклеены ярлыки биологических, социологических или иных категорий, которые хотя и связаны с осознаваемым-вербализуемым, никогда не несут в себе ничего, кроме фактов-оболочек, из которых было выскоблено все их аутентичное нутро. Именно в этом смысле иерархическая власть, заключающая всех в объективном механизме частного присвоения (допущение/исключение, см. раздел 3), тоже представляет собой диктатуру над субъективным. В таком качестве эта власть и пытается с переменным успехом заставить каждую индивидуальную субъективность перерасти в объективность, иначе говоря, стать объектом для манипуляции. Эту исключительно интересную диалектику надо проанализировать более подробно (объективная реализация в субъективности — реализация власти — и объективная реализация в объективности, то есть та, что составляет часть практики формирования ежедневной жизни и уничтожения власти).

Факты лишаются своего содержания во имя вербализуемого, во имя абстрактной универсальности, во имя извращенной гармонии, в которой каждый реализует себя в искаженной

перспективе. Здесь СИ занимает свое место в линии интеллектуального соперничества, тянущейся через Сада, Фурье, Льюиса Кэрролла, Лотреамона, сюрреализм и леттризм (по крайней мере, в наименее известных течениях этого потока, которые были одновременно и наиболее радикальными).

Внутри фрагмента, устроенного как всеобщность, каждая следующая доля сама по себе тоталитарна. Индивидуализм расценивал чувственность, желание, волю, ум, вкус, подсознательное и все категории эго как абсолюты. Хотя социология сегодня и обогащает психологию категориями, все же разнообразие ролей всего лишь подчеркивает монотонность рефлекса самоотжествления. Свобода «выжившего» будет заключаться в возможности принять форму абстрактного компонента, до размеров которого он по своей воле себя уменьшит. Единожды из общей картины будет исключена настоящая реализация, останется только психосоциологическая драматургия, в которой внутреннее будет функционировать как клапан безопасности, отдушина, через которую человек будет выпускать пар, скапливающийся в нем после эффектного дефиле на ежедневной выставке. Выживание становится конечной стадией жизни, организованной в виде механического воспроизводства памяти.

28

До сегодняшнего дня подход к общности был фальшив. Власть паразитировала на ней в качестве незаменимого посредника между человеком и природой; но взаимоотношения человека и природы основываются лишь на практиках. Именно практики постоянно проламывают фанеру лжи, которую усердно чинит миф и его суррогаты. Именно практики, пусть даже отчужденные, остаются в постоянном контакте со всеобщностью. Раскрывая свой собственный фрагментарный характер, практики в то же самое время открывают настоящую всеобщность (реальность): это общность, реализующаяся посредством своей противоположности, фрагмента.

В перспективе практик каждый фрагмент есть общность. В перспективе власти, которая отчуждает практики, каждый фрагмент тоталитарен. Этого должно быть достаточно для того, чтобы разрушить попытки кибернетической власти окутать практики несвойственной им мистикой, хотя серьезность таких попыток недооценивать нельзя.

В нашем проекте встречаются все формы практик. Все они попадают к нам с присущей им долей отчуждения, с инородными вкраплениями власти, но очистить их — в наших силах. Мы осветим и придадим новую силу и чистоту акту отказа, мы разьясим, в чем суть манипулятивных маневров власти — не в манихейской перспективе, но путем осуществления нашей собственной стратегии, той битвы, которая уже началась. В данный момент в ней наши враги пытаются повсеместно найти общий язык друг с другом, но лишь бессмысленно сталкиваются, потерянные в неиссякаемой темноте и неопределенности.

29

Ежедневная жизнь всегда клалась на алтарь жизни внешней, очевидной; а очевидность, в свою очередь, в своем мистическом единстве была настолько сильна, что подавляла всякое упоминание о ежедневности. Нищета и пустота спектакля, обнаженная всеми разновидностями капитализма и буржуазии, открыла всем глаза как на существование повседневной жизни (жизни-убежища, но для чего и от чего?), так и на ее бедность. По мере того как усиливаются овеществление и бюрократизация, единственной ясной, как день вещь остается необычайная примитивность как спектакля, так и каждодневного существования. Конфликт между человеческим и нечеловеческим был перенесен в плоскость внешнего. Как только марксизм стал идеологией, борьба Маркса против идеологии во имя богатства жизни превратилась в идеологическую установку против идеологии, в спектакль против спектакля. (Как в авангардной культуре такая постановка против постановок доступна лишь для понимания актеров, как картины, клеймящие картины, понятны лишь художникам, так же следует рассматривать и отношения между идеологической антиидеологией и функцией профессионального революционера в ленинизме.) Поэтому манихейство и ожило с молниеносной быстротой. Почему так неустанно атаковал манихеев святой Августин? Потому что понимал, насколько опасен миф, позволяющий лишь одно разрешение проблемы, в форме победы добра над злом; он видел, что невозможность такого

разрешения угрожала сокрушить все здание мифологий и вывести на свет противоречие между мифическим и аутентичным, настоящей жизнью. Христианство предложило третий путь — путь священного дурмана; то, чего христианство добилось силою мифа, сегодня достигается силой вещей. Не может быть противостояния между советскими рабочими и рабочими в капиталистических странах или между бомбой сталинских бюрократов и бюрократов послесталинских. Нет ничего больше, за исключением единства в хаосе овеществленных сущностей.

Так кто же понесет ответственность? Кого следует застрелить? Над нами доминирует система, абстрактная форма. Степень человечности и бесчеловечности определяется абсолютно количественным варьированием пассивности. Качество везде одинаково: мы ополета-рились или очень близки к этому состоянию. Чем занимаются ортодоксальные «революционеры»? Они пытаются уничтожить кое-какие различия и сделать так, чтобы ни один пролетарий не был более пролетарским, чем остальные. Но где та сторона, которая заинтересована в кончине пролетариата?

Перспектива выживания стала невыносимой. Нас тянет вниз вес предметов в вакууме. Вот что такое овеществление: все и вся, падающие с одинаковой скоростью; все и вся, заклеянные одинаковой ценностью. Правление равных ценностей осуществило проект христиан, но вне христианства (как и заключил Паскаль), и, что более важно, осуществило через божий труп — в противоположность тому, чего ожидал Паскаль.

В правлении равных ценностей сосуществуют спектакль и повседневность. Люди и предметы взаимозаменяемы. Мир овеществленный есть мир без центра, как те новые сборные города, которыми он украшен. Настоящее тает перед обещаниями вечного будущего, которое есть не что иное, как механическая экстраполяция прошлого. Само время лишено центра. В этом мире концентрационного лагеря жертвы и мучители носят одинаковые маски, и реальна лишь пытка. Ни одной новой идеологии не облегчить боли: ни идеологии единства (Логосу), ни нигилизму — им суждено стать костылями кибернетического общества. Пытки же в долгосрочной перспективе несовместимы с любой иерархической властью, какой бы организованной или лицемерной она ни была. Противостояние, которое намеревается возродить СИ, — самое древнее, самое радикальное из всех, и именно поэтому оно возрождается вновь и ассимилирует все останки революционных движений, всё разрозненное в истории наследие великих людей.

30

Много еще прописных истин можно было бы также обсудить, ведь все самое лучшее не имеет конца. Но перед тем как перечитывать этот текст (его даже самый затуманенный ум должен понять с третьего раза), читателю настоятельно рекомендуется обратить особое внимание на следующие отдельные понятия — понятия столь же фрагментарные, как и все предшествовавшие им, но все же требующие детального обсуждения, а затем и воплощения в жизнь. Они касаются центрального вопроса: СИ и революционной власти.

Зная о кризисах как массовых партий, так и «элит», СИ должен воплощать смещение как ЦК большевиков (смещения массовой партии), так и ницшеанского проекта (смещения интеллигенции).

а) Всегда, когда власть представляла себя в качестве направляющей силы революционного импульса, она тем самым преуменьшала мощь революции. ЦК большевиков сделал из себя одновременно и центр, и представительство: центр силы, противостоящей власти буржуа, и представительство народной воли. Такой дуализм быстро привел его к вырожденному состоянию пустой власти, власти несуществующего представительства, а затем и вовсе заставил слиться с буржуазной властью в общую бюрократическую форму. Буржуазная власть, живя под постоянной угрозой большевизма, тоже была вынуждена пройти эти этапы эволюции. Условия для создания концентрата власти и представительства масс вообще-то существуют в СИ, ведь не зря мы отмечаем, что обладаем качественным началом, что зерна наших идей есть в любом уме. И все же мы отказываемся как от власти, так и от представительства, полностью отдавая себе отчет в том, что мы теперь вызываем лишь одно отношение у широкой публики (ведь мы теперь не можем избежать некоторой известности в рамках спектакля), которое позволит тем, кто разделяет наши теоретические и практические позиции, согласиться на революционную власть, власть без посредничества, подразумевающую немедленные действия каждого. Нашим направляющим

символом могла бы стать колонна Дурутти, движущаяся из города в деревню, убирающая буржуазный элемент и оставляющая рабочим возможность заняться самоорганизацией.

Б) Интеллигенция — это зал, где власть прогуливается среди зеркал. Находясь в вечной оппозиции к власти, интеллигенция никогда не предлагает ничего, кроме пассивного катартического отождествления себя с теми, чей каждый жест исполнен противостояния. Впрочем, радикальное решение (не в теории, конечно, а на практике), которых можно было заметить краем глаза в «Декларации 121», допускает и некоторые альтернативы. Мы можем ускорить такой кризис, но только одним способом: вводя интеллигенцию в качестве противовеса интеллигенции. Фаза эта, которая должна предшествовать этапу, описанному в параграфе (а), и содержаться в нем, даст нам войти в зону прямой видимости ницшеанского проекта. Мы сформируем маленькую, почти алхимическую экспериментальную группу, внутри которой начнется реализация Человека Всеобщего. Ницше мог представить такое предприятие лишь в контексте иерархических принципов, и так как мы тоже находимся в таком контексте, приоритетом для нас является отсутствие какой бы то ни было двусмысленности (можно констатировать, что на групповом уровне выделение и очищение ядра и удаление остатков было, кажется, завершено успешно). Мы принимаем иерархическую структуру, в которой существуем, только на то время, что требуется нам, чтобы быстро и нетерпеливо работать на отмену нашего доминирования над теми, над кем мы не можем не доминировать на основании наших критериев взаимного распознавания.

с) С точки зрения тактики, наше общение будет иметь характер диффузии, инициируемой не вполне рассекреченным центром. Мы наладим нематериальную сеть (прямые связи, связи эпизодического характера, контакты, не обремененные постоянными узами, эмбриональные отношения, основанные на сочувствии и понимании — стиль красных агитаторов до прибытия революционных армий). Мы не станем пренебрегать и радикальными поступками (акциями, распространением печатного слова, политработами, мероприятиями), будем анализировать их механизмы, будем считать, что наши собственные действия и ход мысли поддерживаются большинством людей.

В Боге заключалась отправная точка единых обществ прошлого. Теперь и мы пытаемся создать центральную отправную точку для того единого общества, которое можно воссоздать в наши дни. Но зафиксировать эту точку невозможно. В противоположность вечно живому заблуждению о том, что кибернетическая власть подпитывается от нечеловеческого прошлого, она скорее олицетворяет игру, в которую станут играть все: «движущийся порядок грядущего».

Рауль Ванейгем

ОТРЫВКИ ИЗ «СОДЕЙСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ»

Здесь обсуждаются возможные способы содействия революционной борьбе, необходимость их корректировки и принципы безотлагательного воплощения

Глава 2. Азы революции

Цель саботажа и захвата предприятий, осуществляемых как отдельными людьми, так и группами, состоит в том, чтобы начать нелегальную стихийную забастовку.

Всякая стихийная забастовка должна вылиться в захват предприятия.

Каждое захваченное предприятие должно быть употреблено к вящей пользе революционеров.

Путем выбора подответственных делегатов, уполномоченных сравнивать выносимые решения и следить за их реализацией, собрание забастовщиков закладывает фундамент для радикальной реорганизации общества... в общество всеобъемлющего самоуправления.

Как только предприятие захвачено, собрание забастовщиков должно стать самоуправляющимся. Это, в свою очередь, требует:

- чтобы были избраны подответственные делегаты, чей отзыв возможен в любое время, уполномоченные следить за правильным исполнением решений собрания;
- чтобы собрание забастовщиков имело все необходимое для самозащиты;
- чтобы забастовка распространилась, охватив в итоге весь революционный элемент;
- и, наконец, чтобы она могла распространяться географически в поисках оптимального объема производительности захваченной территории (то есть по направлению к сельскохозяйственным регионам, и особенно к индустриальным зонам).

Вся власть, которой обладает собрание, основывается единственно на той власти, какую каждый имеет над своим каждодневным существованием.

Лучшая гарантия от всякой прочей (и, следовательно, по необходимости) репрессивной власти (т.е. партий, союзов, иерархических организаций, групп интеллектуалов или активистов... и т.п. зародышей государственной власти) — это правильное устройство в корне новых жизненных условий.

Единственный способ не дать Государству консолидироваться — это парализовать его через съезды представителей от федераций. Только координация усилий, направленных на установление самоуправления, может искоренить рыночную систему.

Всякая дискуссия, всякое применение силы должны выливаться в итоговый план действий. Мера, предложенная собранием, обретает силу писаного закона.

Теперь остановимся на правильной организации самозащиты. Право на самозащиту — это первое право самоуправляющегося собрания. Оно реализуется путем вооружения масс, зачистки и расширения завоеванной территории посредством создания лучших условий жизни для всех.

Революция не выработывает плана, не импровизирует, но превосхищает и подготавливает. Жизненно важно, чтобы у забастовщиков была следующая информация:

В продовольственных зонах места расположения складов, хранилищ, супермаркетов и оптовых рынков. Места расположения фабрик по производству товаров особой важности, а также тех, автоматизация которых представляется возможной в практически приемлемое время; места расположения заводов, на которых возможно провести конверсию, местонахождение паразитических учреждений, подлежащих уничтожению. Перераспределение земельных участков.

На вражеской территории: местонахождение казарм, полицейских участков, арсеналов и т.п. Домашние адреса и пути подхода к домам лидеров, нейтрализация которых повлечет за собой дезорганизацию сил сторонников государственной власти.

В зонах коммуникации и связи: дислокация автомобильных парков, железнодорожных депо и авиационных ангаров плюс расположение крупных гаражей и топлиохранилищ... Месторасположение телекоммуникационных центров: местных радиостанций, типографий, телефонных станций, полиграфических предприятий и т.п.

В зонах снабжения: вода, электричество, газ, медицинские учреждения.

Как только какая-либо зона захвачена, она должна удерживаться на основании двух неоспоримых принципов: самозащита и свободное распределение произведенных благ.

Лучший способ избежать изоляции — атаковать. Поэтому всякий должен:

Идя навстречу интернациональному объединению, создавать собственную революционную ячейку с целью захвата и экспроприации.

Укреплять и защищать связи между революционными зонами.

Окружать врага и уничтожать его коммуникации, использовать тактику командос для того, чтобы изматывать его тыл и избегать окружения, дробя его силы.

Дезорганизовывать контрреволюцию, обезвреживая ее основных лидеров и лучших стратегов.

Использовать печать, местные радиостанции и телекоммуникации для того, чтобы распространять правду о движении за всеобщее самоуправление, и для того, чтобы объяснять, чего мы хотим и каковы наши возможности. Действовать таким образом, чтобы массы в каждом районе, городе или деревне были в курсе самых последних новостей о том, что происходит по всей стране. Координировать уличные стычки, борьбу в городах и в сельской местности.

Мы должны избегать устаревших, пассивных и статичных приемов, таких, как баррикады, массовые демонстрации и борьба в студенческом духе. Для нас крайне важно изобретать (всякий раз) новую, неожиданную тактику и экспериментировать с ней.

Успех тактики городских боев, используемой параллельно захвату предприятий, зависит от скорости и эффективности подобных акций. Поэтому важно, чтобы небольшие отряды командос (вроде тех, которых государственники всех мастей сейчас называют «городскими хулиганами») объединялись с «заводскими хулиганами».

Наша цель — сопротивляться всякому насилию, направленному против движения за полное самоуправление, и в то же время не распространять это движение силой оружия. Гораздо важнее разоружить врага, чем ликвидировать его физически. Чем более решительными и быстрыми будут наши действия, тем меньше крови прольется.

Перебежчики из числа тех, кто был сначала враждебен нам, — пробный камень, который позволит нам сразу же оценить успех первых мер и/или ту всеобщую пользу, которую они приносят.

Тем не менее, следует взять на заметку тех, кого устраивает существующий порядок вещей, тех, кого привычка к рабству и самоуничтожению, загнанный вглубь мазохизм толкают на саморазрушение и на попытки заигрывать с властью даже в состоянии фактической свободы. По этой причине мы полагаем, что с началом восстания враги внутренние (лидеры профсоюзов, политических партий, штрейкбрехеры) и внешние (предприниматели, менеджеры, полицейские, военные) могут быть нейтрализованы.

На случай, если восстание будет задушено или заглушено само, для самозащиты потребуется разработать другие формы возможного изъятия (враждебного элемента). Они будут различаться в зависимости от интенсивности борьбы, в которую мы окажемся вовлечены, природы ошибок, которые мы допустим (обычно внутренняя неорганизованность движения), степени насилия, примененного врагом, от ожидаемой жесткости репрессий и т.д.

Мы не должны бояться поражения: вместо этого мы должны чувствовать, что возможно, а что невозможно, так, чтобы мы смогли предвосхитить, предотвратить и/или отразить репрессии. «Нет ничего революционного в индивидууме, который снял с себя оковы интеллектуализма и объективно держит курс на контрреволюцию... в том, кто примет пролетарскую революцию только если ее можно свершить с легкостью и бескровно, если можно сразу и навсегда утвердить власть пролетариата во всем мире и если победа будет гарантирована».

Люди, которые участвовали в карательных экспедициях против Парижской и Будапештской коммун, научили нас, что репрессии всегда безжалостны и что силы государственного уклада сулят нам лишь могильный покой. Когда конфронтация достигает той стадии, после которой (в

случае поражения) репрессии не пощадят никого, мы не пощадим никого из тех трусов, что, вероятнее всего, дожидаются нашего поражения, чтобы выступить в роли палачей. Мы должны превратить их дома в факелы, уничтожить заложников и имущество так, чтобы кроме нас самих в конце не осталось ничего.

Мы не питаем иллюзий по поводу того, что ожидает нас в случае поражения, и [все же], будучи уверены в победе, решили не мстить бывшим врагам. Мы остаемся готовыми к любым формам переубеждения, пока продолжается борьба... особенно при помощи уничтожения машин, ценностей и заложников для того, чтобы заставить государственные силы отступить и бросить оружие. Если борьба достигнет высокого накала — перережем линии, по которым в буржуазные кварталы, где живут государственные деятели, поступают вода, газ, электричество и топливо, загоним туда помой, испортим лифты в высотках и т.д.

Голос масс нелегко расслышать в реве битвы. Изобретательность каждого из нас создаст новые и эффективные виды оружия для использования командами самозащиты. «Несуны» постараются как можно быстрее открыть путь для последующей конверсии заводской машинерии, для реализации программы по вооружению, проводимой в жизнь самоуправляющимися собраниями.

Для безотлагательного использования подходят такие виды вооружения, как ракетные пусковые установки, сделанные из труб (вроде тех, что были испытаны в Венесуэле в 60-х), зенитные ракеты (наподобие тех, что делают в кружках авиакосмического моделирования), гранатометы и катапульты для «коктейля Молотова», огнеметы, минометы, ультразвуковое оборудование, лазеры... Также будут проведены исследования в области бронезащиты, военного оснащения грузовиков и бульдозеров, бронешилетов, противогазов (эти предметы помогут противостоять демобилизирующему оружию). Также следует изучить возможность подмешивания ЛСД во вражескую систему водоснабжения и т.д.¹

Будет исследовано противоракетное оружие: модернизированные зенитные орудия; ракеты земля-воздух и пушки с дистанционным управлением, а также лазеры, снайперские средства и шипы, мешающие посадке.

Мы должны подготовиться ответить на броневой натиск противотанковыми ямами, ракетами с дистанционным управлением, базуками, напалмом и минами...

Мы должны оборудовать чердаки и подвалы, прорыть туннели, соединяющие здания между собой, так, чтобы подготовить быстрые и безопасные пути для подхода наших отрядов самообороны.

Мы должны прибегать к ловушкам и оружию с дистанционным управлением для того, чтобы свести риск к минимуму. Мы должны ускорить переход от выживания к жизни. Мы должны быть уверены в том, что однажды нам удастся сделать этот переход значимым для каждого. Это не означает, что мы собираемся сокрушить рыночную систему одним кавалерийским наскоком. Это значит лишь, что первые же меры, утвержденные и проведенные в жизнь самоуправляющимися собраниями, должны сделать всякое возвращение к прежнему порядку вещей абсолютно невозможным... покончив со старыми условиями и создав такие преимущества, что никто уже не захочет отказаться от них.

Главные преимущества системы всеобщего самоуправления с необходимостью приведут к следующим результатам:

Система торгово-наемного рабства будет замещена свободным распределением материальных благ, необходимых для жизни каждого из нас.

Обязательная занятость откроет путь к постановке производительных сил под прямой контроль самоуправляющихся собраний и к расцвету освобожденных индивидуальных и коллективных творческих сил.

Придет конец скуке, подавлению и принуждению... Их место займет сочетание благоприятных социальных условий и автономии, которая даст личности силы исследовать самое себя с помощью всех и вся, через самосознание, раскрепощение, преумножение и гармоничное сочетание интересов, которыми до сих пор пренебрегали, которые приносились в жертву, втаптывались в грязь, откладывались в долгий ящик, искажались или слишком часто использовались в целях разрушения. Окончательное уничтожение рыночной системы с исторической точки зрения будет благом, еще большим благом по своим последствиям будет построение радикально нового общества, уже сегодня вынашиваемого в сердце каждого из нас.

С самого начала наши усилия должны быть направлены на то, чтобы предотвратить скатывание назад, чтобы сжечь все мосты старого мира. Мы должны разрушить банки, тюрьмы,

психлечебницы, суды, полицейские участки, административные здания, казармы, церкви и символы власти. Не забудьте также о досье, полицейских материалах, документах, удостоверяющих личность, договорах о найме и сделках, налоговых декларациях, печатных станках и т.п. Золотые запасы могут быть переработаны при помощи царской водки (смесь азотной и соляной кислот).

Мы должны уничтожать структуры рыночной системы прежде людей, мы должны ликвидировать только тех, кто надеется вернуть нас в прежнее царство эксплуатации, рабства, зрелищ и скуки.

Конец владычеству рынка наступит в эпоху ДАРА. Поэтому самоуправляющиеся собрания будут следить за организацией производства и распределения товаров первой необходимости. Эта мера сохранит баланс производства и потребностей.

Скрупулезно составляемые учетные записи позволят каждому узнать о доступных фондах, местах получения материальных благ, местонахождении и передвижениях рабочей силы.

Промышленные предприятия будут перестроены и автоматизированы или, если они относились к паразитическому сектору экономики, — уничтожены. Небольшие мастерские, пригодные для свободного творческого труда, будут переданы в распоряжение каждого, кто захочет использовать их.

Паразитические здания (офисы, школы, казармы, церкви...) будут, в зависимости от решения самоуправляющихся собраний, по большей части уничтожены или превращены в общие амбары, склады, временные жилые помещения или игровые площадки...

Супермаркеты и складские помещения магазинов будут превращены в пункты бесплатной раздачи. Будут рассмотрены возможности для увеличения числа небольших пунктов бесплатного распределения материальных благ (для этих целей могут быть легко приспособлены небольшие магазины).

Изменившиеся потребности положат конец диктатуре рынка, ибо эта диктатура никогда не прекращала ложно истолковывать наши потребности. Потому, скажем, автомобили, потеряют существенную часть своего значения в условиях, когда пространство и время станут

доступны всем, когда можно будет передвигаться свободно и не зависеть от времени. Итак, мы не только должны учесть возникновение в корне новых требований, личных фантазий и неожиданных порывов, но также продвигать вообще все положение вещей по направлению к такому состоянию, при котором реализация цели может быть отложена лишь в связи с отсутствием материальных средств, но не по причине дурной общественной организации.

Искоренение различий между городом и деревней требует децентрализации жилых зон (что, в свою очередь, предполагает право на кочевой образ жизни и право на строительство дома в удобном месте), требует уничтожения всевозможных помех, «грязного» производства и создания в городах пахотных и животноводческих зон (таких, как Елисейские Поля).

Начало революции послужит сигналом для каждого освободить свои таланты от обязательного труда. Из той крошечной искры страсти, которая позволяла нам сносить бремя грубого отчуждения рынка, которую мы оставляли ради сохранения собственного существования, возгорится пламя горна, из которого мы извлечем новые и свободные профессии. Так что тот, кто почувствует склонность к учительству, преподаст свои уроки на улицах, всякий влюбленный в поварское искусство получит доступ к «общественным» кухням, приобретет возможность соревноваться с другим в качестве своей стряпни. Всегда творческое отношение к делу, таким образом, приведет к расцвету свободного труда.

Каждый получит право на свободу критики и требования, свободу выражения своих мнений, желаний, размышлений, фантазий и проблем; так что будет представлен весь их необъятный спектр. Таковы наилучшие условия для встреч, соглашений, установления гармонии. Для этих целей печатные станки, связь, полиграфия, радио и телевидение, взятые под контроль самоуправляющимися собраниями, будут к услугам каждого.

Никто не будет сражаться без оглядки, пока он не узнает, каково это — жить без оков времени на руках. Всякая забастовка должна быть стихийной. Истинное значение всякой забастовки

состоит в отказе от отчужденного труда и от рынка, который является и причиной, и следствием такой формы труда.

Забастовка только тогда реализует это значение, когда она стихийна, то есть если в ней отвергается и выбрасывается за борт все, что мешает автономии революционных рабочих: партии, союзы, боссы, вожаки, бюрократы и кандидаты в бюрократы, штрейкбрехеры, рабочие с полицейским сознанием и рабским умонастроением.

Любой повод хорош для того, чтобы начать стихийную забастовку, ибо ничто не может оправдать зверства обязательного труда и бесчеловечность рыночной системы.

Революционные рабочие не нуждаются в агитаторах. Рабочие сами могут дать толчок к движению всеобщей агитации.

В ходе стихийной забастовки сами бастующие должны осуществлять абсолютную власть, дабы исключить влияние любой другой власти.

Единственный путь держаться в стороне от загнанных в угол организаций (они всегда стремятся залезть свои раны) — тратить все силы на поддержание собрания бастующих, а затем переходить к избранию делегатов, занятых координацией и реализацией решений, принятых собранием.

Даже небольшая по масштабам стихийная забастовка должна приложить все усилия для того, чтобы снискать по возможности большую поддержку, например, путем приподнимания завесы над чудом бесплатного распределения материальных благ. Забастовка кассиров супермаркета позволит приступить к бесплатной раздаче товаров с витрин и складов. Рабочие могут раздавать товары, которые они только что произвели сами, или товары с заводских складов. Всякая стихийная забастовка должна перерасти в захват предприятия. Всякий захват предприятия должен закончиться известной перестройкой предприятия.

Захват предприятия говорит о готовности части революционных рабочих стать хозяевами пространства и времени, которыми до этих пор владел рынок. Если они не поставят предприятие себе на службу, они могут навсегда распрощаться с творческой свободой, к которой они стремятся, а также со своими самыми неотчуждаемыми правами.

Предприятие, которое было захвачено, но не было приспособлено к нуждам революционеров, — лишний повод для кого-то высказаться о тщетности попыток сломать рыночную систему, о необходимости (разумеется, мнимой) бюрократических и идеологических рычагов управления. Потерять виды на богатство технических возможностей, доступных нам сегодня, — значит дать повод к осмеянию человеческой тяги к утопии.

Захваченный завод должен быть раз и навсегда переоборудован для того, чтобы служить интересам самообороны (изготовление оружия и средств защиты) и распределения, служить свободе возможностей, свободе использовать любую вещь, которая может быть произведена на этом заводе.

В деле прорыва изоляции революционеры могут полагаться только на свои творческие силы. Особенно важно, чтобы были сделаны приготовления, касающиеся тех каналов, по которым может осуществляться тактическая поддержка со стороны других рабочих за пределами предприятия. Скажем, работники типографий могут внести изменения в содержание газет, для того чтобы программа бастующих рабочих дошла до общественности. Студенты вузов могут захватить здание института и установить связь с остальным населением, чтобы атаковать силы (бес) порядка: жители данной области могли бы нейтрализовать карательные отряды и объединиться с бастующими рабочими, для того чтобы повсеместно сформировать самоуправляющиеся собрания; солдаты могут захватить казармы и взять офицеров в заложники, чтобы затем передать их в руки забастовщиков... Нет такой структуры, которая не могла бы быть разрушена подрывной деятельностью. Конфликт станет международным, стихийные забастовки будут охватывать все новые и новые подразделения одного и того же индустриального комплекса, несмотря на их географическую разрозненность, отделения фирм в разных странах, заводы и источники сырья. Преображение экономически жизнеспособного региона не только сделает смешными всякие разговоры о границах, но и создаст базис для строительства интернационала, не просто политического интернационала, но интернационала революционной практики.

Партизанская война должна быть настолько согласованной, насколько это возможно. Рейды командос, направленные против казарм, охраняемых складов, свалок и радиостанций, должны поддерживать и расширять движение революционных рабочих, а не проводиться обособленно, что имеет место в терроризме, бланкизме или левом активизме: покушения должны всегда

совершаться избирательно (предводители контрреволюции должны быть обезврежены, полицейские центры — нейтрализованы) и никогда — без разбору (бомбы на вокзалах, в банках или общественных местах).

Следует отдавать предпочтение захвату не живых заложников, таких, как директора, министры, епископы, банкиры, генералы, высокопоставленные чиновники, префекты, полицейские начальники и т.п., а захвату складов, заводских заготовок, золотых и серебряных запасов, дорогостоящего оборудования, электроники, доменных печей и т.п.

Мы должны знать, как подогнать средства давления и переубеждения, имеющиеся в нашем распоряжении, под природу наших требований. Например, абсурдно угрожать взрывом завода (как это сделали в октябре 1973 года рабочие компании «СЛИ» в Льеже), когда депутаты парламента отказались выйти для переговоров. Угроза крайних мер может заставить власти также пойти на крайние меры (разоружение врагов государства, или их ликвидация, или эвакуация полицией и войсками целого города или области).

Следует избегать риска за исключением тех случаев, когда цель оправдывает средства. Если над революционным движением нависла угроза изоляции, следует отступить в надежде на реванш, таким образом избегнув репрессий и обращая тактическое поражение в грамотное отступление революционных сил.

Должны быть заранее сделаны приготовления на случай необходимости уничтожить здания и заложников ввиду угрозы репрессий. Все, что нельзя обратить к общей пользе, может быть разрушено: в случае успеха мы всегда сможем отстроиться заново; но если мы проиграем, мы ускорим тем самым гибель рыночной системы под ее собственными руинами.

Раз и навсегда мы должны отказаться от массовых демонстраций и стычек в студенческом духе (с использованием булыжников, дубинок и баррикад). Полиция, защищающая устои рыночной цивилизации, не колеблясь, откроет огонь. Ударные части командос должны очень быстро обезоружить и нейтрализовать государственныхников.

Нигде, никогда и ни в чем нельзя доверять государственнымникам и соглашаться на перемирие. Вместо этого мы должны ширить наше движение настолько быстро, насколько возможно, и никогда не забывать о жестокости репрессий, учиняемых буржуазией и бюрократами.

Рауль Ванейгем

ИНСТРУКЦИИ К МЯТЕЖУ

Опубликовано
в «Internationale Situationniste»
№6, 1960 г.

Если разговоры о революции кажутся несколько нелепыми, то это из-за того, что, очевидно, организованное революционное движение давно уже не существует в современных странах, где сконцентрированы возможности решительных социальных трансформаций. Но все альтернативы еще более нелепы, так как они подразумевают принятие существующего порядка тем или иным способом. Если слово «революционный» было нейтрализовано до такой степени, что его стало возможно использовать в рекламных целях для обозначения небольшого нововведения на постоянно меняющемся рынке, скажем, бытовой химии, то это исключительно потому, что речь о возможности глобального централизованного желаемого изменения больше не заходит. Сегодня революция предстала перед лицом исторического суда: ей предъявлено обвинение в провале, в том, что революционный процесс всего лишь зародил смуту, так ни в чем и не реализовавшись. В свете изложенного невозможно не сделать вывод о том, что сила у власти доказала свою способность к самозащите на всех уровнях много лучше, чем ожидали революционеры. И не сказать, что революционеры на этом успокоились.

Суть вопроса состоит в том, что революцию необходимо переизобрести. Это создает ряд проблем, которые нам придется теоретически и практически разрешить в последующие несколько лет. Мы можем вкратце упомянуть нескольких из них — те, которые необходимо в срочном порядке понять и разрешить. Из тенденции к перегруппировкам, которая проявилась в последние несколько лет, стоит оставить только наиболее радикальные течения, те, что основываются на программах рабочих профсоюзов. Также не следует пренебрегать тем фактом, что многие смутьяны пытаются втянуть себя в полемику (посмотрите, какое единство царит в последнее время среди «левых» философско-социологических журналов различных стран).

Наибольшая трудность противоборствующих групп, пытающихся создать новый тип революционной организации, состоит в том, чтобы создать новые типы человеческих отношений внутри самой организации. Внутриобщественные силы оказывают подобным попыткам массивное сопротивление. Если же мы этого достигнем (методами, с которыми еще надо экспериментировать), нам никогда не удастся уйти от формальной политики. Требование активного участия в процессе от каждого члена общества часто эволюционирует в не более чем абстрактную, идеальную картину, тогда как на самом деле это абсолютная практическая необходимость для создания концептуально новой организации. Даже если представители закона больше не являются простыми исполнителями решений, принятых хозяевами их организации, они в равной степени рискуют быть пониженными до роли созерцателей тех «среди своих», кто является профессионалом от политики; таким образом, воспроизводятся отношения инертности старого мира.

Творчество, созидание в людях, их участие можно разбудить и привлечь лишь при помощи коллективного проекта, касающегося всех без исключения аспектов жизни и прошлого опыта. Единственный способ поднять массы — в полной мере показать потрясающий контраст между возможным, потенциальным, укладом жизни и существующей бедностью. Без критики повседневной жизни революционная организация будет восприниматься не иначе как отдельная, оторванная от реальности среда, так же условно, пассивно, как, например, воспринимаются загородные дома отдыха, ограниченные территориально, расположенные на отдаленном участке земли, куда возможно уезжать на время, на выходные. Социологи, такие, как Анри Раймон в своем труде «Palinuro», показали, что в подобных местах на уровне игры возникает особый род взаимоотношений, некая доминанта отношений в обществе в целом. Потом социологи начинают

наивно нахваливать «множественность межличностных контактов», упуская из виду тот факт, что само количественное увеличение объема таких контактов делает их пресными и сомнительными, как в повседневной жизни. Даже в самой либеральной и антииерархической революционной группе общение между людьми существует не только из-за общей политической программы. Социологи поддерживают попытки изменить повседневную жизнь, компенсировать ее отдыхом. Но революционный проект не приемлет традиционного понятия «игры», игры, проистекающей с ограничением по месту, по времени и по количеству ее участников. Революционная игра — воспроизведение жизни — противостоит всему опыту прошлых игр. Для того чтобы обеспечить трехнедельный отдых после сорока девяти рабочих недель, загородные дома отдыха используют убогую полинезийскую идеологию, немного напоминающую воззрения идеологов Французской революции, представлявшим дело рук своих Древним Римом времен республики, — или же базируются на идеологии современных революционеров, которые относят себя к тому или иному революционному течению на основе наибольшего соответствия понятию о большевиках или представителях другого революционного течения. Революция в современной жизни не может черпать поэтику из прошлого — только из будущего.

Опыт незаполненного деятельностью пустого отдыха, порожденный современным капитализмом, привнес критическую корректировку в понятие, введенное Марксом, — понятие «увеличения времени на отдых»: сейчас очевидно, что полная свобода времени требует... прежде всего... трансформации рабочего времени и пересмотра работы как таковой с точки зрения цели, для которой она делается, в условиях, абсолютно отличных от условий, в которых проистекает принудительный труд, до настоящего времени наиболее распространенный (см. материалы по деятельности групп, опубликовавших «Социализм или варварство в Бельгии», «Солидарность в Англии» и «Альтернативу Бельгии»). Но те, кто делает упор на необходимость изменить саму работу, а не цель или рационализировать ее, заинтересовать в ней людей, те, кто не принимает в расчет понятие свободного содержания жизни (например, создание материально подкованной созидательной силы вне традиционных категорий рабочего времени и времени на отдых), рискуют создать идеологическую «обложку» гармонизации существующей производственной системы, что приведет к большей продуктивности и прибыли без анализа опыта подобного производства и необходимости подобных изменений в сторону собственно увеличения продуктивности и прибыли. Свободное конструирование, планирование всего пространственно-временного строя жизни индивидуума — вот высшая цель в противовес любым мечтам о гармонии в умах честолюбивых реорганизаторов существующего социального уклада.

Некоторые моменты деятельности ситуационистов возможно понять лишь в перспективе возникновения революции в будущем, революции как социальной, так и культурной, с затрагиванием изначально много более широкого спектра областей, нежели все прошлые попытки революций. Ситуационисты не вербуют учеников или партизан, а стремятся объединить людей, способных делать революцию, участвовать в ней любым способом без боязни быть заклеенными. Это означает, что нам следует отказаться не только от возможного остаточного налета направленного театрального действия, но и от профессиональной политики, особенно от участия в процессе довольно малочисленных «интеллектуалов от революции» с налетом постхристианского мазохизма. Мы не утверждаем, что сделаем революцию исключительно собственными силами. Мы говорим о том, что теоретическая база, программа формирования революции, в один прекрасный день может встать в оппозицию существующей системе и что нам придется в этой оппозиции участвовать. Что бы ни стало с каждым из нас, новое революционное движение будет создано только с учетом всего вышеизложенного, что можно в двух словах сформулировать как переход от старой теории ограниченной перманентной революции к теории всеобщей перманентной революции.

Иван Щеглов

О НОВОМ УРБАНИЗМЕ. СВОД ПРАВИЛ

Опубликовано в 1963 г.

Сир, я из другой страны

Нам скучно в городе, город не является больше Дворцом Солнца.

Дадаисты утверждают, что между ног каждой женщины — разводной ключ, сюрреалисты говорят, что там хрустальная чаша. Это ушло, затерялось во времени. Мы знаем, как трактовать каждое обещание, написанное на лицах: последняя стадия морфологии. Поэзия рекламных щитов вот уже двадцать лет как вошла в нашу жизнь. Нам наскучило в городе, приходится прикладывать большие усилия, с тем чтобы все еще видеть тайны, начертанные на придорожных рекламных щитах, новейшие манифестации юмора и поэзии:

«Душ»;
«Ванна для Патриархов»;
«Мясорубки»;
«Зоопарк Нотр-Дама»;
«Спортивная аптека»;
«Продуктовый Мартера»;
«Прозрачный бетон»;
«Лесопилка "Золотая стружка"»;
«Центр функционального оздоровления»;
«Скорая помощь Святой Анны»;
«Кафе "Пятая Авеню"»;
«Улица Вечных добровольцев»;
«Семейный дом отдыха»; «Отель "Незнакомец"»;
«Дикая улица».

И бассейн на улице Маленьких девочек. И департамент полиции на улице Рандеву. Хирургическая клиника и бесплатный медицинский центр на набережной Ювелиров. Салон искусственных цветов на Солнечной улице. Отель «Винный погребок», бар «Океан» и кафе «Пришел-ушел». «Гостиница века».

И странная статуя доктора Филиппа Пинеля, покровителя всех умалишенных, которую вдруг увидишь вечером последнего летнего дня. Исследовать Париж. И вы — потерянный, ваши воспоминания будоражит испуг, недоумение от несоответствия двух полушарий; заблудившийся среди Погребков Красных Вин Пали-Као, без музыки и географии, в вас больше нет желания укрыться вне города, в загородном доме, где думаешь о детях, а вино пьешь, почитывая рассказы из старых альманахов. Из города больше не вырваться. Вы больше никогда не увидите загородный дом. Его просто не существует.

Его надо построить.

Все города геологичны; и пары шагов не сделаешь, чтобы не наткнуться на привидения, горделиво несущие за собой шлейф старинных легенд. Мы передвигаемся по лимитированной территории, по местности, обнесенной границей, и каждый объект местности, все, что мы видим, неизменно относит нас к прошлому. Тени ангелов, удаляющаяся перспектива позволяют уловить изначальную концепцию места, но это лишь мимолетные видения. Как в сказках или сюрреалистических рассказах: крепости, стены, которые не перелезешь не обойдешь, маленькие забытые

богом таверны Трех Пескарей, пещеры мамонтов, зеркала казино. Эти видения из прошлого — слабый раствор катализатора, но эту их особенность почти невозможно использовать на благо символического городского быта, не оживляя их, не омолаживая и наделяя новым смыслом. Нашему воображению, преследуемому старыми архетипами, далеко до изощренности и точности механизмов. Различные попытки интегрировать современную науку в новые мифы всегда были и будут неадекватны. Пока же все искусства впитывают в себя абстракционизм, в особенности современная архитектура. Чистая пластика, неживая, без прошлого, приятна глазу. Где бы то ни было еще тоже можно уловить мимолетную красоту, тогда как обещанный синтетический рай все больше и больше уходит в прошлое. Каждый парит в эмоциональной стабильности — между живым прошлым и уже неживым будущим. Мы не будем работать на благо механических, омашиненных организаций и фригидной архитектуры: это неизменно приведет к досужей скуке.

Давайте создадим новый, изменчивый декор...

Мы разгоняем темноту искусственным освещением, модифицируем температуру времен года кондиционированием; ночь и лето теряют свое очарование в отрыве от вселенской реальности, но не сыскать необходимой точки приложения мечты. Причина ясна: мечты рождаются из реальности и в ней вершатся.

Последние технологические достижения могли бы предоставить человеку возможность неопосредованного контакта с вселенской реальностью, аннигилировав все, какие могут быть, неприятные последствия подобного контакта. На звезды и дождь можно было бы смотреть через стеклянный потолок, мобильный дом-трансформер будет поворачиваться нужной стороной к солнцу, стены дома будут раздвижные и позволят наблюдать за природой вокруг. Собранный на рельсах, утром он будет спускаться к морю, а к вечеру возвращаться обратно в лес. Архитектура — самый простой способ артикулировать время и пространство, простейший способ модулирования реальности, воплощения мечты. И дело не только в пластической артикуляции и модуляции, выражающей эфемерную красоту, а в модуляции, порождающей отношения в соответствии с бесконечным спектром человеческих желаний и прогрессом их реализации.

Архитектура завтрашнего дня станет средством модифицирования современных концепций времени и пространства. Она станет средством получения знаний и средством действия. Архитектурный комплекс (дом) станет модифицируемым. Его аспекты будут полностью или частично меняться в соответствии с пожеланиями тех, кто в нем живет.

Былая общность предложила массам чистую правду, подкрепив ее неопровержимыми доказательствами из сказок. Появление в современном сознании понятия относительности позволяет высказывать предположение об *экспериментальном* аспекте следующей цивилизации (хотя мне это слово не очень по душе, я больше склонен к определениям "более веселый", "более гибкий"). На основе этой мобильной цивилизации архитектура, по крайней мере вначале, будет служить средством экспериментирования с тысячами способами модифицирования жизни, с перспективой мифического синтеза.

Планета помешалась, и имя тому помешательству — банальность. Все находятся под гипнотическим воздействием существующих "удобств": канализации, лифтов, ванн, стиральных машин. Такое положение дел, возникшее в борьбе с бедностью, переплюнуло свою изначальную высшую цель — освобождение человека от материальных нужд и стало навязчивой идеей, нависающей над настоящим. Если предоставить современной молодежи выбирать между любовью и нововведением в области утилизации отходов жизнедеятельности человека, выбор молодежи всех стран остановится на последнем. Стало необходимым осуществление духовной трансформации путем воссоздания забытых и привнесения абсолютно новых ценностей, активная пропаганда в пользу их поддержки.

Мы уже упомянули о необходимости конструирования ситуаций как об одном из фундаментальных желаний, на основе которого будет создана новая цивилизация. Эта необходимость абсолютного создания, абсолютного творения всегда неуловимо связана с необходимостью игры с архитектурой, временем и пространством...

Кирико по сей день считается одним из самых выдающихся предтеч архитектуры. Он занимался проблемами присутствия и отсутствия во времени и пространстве. Мы знаем, что некий объект, который осознанно остается незамеченным в первое наше появление в определенном месте, может своим отсутствием в последующие наши появления в том же месте спровоцировать неопределенное впечатление: в результате временного проникновения в прошлое отсутствие предмета становится его вполне ощутимым присутствием. Более точно это выглядит так:

несмотря на то, что качество впечатления в основном невозможно описать, тем не менее оно меняется в соответствии с природой предмета, удаленного из места, и важностью, которой наделяет его посетитель места, и порой оно варьируется от сдержанной радости до ужаса (не имеет особого значения, что в данном конкретном случае память — двигатель подобных ощущений; я выбрал данный пример только из соображений его наглядности).

В картинах Кирико незаполненное пространство создает ощущение заполненного времени. Легко представить себе фантастические возможности подобной архитектуры в будущем и ее влияние на массы. Сегодня в нас не остается ничего, кроме презрения к веку, который переводит подобные работы в дальние запасы своих музеев.

Это новое видение времени и пространства, которое станет теоретической подоплекой для создания будущих конструкций архитектуры, а все неточное и останется таким до тех пор, пока не будет проведен эксперимент с моделями поведения в городах, для этих целей созданных; в городах, которые помимо минимального набора средств, обеспечивающих символический комфорт и безопасность, аккумулируют в себе силу вызывать воспоминания о прошлом, здания, символически обозначающие желания, силы, события прошлой жизни, настоящего и грядущего. Рациональное продолжение старых религиозных систем, конфессий, старых мифов и сказок, и превыше всего психоанализа, в архитектуре становится все более актуальным по мере того, как спадает ажиотаж.

Каждый будет жить в своем собственном, так сказать, «храме». В нем будут комнаты, располагающие к отдыху, ко сну, дома, в которых невозможно будет не любить. Другие будут представлять собой неодолимо притягательное место для тех, кто жаждет странствий. Подобный проект можно было бы сравнить с японскими или китайскими садами с иллюзорной перспективой (взгляд видит то, чего нет), с той лишь разницей, что сады созданы не для того, чтобы в них постоянно жили; или же с нелепыми лабиринтами в «Jardin des Plantes», на входе в которые написано (высшее проявление абсурда, Ариадна отдыхает): «Играть в лабиринте запрещено!»

Город можно представить в виде совокупности замков, гротов, озер и т.д. Это будет стадия барокко в урбанизме, в городском быте, которая станет средством приобретения знаний. Но эта теоретическая фаза уже неактуальна. Нам известно, что в наших силах построить дом, который своим видом не будет напоминать средневековый замок, но может сохранить и нести в себе всю поэтику средневекового замка (сохранение строгого минимализма линий, топографическое расположение и т.д.).

Схема районирования города может соответствовать всему спектру разнообразных чувств, через которые человек проходит ежеминутно в каждодневной жизни. Квартал Станных состояний, Квартал Ощущения счастья (специально отведенный под жилые дома), Квартал Благородства и Квартал Печалей, Исторический Квартал (в котором будут сосредоточены музеи, школы), Квартал Полезных Заведений (где разместятся больницы, магазины товаров для дома), Мрачный Квартал и т.п. В городе будет Астроном, который займется высаживанием растений в соответствии с тем, что они означают вкупе со звездными ритмами, — сад-планетарий, сравнимый с тем, что астроном Томас хочет сделать в «Laaer Berg» в Вене. Подобное крайне необходимо для того, чтобы дать жителям города осознание космоса. Также, возможно, будет и Мертвый Квартал, не для того чтобы там умирать, а для того, чтобы жить там тихо, незаметно и невинно. И здесь я думаю о Мексике и о принципе жестокости в невинности, который мне все больше и больше импонирует с каждым днем.

Мрачный Квартал, например, станет хорошим воплощением провалов и неудач, которые у многих за плечами: символ всех неудач и плохого, что случалось в жизни людей. В Мрачном квартале не нужно будет строить объекты, заключающие в себе опасность, для того чтобы усилить ощущение мрачности места, не нужны будут ловушки, тюремные карцеры или минные поля. Туда будет трудно попасть — место с ужасной обстановкой (гротескные скульптуры, пронзительные свистки, сигналы тревоги, постоянный рев сирены...), со слабым освещением по ночам и с ослепительным светом в дневное время, усиленным за счет многократных отражателей. В центре города — Площадь Машины Ужаса.

Насыщение рынка определенным продуктом приводит к тому, что цена на продукт падает; следовательно, как только жители города откроют для себя и исследуют этот квартал, как взрослые, так и дети научатся не бояться черных моментов жизни, страданий, а удивляться им, воспринимая их спокойно. Прежде всего жители города станут делать из таких ситуаций выводы. Изменение городского пейзажа ежечасно будет приводить к дезориентации в пространстве...

Позже, когда обстановка неизбежно станет привычной, выводы из просто выводов, из сферы прямого опыта, будут применены на практике.

Экономические трудности вполне очевидны. Мы знаем, что чем более обособленно устроена «игровая площадка», тем более она привлекает людей и тем более она влияет на их поведение. Это легко продемонстрировать на примере Монако и Лас-Вегаса и Рино¹, карикатуры на «свободную любовь», — хотя это всего лишь места, отведенные для азартных игр. Первый экспериментальный город, по большей части, не будет зависеть от организованного туризма. К этому месту будут тяготеть авангардная деятельность и ремесла, что естественно. Через несколько лет город станет интеллектуальной столицей мира, что и будет признано повсеместно.

¹ Американский город в штате Невада, в котором можно очень легко и быстро получить развод. - *Прим. ред.*

Асгер Йорн

СИТУАЦИОНИСТЫ И АВТОМАТИЗАЦИЯ

Опубликовано в 1958 г.

Поразительно, что до сих пор практически ни один человек не отважился проследить логику развития автоматизации вплоть до тех последствий, которые она в себе несёт. Как следствие, мы не можем дать объективную оценку этому явлению. Создаётся впечатление, что инженеры, учёные и социологи пытаются обманным путём навязать автоматизацию обществу.

Тем не менее автоматизация сегодня находится в центре проблемы контроля социалистов над производством и над преобладанием свободного времени над рабочим. Вопрос автоматизации сильно отягощается его позитивными и негативными возможностями.

Целью социализма является изобилие — как можно больший объём товаров для как можно большего числа людей, что с точки зрения статистики предполагает сведение к нулю возможности непредвиденных обстоятельств. Увеличение общего количества товаров сокращает стоимость каждого из них. Такое обесценивание всех товаров до уровня «абсолютного нейтралитета», скажем так, будет неизбежным следствием чисто научного социалистического развития. К сожалению, большинство интеллектуалов так и не вышли за рамки идеи автоматизированного воспроизводства и продолжают готовить человека к такому безрадостному и тусклому будущему. Точно так же всё больше художников, для которых важна именно индивидуальность, с негодованием отворачиваются от социализма. С другой стороны, политики-социалисты с подозрением относятся к любому проявлению творческого потенциала и оригинальности.

Находясь во власти занимаемых ими конформистских позиций, один за другим они выражают определённую обеспокоенность по отношению к автоматизации, которая ставит под угрозу их культурные и экономические концепции. Любая «авангардная» тенденция характеризуется наличием пораженческого отношения к автоматизации или в лучшем случае недооценкой положительных аспектов будущего, о возможности которых можно судить по результатам более ранних стадий автоматизации. В то же время реакционные силы демонстрируют идиотский оптимизм.

Данное устройство позволяет автоматически создавать кривую Гаусса (кривая образуется падающими шариками). Художественные проблемы направления возникают на том же уровне, что и относительно непредсказуемая траектория падения каждого шарика.

Здесь уместен следующий анекдот. В прошлом году, в журнале «Quatrieme Internationale» воинствующий марксист Ливио Майтан сообщил о том, что один итальянский священник уже высказал идею проведения двух месс в неделю, необходимость которых обусловлена увеличением свободного времени. Майтан комментировал: «Ошибка заключается в уверенности в том, что в новом обществе человек будет таким же, что и в современном обществе, тогда как в действительности его потребности будут настолько отличаться от наших, что это почти невозможно себе представить». Но со стороны Майтана ошибкой было предоставить туманному будущему выявление тех потребностей, которые «почти невозможно себе представить». Диалектическая роль духа состоит в придании возможному желаемых форм. Майтан забывает, что «элементы нового общества формируются в условиях старого общества» всегда, согласно коммунистическому манифесту. Элементы новой жизни должны уже находиться на стадии формирования среди нас — в сфере культуры, — и в наших силах помочь себе поднять уровень полемики.

Социализм, который склоняется к наиболее полному высвобождению энергии и потенциала каждого индивидуума, будет вынужден рассматривать автоматизацию как антипрогрессивную тенденцию, становящуюся прогрессивной только в своей связи с провокациями, выявляющими скрытый потенциал человека. Если, как утверждают учёные и специалисты, автоматизация является новым средством освобождения человека, это должно предполагать превосходство традиционной человеческой деятельности над автоматизированной. То есть живое человеческое воображение должно превосходить сам процесс реализации автоматизации. Где найти такие перспективы, в которых человек являлся бы хозяином, а не рабом автоматизации?

Луис Селерон в своей работе «Автоматизация» объясняет, что этот процесс, как это всегда бывает с проявлениями прогресса, приносит больше, чем вытесняет и подавляет. Что автоматизация сама по себе может принести возможности действия? Практика показывает, что она полностью подавляет её в своей области.

Кризис индустриализации — это кризис потребления и производства. Кризис производства более важен, чем кризис потребления, поскольку последний обусловлен первым. На уровне индивидуума эту проблему можно выразить тем тезисом, что лучше давать, чем получать, лучше быть способным добавлять, а не подавлять что-либо. Таким образом, у автоматизации есть две противоположные перспективы: она лишает индивидуума возможности внести что-то своё в автоматизированный процесс производства, что является сдерживающим фактором для прогресса, но в то же время освобождает энергию людей, массово высвобождаемых из непродуктивных и нетворческих сфер деятельности. Ценность автоматизации, таким образом, зависит от проектов, которые её контролируют и которые позволяют использовать энергию человека на более высоких уровнях.

Эксперименты в области культуры сегодня представляют собой ни с чем не сравнимую сферу деятельности. И пораженческое отношение в этом случае, пасующее перед возможностями эпохи, является типичным симптомом старого авангарда, который с самодовольством продолжает, как писал Эдгар Морин, «перемалывать кости прошлого». Сюрреалист Бенайон приводит во втором номере «Surrealisme Meme» последнее выражение идей своего движения: «Проблема свободного времени (развлечений) уже волнует социологов. Мы больше не можем доверять учёным, мы вверяем себя клоунам (салонным), певцам, балеринам, гимнастам. Один день работы на шесть дней отдыха: баланс между серьёзным и легкомысленным, между бездельем и трудом рискует нарушиться. «Работнику в его незанятости будет грозить лоботомия со стороны агрессивного, навязчивого телевидения, страдающего от нехватки идей и талантов». Этот сюрреалист не считает (понимает), что неделя с шестью днями отдыха приведёт не к нарушению баланса между серьёзным и легкомысленным, а к изменению природы серьёзного, равно как и легкомысленного. Он надеется только на ошибку, нелепое возвращение к данному миру, который он воспринимает, как закоренелый сюрреалист, как непостижимый водевиль. Почему будущее должно стать застывшими пошлостями сегодняшнего дня? И почему возникнет «недостаток в идеях»? Значит ли это, что возникнет недостаток в идеях сюрреализма 1924 года, скорректированных в соответствии с реалиями 1936 года? Возможно. Значит ли это, что сюрреалисты, занимающиеся имитацией, испытывают недостаток идей? Мы хорошо это знаем.

Новый досуг работника похож на пропасть: для того чтобы соорудить мост над ней, современное общество не может придумать ничего лучше, кроме массового производства решающих проблему на какое-то время псевдоигр. Но они, в то же время, являются той базой, на которой величайшее культурное сооружение, которое только можно представить, могло бы быть построено. Эта цель, очевидно, не входит в круг интересов партизанов автоматизации. Если мы хотим дискутировать с инженерами, мы должны войти в сферу их интересов. Мальдонадо, являющийся в настоящее время директором «Hochschule für Gestaltung»¹ в Ульме, объясняет, что развитие автоматизации в опасности из-за недостаточного энтузиазма, с которым молодёжь выбирает политехническое направление, кроме специалистов по автоматизации как таковой, вырванной из культурного контекста. Но Мальдонадо, который больше чем кто-либо должен был бы демонстрировать наличие такого общего контекста, совершенно не подозревает об этом: «Автоматизация только тогда сможет быстро развиваться, когда её целью станет перспектива, противоположная её собственному созданию, и когда мы сможем реализовать эту перспективу в процессе её развития».

¹ Высшая школа управления (нем.).

Мальдонадо предполагает обратное: сначала проводится автоматизация, а потом она используется. Мы могли бы поспорить с этим методом, если бы целью не была непосредственно автоматизация, поскольку автоматизация — это не действие в области, которая должна провоцировать антидействие. Это нейтрализация области, которая бы нейтрализовала также и внешнюю среду, если бы противоположные действия не предпринимались одновременно.

Пьер Друин, говоря в журнале «Le Monde» от 5 января 1957 года о возросшем интересе к различным хобби как способе реализации тех способностей, которым работник уже не может найти применения в сфере своей профессиональной деятельности, заключает, что в каждом человеке живёт «спящий творец». Это старое клише особенно правдоподобно сегодня, если мы свяжем его с реальными физическими возможностями нашего времени. Спящий творец должен проснуться, и для состояния его пробуждения есть хорошее название — ситуационизм.

Идея стандартизации является попыткой сократить и упростить величайшее число человеческих потребностей, добиться равенства. От нас зависит, откроет ли стандартизация более интересные области практической деятельности или закроет их. В зависимости от результата мы можем столкнуться либо с тотальной деградацией человеческой жизни, либо с возможностью постоянного возникновения новых желаний. Но эти желания не появятся сами по себе в жёстких условиях нашего мира. Для их выявления, выражения и реализации необходимы совместные усилия.

Ги-Эрнест Дебор

ТЕОРИЯ ДРЕЙФА

Опубликовано
в «Internationale Situationniste»
№2, 1958 г.

Одной из основных ситуационистских практик является дрейф — техника быстрого перемещения сквозь разнообразные среды. Дрейфы содержат в себе игровое и конструктивное поведения, а также знание психогеографических эффектов и потому отличаются от общепринятых понятий путешествия или прогулки.

В период дрейфа одна или несколько личностей на определенный период времени прекращают все отношения, бросают работу и прочую деятельность, теряют стимулы для активного существования. В это время субъект любит окружающую местность и наслаждается случайными встречами. При этом фактор случая играет не такую большую роль, как может показаться: с точки зрения дрейфа города обладают психогеографическими очертаниями с постоянными потоками, с исходными точками и завихрениями, которые сильно препятствуют входу в определенные зоны или выходу из них.

Дрейф содержит в себе как свободу, так и ее необходимое отрицание: господство психогеографических вариаций в знаниях и расчете их возможностей. В свете последнего экологическая наука, несмотря на то что она загоняет саму себя в узкие социальные рамки, обеспечивает психогеографию необходимой информацией.

Экологический анализ абсолютного или относительного характера нарушений в городской системе, роли микроклимата, отдельных районов, не привязанных к административным границам, и, главным образом, доминирующей роли центров притяжения, должен быть использован и завершен с помощью психогеографических методов.

Действительная область дрейфа должна быть определена логически и по отношению к социальной морфологии.

В своем труде «Париж и скопление парижан» (Библиотека современной социологии, P.U.F., 1952) Шомбер де Лове отмечает, что «область города зависит не только от географических и экономических факторов, но и от представлений, которые существуют у жителей этой области и у их соседей». В той же работе автор иллюстрирует «узость действительного Парижа, где каждый индивидуум живет... внутри географической области чрезвычайно малого радиуса». Для этого строится диаграмма перемещений, сделанных в течение одного года студенткой, живущей в 16-м округе. Маршрут студентки образует маленький треугольник, без значительных отклонений, с вершинами: «Школа политических наук — дом — учитель музыки».

Подобная информация — примеры современной поэзии, способные спровоцировать чрезвычайно эмоциональную реакцию (в данном, конкретном случае — возмущение тем, что жизнь любого индивидуума может быть так трогательно ограничена); или даже теория Бёрджесса об отдельных концентрических зонах социальной активности в Чикаго неопровержимо доказывает полезность исследования дрейфов.

Если даже случай и играет важную роль при дрейфе, так это только потому, что методология психогеографического наблюдения по-прежнему находится в стадии становления. Действие случая по своей природе консервативно и в новом значении сводит все до привычки или чередования конечного числа возможных вариантов. Прорыв сквозь области, где случай приобретает власть путем создания новых, более подходящих нам условий, считается успехом. Можно сказать, что случайность в дрейфе, по существу, отлична от случайности в прогулке. Обнаруженная дрейфующими психогеографическая привлекательность некоторых мест может стать центром притяжения, куда они будут постоянно возвращаться.

Недостаточное знание об ограниченности случая и о неизбежности обратной реакции обрекло на неудачу известную попытку бесцельного блуждания четырех сюрреалистов, предпринятую в 1923 году. Отправная точка — город, выбранный жребием. Блуждание по открытой местности не может не нагонять тоску, а вмешательство случая здесь еще менее вероятно, чем в любой другой ситуации. Но эта глупость была в дальнейшем продолжена Пьером Вендрэ (в Медиуме, в мае 1954 года), который думал, что сможет привязать это недоразумение к серии вероятностных экспериментов на том основании, что все они предположительно имеют дело с одним и тем же видом антидетерминистской свободы. Он приводит в пример случайное распределение головастиков в круглом аквариуме, многозначительно добавляя, что «необходимо, конечно, чтобы такая популяция не являлась объектом для направленных внешних воздействий». Головастики считались более свободными, чем сюрреалисты, потому что они обладали преимуществом: «У них напрочь отсутствуют интеллект, общительность и сексуальность», и потому «они действительно независимы друг от друга».

Другим аспектом дрейфа является его урбанистический характер. Его суть для промышленно развитых городов — центров возможностей и смысла — может быть выражена словами Маркса: «Люди не могут увидеть вокруг себя ничего из того, что не является их собственными представлениями; все говорит им о них самих. Их собственный пейзаж — единственное, что живет».

Можно совершать дрейф в одиночку, но все говорит о том, что лучше это делать небольшими группами по два-три человека, обладающими одинаковым уровнем знания, так как синтез впечатлений разных групп дает возможность прийти к более объективным результатам. Желательно, чтобы участники групп переключались с одного дрейфа на другой. Специфический характер дрейфа быстро нивелируется, если в группе присутствует более четырех или пяти человек. Если в группе будет десять — двенадцать человек, велика вероятность разделения дрейфа на несколько одновременных дрейфов. Осуществление на практике таких делений на самом деле чрезвычайно интересно, но возникающие трудности препятствуют его эффективной организации.

Средняя продолжительность дрейфа составляет один день. В данном случае день — промежуток между двумя перерывами на сон. Начальное и конечное время не имеет прямой связи с солнечным циклом, но необходимо учитывать, что последние ночные часы в основном непригодны для дрейфа. Но это лишь статистическая средняя продолжительность. Например, дрейф редко осуществляется в идеальной форме: участникам трудно обойтись без перерывов на час-два в начале или в конце дня на личные нужды; ближе к концу дня усталость все больше ведет к таким перерывам. Гораздо важнее тот факт, что дрейф часто происходит в строго определенный период времени в течение нескольких часов или случайно в довольно короткие моменты. Он может длиться несколько дней подряд.

Несмотря на перерывы, вызванные необходимостью сна, достаточно интенсивные дрейфы происходили на протяжении трех или четырех дней, а то и дольше. В случае серии дрейфов, происходящей в течение довольно долгого времени, совершенно невозможно точно определить, когда душевное состояние, соответствующее одному дрейфу, переходит в другое. Однажды без существенных остановок последовательность дрейфов продолжалась около двух месяцев. Такой опыт положил начало возникновению новых объективных условий поведения, которые в свою очередь способствовали исчезновению многочисленных устаревших условий. Погода хотя и влияет на дрейфы, но и имеет большое значение только в случае продолжительных дождей, что делает дрейфы практически невозможными. Однако шторма или другие, кроме дождя, виды осадков довольно благоприятны для дрейфов.

Границы пространства дрейфа могут быть точно установлены или, наоборот, неопределенны. Все зависит от цели исследований: исследовать область или эмоционально дезориентировать участника. Нельзя забывать, что эти два аспекта дрейфов так переплетаются, что между ними нельзя провести четкой границы. Использование такси, к примеру, поможет провести четкое разделение: если в течение дрейфа участник берет такси, чтобы добраться до определенного места или просто, скажем, двигаться двадцать минут на запад, считается, что это личная поездка вне обычных маршрутов. Если же, к примеру, происходит целенаправленное исследование новой местности, индивидуум сконцентрирован на исследовании для психогеографического урбанизма.

В каждом отдельном случае пространственные границы зависят прежде всего от отправных точек — местожительства отдельного индивидуума или места встречи группы. Максимальная зона этого пространства не простирается дальше целого города и его районов. Минимальная зона может быть ограничена до маленького замкнутого пространства: один район или даже, если

интересно, один квартал (особый случай — неподвижный дрейф в течение целого дня в районе вокзала Сен-Лазар).

Исследование ограниченного пространства дрейфа влечет за собой установку баз и необходимость высчитывать направления проникновений. Здесь приходит на помощь умение составлять карты — как обыкновенные, так и экологические и психогеографические — и вносить в них изменения и улучшения. Не стоит обращать внимание на кажущуюся экзотичность ситуации, когда индивидуум исследует район впервые. Это незначительно и субъективно, и этот фактор постепенно исчезает.

При «возможной встрече» элемент исследования минимален по сравнению с дезориентацией поведения. Субъект пригласили прийти одного в определенное место и время. Он свободен от обязательств встречи, так как никто его не ждет. Но с тех пор как эта «возможная встреча» привела его без предупреждения в то место, которое он может знать, а может и не знать, он осматривает окрестности. На этом же самом месте может быть назначена «возможная встреча» для кого-то, чью личность приглашенный индивидуум не знает. Так как он мог никогда в жизни не видеть другого человека, он будет вынужден заводить беседу с различными прохожими. Он может никого не встретить, а может по воле судьбы встретить того индивидуума, который назначил «возможную встречу». В любом случае, особенно если время и место были тщательно выбраны, времяпрепровождение субъекта может принять неожиданный оборот. Он может даже позвонить кому-то, кто не знает, к чему привела первая «возможная встреча», для того чтобы назначить повторную. Видно, что вариантов такого времяпрепровождения существует великое множество.

Наш свободный образ жизни и даже сомнительные развлечения привлекают окружающих. Ночевки в зданиях, предназначенных на снос, автостоп без остановки и без места назначения через Париж в рамках транспортной забастовки для еще большего беспорядка, блуждание в засекреченных, закрытых для простых смертных катакомбах и т.д. — выражения той самой общей эмоциональности, которая ничем не отличается от таковой во время дрейфа. Изложенные описания — не что иное, как пароль к этой великой игре.

Уроки, извлеченные из дрейфа, помогают нам составить первые отчеты о психогеографических соединениях современного города. После открытия единства среды, ее основных компонентов и пространственного положения индивидуум может прийти к осознанию главных направлений движения, их выходов и препятствий к их достижению. Индивидуум в конце концов придет к основной гипотезе существования центральных психогеографических точек. Измеряется расстояние, разделяющее две части города. Оно может не быть похоже на физическое расстояние между ними. С помощью старых карт, аэрофотоснимков и экспериментальных дрейфов могут быть составлены все еще неточные карты влияний; карты, чья неизбежная неточность на этом самом этапе подобна неточности первых навигационных карт, но в этом нет ничего страшного. Единственное отличие состоит в том, что теперь важно не точное отображение границ континентов, а еще и наброски изменяющейся архитектуры и урбанизация.

В настоящее время нет границы между различными взаимодействиями атмосферы и места обитания. Лишь обозначены более или менее протяженные и расплывчатые очертания. Самое главное изменение, которое эксперименты с дрейфом готовы предложить, касается постоянного сужения этих очертаний до точки их полного подавления.

В рамках самой архитектуры дрейф способствует развитию всех форм лабиринтов, доступных в современном строительстве. Так, в марте 1955 года газеты сообщили о строительстве в Нью-Йорке здания, в помещениях которого индивидуум может почувствовать возможности дрейфа: «Помещения винтообразного здания имеют форму кусков торта. Можно будет увеличивать или уменьшать их объем с помощью подвижных частей. Градация в пол-этажа позволит избежать ограничения количества комнат, так как обитатель может попросить в пользование смежные участки на нижнем или верхнем уровне. С таким устройством три четырехкомнатные квартиры могут быть трансформированы в одну двенадцати комнатную квартиру менее чем за шесть часов».

Ги-Эрнест Дебор

ОТРЫВКИ ИЗ «КОММЕНТАРИЯ К «ОБЩЕСТВУ СПЕКТАКЛЯ»

III

Сегодня, когда никто из находящихся в здравом уме уже не может сомневаться в существовании и могуществе спектакля, можно, наоборот, вполне усомниться в том, разумно ли вообще что-либо добавлять к проблеме, которая столь драконовским способом была решена самим жизненным опытом. Газета «Монд» от 19 сентября 1987 года с благодушием проиллюстрировала то, что формула: «Если нечто существует, то говорить о нем больше нет никакой необходимости» — воистину основной закон эпохи спектакля, которая, по крайней мере в этом отношении, не допустила отставания ни одной страны: «Понятное дело, что современное общество является обществом спектакля. И вскоре нужно будет особо выделять тех, кто не обращает на себя внимания. Уже не счесть трудов, описывающих данный феномен и доходящих не только до характеристики промышленно развитых государств, но и не оставляющих в стороне и страны, отставшие от своего времени. Но самое смешное, что книги, анализирующие этот феномен, как правило, чтобы выразить сожаление по его поводу, точно так же сами должны принести себя в жертву спектаклю, чтобы о себе заявить». Впрочем, правда в том, что эта запоздалая показная критика спектакля, в довершение всего жаждущая «заявить о себе», в его же пространстве станет нарочито ограничиваться пустыми обобщениями или лицемерными сожалениями; равно как бессодержательным окажется и то внезапно протрезвевшее благоразумие, что паясничает на страницах газет.

Исчерпанность дискуссии о спектакле, то есть о том, что делают собственники мира, организуется, таким образом, им самим, ибо ее участники всегда сосредоточивают внимание на грандиозных средствах спектакля, для того чтобы ничего не сказать о его великой роли. Его даже часто предпочитают называть не спектаклем, а средствами массовой информации, тем самым желая его обозначить как простой инструмент, вид общественной службы, которая с непредвзятым «профессионализмом» будто бы управляет через масс-медиа новым наставшим для всех коммуникационным избытком, сообщением, достигшим, наконец, однонаправленной чистоты, в которой спокойно позволяют восхищаться собой уже принятые решения. То же, что сообщается, — это приказы, и потому весьма гармонично, что те, кто их давал, являются также и теми, кто станет рассказывать, что же они о них думают.

Власть спектакля, которая самой силою вещей столь сущностно является единой, централизующей и абсолютно деспотичной по духу, достаточно часто возмущается, когда замечает, как под ее покровительством формируется некий спектакль-политика, спектакль-юстиция, спектакль-медицина или множество подобных непредвиденных «издержек масс-медиа». И вот, таким образом, спектакль вроде бы оказывается не чем иным, как издержками масс-медиа, чья природа без возражений признается благой, поскольку они служат целям сообщения и только иногда доходят до крайностей. Достаточно часто хозяева общества заявляют, что их плохо обслуживают их собственные информационные служащие, но еще чаще они попрекают зрительский плебс за его склонность неудержимо и едва ли не по-скотски предаваться информационным удовольствиям. Так вот, за виртуально бесконечным множеством так называемых информационных различий стараются тщательно скрыть то, что, напротив, всецело является результатом зрелищной конвергенции, желаемой со столь замечательным упорством. Подобно тому, как логика товара первенствует над различными конкурирующими амбициями всех коммерсантов, или аналогично тому, как логика войны всегда господствует над частыми видеоизменениями вооружения, так же и строгая логика спектакля повсюду управляет

разбухающим разнообразием нелепостей, передаваемых средствами массовой информации. Но важнейшая перемена в происшедшем за последние двадцать лет заключается в самой непрерывности спектакля. Эта значимая перемена относится не к совершенствованию его информационного инструментария, что и прежде уже достиг очень высокой стадии развития, но просто заключается в том, что под властью спектакля смогло вырасти поколение, подвластное его законам. Совершенно новые условия, в которых действительно жили все представители этого поколения, составляют конкретное и достаточное резюме всему тому, чему отныне противодействует спектакль, а также и всему, что он допускает.

IV

В чисто теоретическом плане к ранее сформулированному мне необходимо было бы добавить только одну деталь, но с далеко идущими последствиями. В 1967 году я различал две последовательные и соперничающие формы власти спектакля: сосредоточенную и рассредоточенную. Обе они «витают» над реальным обществом и как его главная цель, и как его главная ложь. Первая, выдвигая на первый план идеологию, в сжатом виде представленную вокруг какой-нибудь авторитарной личности, сопутствовала как нацистской, так и сталинистской тоталитарной контрреволюции. Вторая, побуждая наемных рабочих свободно осуществлять выбор между огромным многообразием новых товаров, противостоявших друг другу, представляла собою ту американизацию мира, которая в некоторых своих аспектах отпугивала, но также и соблазняла те страны, где дольше всего сохранялись условия для буржуазных демократий традиционного типа. С тех пор посредством систематического сочетания двух предыдущих форм возникла третья, и появилась она на основе общей победы формы, оказавшейся сильнейшей, — формы рассредоточенной. Речь идет о включенной театрализации, которая с этих пор стремится навязать себя всему миру.

Преобладающая роль, какую играли Россия и Германия в формировании сосредоточенной театрализации, и Соединенные Штаты в формировании театрализации рассредоточенной, в пору создания включенной театрализации, по-видимому, принадлежала Франции и Италии благодаря

действию целого ряда общих исторических факторов: важной роли сталинистской партии и сталинистских профсоюзов в политической и интеллектуальной жизни, слабости демократической традиции, продолжительной монополизации власти одной правительственной партией, необходимости покончить с неожиданно возникшим революционным возмущением.

Включенная театрализация проявляется одновременно и как сосредоточенная, и как рассредоточенная, и, исходя из подобного положения, такое плодотворное соединение может шире использовать выгоды как первой, так и второй формы. Прежний способ их применения сильно изменился. Если обратиться к стороне сосредоточенного показа во включенной театрализации, то ее направляющий центр теперь становится скрытым — теперь там никогда не располагается ни известный вождь, ни ясная идеология. А если обратиться к ее рассредоточенному аспекту, то никогда прежде воздействие спектакля до такой степени не накладывало отпечаток почти на все производимые обществом объекты и способы поведения. Ибо конечный смысл включенной театрализации состоит в том, что она включается в саму реальность по мере того, как о ней говорит, и в том, что она

перестраивает ее, пока о ней говорит. Так что сегодня эта реальность не удерживается больше перед нею как нечто чуждое ей. Когда театрализация была сосредоточенной, то большая часть периферии общества от нее ускользала, а когда она была рассредоточенной, ускользала наиболее слабая его часть. Сегодня не ускользает ничто. Спектакль стал составной частью любой действительности, проникая в нее подобно радиоактивному излучению. Как можно было легко предвидеть в теории, безудержное исполнение прихотей коммерческого разума быстро и безо всяких исключений продемонстрировало, что становление мира фальсификации также было превращением мира в фальсификацию. За исключением некоторого наследия, пока остающегося значимым, но уже обреченного на непрерывное исчезновение и состоящего из книг или древних

строений, которые, кроме того, оказываются все более отсортированными и включенными в перспективное планирование в соответствии с потребностями спектакля, ни в культуре, ни в природе больше не существует ничего, что бы не было трансформировано и загажено сообразно средствам и интересам современной индустрии. Даже генетика всецело стала подвластна господствующим в обществе силам.

Управление спектаклем, ныне сосредоточившее в себе все возможные средства для фальсификации, как всей системы человеческого восприятия, так и всей системы общественного производства, оказалось абсолютным хозяином воспоминаний, равно как и бесконтрольным распорядителем всех проектов, формирующих самое отдаленное будущее. Оно одно царит повсюду и приводит в исполнение собственные поверхностные суждения и приговоры. Именно в таких условиях можно наблюдать, как с карнавальным легкостью вдруг неистово проявляет себя пародийный конец разделения труда, пришедший тем более кстати, что он совпадает с общим движением к исчезновению всякой подлинной профессиональной компетентности. Финансист выходит петь, адвокат становится осведомителем полиции, булочник демонстрирует свои литературные предпочтения, актер правит, повар философствует о тонкостях стряпни как о вехах всемирной истории. Каждый из них может появиться в спектакле, чтобы публично, а иногда и тайно предаться деятельности совершенно иной, чем специальность, в которой он прежде смог заявить о себе. Там, где обладание «информационным статусом» — статусом популярности в средствах массовой информации — приобрело неизмеримо большую значимость, чем стоимость того, что кто-либо из них был способен создать реально, считается нормальным, что этот статус оказывается легко передаваемым и предоставляет право также блистать в любом другом месте. Чаще всего эти ускоренные информационные частицы продолжают свою нехитрую карьеру в сфере достойного восхищения, гарантированного им по статусу. Но случается, что такие переходы в средствах массовой информации обеспечивают прикрытие для многих официально независимых предприятий, но на самом деле тайно соединенных *ad hoc* через разнообразные связи. Так что время от времени и общественное разделение труда, подобно легко предполагаемой при его наличии круговой поруке, является нам снова в совершенно новых формах — например, сегодня вполне можно опубликовать роман для того, чтобы подготовить покушение. Эти забавные примеры означают еще и то, что сейчас уже никому нельзя доверять в отношении мастерства и профессии. Но, кроме всего прочего, самое амбициозное стремление включенной театрализации состоит в том, чтобы тайные агенты стали революционерами, а революционеры превратились в тайных агентов.

V

Модернизированное общество, достигшее стадии включенной театрализации, характеризуется согласованным действием пяти основных черт, а именно: непрерывного технологического обновления, слияния экономики и государства, всеобщей секретности, безоговорочной лжи и вечного настоящего.

Движение технологического новаторства продолжается уже давно и является основной составляющей капиталистического общества, называемого иногда индустриальным или постиндустриальным. Но с тех пор, как сразу же после Второй мировой войны оно начало недавнее ускоренное развитие, оно еще больше усилило свое зрелищное воздействие ввиду того, что именно через это воздействие каждый его участник ощущает себя предоставленным воле специалистов, их расчетов и их же всегда удовлетворительных мнений о подобных расчетах. Слияние экономики и государства оказалось самой очевидной тенденцией этой эпохи, и оно, по меньшей мере, стало движущей силой ее недавнего экономического развития. Оборонительный и наступательный союз, заключенный между этими двумя силами — экономикой и государством, — обеспечил наибольшие обоюдные преимущества во всех областях, ибо теперь можно говорить о том, что каждая из них владеет другой, и было бы абсурдно противопоставлять их или различать их разумные или неразумные основания. Это единство также проявило себя как чрезвычайно благоприятное для развития господства спектакля, а тот с момента своего формирования на самом деле чем-то иным и не являлся. И последние три характерные черты являются непосредственными следствиями такого господства спектакля на стадии его интеграции. Всеобщая секретность образует фон спектакля как решающее дополнение к тому, что в нем демонстрируется, а если заглянуть в суть вещей, то и как его самая важная процедура.

Одно то обстоятельство, что ложное отныне стало неоспоримым, придает ему совершенно новое качество. Ведь заодно и истинное почти повсюду прекращает свое существование или в лучшем случае оказывается сведенным к состоянию гипотезы, которую вообще невозможно доказать. Безоговорочная ложь кончила тем, что вынудила полностью исчезнуть общественное мнение, которое сначала оказывалось неспособным заставить к себе прислушаться, а в скором времени ему будет не по силам и просто сформироваться. Очевидно, что все это приводит к очень важным последствиям и в политике, и в прикладных науках, и в юриспруденции, и в художественном познании.

Созидание настоящего, когда сама мода, от швейного дела до певцов, оказывается обездвиженной, — времени, которое жаждет забыть о прошлом и уже не производит впечатления веры в будущее, достигается за счет непрерывного кругооборота информации, в каждое мгновение возвращающегося к очень краткому перечню одних и тех же мелочей, со страстью провозглашаемых как важные новости, тогда как по-настоящему важные известия о том, что что-то действительно изменилось, приходят теперь редко и в виде резких толчков. И они, как правило, касаются приговора, который этот мир как будто объявил собственному существованию, и этапов его запрограммированного саморазрушения.

VI

Первым намерением господства спектакля было вообще устранить историческое познание и прежде всего почти все виды информации и разумные комментарии о самом недавнем прошлом. Столь явно бросающаяся в глаза очевидность не нуждается в объяснениях. Спектакль мастерски организует неведение относительно происходящего и затем — почти сразу же забвение того, что все-таки могло быть из этого понятным. Самое важное — это наиболее скрытое. Вот уже двадцать лет ничто не покрывалось столькими видами заказной лжи, как история мая 1968 года. Между тем из нескольких лишенных мистификации исследований об этих днях и их истоках все же были извлечены кое-какие полезные уроки, но это государственная тайна. Уже десять лет назад во Франции президент республики, с тех пор забытый, но тогда всплывший на поверхность спектакля, выражал наивную радость, которую он почувствовал, «узнав, что отныне мы живем в мире без памяти и в нем, как на поверхности воды, один образ без конца вытесняется другим». В самом деле, это удобно для того, кто заправляет делами и умеет при них оставаться. Конец истории является «забавной» передышкой для любой современной власти. Он абсолютно гарантирует успех всех ее предприятий или, по крайней мере, шум вокруг него.

Абсолютная власть подавляет историю тем радикальнее, если она имеет для этого экономические интересы или более настоятельные потребности, но главным образом в зависимости от того, насколько более или менее благоприятные практические возможности для осуществления этого она обнаруживает. Цинь Шихуанди приказал сжечь книги, но ему не удалось устранить их вообще. В нашу эпоху Сталин продвинулся дальше в осуществлении подобного плана, но, вопреки разного рода пособничеству, которое он смог найти за пределами своей империи, оставалась обширная зона мира, недоступная для его полицейского управления, и там смеялись над его подлогами. Включенная театрализация добилась большего — благодаря и совершенно новым приемам, и тому, что на этот раз она действует в мировом масштабе. Над нелепостью, заставляющей уважать себя повсюду, больше не дозволено потешаться, во всяком случае стало невозможным показывать, что над нею смеются.

Областью истории было незабвенное, полнота событий, чьи последствия еще долго будут проявляться. Это было неотделимо от познания, которому следовало продолжаться и способствовать, по крайней мере, частичному пониманию новых событий. «Приобретенное навсегда», — говорил Фукидид. В этом история была мерой подлинной новизны, но торговец новизной имеет абсолютную заинтересованность в том, чтобы устранить средства ее измерения. Когда сиюминутное социально навязывается как значительное и когда оно будет оставаться таковым еще мгновение, как другое и то же самое и как то, что всегда будет замещаться другой сиюминутной значимостью, можно с таким же успехом говорить о том, что используемый способ обеспечивает определенного рода вечность этой громогласно заявляющей о себе незначимости.

Исключительно полезная выгода, которую спектакль извлек из этой постановки истории вне закона, заключается в том, что всю недавнюю историю он уже обрек на подпольное существование и ему почти удалось заставить общество вообще забыть о духе истории и прежде

всего покрыть общество своей собственной историей — историей хода нового завоевания мира. Его власть предстает уже знакомой, как будто она уже всегда была тут как тут. Узурпаторы всех времен хотели бы заставить забыть то, что их власти — без году неделя.

VIII

Кажется, будто общество, объявляющее себя демократическим, достигая стадии включенной театрализации, повсеместно признается как реализация некоего хрупкого совершенства. И выходит, что, поскольку оно хрупкое, оно больше не должно подвергаться нападкам, а кроме того, больше не является объектом критики, поскольку оно совершенно, как никакое из когда-либо существовавших обществ. Это общество хрупкое, потому что с большим трудом справляется с опасностью собственной технологической экспансии. Но это общество слишком совершенно для того, чтобы быть управляемым, и доказательством этому служит то, что все стремящиеся управлять этим обществом хотят управлять им одинаковыми приемами и поддерживать его почти в точности в том состоянии, в каком оно находится. В современной Европе впервые ни одна из партий или партийных фракций больше не пытается даже претендовать на попытку изменения чего-либо важного. Товар больше не может критиковаться никем ни в качестве общей системы, ни даже в качестве вот этого конкретного барахла, которое главам предприятий заблагорассудилось в данный момент выставить на рынок.

Повсюду, где царит спектакль, единственными организованными силами являются силы, его желающие. Следовательно, больше никто не может быть врагом существующего, как и нарушить касающийся всех закон молчания. Уже покончили с беспокоящим представлением, господствовавшим более двух сотен лет, согласно которому общество может быть критикуемым и трансформируемым, реформируемым или революционизируемым. И это было достигнуто не из-за появления новых аргументов, но просто благодаря тому, что все аргументы стали бесполезными. И этим результатом будет измеряться не столько всеобщее благоденствие, сколько ужасная сила сетей тирании.

Никогда цензура не была более совершенной. Никогда мнению тех, кого в некоторых странах еще уверяют, что они остаются свободными гражданами, не было менее дозволено проявить себя каждый раз, когда заходит речь о выборе, который повлияет на их реальную жизнь. Никогда не было позволено навязывать им ложь со столь абсолютной безнаказанностью. Считается, что зритель ни о чем не знает и ничего не заслуживает. Тот, кто всегда лишь смотрит, чтобы узнать последствия, никогда не будет действовать — но ведь таким и должен быть зритель. В цитатах часто мелькает упоминание об исключительности Соединенных Штатов, где Никсон, в конце концов, однажды пострадал из-за серии слишком циничных и неуклюжих запирательств, но это чисто локальное исключение, которое имело под собой несколько старых исторических причин, явно больше не является истинным, поскольку уже Рейган не так давно безнаказанно мог делать то же самое. Воистину все, к чему когда-либо не были применены санкции, является дозволенным. Значит, говорить о скандале стало слишком архаичным. Предоставим государственному деятелю Италии первой величины, одновременно заседавшему в министерстве и в параллельном правительстве — в ложе, называемой

«P2», «Potere Due», — слово, наиболее глубоко и кратко характеризующее период, в который чуть позже Италии и Соединенных Штатов входит весь мир: «Скандалы были, но их больше нет». В книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс описывал усиливавшуюся роль государства во Франции периода Второй империи, наводненной тогда полумиллионом функционеров: «Таким образом, все становится объектом правительственной деятельности, начиная от моста, постройки школьного здания, общинной собственности какой-нибудь деревни, вплоть до железных дорог, государственных поместий и провинциальных университетов». Знаменитый вопрос о финансировании политических партий ставился уже в ту эпоху, ведь Маркс отмечал, что «партии, поочередно борющиеся за превосходство, видели в захвате в собственное владение этой громадной постройки главную добычу победителя». Все это звучит все же немного буколически и, как говорится, устарело, поскольку спекуляции сегодняшнего государства скорее касаются новых городов и автодорог, подземных коммуникаций и производства ядерной энергии, разведки нефти и компьютеров, управления банками и общественно-культурными центрами, видеоизменений «аудио-визуального ландшафта» и подпольного экспорта вооружений, торговли недвижимостью и фармацевтической промышленности, обеспечения продовольствием и

управления больницами, военных кредитов и тайных фондов департаментов, возрастающих ежечасно, что и должно управлять многочисленными службами защиты общества. И тем не менее Маркс, к несчастью, слишком долго остается актуальным, когда в той же самой книге упоминает об этом управлении, «которому не требуется ночь для принятия решений, чтобы исполнять их днем, ибо оно решает днем, а исполняет ночью».

Х

Разрушение логики производилось в соответствии с основными интересами новой системы господства, различными средствами, пускавшимися в ход при неизменной взаимной поддержке. Многие из этих средств относятся к техническому обеспечению, которое спектакль экспериментально прорабатывал и популяризировал, но некоторые из них скорее связаны с массовой психологией подчинения. В плане технологий, когда сконструированный и выбранный кем-то другим образ становится главной связью индивида с миром, на который прежде он смотрел сам, — то в каждом месте, где бы он ни оказался, очевидно, он будет узнавать лишь образ, несущий в себе все, потому что внутри одного и того же образа безо всякого противоречия можно располагать что угодно. Поток образов вовлекает в себя все, подобно тому как некто другой по собственной воле сразу и управляет этим упрощенным отображением воспринимаемого мира, и выбирает, куда же направить этот поток, так же как и ритм того, чему суждено в нем проявляться в качестве непрерывных сумасбродных неожиданностей, не оставляя ни малейшего времени на размышление, и полностью независимо от того, смог ли что-либо из этого уразуметь или помыслить зритель. В этом конкретном опыте перманентного подчинения лежит психологический корень столь всеобщего одобрения наличествующего, которое доходит до того, что признает в нем достаточную ценность *ipso facto*. Помимо того, что является собственно секретным, очевидно, зрелищный дискурс замалчивает все, что ему не подходит. От демонстрируемого он всегда отделяет окружение, прошлое, намерения и последствия. Следовательно, он полностью антилогичен. И раз уж никто больше не может ему противоречить, спектакль обретает право противоречить самому себе и исправлять свое прошлое. Высокомерная позиция его служителей, когда им приходится сообщать новую и, возможно, еще более живую версию определенных фактов, проявляется в том, что они сурово исправляют неведение и недолжные интерпретации, приписываемые ими публике, тогда как еще накануне они сами с обычной убежденностью как раз и старались распространить это заблуждение. Таким образом, уроки спектакля и невежество зрителей неправомерно приводятся в качестве антагонистических факторов, а между тем они появляются друг из друга. Бинарный язык компьютера в равной степени является непреодолимым побуждением к тому, чтобы в каждое мгновение безоговорочно принимать то, что было запрограммировано, как заблагорассудилось кому-то другому, и то, что выдавало себя за вневременной исток высшей логики, тотальной и беспристрастной. Какой тут выигрыш в скорости и в запасе слов для того, чтобы судить обо всем? Политический? Социальный? Нужно выбирать. То, что является одним, не может быть иным. Мой выбор становится действительно необходимым. Нам насвистывают, зная, для кого существуют эти структуры. А значит, неудивительно, что с раннего детства обучение школьников с легкостью и энтузиазмом начинается с Абсолютного Знания информатики, в то время как в дальнейшем они почти всегда не могут научиться чтению, которое требует подлинной способности суждения о каждой строчке и которое одно лишь может открыть доступ к огромному дозрелищному опыту человечества. Ибо умение вести беседу почти мертво, и вскоре будут мертвы многие из умеющих разговаривать.

В плане же средств мышления современных популяций первая причина упадка явно связана с тем обстоятельством, что всякий дискурс, продемонстрированный в спектакле, не оставляет никакого места для ответа, а логика может социально сформироваться только в диалоге. Но также и тогда, когда распространилось уважение к тому, кто говорит в спектакле и кто предположительно является важным, богатым, престижным, самым авторитетом, среди зрителей также распространяется тенденция желать быть столь же алогичными, как и предлагаемое зрелище, чтобы выставляя напоказ индивидуальное отражение подобного авторитета. Наконец, логика нелегка, и никто не желает ее преподавать. Ни один наркоман не изучает логику и потому, что он в ней больше не нуждается, и потому, что у него больше нет такой возможности. Подобная лень зрителя является ленью еще и любого штатного интеллектуального сотрудника,

наскоро обученного специалиста, который во всех случаях попытается скрывать узкие границы своих знаний догматическим повторением какого-нибудь алогичного авторитетного аргумента.

XII

Стирание личности фатально сопровождает условия существования, конкретно подчиненные нормам спектакля и, таким образом, всегда более отделенные от возможностей познавать свои подлинные переживания, тем самым открывая собственные индивидуальные предпочтения. Парадоксально, но индивидуальность должна постоянно отказываться от самой себя, если она стремится быть хоть немного уважаемой в данном обществе. В самом деле, такое существование выдвигает в качестве условия непрерывно изменяющуюся преданность — следствие всегда обманчивой приверженности его фальшивым продуктам. Нужно как можно скорее угнаться за инфляцией обесцененных признаков жизни. Наркотики помогают приспособиться к такому положению вещей, безумие помогает бежать от него. Во всех видах деловых отношений этого общества — в котором распределение благ централизовано таким образом, что оно явным и одновременно тайным способом становится хозяином самого определения того, что же может быть благом, — случается, что определенным личностям приписывают совершенно воображаемые качества, знания, а иногда даже пороки, чтобы этими причинами объяснить удовлетворительное развитие кое-каких затей, и все это с единственной целью скрыть или хотя бы по возможности замаскировать функцию различных сговоров, которые решают всё. Однако, несмотря на свои мощные средства и многократные поползновения высветить в натуральную величину многочисленных персонажи, считающиеся замечательными, современное общество — и не только благодаря сегодняшним заменителям искусства или с помощью дискурсов, создаваемых по этому поводу, — намного чаще показывает прямо противоположное, ибо полная немощь сталкивается с другой подобной ей неспособностью, и они изматывают друг друга, — тогда вопрос будет ставиться только о том, кто перед кем быстрее спасует. Бывает, что адвокат, забыв, что он фигурирует в процессе лишь для того, чтобы отстаивать чьи-либо интересы, искренне подпадает под влияние рассуждений адвоката противоположной стороны, даже если эти рассуждения оказываются столь же нелогичными, как и его собственные. Бывает также, что и невиновный подозреваемый моментально признается в преступлении, которого он не совершал, по единственной причине: оказываясь под впечатлением гипотетической логики доносчика, стремящегося заставить его признать себя виновным (случай доктора Аршамбо в Пуатье в 1984 году). Сам Маклюэн — первый апологет спектакля, который казался самым убежденным из идиотов своего века, — изменил свое мнение в 1976 году, обнаружив, что «натиск масс-медиа подталкивает к иррациональному» и что когда-нибудь станет необходимым сдерживать его использование. Прежде мудрец из Торонто несколько десятилетий восторгался множеством свобод, которые якобы принесет эта «планетарная деревня», столь быстро становящаяся доступной всем безо всяких усилий. Деревни, в противоположность городам, всегда находились под властью конформизма и разобщения, мелочного надзора, скуки, всегда повторяющихся сплетен об одних и тех же немногочисленных семьях. Именно в таком ракурсе отныне видится пошлость планеты спектакля, когда больше невозможно отличить династию Гримальди-Монако или Бурбонов-Франко от династии, которая заменила Стюартов. Однако неблагоприятные ученики пытаются сегодня заставить всех позабыть о Маклюэне и обновить его первые открытия, в свою очередь, нацеливаясь на карьеру с помощью хвалы в средствах массовой информации всем тем новым свободам, которые якобы заключаются в том, чтобы наугад «выбирать» среди мимолетного. И вероятно, они отрекутся от себя еще быстрее, чем их вдохновитель.

XIII

Спектакль не скрывает лишь некоторые из опасностей, которые окружают установленный им чудесный порядок. Загрязнение океанов и уничтожение экваториальных лесов угрожают регенерации кислорода Земли, ее озоновый слой плохо сопротивляется индустриальному прогрессу, необратимо накапливается фоновая радиация. Спектакль лишь делает вывод, что это не имеет значения, и желает говорить только о датах и дозах. И как раз только этим ему и удастся внушать спокойствие — вот что разум дозрелищный посчитал бы совершенно невозможным.

Методы показной демократии относятся к числу очень гибких в противоположность бесхитростной прямолинейности тоталитарного диктата. Мы можем сохранять название, когда вещь была втайне изменена (наименование пива, мяса, философа). Можно также изменять имя, тогда как вещь втайне продолжает оставаться сама собой; например, в Англии завод по переработке ядерных отходов в Виндскейле был вынужден переименовать свое местоположение в Селлафилд, чтобы было удобнее отводить подозрения, возникшие после разрушительного пожара 1957 года, но это топонимическое укрывательство не воспрепятствовало возрастанию смертности от рака и лейкемии в его округе. Английское правительство «по-демократически» сообщило об этом через тридцать лет, в свое же время доклад о катастрофе, которая, как не без оснований считали, естественно, подорвет доверие, оказываемое общественностью ядерной промышленности, решили сохранить в тайне.

Занятия ядерными исследованиями, военными или гражданскими, более чем другие, вызывают необходимость в сохранении тайны, которой, как известно, им все равно не хватает. Чтобы облегчить жизнь, то есть ложь, ученым, избранным хозяевами этой системы, нашли полезным изменять еще и единицы измерения, варьировать их в соответствии с наибольшим числом точек зрения, делать их более утонченными для того, чтобы быть в состоянии по обстоятельствам жонглировать некоторыми из этих трудно взаимобратимых цифр. Именно поэтому в оценке радиоактивности мы теперь располагаем следующими единицами измерения: кюри, беккерель, рентген, рад, иначе центиграй, рем, не забывая о более легких — милли-рад и зиверт, который есть не что иное, как единица в сто рем. Одно это навеивает воспоминания о названиях английских монет, со сложностью которых не так-то легко было справиться иностранцам во времена, когда Селлафилд еще назывался Виндскейлом.

Можно представить себе строгость и точность, каких в XIX веке могла достичь военная история, если бы теоретики стратегии, чтобы не разглашать слишком конфиденциальную информацию нейтральным комментаторам или вражеским историкам, обыкновенно ограничивались бы отчетом о каком-либо сражении в следующих терминах: «Предварительная фаза включала серию стычек, где с нашей стороны крепкий авангард, состоящий из четырех генералов и единиц, вверенных их командованию, столкнулся с вражеским корпусом, насчитывающим 13 000 винтовок. В последующей стадии развернулось сражение в сомкнутых боевых порядках, которое длилось продолжительное время и в которое полностью включилась вся наша армия с ее 290 пушками и ее тяжелая кавалерия в 18 000 сабель, тогда как войска противника насчитывали не менее 3 600 лейтенантов инфантерии, сорок гусарских капитанов и двадцать четыре капитана кирасиров. После череды неудач и успехов то одной, то другой стороны в результате исход баталии может рассматриваться как не решенный в чью-либо пользу. Наши потери были скорее ниже средней цифры, какую обычно констатируют в сражениях подобной интенсивности и продолжительности, и, будучи значительно выше потерь греков при Марафоне, оставались все-таки ниже потерь пруссаков в битве под Иеной». По этому примеру специалист вполне может составить для себя смутное представление о силах, участвовавших в сражении, но наверняка о ходе боевых действий невозможно будет вынести никакого суждения.

В июне 1987 года Пьер Ватер, заместитель директора по материально-техническому обеспечению «Electricite de France», изложил новейшую доктрину безопасности атомных электростанций. Если снабдить их затворами и фильтрами, то станет намного легче избежать крупных катастроф, разрывов или растрескивания оболочки, которые затрагивали бы безопасность целого «региона». А это то, чего всячески желают избежать. Не лучше ли всякий раз, когда кажется, что система начинает работать в режиме перегрузки, мягко снижать в ней давление, орошая выбросами лишь соседний участок шириною в несколько километров, который всякий раз к тому же будет совершенно случайно и в разной конфигурации распространяться волею ветров. Он сообщил также, что в течение двух предыдущих лет секретные испытания, которые проводились в Када-раше, в департаменте Дром, «конкретно продемонстрировали, что выбросы газов в основном не превышают нескольких тысячных или в худшем случае одного процента радиоактивности, наличествующей внутри оболочки». Следовательно, это наихудшее остается очень скромным — всего один процент. Но прежде все были уверены, что никакой риск, за исключением опасности несчастных случаев, логически невозможен. Первые годы эксперимента изменили это рассуждение таким образом: раз уж несчастные случаи возможны всегда, значит, следует всячески избегать лишь того, чтобы они достигали катастрофического порога, и это очень удобно. Достаточно сдержанно заражать местность от выброса к выбросу. Кто

же не понимает, что гораздо здоровее ограничиться выпиванием в течение нескольких лет по 140 граммов водки в день, вместо того чтобы сразу же начинать напиваться, как поляки!

Несомненно, можно только сожалеть, что человеческое общество встретилось со столь жгучими проблемами в момент, когда стало материально невозможным донести до понимания людей малейшее возражение по отношению к рыночному дискурсу, в момент, когда власть, как раз потому, что она защищена спектаклем от любой реакции на ее решения, равно как и на бредовые и фрагментарные оправдания, полагает, что у нее больше нет потребности мыслить, что на деле значит то, что она разучилась мыслить. Сколь бы неколебимыми ни были демократы, не предпочтут ли они, чтобы им выбрали хозяев поумнее?

На международной конференции экспертов, проведенной в декабре 1986 года в Женеве, речь шла попросту о мировом запрете на

производство фреона — газа, который все более стремительными темпами приводит к исчезновению тонкого озонового слоя, укрывающего нашу планету и (заметьте это!) от последствий вредоносного космического излучения. Даниэль Вериль — представитель отдела химических продуктов компании «Elf-Aquitaine» из состава французской делегации, жестко противостоял этому запрету, сделав многозначительное замечание: «Ведь на разработку возможных заменителей потребуется три года, а цены могут увеличиться в четыре раза». Но известно, что этот исчезающий озоновый слой, расположенный на значительной высоте, не принадлежит никому и совершенно не имеет рыночной стоимости. Следовательно, индустриальная стратегия смогла заставить своих оппонентов определить всю их необъяснимую экономическую беззаботность в следующем призыве к реальности: «Слишком рискованно основывать индустриальную стратегию на императивах, относящихся к вопросам окружающей среды».

Те, кто уже давно начал критиковать политическую экономию, определив ее как «завершившееся отрицание человека», не ошиблись. И мы все больше будем в этом убеждаться.

XIV

Говорят, будто сегодня наука подчинена императивам экономической рентабельности, но это было истинным всегда. Новым же оказывается то, что экономика доходит до открытой войны с людьми, и не только против возможностей их жизни, но и против возможностей их выживания. И именно теперь научная мысль, вопреки значительной части собственного прошлого, когда она ратовала за отмену порабощения, принимает решение служить зрелищному господству. Вплоть до этого выбора наука обладала относительной автономией. Следовательно, она знала, как мыслить свой участок реальности, и, таким образом, могла вносить огромный вклад в увеличение средств экономики. Когда же всемогущая экономика становится безумной, а сама эпоха господства спектакля ином и не является, она уничтожает последние следы научной автономии как в плане методологии, так и в связанных с ним практических условиях деятельности «исследователей». От науки больше не требуется ни понимать мир, ни что-то в нем улучшать. От нее постоянно требуют незамедлительно оправдывать происходящее. Господство спектакля, столь же неразумное в этой области, как и во всех остальных, которые оно эксплуатирует с крайне пагубным безрассудством, рубит гигантское древо научного познания с единственной целью — выстрогать из него себе дубину. Но чтобы повиниться такому радикальному социальному требованию, оправдать которое явно невозможно, лучше уж разучиться мыслить, но взамен достаточно хорошо поднатаскаться в освоении комфортных средств зрелищного дискурса. И получилось, что в такой нише с большим проворством и совершенно добровольно устроилась в своей самой современной специализации протитуированная наука наших презренных времен.

Наука лживого оправдания появилась совершенно естественно с первыми симптомами упадка буржуазного общества, вместе с раковой опухолью псевдонаук, называемых «науками о человеке», но, например, современная медицина могла еще некоторое время слыть полезной, хотя те, кто победил оспу или проказу, были совсем другими людьми, нежели те, кто подло капитулировал перед атомной радиацией или продовольственной химией. И сегодня с поспешностью отмечают, что, конечно же, медицина уже не имеет права защищать здоровье населения от патогенной среды, ибо это означало бы для нее противопоставить себя государству или просто фармацевтической промышленности. Но не только тем, что современная научная

деятельность обязана скрывать, она признается в том, во что превратилась. Очень часто это проявляется и в том, о чем у нее хватает наивности говорить. Профессора Эван и Андриэ из больницы Ланнек, объявив в ноябре 1985 года после недельного эксперимента над четырьмя больными о вероятности открытия действенного лекарства против СПИДа, через два дня после того, как больные умерли, возмущались по поводу некоторых сомнений, высказанных многими врачами, не так продвинувшимися в исследованиях или же, быть может, завидовавшими их достаточно поспешной манере прибегать к регистрации того, что было лишь обманчивой мнимостью победы за несколько часов до краха. И «первооткрыватели» ничтоже сумняшея защищали себя от любых возражений, утверждая, что, «в конце концов, лучше ложные надежды, чем вовсе никаких». Они даже оказались слишком невежественны, ибо не ведали, что один только этот аргумент и есть полное отрицание научного духа и что на протяжении истории именно он служил тому, чтобы прикрывать корыстные фантазии колдунов и шарлатанов во времена, когда им еще не доверяли управление госпиталями. Когда официальная наука докатилась до того, чтобы так себя вести, подобно всему остальному общественному спектаклю, который под видом материально модернизированного и обогащенного представления только и воспроизводит обветшалые технологии ярмарочных подмостков — заправил, фокусников, зазывал, уже больше нельзя удивляться, когда видишь, как почти повсюду параллельно с этим огромное влияние приобретают колдуны и секты, дзен в вакуумной упаковке или теология мормонов. Невежество, которое всегда хорошо прислуживало установленной власти, еще и эксплуатировалось хитроумными предприятиями на грани законности. Какой же момент подходит здесь лучше этого, когда настолько усугубилась неграмотность? Но эта реальность, в свою очередь, отрицается и иной демонстрацией колдовства. ЮНЕСКО с самого основания приняла научное, очень точное определение неграмотности, побороть которую в остальных странах она поставила себе задачей. Когда же увидели, как совершенно неожиданно то же явление возвращается на этот раз в так называемые развитые страны, подобно тому, как другому деятелю, в ожидании Груши увидевшему, как на поле битвы появился Блюхер, достаточно было приставить к экспертам Гвардию, — они в неодолимом порыве быстро изменили формулу, заменив термин «неграмотность» термином «ил-летризм» (малограмотность), — вот как, кстати, может подвернуться патриотическая ложь для того, чтобы поддержать правое национальное дело. И чтобы подвести прочное основание под уместность неологизма в среде педагогов, ему быстро «протасили» новое определение, будто бы принятое издавна, согласно которому «неграмотный» был, как известно, вообще не научившимся читать, а «малограмотный» в современном смысле является, наоборот, тем, кого обучали чтению (и даже обучали лучше, чем прежде, как хладнокровно могут единогласно засвидетельствовать самые способные из теоретиков и официальных историков педагогики), но кто по случайности тут же забыл об этом. Это неожиданное объяснение могло бы оказаться более смущающим, чем успокаивающим, если бы в нем не содержалось искусства уклоняться от разговора о первоочередном следствии, обходя его тщательно и как будто просто не замечая, хотя оно сразу же пришло бы на ум всем во времена более научные, а именно что этот последний феномен сам заслуживал бы объяснения и преодоления, и потому его никогда не могли где бы то ни было наблюдать или даже просто вообразить до эпохи современного прогресса сифилитической мысли, в которой вырождение в объяснениях идет нога в ногу с дегенерацией в практике.

XVI

Еще достаточно новое понятие дезинформации было недавно импортировано из России вместе с массой других изобретений, полезных для управления современным государством. Оно всегда «официально» употреблялось властью или «попутно» людьми, обладающими частью экономического или политического авторитета ради сохранения статус-кво, и его употреблению всегда приписывалась функция контрнаступления. То, что может противопоставить себя единственной официальной истине, разумеется, должно быть дезинформацией, исходящей из лагеря враждебного или, по крайней мере, соперничающего, и ей следует быть сфальсифицированной намеренно и по злему умыслу. Дезинформация не считалась попросту отрицанием факта, удобного властям, или простым утверждением факта, который их не устраивает, — это обычно называется психозом. В противоположность стопроцентной лжи, дезинформация — и вот чем это понятие интересно для защитников господствующего общества

— должна фатально содержать определенную долю истины, но намеренно подтасованную хитрым врагом. Власть, которая говорит о дезинформации, не полагает, что сама абсолютно лишена недостатков, но знает, что может приписать всякой конкретной критике ту чрезмерную несущественность, что заключена в природе дезинформации, и, выходя, ей так и не придется сознаваться в каком-то частном недостатке.

Короче говоря, дезинформация считается дурным использованием истины. Тот, кто ее распространяет, — виновен, а тот, кто ей верит, — недоумок. Но кто же, стало быть, является этим хитрым врагом? В данном случае им не может быть терроризм, который не сопряжен с таким риском, поскольку ему отводится роль онтологически представлять собою самое грубое и наименее приемлемое заблуждение. Благодаря своей этимологии и недавним воспоминаниям об ограниченных столкновениях, которые к середине века на короткое время противопоставили Восток Западу, а сосредоточенную театрализацию — рассредоточенной, еще и сегодня капитализм включенной театрализации делает вид, будто верит, что тоталитарный бюрократический капитализм (иногда даже представляемый как отсталая тыловая база или вдохновитель террористов) остается его сущностным врагом, подобно тому, как последний будет заявлять то же самое о первом, несмотря на неисчислимы доказательства их союза и глубокой солидарности. На самом деле все типы власти, которые установились вопреки нескольким реальным локальным видам соперничества и вообще не желая об этом заявлять, непрерывно думают о том, что однажды могло бы напомнить — наряду с подрывными силами и без большого успеха в то время — о высказывании одного из редких немецких интернационалистов после начала войны 1914 года: Главный враг — в нашей стране. Дезинформация, в конечном счете, эквивалентна тому, что в дискурсе социальной войны XIX века представляли дурные наклонности. Это все, что оказывалось смутным и желало бы противопоставить себя необыкновенному счастью, которым, как всем известно, это общество стремится облагодетельствовать оказывающих ему доверие. Счастье, за которое невозможно слишком дорого заплатить разного рода незначительными осложнениями или неприятностями... И все, кто видит это счастье в спектакле, соглашаются, что не стоит скупиться, когда речь идет о его цене, а вот другие занимаются дезинформацией.

Другая выгода, обнаруживаемая при разоблачении частной дезинформации, когда ее так называют, — это то, что впоследствии глобальный дискурс спектакля якобы не будет подозреваться в том, что он содержит ее, поскольку он сам с наинаучнейшей достоверностью обозначает сферу, в которой единственно может быть признана дезинформация, а именно все, что можно говорить и что ему не понравится.

Несомненно, как раз из-за подобного заблуждения (во всяком случае, это более вероятно, чем преднамеренный обман) во Франции недавно рассматривался проект официально приписать средства массовой информации некий вид ярлыка «свободно от дезинформации», ибо оно задевало нескольких профессионалов в «масс-медиа», которые еще хотели верить, или просто скромно уверяли, что в действительности они впредь не будут подвергаться цензуре. Но вот что самое главное: очевидно, что понятие дезинформации не должно употребляться для защиты и к тому же при неподвижной обороне, создавая нечто вроде Китайской стены, или линии Мажино, которая должна сплошь прикрывать пространство, считающееся запретным для дезинформации. Необходимо, чтобы дезинформация существовала, чтобы она оставалась текучей и могла проникать повсюду. Там, где дискурс спектакля не подвергается нападению, было бы глупо его защищать, и само понятие дезинформации чрезвычайно быстро истрепалось бы, если бы его, вопреки очевидности, защищали в точках, которые, наоборот, должны были бы избегать привлечения внимания. Более того, у властей нет ни малейшей реальной потребности в том, чтобы обеспечивать для всех точную информацию, не содержащую дезинформации. Средств у них для этого тоже нет, ибо их не слишком уважают, и они бы только и делали, что вызывали подозрение насчет приводимой информации. Понятие дезинформации хорошо лишь в контракте. И его нужно держать во втором эшелоне, чтобы затем мгновенно выпускать вперед, отрицая всякую только что возникшую истину.

Если иногда хаотическая дезинформация может появиться на службе некоторых частных интересов, временно находящихся в конфликте, и быть достаточно грубой, она становится неконтролируемой и тем самым противопоставляет себя работе системы не столь безответственной дезинформации, — тогда нет оснований опасаться, что в первую окажутся вовлеченными иные, более сведущие или более изощренные манипуляторы, — это происходит

потому, что дезинформация сегодня разворачивается в мире, где больше нет места ни для какой верификации.

Поддерживающее путаницу в умах понятие дезинформации выдвигается на видное место, чтобы тут же одним произнесением своего имени отвергать любую критику, которая не оказалась достаточной для того, чтобы принудить к исчезновению различные управления по организации умалчивания. Например, можно было бы однажды заявить, если бы это показалось желательным, что все здесь написанное служит делу дезинформации о спектакле, или, иными словами, дезинформацией в ущерб демократии.

В противоположность тому, что утверждает ее перевернутое в спектакле отображение, практика дезинформации может служить государству лишь здесь и теперь, под его непосредственным руководством или по инициативе тех, кто защищает одни и те же ценности. На самом деле дезинформация существует внутри всякой существующей информации и выступает как ее основная характеристика. И ее объявляют дезинформацией лишь там, где посредством запугивания нужно поддерживать пассивность. Там, где дезинформация поименована, ее не существует. Там, где она существует, ее не называют дезинформацией. Тогда, когда борющиеся идеологии, что объявляли себя выступающими за или против известных аспектов действительности, еще сталкивались, имелись фанатики и лжецы, но «дезинформаторов» не было.

Тогда же, когда, из уважения к зрелищному консенсусу или, по крайней мере, из мелкого зрелищного тщеславия, больше не позволено говорить правду о том, чему противятся или на что дают согласие со всеми его последствиями; но и там, где зачастую сталкиваются с обязательствами скрывать одну сторону, которая по каким-то причинам считается опасной в том, что предположительно необходимо принять, и практикуют дезинформацию, будто бы из необдуманности, или как бы по забывчивости, или из-за мнимо ошибочных соображений. Например, в сфере протеста против существующего строя после 1968 года неспособные восстановители порядка, так называемые «рго-situs», были первыми дезинформаторами, потому что они, по мере возможности, скрывали практические проявления, где утверждалась критика, которую, как они сами хотели верить, они принимали; впрочем, вовсе не беспокоясь об ослаблении впечатления, они никогда ничего и никого не цитировали, делая вид, что обнаружили что-то сами.

XXV

Вместе с новыми условиями, которые в настоящее время преобладают в обществе, раздавленном железной пятой спектакля, например, становится понятным, почему политические убийства видятся в совершенно ином, как бы рассеянном, свете. Повсюду существует намного больше дураков, чем в прежние времена, но что неизмеримо удобнее — так это то, что с ними можно разговаривать безумно. И это не потому, что какой-то господствующий страх навязывает подобные объяснения в средствах массовой информации. Наоборот, именно спокойное существование таких объяснений и должно вызывать этот страх.

Когда в 1914 году, накануне неотвратимой войны, Виллэн убил Жореса, никто не сомневался в том, что Виллэн — личность, без сомнения достаточно неуравновешенная, — полагал, что должен убить Жореса потому, что, на взгляд глубоко повлиявших на Виллэна экстремистов правого патриотического крыла, Жорес казался, несомненно, вредоносным для обороны страны. Но только эти экстремисты недоценили огромную силу патриотического согласия внутри социалистической партии, которое бы незамедлительно подтолкнуло ее к «священному союзу», вне зависимости от того, был ли Жорес убит или, наоборот, ему бы оставили возможность остаться непреклонным в интернационалистской позиции отрицания войны. Сегодня же, ввиду подобного события, полицейские журналисты, известные эксперты «по общественным делам» и «терроризму», сразу же сказали бы, что Виллэн был известен тем, что совершал неоднократные предварительные попытки убийства, каждый раз направленные на людей, которые могли исповедовать совершенно различные политические убеждения, но все случайно физическим сходством или одеждой напоминали Жореса. Психиатры бы это удостоверили, а средства массовой информации, всегда свидетельствующие лишь о том, что им уже сообщили, ссылались бы на сам факт их компетентности и беспристрастности как экспертов с несравненным авторитетом. Затем формальное полицейское расследование могло бы в скором времени установить, что, дескать, недавно нашли несколько достойных людей, готовых свидетельствовать

о том обстоятельстве, что в их присутствии этот самый Виллэн, посчитав, будто его плохо обслужили в «Шоп дю круассан», явно угрожал отомстить хозяину кафе тем, что уложит на месте перед всем честным народом одного из его самых лучших клиентов.

Излишне говорить, что в прошлом истина торжествовала везде и незамедлительно, ибо дело Виллэна было в конечном счете французской юстицией закрыто. Но был он расстрелян лишь в 1936 году, когда в Испании разразилась революция, ибо очень неосмотрительно решил пожить на Балеарских островах.

XVI

Именно поэтому новые условия прибыльного управления экономическими предприятиями в годы, когда государство берет на себя роль гегемона в ориентации производства, а спрос на все товары непосредственно зависит от централизации, осуществляемой в области, возбуждающей спрос показной информации, к которой также должны адаптироваться и формы распределения, императивно требуют повсеместного создания сети влияния или тайных обществ. Следовательно, все это лишь естественный продукт движения концентрации капиталов, производства и распределения. Тот, кто об этом не беспокоится, должен исчезнуть, а предприятия могут сегодня расширяться лишь через цены, технологии и средства того, чем являются ныне индустрия, спектакль, государство. Это в конечном счете и есть тот особый путь развития, который выбрала экономика нашего времени, и приводит он к тому, что повсюду навязывается формирование новых личных отношений зависимости и протекционизма. Как раз на этом положении основывается глубокая истинность столь хорошо понятой по всей Италии формулировки сицилийской мафии: «Если есть друзья и деньги — плевать на правосудие». Внутри включенной театриализации законы спят и потому, что их не приспособили к новым технологиям производства, и потому, что их перевернули в системе распределения через различные соглашения нового типа. Мысли или предпочтения публики больше не имеют значения. Вот что скрывается спектаклем за столькими опросами общественного мнения, выборами, модернизирующими перестройками. Кто бы от этого ни выиграл, любезной клиентурой будет превозноситься наихудшее — ведь как раз это и будет произведенным ради нее. Сейчас только и говорят что о «правовом государстве», в пору, когда современное, так называемое демократическое государство вообще перестало быть таковым, — и вовсе не случайно, что это выражение получило популярность лишь несколько позже 1970 года и прежде всего именно в Италии. Во многих областях даже законы составляются для того, чтобы их могли обойти те, у кого есть для этого все средства. Незаконность в определенных обстоятельствах, например в отношении мировой торговли разного рода вооружениями, а еще чаще — в отношении продуктов высочайших технологий, служит лишь дополнительным резервом экономических манипуляций, которые оказываются из-за этого еще более рентабельными. Сегодня многие сделки по необходимости являются бесчестными, подобно самой эпохе, в отличие от прежних времен, когда бесчестными были все-таки те люди, кто в четко очерченных пределах выбирал бесчестные пути и пользовался ими.

По мере того как разрастаются сети стимулирования и контроля для распределения и удержания эксплуатируемых секторов рынка, также увеличивается количество личных услуг, в которых нельзя отказать тем, кто находится в курсе дела, и, конечно же, тем, от чьей помощи нельзя отказаться, а это далеко не всегда полицейские или стражи интересов и безопасности государства. Формы функционального соучастия передаются на дальние расстояния и устанавливаются на весьма продолжительное время, ибо его сети располагают всевозможными средствами навязывать те чувства признательности или верности, которые, к несчастью, всегда были столь редкими в среде свободного предпринимательства буржуазных эпох. У своего противника всегда чему-нибудь да научишься. Надо полагать, что государственным мужам также пришлось читать заметки молодого Лукача о понятиях законности и незаконности в то время, когда им необходимо было объяснить эфемерное прохождение нового поколения отрицания — ведь Гомер сказал, что «людское поколение уходит так же скоро, как облетает листва на деревьях». С тех пор государственные мужи, подобно нам, могли перестать стесняться первой попавшейся идеологии по этому вопросу, и верно, что практики театриализованного общества больше не благоприятствовали идеологическим иллюзиям подобного рода. Относительно всех нас можно сделать вывод, что в конечном счете нам часто мешало замкнуться в одной лишь нелегальной деятельности то, что мы и так практиковали множество ее видов.

XXVIII

От сетей стимулирования-контроля неощутимо приходят к сетям надзора-дезинформации. В прежние времена заговор составлялся всегда только против существующего режима. Сегодня вступать в тайные сговоры в его пользу — это новое, находящееся на подъеме ремесло. Под покровом господства спектакля замышляются заговоры ради его поддержки и ради обеспечения того, что только он сам может назвать своей бесперебойной работой. Эти интриги являются частью самого его функционирования.

Уже началось размещение некоторых средств своего рода превентивной гражданской войны, приспособленных к различным вариантам просчитываемого будущего. Это «особые организации», облеченные обязанностью вмешиваться в определенные точки в соответствии с потребностями включенной театрализации. Так, удалось предсказать, как худшую из возможностей, тактику, в шутку названную «Три культуры», в напоминание о площади в Мехико летом 1968 года, но на этот раз без особых деликатностей, и к тому же она должна была применяться до дня восстания. И за исключением столь крайних случаев, нераскрытому убийству вовсе не обязательно затрагивать многих людей или повторяться достаточно часто, чтобы стать подходящим средством управления, ибо сам факт, что кое-кто знает о существовании такой возможности, тут же усложняет расчеты в массе областей. И теперь здесь нет потребности быть разумно избирательным *ad hominem*. Употребление этого приема исключительно наобум может оказаться более продуктивным.

Сегодня также возникла ситуация, когда надо составлять из обломков социальную критику для взращивания смены, что уже нельзя поручать кадрам из университетов или из масс-медиа, которых отныне лучше держать в отдалении от слишком традиционных видов вранья по этому поводу; надо использовать критику более совершенную, выдвигаемую и используемую новыми способами, манипулируемую гораздо лучше подготовленными профессионалами иного рода. Достаточно конфиденциальным образом начинают появляться ясные тексты, анонимные или подписанные неизвестными (впрочем, это тактика, облегченная концентрацией всезнайства у шутов спектакля, приведшая к тому, что люди неизвестные как раз и кажутся наиболее уважаемыми), не только на темы, которые никогда не затрагивались в спектакле, но к тому же еще и с аргументами, чья справедливость оказывается еще поразительнее в силу определенного рода рассчитанной оригинальности, свойственной им благодаря тому, что, в общем-то, они никогда не употреблялись, хотя были достаточно очевидными. Эта практика, по крайней мере, может служить в качестве первой степени посвящения для вербовки слегка пробудившихся душ, которым лишь позже сообщат большую дозу возможных последствий, и то если они покажутся подходящими. А то, что для одних будет первым шагом возможной карьеры, окажется для других — не принадлежащих ко столь благополучным слоям — первым шагом в западню, куда они попадутся.

В определенных случаях речь идет о том, чтобы по вопросам, которые представляют опасность стать жгучими, создать иное критическое псевдомнение, и среди двух возникших таким образом мнений, одинаково чуждых убогим условиям спектакля, наивное суждение будет колебаться бесконечно долго, а само обсуждение их взвешенности отбросит их при первом удобном случае. Чаще всего речь идет об общем рассуждении о том, что скрывают масс-медиа, и оно может оказаться весьма критическим, а в некоторых положениях явно разумным, но притом останется любопытным образом децен-трированным. Как будто темы и слова выбирались искусственно, в помощь компьютерам, набитым сведениями для критического мышления. В этих текстах всегда имеется несколько достаточно малозаметных, но все-таки примечательных пробелов — точка схождения взглядов здесь всегда аномально отсутствует. Они напоминают факсимильную репродукцию знаменитого оружия, где не хватает только взрывателя. Это по необходимости окольная критика, которая наблюдает многие вещи весьма ясно и точно, но при этом помещая себя в стороне. И это не потому, что она будто бы стремится к какой-то беспристрастности, ибо, наоборот, ей необходимо делать вид, будто она многое осуждает, но никогда не ощущает потребности показать, какова ее движущая причина, и, следовательно, даже неявно сказать, откуда она исходит и к чему бы она хотела прийти.

К этому виду ложной антижурналистской критики может присоединиться организованная практика распространения слухов, о которой известно, что она изначально существует как вид дикой расплаты информационных средств спектакля за то, что все, по крайней мере, смутно

ощущают их обманной характер, а следовательно, и то, сколь мало доверия они заслуживают. Слухи изначально были суеверными, наивными, самоотравляющими. В более недавнее время система всеобщего надзора начала внедрять среди населения людей, способных по первому сигналу распространять слухи, которые могли бы ей подходить. Здесь решили применить на практике результаты наблюдений теории, сформулированной почти тридцать лет назад и происходящей из американской социологии общественного мнения, — теории индивидов, которых можно назвать «локомотивами», то есть тех, кому другие из их окружения будут склонны следовать и подражать, но на этот раз переходя от спонтанности к вымуштрованности. Таким образом, в нашу эпоху высвобождают бюджетные или внебюджетные средства, направленные на поддержание многочисленного вспомогательного персонала, наряду со специалистами предшествующих времен из университетов или масс-медиа, как и социологами или детективами недавнего прошлого. Мнение о том, будто до сих пор механически применяются какие-то из известных в прошлом моделей, ведет к заблуждению так же, как и общее неведение прошлого. «Рима нет теперь в Риме», а мафия уже не подонки общества. И услуги по надзору и дезинформации столь же мало напоминают работу прежних «фараонов» и осведомителей, например работу шпииков и стукачей Второй империи, как современные спецслужбы во всех странах мало похожи на деятельность Второго отдела Генштаба армии в 1914 году.

С тех пор как умерло искусство, известно, как невероятно легко стало переодевать полицейских в художников. Когда современным подражаниям вывернутого наизнанку неодадаизма дозволяется напыщенно вещать в средствах массовой информации, а стало быть, еще и немного видоизменять декор официальных дворцов, подобно одетым в лохмотья королевским шутам, то ясно, что одно и то же развитие культурного прикрытия обеспечивается всеми агентами и дополнительным персоналом сетей государственного влияния. Открываются пустые псевдомузеи или исследовательские псевдоцентры, изучающие весь творческий путь несуществующего персонажа так же споро, как составляются репутации журналистов-полицейских, историков-полицейских или романистов-полицейских. Артюр Краван, без сомнения, предвидел пришествие этого мира, когда писал в «Maintenant»: «На улице скоро уже не встретишь никого, кроме художников, и нужно будет потратить все мыслимые силы, чтобы найти там человека». Таков же и обновленный смысл старой шутки парижских хулиганов: «Привет, артисты! Тем хуже, если я ошибаюсь».

Когда вещи стали, наконец, тем, что они есть на самом деле, можно заметить нескольких коллективных авторов, пользующихся самым современным издательством, то есть издательством, которое обеспечило себе наилучшее коммерческое распространение. Поскольку подлинность их псевдонимов гарантируется только газетами, они передают их друг другу, сменяют друг друга, сотрудничают с противниками и снова вербуют искусственные мозги. На них возложена обязанность выражать стиль жизни и мировоззрение эпохи, но не в силу их личностей, а в приказном порядке. Те, кто верит, что они по-настоящему являются индивидуальными и независимыми литературными антрепренерами, вполне могут дойти до того, что с ученым видом будут уверять, будто теперь Дюкасс поссорился с графом Лотремоном, что Дюма — это вовсе не Макэ, что особенно нельзя путать Эркмана с Шатрианом и что Сансье и Добантон больше друг с другом не разговаривают. Точнее говоря, такого рода современные авторы захотели следовать Рембо, по крайней мере, в том, что «Я — это другой».

Секретные службы всей историей театрализованного общества были призваны играть в нем роль основного посредника, ибо в них в наиболее высокой степени концентрируются характерные черты и исполнительные механизмы такого общества. К тому же на них всегда возлагается еще и обязанность разрешать споры между основными интересами этого общества, хотя бы в скромном качестве «услуг». О злоупотреблениях речи не идет совсем, поскольку они верно отражают заурядные нравы века спектакля. И именно так надзиратели и поднадзорные вливаются в некий безбрежный океан. Спектакль способствует триумфу тайны, и ее должно всегда быть больше в руках специалистов по тайне, которые, разумеется, не все являются чиновниками, стремящимися к тому, чтобы в различной степени приобрести независимость от государственного контроля, — не все они чиновники.

XXIX

Один из общих законов функционирования включенной театрализации, по крайней мере для осуществляющих руководство над ней, состоит в том, что в этих рамках все, что можно сделать,

следует делать. Иными словами, всякое новое орудие должно использоваться, сколько бы оно ни стоило. Новый набор орудий повсюду становится целью и движущей силой системы и будет единственной причиной, которая сможет заметно видоизменить ее движение всякий раз, когда ее применение будет навязываться безо всяких мыслей. Хозяева общества на самом деле хотят прежде всего сохранить определенные «социальные отношения между личностями», но для этого им также нужно продолжать непрерывное технологическое обновление, ибо такова была одна из обязанностей, полученная ими вместе с их наследием. Следовательно, этот закон в равной степени применяется и к службам, которые защищают его господство. Наведенное на цель орудие надо использовать, и его использование усилит те самые условия, что благоприятствовали этому использованию. Именно так чрезвычайные приемы становятся повседневными процедурами.

Сплоченность общества спектакля определенным образом подтвердила правоту революционеров, поскольку стало ясно, что в нем нельзя реформировать ни малейшей детали, не разрушая всей системы. Но в то же время эта сплоченность и упразднила любые организованные революционные устремления, ликвидировав общественные сферы, где они более или менее могли выразиться: от профсоюзного движения до газет, от городов до книг. Одним и тем же движением оказалось возможным высветить те некомпетентность и недомыслие, носителем которых совершенно естественно стали подобные устремления. А в плане индивидуальном царящая сплоченность вполне способна отсеять или подкупить некоторые случайные исключения.

Ги-Эрнест Дебор

СИТУАЦИОНИСТСКИЕ ТЕЗИСЫ О ДВИЖЕНИИ

Опубликовано
в «Internationale Situationniste»
№3, 1959 г.

1

Ошибка, сделанная всеми проектировщиками городов, заключается в том, что они считают частный автомобиль (и все его производные, например, мотоцикл) средством передвижения. В действительности это самый значительный материальный символ такого понятия, как радость, который развитой капитализм распространяет в обществе. Автомобиль — центр этой самой пропаганды, в одинаковой степени он является высшим продуктом отчужденной жизни и неотъемлемым продуктом капиталистического рынка; в этом году нередко говорят, что процветающая американская экономика скоро будет целиком и полностью зависеть от успеха слогана «Каждой семье по два автомобиля».

2

Время, затрачиваемое на дорогу к месту работы и обратно, как верно заметил Ле Корбюзье, можно рассматривать как дополнительную работу, которая, соответственно, снизит количество «свободного» времени.

3

Нужно перестать рассматривать путешествие как часть работы. Давайте смотреть на него как на удовольствие.

4

Истоки действительной проблемы лежат не в плоскости пересмотра взглядов на архитектуру, с тем чтобы она соответствовала нуждам современного повсеместного и паразитического существования автомобилей. Архитектура на самом деле должна трансформироваться в соответствии с целостным развитием общества, критикуя все временные величины, возведенные в абсолютную форму общественных отношений (во главе которых стоит семья).

5

Даже если в течение переходного периода мы временно принимаем жесткое деление между рабочими зонами и жилыми зонами, мы должны, по меньшей мере, представлять третью зону: зону непосредственно жизни (зону свободы и отдыха — квинтэссенции жизни). Унитарная урбанизация не признает границ; ее целью является формирование единой среды, в которой, наконец, будут преодолены такие разграничения, как работа/отдых или личное/общественное. Но до того как это станет возможным, наименьшим воздействием унитарной урбанизации будет расширение области деятельности на все красивые сооружения. Сложность такого пространства будет соответствовать уровню сложности старого города.

6

Автомобиль — зло в себе. Дело в том, что чрезмерное скопление автомобилей в городах привело к отрицанию его функциональности. Урбанизация не должна, конечно, игнорировать существование автомобиля, но она также ни в коем случае не должна ставить его во главу угла. Нужно рассчитывать на постепенное снятие автомобиля с производства. В любом случае мы можем представить себе запрет на автомобильное движение в центральных районах некоторых новых комплексов и в некоторых старых городах.

7

Те, кто верит, что автомобиль вечен, не мыслят даже с чисто технической точки зрения, с точки зрения других средств передвижения. Например, некоторые модели одноместных вертолетов в наши дни проходят испытания в армии США и, возможно, получают распространение в обществе в течение ближайших 20 лет.

8

Разрушение логики человеческого обитания в пользу автомобилей (предполагаемые автострады в Париже повлекут за собой разрушение тысяч домов и квартир, хотя продолжается жилищный кризис) прячет свою иррациональность за псевдопрактическими оправданиями. Но на самом деле это необходимо лишь в свете специфического общественного уклада. Те, кто верит, что частности проблемы постоянны, на самом деле хотят верить в постоянство сегодняшнего общества.

9

Революционные урбанисты не будут ограничивать свои интересы лишь круговоротом вещей или круговоротом людей, запертых в мире вещей. Они будут стараться разорвать эти топологические цепи, прокладывая своими экспериментами путь человеческому путешествию через подлинную жизнь.

Ги-Эрнест Дебор

ВВЕДЕНИЕ В КРИТИКУ ГОРОДСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Опубликовано в «Les Levres Nues»
№6, 1955 г.

До сих пор единственным предметом страсти во всех начинаниях, в которых мы с интересом или без оного участвовали, является поиск на ощупь нового образа жизни. Эстетические и другие дисциплины доказали свою очевидную неадекватность в этом отношении и достойны полнейшего забвения. Поэтому мы должны обрисовать некоторые предварительные области наблюдений, включая наблюдения конкретных, случайных и предсказуемых процессов на улицах.

Слово «психогеография», предложенное безграмотным Кабилем в качестве основного термина для явления, исследовавшегося некоторыми из нас летом 1953 года, не так уж и неуместно. Оно не опровергает материалистический взгляд на условия жизни и мышление посредством субъективной природы. География, к примеру, имеет дело с детерминированностью воздействия общих природных сил, таких, как почвообразование или климатические условия, на экономическую структуру общества и через это на соответствующее восприятие мира этим обществом. Психогеография устанавливает своей целью изучение точных законов и специфических эффектов территориального окружения, сознательно организованного или нет, оказывающих действие на эмоции и поведение индивидуума. Прилагательное «психогеографический», сохраняющее вполне приятную неопределенность, может быть применимо к находкам, выявленным такими исследованиями, к их влиянию на человеческие чувства и, даже в более широком смысле, к любой ситуации или поведению, отражающими такой же дух открытия.

Довольно долго говорилось о монотеизме пустыни. Разве нелогично или неинтересно наблюдать, что район между Place de la Contrescarpe и Rue de l'Arbal в Париже скорее способствует атеизму, забвению и дезориентации привычных рефлексов?

Давайте рассмотрим идею утилитаризма в историческом аспекте. Убежденность в необходимости открытых пространств для быстрых перемещений армии и использования артиллерии против

восстаний явилась первопричиной программы реконструкции городских зданий, принятой Второй империей. Но с любой точки зрения, отличной от точки зрения полицейского порядка, Париж Хауссмана — город, построенный идиотом, полный шума и гнева, ничего не значащий город. В настоящее время главная проблема урбанизации — это создание зеленой улицы для автотранспорта, который словно размножается простым делением. Мы вправе думать, что грядущая урбанизация будет использовать не менее утилитарные проекты, которые дадут повод анализировать возможности психогеографии. Нынешний избыток личных автомобилей — не что иное, как результат постоянной пропаганды. С ее помощью капиталисты убеждают массы — и это самый характерный случай — в том, что владение машиной является одной из привилегий, которые наше общество сохраняет для своих привилегированных членов. (В то же время анархический прогресс противоречит сам себе: получите удовольствие от спектакля, который устраивает префект полиции, убеждая парижских автовладельцев пользоваться общественным транспортом.)

Всем известно, с какой яростью многие непривилегированные личности готовы защищать свои заурядные преимущества. Иллюзорность таких привилегий связана с общей идеей радости, распространенной среди буржуазии. Эта идея основывалась на рекламной системе, которая включает эстетику Мальро¹ и императивы «Кока-Колы» — идея радости, чей кризис должен быть спровоцирован любым способом при каждом удобном случае.

¹ Мальро, Андре (1901-1976) - французский писатель, критик, искусствовед, министр культуры в правительстве де Голля. - *Прим. пер.*

Первый из этих способов — несомненно, провокационное систематическое распространение большого количества предложений, способных превратить всю жизнь в увлекательную игру, и продолжительная критика всех настоящих развлечений — в определенных рамках, в таких, в которых они не могут быть трансформированы для того, чтобы служить основой для более интересных соединений. Наибольшая трудность в подобных делах заключается в том, чтобы придать этим очевидно бессмысленным предложениям требуемую степень серьезной привлекательности. Для этого мы можем ловко использовать современные популярные средства связи. Но разрушительное воздержание или манифестации, предназначенные для того, чтобы поклонники этих средств связи полностью в них разочаровались, могут также легко послужить той атмосферой беспокойства, в которой легко возникают новые идеи, касающиеся развлечения.

Мысль о том, что реализация выбранных эмоциональных ситуаций зависит только от полного понимания и осознанного применения определенного числа способов, привела к появлению в первом номере журнала «Потлач»² не без доли юмора написанной статьи «Психогеографическая игра недели»: «В соответствии с вашими поисками выберите страну, относительно популярный город, более или менее популярную улицу. Постройте дом. Обставьте его мебелью. С наибольшей выгодой используйте декорации и окружающую местность. Выберите время года и определенное время дня. Соберите вместе наиболее приятных людей, приготовьте напитки и подберите музыку. Освещение и тема разговора должны соответствовать случаю так же, как погода или ваши воспоминания». Если в ваши вычисления не закралась ошибка, результаты должны вас удовлетворить.

² Этот рупор анархизма и ситуационизма назван в честь бытовавшего у североамериканских индейцев обряда - безвозмездного неравноценного обмена собственностью между жителями соседних селений или внутри села по особым праздникам. В более ритуальном варианте потлач предполагал не обмен, а уничтожение, чаще всего - сжигание на общем костре самых ценных орудий труда, охоты и предметов роскоши, одежды, утвари с целью изгнания из племени злых духов. - *Прим. ред.*

Мы должны работать на заполнение рынка — даже если в настоящий момент это только интеллектуальный рынок — массой желаний, реализация которых не лежит за пределами возможностей человека по отношению к материальному миру, а лишь превосходит возможности старого общества. Поэтому, не исключая политических интересов, нужно публично противопоставлять такие желания элементарным желаниям, которые бесконечно по-новому излагаются киноиндустрией и в психологических романах вроде опусов старого козла Мориака³. («В обществе, основанном на бедности, самые плохие продукты неизбежно пользуются наибольшим спросом», — объяснял Маркс бедному Прудону.)

³ Мориак, Франсуа (1885-1970) - французский писатель, поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1952). - *Прим. пер.*

Революционные изменения мира, всех его аспектов, подтвердят все идеи обогащения. Внезапное изменение среды на улице в радиусе нескольких метров; естественное разделение города на зоны различной психической атмосферы; путь наименьшего сопротивления, который автоматически преследуется в бесцельных прогулках (не имеющий отношения к физическому очертанию местности); притягательный или отталкивающий характер конкретных мест — все это отвергается. В любом случае, никогда не рассматривается зависимость от причин, которые могут быть раскрыты аккуратным анализом, использованным в собственных интересах. Люди прекрасно осведомлены, что некоторые соседи расстроены, а некоторые счастливы. Но они вполне допускают, что шикарная улица может быть поводом для радости, а бедная улица повергает в депрессию, и останавливаются на этом. В действительности возможное число комбинаций среды, аналогичное смешиванию чистых химических веществ в бесконечном количестве вариантов, дает такой разнообразный и комплексный подъем чувств, какой возможен только при виде зрелища. При более тонком рассмотрении оказывается, что качественно или количественно различающиеся влияния многообразного городского дизайна не могут быть определены исключительно на основе эпохи архитектурного стиля и, в меньшей степени, на основе жилищных условий.

Таким образом, исследования по систематизации элементов городского устройства, которые мы собирались предпринять в тесной связи с эмоциями, которые они вызывают, определяют

четкую гипотезу, которая должна постоянно видоизменяться в свете приобретаемого опыта под воздействием критики и самокритики.

Некоторые из картин Кирико, навеянные впечатлениями от архитектуры, оказывают по очереди влияние на собственную объективную базу, по существу, трансформируя ее: они превращаются в схемы или модели. Тревожные районы аркад в один прекрасный момент смогут возродиться и впитать в себя очарование этих работ.

Мне трудно назвать что-то, кроме двух гаваней в тумане, нарисованных Клодом Лораном, — эта картина находится в Лувре и соединяет в себе две совершенно непохожие городские атмосферы — что может сравниться по красоте с картами парижского метро. Думается, всем понятно, что, говоря о красоте, я не имею в виду творческую красоту — новая красота может быть только красотой состояния. Я говорю о вызывающей особое впечатление в обоих случаях сумме вероятностей.

Среди разных, более трудных, методов вмешательства обновленная картография кажется удобной для мгновенного использования.

Производство психогеографических карт или даже представление таких вариантов, как произвольно трансформированные карты двух разных районов, может способствовать пояснению некоторых беспорядочных движений, которые отражают не подчинение вероятности, но полное неподчинение общепринятым влияниям (например, туризм — популярный наркотик, не менее отвратительный, чем занятие спортом или покупка в кредит). Мой друг недавно рассказывал мне, как он блуждал по немецким городам Гарца, слепо руководствуясь при этом картой Лондона. Такая игра — всего лишь заурядность по сравнению с возможностью полного контроля над архитектурой и урбанизацией, который в скором будущем сможет осуществить каждый. А пока мы можем определить некоторые этапы частичной, менее сложной реализации, начиная с простого перемещения элементов действительности оттуда, где мы их привыкли видеть.

К примеру, в предыдущей статье упомянутого журнала Марьен предположил, что, когда глобальные ресурсы перестанут безрассудно тратиться на сомнительные предприятия, которые в настоящий момент нас обременяют, все конные статуи во всех городах мира будут превращены в ничто. Это даст возможность прохожим — будущее принадлежит им — ощутить зрелище искусственной кавалерийской атаки, которое можно посвятить памяти великих сражений, от Тамерлана до Риджвея⁴. Мы можем увидеть в этом проявление одной из главных потребностей нового поколения: воспитательной ценности.

⁴ Риджвей, Мэттью (1895-1993) - американский генерал, автор плана высадки на Сицилию. - *Прим. пер.*

В действительности не стоит ничего ожидать до тех пор, пока массы в действии не осознают условий, влияющих на них во всех проявлениях жизни, и не дойдут до практических способов изменения.

«Воображаемое — это то, что в конечном итоге станет реальным», — написал автор, чье имя вследствие его известной интеллектуальной деградации я забыл. Непреднамеренная ограниченность такого утверждения может послужить отправной точкой разоблачения некоторых фарсовых литературных революций: все те, что нереальны, являются пустой болтовней.

Жизнь, за которую мы ответственны, неожиданно предстает перед нами как великий мотив разочарования с несчетным множеством более или менее заурядных развлечений и вознаграждений. Не проходит и года, как люди, которых мы любили, окончательно капитулируют, ибо они не в силах использовать существующие возможности. Но вражеский лагерь объективно обрекает людей на тупость и уже создал миллионы глупцов; несколько новых погоды не делают. Как ни крути, первой душевной слабостью было и остается снисхождение.

Валери Соланс

МАНИФЕСТ ОПУМ (ОБЩЕСТВА ПОЛНОГО УНИЧТОЖЕНИЯ МУЖЧИН)

Поскольку жизнь в этом обществе представляет в лучшем случае абсолютную тоску, и ни одна сфера общества не имеет отношения к женщинам, то им, сознательным гражданкам, ответственным, жаждущим приключений женщинам, остается только свергнуть правительства, разрушить денежную систему, внедрить полную автоматизацию и уничтожить мужской пол. Теперь стало технически возможным воспроизводить себе подобных без помощи мужчин (или, если угодно, женщин) и производить на свет только женщин. Мы должны немедленно приступить к этому. Сохранение мужчин не нужно даже для сомнительной задачи воспроизводства. Мужчина — это биологическая случайность: (мужской) ген Y — это недоделанный (женский) ген X, то есть несет в себе незаконченный набор хромосом. Другими словами, мужская особь — незавершенная женская особь, ходячий аборт, выкидыш на генной стадии. Быть мужчиной — значит быть дефектным, эмоционально ограниченным; принадлежность к мужскому полу — это дефективность, а мужчины — эмоциональные инвалиды.

Мужчина — абсолютный эгоцентрик, запертый в себе, неспособный на сопереживание или отождествление себя с другими, на любовь, дружбу, влечение или нежность. Он является абсолютно изолированной единицей, неспособной на взаимоотношения с кем-либо. Его реакции направлены внутрь, они не относятся к мыслительным процессам; его разум — просто инструмент для обслуживания собственных страстей и потребностей; он не способен к полету мысли, обмену идеями; он не соотносит себя ни с чем, кроме собственных физических ощущений. Он — полумертвая, ни на что не реагирующая масса, неспособная давать или получать удовольствие или счастье; соответственно, он в лучшем случае абсолютно скучное явление, безобидное пятно, поскольку только тот, кто способен воспринимать и принимать других, обладает очарованием. Он застрял на полпути в сумеречной зоне между человеком и обезьяной, но он гораздо хуже обезьяны, поскольку, в отличие от нее, способен испытывать множество негативных чувств: ненависть, ревность, позор, отвращение, вину, стыд, сомнение; более того, он осознает, что он такое и чего ему недостает.

Хотя он абсолютно физиологичен, мужчина не годится даже на роль жеребца. Даже овладев механической сноровкой, что дается немногим из них, он, во-первых, не способен жизнерадостно и страстно рвать плоть на куски, а вместо этого снедаем чувствами вины, стыда, страха и неуверенности — эмоциями, свойственными мужской природе, которые можно только сократить, но не искоренить просвещением и воспитанием. Во-вторых, физические ощущения, доступные ему, — сущая ерунда, и, в-третьих, он не сопереживает своим партнерам, но озабочен до предела тем, как это у него получается, насколько успешно он выполняет роль насоса. Назвать мужчину животным — значит польстить ему; он — всего лишь машина, ходячее дилдо.

Считается, что мужчины используют женщин. Используют для чего? Всяко, не для удовольствия. Обладая, если удастся, едва заметными физическими ощущениями, мужчина, обуреваемый чувством вины, страхами, стыдом и неуверенностью, тем не менее полностью захвачен желанием ебаться; он переплывет море соплей, перейдет вброд глубокую лужу блевотины величиной в милю, если будет думать, что там его ждет любезная «киска». Он выберет женщину, которую презирает, любую беззубую ведьму, и даже заплатит за это. Почему? Снятие физического напряжения — это не ответ, поскольку для него достаточно мастурбации. Нельзя объяснить это и удовлетворением самолюбия, иначе они не ебали бы детей и трупы. Абсолютно эгоистичный, неспособный реагировать, сочувствовать, отождествлять себя с другими, наполненный до краев необъятной, всепроникающей, всепоглощающей сексуальностью, мужчина

физически пассивен. Он ненавидит свою пассивность, поэтому считает, что она свойственна женщинам, а мужчины активны, и затем пытается доказать, что он существует («доказать, что он Мужчина»). Главный его способ доказать — это ебля (Большой Мужчина с Большим Хуем оторвал Большой Кусок). Поскольку он пытается доказать недоказуемое, ему приходится «доказывать» это снова и снова. Поэтому ебля для него — отчаянная, вынужденная попытка доказать, что он не пассивен, он не женщина; но он пассивен, и он хочет быть женщиной. Являясь неполноценной женщиной, мужчина тратит свою жизнь на то, чтобы стать полноценным, стать женщиной. В этих попытках он постоянно ищет женщину, пытается подружиться с ней, жить с ней, слиться с женщиной, поэтому приписывает себе женские качества: силу чувств и независимость, силу воли, динамичность, решительность, невозмутимость, объективность, настойчивость, смелость, цельность, витальность, энергичность, глубину натуры, крутизну и т.п., а женщинам — все мужские качества: тщеславие, поверхностность, банальность, слабость и т.п. Стоит сказать, однако, что у мужчины есть одна сфера, где он обладает ярчайшим преимуществом, — самореклама. (Он весьма преуспел в ней, убедив миллионы женщин, что мужчины — это женщины, а женщины — мужчины.) Мужчины утверждают, что женщины находят удовлетворение в материнстве и сексуальности, а это означает, что мужчины хотели бы стать женщинами.

Иными словами, у женщин нет зависти к пенису, это мужчины завидуют влагалищу. Когда мужчина приемлет свою пассивность, считает себя женщиной (мужской род, как и женский, считает, что мужчины — это женщины, а женщины — мужчины) и становится трансвеститом, он теряет желание ебаться (или делать что-либо подобное; он находит себя, переодевшись в женщину) и отрезает себе хуй. После этого он получает постоянные многообразные сексуальные ощущения от того, что «он женщина». Для мужчины ебля — это защита от желания обладать женщиной. Секс сам по себе — сублимация.

Из-за своего стремления компенсировать свою неженскость и неспособность сочувствовать и общаться мужской род превратил наш мир в кучу дерьма. Это они виноваты в том, что происходит.

Войны

Обычный мужской способ компенсировать то, что он не женщина, то есть вынимание своего Большого Пистолета, совершенно недостаточен, поскольку ему слишком редко приходится это делать; поэтому он вынимает его на массовом уровне и доказывает всему миру, что он «Мужчина». Так как он не способен сострадать или понимать, платой за доказательство его мужественности становятся многочисленные страдания и увечья, неисчислимо количество жизней, включая его собственную: его собственная жизнь обесценена, он скорее погибнет в сиянии славы, чем станет тянуть лямку и угрюмо пахать еще пятьдесят лет. Они в ответе за:

Порядочность, обходительность и достоинство

Каждый мужчина в глубине души знает, что он — никчемный кусок дерьма. Стараясь никак не проявить себя, скрыть от окружающих свою физиологичность, абсолютный эгоизм, ненависть и презрение, которые он испытывает к другим мужчинам, скрыть от себя ненависть и презрение, которое, как он думает, чувствуют к нему другие мужчины; имея грубую нервную систему, которая легко ломается от малейшего проявления чувств и эмоций, мужчина, обуреваемый животными чувствами и глубоко стыдящийся этого, стремится закрепить «социальные» коды, которые обеспечивают совершенную вежливость, незапятнанную мельчайшими следами чувств или неправильных точек зрения. Он, напыщенный, как шимпанзе в костюме, использует такие выражения, как «сношаться», «сексуальное соитие», «иметь отношения» (для мужчин «сексуальные отношения» звучит, как излишество).

Деньги, брак и проституция. Труд и предотвращение автоматизации

Не существует обоснованных человеческих причин для существования денег и для того, чтобы кто-либо работал более двух-трех часов в неделю. Все нетворческие виды труда (практически все виды работы сейчас уже сделаны) могли уже давно быть автоматизированы, а в обществе без денег каждая смогла бы иметь все самое самое в неограниченном количестве. Однако есть античеловеческие, мужские причины для сохранения системы «деньги-труд»:

Пизда

Презирая свое ничтожество, стремясь прилепиться к любой женской особи, в смутном желании осуществиться, мистически веря в то, что, прикоснувшись к золоту, он превратится в золото, мужчина, обуреваемый страхом и глубочайшим одиночеством в обществе собственного пустого «я», жаждет постоянного общества женщины. Общество самой недостойной женщины предпочтительнее его собственного или общества мужчин, которые лишь напоминают ему о собственной омерзительности. Но женщин, если они не слишком молоды или больны, необходимо подкупить, чтобы они согласились терпеть его рядом с собой. Иллюзорное ощущение собственной необходимости, предоставляемое бесчувственным мужчинам, возможность копать ямки и наполнять их чем угодно. Свободное время ужасает мужчину, которому ничего не останется делать, как осмысливать собственную нелепость. Неспособный на понимание или любовь, мужчина должен работать. Женщины тоскуют по всепоглощающей, эмоционально удовлетворяющей, значимой деятельности, но, не имея такой возможности или способности, они предпочитают безделье и тратят время по собственному выбору: спят, ходят по магазинам, играют в кегли и бильярд, в карты и другие игры, размножаются, читают, гуляют, мечтают, едят, мастурбируют, глотают таблетки, ходят в кино, к психоаналитику, путешествуют, заводят кошек и собак, валяются на пляже, плавают, смотрят телевизор, слушают музыку, обставляют квартиру, копаются в саду, шьют, ходят в клубы, танцуют, ходят в гости, «развивают мышление» (всякие курсы) и изучают «культуру» (лекции, спектакли, концерты, «элитные» фильмы).

Итак, многие женщины, даже в ситуации полного экономического равенства между полами, предпочтут жить с мужчинами или торговать собственной задницей на улице, оставляя тем самым больше времени для себя, тому, чтобы тратить много часов в день на выполнение скучной, никчемной, нетворческой работы для кого-то, хуже, чем животные, наподобие машин, или в лучшем случае если попадется «хорошая» работа соучаствовать в управлении кучи дерьма. Следовательно, женщин освободит от мужской власти именно уничтожение системы «деньги-труд», а не достижение экономического равенства внутри этой системы.

Власть и контроль

Беспомощный в личных отношениях с женщинами, мужчина добивается власти надо всем, манипулируя деньгами и всем, что контролируется деньгами, иными словами, всем и всеми.

Суррогат любви

Неспособный на любовь и влечение, мужчина платит деньгами. Это дает ему ощущение материнской опеки. Мать дает молоко, он кормит хлебом. Он Кормилец.

У мужчины есть цель

Неспособный наслаждаться мгновением, мужчина хочет смотреть в будущее, и деньги обеспечивают ему вечную, постоянную цель. Только подумайте, что можно сделать с 80 триллионами долларов! Вложите их! И через три года у вас будет 300 триллионов долларов!!!

То что дает мужчине главную возможность контроля и манипуляции — это отцовство.

Отцовство и умственные расстройства (страх, трусость, застенчивость, робость, неуверенность, пассивность)

Мама хочет лучшего для своих детей; Папа хочет лучшего только для себя: тишины и покоя, потворства собственной иллюзии достоинства («уважения»), хорошего представления о самом себе (статус) и возможности контролировать и манипулировать или, если он «просвещенный» отец, «направлять» своих чад. Вдобавок он хочет свою дочь в сексуальном смысле, он передает ее руку во время брачной церемонии, другие ее части принадлежат ему. Отец, в отличие от Матери, никогда не уступает собственным детям, так как должен любой ценой сохранять иллюзию решительности, воли, вечной правоты и силы. Неспособность добиться своего приводит к неуверенности в себе в общении с окружающим миром и в пассивном принятии существующего положения вещей. Мать любит своих детей, и хотя временами злится на них, ее гнев быстро проходит, и даже в состоянии гнева любовь и понимание остаются. Эмоциональный калека Папа не любит детей; он одобряет их, если они «хорошие», то есть приличные, «почтительные», послушные, подчиняются его воле, спокойные и не позволяют себе проявлять вспыльчивость, которая может дурно повлиять на мужскую нервную систему, другими словами, если они пассивные овощи. Если же они «нехорошие», он не сердится на них, так как он современный, «цивилизованный» отец (предпочтительнее, однако старомодный, надутый, беснующийся грубиян, поскольку он настолько нелеп, что его легко презирать), он скорее выражает неодобрение, которое, в отличие от гнева, не вызывает ответной реакции и заставляет ребенка чувствовать свою никчемность и желать одобрения извне; результатом становится боязнь мыслить самостоятельно, поскольку это чревато неодобрением твоих представлений и образа жизни.

Чтобы получить одобрение Папы, ребенок должен уважать Папочку, но, являясь совершенно никчемным, Папа может добиться уважения только через равнодушие и отстраненность, действуя по принципу «фамильярность рождает презрение», что, разумеется, верно, если презрение заслуженно. Оставаясь холодным и равнодушным, он становится непонятым, загадочным и, таким образом, может внушать страх («уважение»).

Неодобрение эмоциональных «сцен» приводит к боязни сильных эмоций: боязни проявлений собственного гнева и ненависти, боязни принять действительность, поскольку признание действительности влечет за собой гнев и ненависть. Боязнь гнева и ненависти в сочетании с неуверенностью в себе в отношениях с окружающим миром, неспособностью изменять его или хоть немного повлиять на собственную судьбу заставляют верить, что весь мир и большинство людей хорошие и что самые банальные и тривиальные развлечения — настоящий кайф и огромное удовольствие. Отцовство предназначено для того, чтобы сделать из мальчиков «Мужчин», изо всех сил сопротивляющихся проявлениям пассивности, голубизны и желанию быть женщиной. Каждый мальчик хочет подражать своей матери, быть ею, слиться с ней, но Папа запрещает это, ведь именно он их мать; он может слиться с ней. Поэтому он говорит мальчику, напрямую или косвенно, что он не должен быть «девчонкой», он должен вести себя как «Мужчина». Мальчик, обосравшийся от страха и «уважающий» своего отца, следует его правилам и становится совсем как он: образцовым «Мужчиной», идеалом всей Америки, благовоспитанным гетеросексуальным болваном. Влияние отцовства на женщину заключается в том, чтобы сделать ее «мужчиной» — зависимой, пассивной, одомашненной, животной, милой, неуверенной, ищущей поощрения и защиты, трусливой, приниженной, «почтительной» к власти и мужчинам, скрытной, малочувствительной, полумертвой, банальной, серой, традиционной, расплющенной и абсолютно презренной. Папина Дочурка, всегда зажата и запуганная, суевливая, неспособная к аналитическому мышлению, объективности, всегда ценит Папочку, а впоследствии других мужчин, несмотря на подспудный страх («уважение»), и не только не способна разглядеть пустое место за претенциозным фасадом, но и принимает самооценку мужчины как высшего существа, вроде женщины, а себя оценивает как низшую, то есть мужчину, которым она, благодаря Папочке, и является.

Именно разрастание отцовства, обусловленное расширением и увеличением отцовских потребностей для собственного процветания, породило общее увеличение оглупения среди женщин в Соединенных Штатах с 20-х годов. Ассоциация процветания с отцовством привела, главным образом, к появлению неправильных девочек, тех самых «привилегированных» обеспеченных девочек, получающих «образование». Влияние отцов в общем и целом заключалось в том, что все общество разъела ржавчина мужской сущности. Все мужское обладает негативной способностью Мидаса — все, чего оно касается, превращается в дерьмо.

Подавление индивидуальности, анимализм (одомашнивание и материнство), и функциональность

Мужская особь — всего лишь набор условных рефлексов, неспособных на свободомыслие; мужчина неотделим от того, чему его выдрессировали с детских лет, полностью зависим от своего прошлого. Его первые впечатления связаны с матерью, и с раннего детства он привязан к ней. Мужчина никогда не поймет окончательно, что он не часть своей матери, что он — это он, а она — это она. Его наивысшая потребность — слушать ее советы, прятаться под крыло, быть обожаемым Мамочкой (мужчины ждут от женщин того, что их самих приводит в трепет, — обожания себя), и, будучи совершенно физиологичным, он жаждет проводить все время (которое не проводит во «внешнем мире», тупо доказывая себе, что он не пассивен), предаваясь истинно животным радостям: поесть, поспать, пострять, отдохнуть и чтобы Мама приголубила. Пассивная, пустоголовая Папина Дочурка, всегда ждущая одобрения, поглаживания по головке, «уважения» от каждого ходячего куска отбросов, легко превращается в Маму — бездумную обслугу для удовлетворения физических потребностей с утешительной рукой на усталом обезьяньем лобике, подбадривающую мелкое самомнение, в готовую пожалеть ничтожного грелку с сиськами.

Низведение женщин до уровня животных в самой отсталой части общества в «привилегированном образованном» среднем классе, отстойнике человечества, там где Папочка — самый главный, зашло так далеко, что они считают обычным делом родовые муки и лежат пачками в середине двадцатого века в самой развитой стране мира с чавкающими у груди детками. Однако когда «эксперты» учат Маму, что она должна оставаться дома, опустившись до животного состояния, это делается вовсе не для детишек, но для Папочки; сиська для того, чтобы Папа мог за нее подержаться; родовые муки — чтобы Папа получил свой кайф вместо Мамы (полумертвый, он нуждается в сильной стимуляции). Превращение женщины в животное, в Мамочку, в мужчину нужно еще и по психологическим (не только практическим) основаниям: мужская особь есть просто часть вида, заменяемая на любую другую. Мужчина не обладает внутренней индивидуальностью, которая возникает оттого, что вас что-то интригует, увлекает вас извне, что-то вам нравится. Полностью занятые только собой, способные воспринимать только собственное тело и свои физические ощущения, мужчины различаются только в том, до какой степени и каким образом они пытаются защититься от собственной пассивности и желания быть женщиной. Женская индивидуальность, существование которой мужчина глубоко осознает, но которую не способен ни понять, ни воспринять, ни почувствовать эмоционально, путает, беспокоит его, наполняет его чувством зависти. Поэтому он отрицает ее и продолжает определять всех в понятиях его или ее функций и пользы, отводя себе, разумеется, самые главные функции доктора, президента, ученого. Обеспечивая, таким образом, если не индивидуальность, то собственную идентичность, он пытается убедить себя и женщин (ему особенно удастся убеждать женщин) в том, что функция женщины — вынашивать и растить детей, а также ублажать, размягчать и поддерживать эго мужчины; что ее функции может заменить любая другая женщина. На самом же деле функция женщины — соотноситься с собой, любить себя, наслаждаться и быть собой, и никто не способен ее заменить в этом; мужская же функция — производить сперму. Теперь у нас уже есть банки спермы. Истинная функция женщин исследовать, открывать, изобретать, решать проблемы, шутить, писать музыку — все это с любовью. Другими словами, творить волшебный мир.

Недопущение частной жизни

Хотя мужчина стыдится самого себя и того, что он делает, и настаивает на закрытости и секретности частной жизни во всех ее аспектах, он не уделяет ей при этом должного внимания. Поскольку он пуст, не является полноценным, самостоятельным существом, не обладает своим «я», способным доставлять наслаждение, и постоянно нуждается в обществе женщины, он не видит ничего плохого в том, чтобы вторгаться в мысли любой женщины, даже совсем незнакомой, в любом месте и в любое время; он скорее возмущается и чувствует себя оскорбленным, когда ему запрещают это; он теряется, он не способен за всю свою жизнь понять, почему кто-то может предпочесть одну минуту одиночества обществу любого встречного мудака. Желая стать женщиной, он постоянно стремится быть рядом с ними, и чтобы достичь этого, он сотворил

«общество», основанное на семье, состоящей из мужчины, женщины и их детей (как оправдания существования семьи), живущих практически друг на друге, и бессовестно ущемляет женщину в ее правах, а также частной жизни и сознании.

Изоляция, частные дома и запрет на человеческую общность

Наше общество — это не сообщество, а просто собрание отдельных семейных ячеек. Страшно неуверенный в себе, боящийся, что женщина покинет его, если у нее будет доступ к другим мужчинам или к чему-либо, напоминающему жизнь, мужчина стремится изолировать ее от других мужчин и от того, что считается цивилизацией, поэтому он вывозит ее в пригород, с частными домами, где проживают эти группы семейных пар со своими детьми, замкнутые на самих себе. Изоляция помогает ему делать вид, что он личность, поскольку он «закоренелый индивидуалист», одиночка, считающий нежелание сотрудничать и одиночество проявлением индивидуальности.

Есть еще причина для изолированности мужских особей: каждый мужчина — это остров — каждый. Запертый внутри себя, эмоционально изолированный, неспособный на отношения, мужчина испытывает ужас перед цивилизацией, людьми, городами, ситуациями, где требуется понимание и отношения с людьми. Поэтому, напуганный как кролик, он мчится, захватив с собой папашину задницу, в леса, в пригороды, или (в случае с «хиппи») он скрывается на коровьих пастбищах, где вволю размножается, кувыркаясь в траве со своей флейтой и бусами. «Хиппи», чье желание быть «Мужчиной», «закоренелым индивидуалистом», не так сильно, как у среднего мужчины, и который вдобавок заводится от мысли иметь доступ ко многим женщинам, восстает против тягостей жизни Кормильца и однообразия одной женщины. Под видом соучастия и сотрудничества, он создает коммуну или племя, которые при всей их «совместности» и отчасти благодаря ей (коммуна — всего лишь разросшаяся семья, разросшееся посягательство на права, частную жизнь и сознание женщины) являются таким же сообществом, как и обыкновенное «общество».

Настоящее сообщество состоит из личностей (а не просто из представителей вида и не из пар), уважающих индивидуальность и частную жизнь друг друга, в то же время взаимодействующих интеллектуально и эмоционально, — свободных душ в свободных отношениях друг с другом, сотрудничающих друг с другом для общей цели. Традиционалисты говорят, что главная ячейка «общества» — семья; «хиппи» говорят, что это племя; никто не говорит, что это индивидуум.

«Хиппи» бубнит об индивидуальности, но имеет о ней не больше представления, чем любой другой мужчина. Он жаждет вернуться к Природе, к полям и лесам, к обиталищам пушистых зверьков, к которым сам принадлежит, — прочь от городов и мест, где, по крайней мере, проследживаются зачатки цивилизации, а хочет жить на уровне вида и проводить время в простой, неинтеллектуальной деятельности, фермерстве, ебле, нанизывании бус. Самым главным занятием в коммуне, ее основой, является групповуха. «Хиппи» в коммуне привлекает, в основном, перспектива доступных пизд — главного доступного всем предмета потребления, — а также возможность получить, только попросив; но ослепленный жадностью, он не может принять ни других мужчин, с которыми должен делиться, ни ревность и собственничество самих пизд. Мужчины не способны сотрудничать для достижения общей цели, потому что цель каждого мужчины — пизда только для него самого. Следовательно, коммуна обречена на провал: каждый «хиппи» в панике схватит любую простушку, которая им восторгается, и как можно быстрее утащит ее в пригород. Мужчина не способен развиваться социально, — он просто мечется между изоляцией и групповухой.

Конформизм

Несмотря на то, что мужчина хочет быть индивидуальностью, он тем не менее боится всего того в себе, что хоть немного отличает его от других особей; это наводит его на подозрение, что он не настоящий «Мужчина», что он пассивен и абсолютно сексуален, а это очень неприятное предположение. Если мужчина — это «А», а он нет, тогда он не мужчина — он, наверное, пидар. Поэтому он старается подтвердить свою «Мужественность», пытаясь во всем походить на других

мужчин. Непохожесть на других мужчин пугает его; это значит, что они пидары, которых нужно избегать всеми способами, поэтому он стремится сделать так, чтобы все другие мужчины подчинялись общим правилам. Мужская особь осмеливается быть непохожей до такой степени, что приемлет свою пассивность и свое желание быть женщиной, свою голубизну. Самый отдалившийся мужчина — трансвестит, но он также, несмотря на отличие от других мужчин, абсолютно похож на других трансвеститов; будучи функционалистом, он находит в этом свою идентификацию — он женского рода. Он пытается избавиться от своих тревог, но индивидуальности нет, как и не было. Неуверенный до конца, что он женщина, боясь успешно стать ею, он невольно подчиняется стереотипу мужского восприятия женщины, усваивая набор претенциозных ужимок. Чтобы удостовериться, что оно «Мужчина», мужское существо должно быть уверено, что женское существо — это «Женщина», противоположность «Мужчине», а значит женщина должна вести себя как трансвестит. И Папина Дочка, чьи женские инстинкты были искорежены в ней с малолетства, легко и послушно принимает эту роль.

Авторитеты и правительство

Не имея представления о добре и зле, совести, которая может происходить только от сопереживания другим ... не веря в свое несуществующее «я», неизбежно конкурентный и изначально неспособный на сотрудничество, мужчина нуждается в управлении извне и контроле. Для этого он создает авторитеты священников, экспертов, боссов, лидеров и т.п., а также правительство. Желая, чтобы женщина (Мама) направляла его, но не имея возможности признать этот факт (он ведь в конце концов МУЖЧИНА), желая играть роль Женщины, узурпировать ее функцию Наставницы и Защитницы, он старается сделать так, чтобы все авторитеты были мужского пола. Нет разумных причин, по которым общество, состоящее из разумных существ, способных на сочувствие друг к другу, цельных и не имеющих естественных причин для конкуренции, нуждалось бы в правительстве, законах, лидерах.

Философия, религия и мораль на основе секса

Мужская неспособность соотноситься с кем или чем-либо делает его жизнь бессмысленной (наивысшее мужское откровение — это то, что жизнь абсурдна), поэтому он изобрел философию и религию.

Пустой сам по себе, он смотрит вовне не только чтобы получить направление или управление, но для спасения и обретения смысла жизни. Поскольку счастье на земле для него невозможно, он придумал Рай.

Поскольку мужчина не способен сочувствовать другим и абсолютно сексуален, «зло» — это сексуальная «вседозволенность», а «деви-антные» («немужские») сексуальные практики не связаны с отказом от пассивности и абсолютной сексуальности, которая, если ей потакать, может разрушить «цивилизацию», поскольку «цивилизация» базируется исключительно на потребности мужчин защититься от этих определений. Для женщины (с позиции мужчин) «зло» — это любое поведение, которое вовлечет мужчину в сексуальную «вседозволенность», а также нежелание быть пидаром если, конечно, она не ставит потребности мужчины выше своих.

Религия не только обеспечивает мужчинам цель (Рай) и привязывает женщин к мужчинам, но предлагает ритуалы, через которые он может искупить вину и чувство стыда, которые он испытывает, если недостаточно сопротивляется своим сексуальным позывам, — то есть вину и стыд за то, что он мужчина. Большинство мужчин, трусливо перенося присущие им слабости на женщин, обозначая их как женские слабости, считают, что они обладают женской силой; многие философы, те, что не столь трусливы, признают тот факт, что мужчинам свойственны недостатки, но все же не могут признать, что они свойственны только мужчинам. Поэтому они называют мужские качества Человеческими Качествами и рассматривают проблему своей никчемности, которая их ужасает, как философскую дилемму. Мужчины придают значимость собственному скотству, а свою никчемность высокопарно именуют как «Проблему Идентичности» и продолжают высокопарно пиздеть о «кризисе индивидуальности», «сущности бытия», «экзистенции»

выше сущности», «экзистенциальных видах бытия» и т.д., и т.п. Женщина не только естественно приемлет свою идентичность и индивидуальность, но инстинктивно знает, что единственное зло — это причинение боли другим, а смысл жизни — это любовь.

Предрассудки (расовые, этнические, религиозные и т.п.)

Мужчина нуждается в козлах отпущения, на которых он может свалить свои неудачи и недостатки, обрушить свою неудовлетворенность тем, что он не женщина. В этом смысле большую практическую ценность имеют различные виды дискриминации, позволяющие увеличить количество пизд, доступных для стоящих у власти мужчин.

Конкуренция, престиж, статус, формальное образование, невежество и социальные и экономические классы

Обуреваемый непреодолимой жадной женского обожания, но не обладая внутренней ценностью, мужской пол создает предельно искусственное общество, которое позволяет ему определять ценность с помощью денег, престижа, «высокого» общественного статуса, степени, профессионального положения и знания, а также «опуская» как можно больше мужчин в профессиональном, социальном, экономическом и образовательном смысле.

Целью «высшего» образования является не образование, но исключение наибольшего числа мужчин из множества профессий. Мужская особь, предельно физиологичная, неспособная на мыслительную деятельность, хотя и способная понимать и использовать знания и идеи, не способна, однако, соотноситься с ними, воспринимать их эмоционально; он не ценит знания и идеи в их сути (они лишь средства для достижения цели) и, следовательно, не нуждается в интеллектуальных партнерах, в развитии интеллектуального потенциала в других. Напротив, мужская особь втайне заинтересована в невежестве других; это дает немногим познавшим явное преимущество над несведущими, и, кроме того, мужчина знает, что просвещенное, понимающее женское общество означает его конец. Здоровая, самодостаточная женщина хочет общества равных, достойных уважения, тех, от кого можно словить кайф; мужчина и больная, неуверенная в себе мужеподобная женщина ищут всего лишь общества червей. Ни одна настоящая социальная революция не может осуществиться с помощью мужчин, поскольку все мужчины наверху блюдают статус-кво, а все опущенные мужчины хотят быть сверху. «Бунтарь» мужского рода — это фарс; все происходит в мужском «обществе», сделанном им самим, для его удовлетворения. Но нет ему удовлетворения, поскольку он не знает этой радости. В конечном счете он бунтует только против одного против того, что он мужчина. Мужское умирает только тогда, когда технология вынуждает его к этому, когда нет выбора, когда «общество» достигает того предела, где он должен измениться или умереть. Мы достигли этого порога; если женщины не начнут шевелиться, не поднимут задницу, нам, возможно, придется умереть.

Недопущение разговора

Он настолько поглощен собой, настолько не связан с внешним миром, что «разговор» мужчины, если он не посвящен ему самому, превращается в монотонное завывание, лишённое всякого смысла. Мужская «интеллектуальная беседа» — это зажатая, натужная попытка произвести впечатление на самку. Папина Дочка, пассивная, обучаемая, уважающая мужскую особь и трепещущая перед ней, позволяет Папе навешивать пресную лапшу ей на уши. Это нетрудно, поскольку ее скованность и страх, отсутствие хладнокровия, неуверенность и сомнения, непонимание собственных чувств и ощущений, которые внушил ей Папочка, делают ее ощущения поверхностными и не позволяют ей понять, что треп мужчины — это чистый треп; подобно тому, как эстет «воспринимает» фуфло, подписанное как «Великое Искусство», она считает, что балдеет от того, что скучно до смерти. Она не только выслушивает всю эту болтовню, но даже подстраивается под тупость этой «беседы». Натасканная с детства быть приличной, воспитанной и «порядочной», подыгрывающая мужчине, скрывающему свои животные инстинкты, она

послушно доводит разговор до уровня пустой беседы, безвкусных тем, превосходящих банальности, — или, если она «образованна», — до уровня «интеллектуальной» дискуссии, то есть безличного обсуждения бессмысленных абстракций типа Валового Национального Продукта, Общего Рынка, влияния Рембо на искусство символистов. Она настолько увлечена подыгрыванием, что это в конце концов становится ее второй натурой, и она продолжает подыгрывать даже в чисто женском обществе. Помимо подыгрывания, ее «разговоры» сильно ограничены ее боязнью выразить необычные, оригинальные мнения, ее самооценка базируется на неуверенности в себе, и поэтому разговор с ней лишен очарования. Порядочность, вежливость, «достоинство», неуверенность, интровертность вряд ли способствуют интенсивности и содержательности, которые необходимы для разговора, чтобы он что-то значил. Такой разговор совсем лишен напряжения, так как только уверенные в себе, коммуникабельные, гордые, умные женщины способны на интенсивный, циничный, мудрый разговор.

Недопущение дружбы и любви

Мужчины презирают себя и других подобных себе мужчин, а также мужчин, которых они не считают женщинами (например, «симпатичных» психоаналитиков и «великих художников»), посланников божьих и всех женщин, которые их уважают и подыгрывают им; неуверенные в себе, ищущие одобрения, лебезящие мужеподобные женщины также презирают себя и всех себе подобных женщин; самодостаточные, раскованные, авантюрные женские женщины презирают мужчин и подмахивающих мужеженщин. Короче, презрение — это сегодняшний принцип отношений.

Любовь — это не зависимость или секс, а дружба, и, следовательно, любовь двух мужчин невозможна, как невозможна любовь мужчины и женщины или двух женщин, одна из которых или обе — пустоголовые, беспомощные, угодливые мужеженщины; как и разговор, любовь может возникнуть только между двумя самостоятельными, отвязными, заводными женскими женщинами, поскольку дружба основывается на уважении, а не презрении.

Даже между замечательными женщинами редко завязывается глубокая дружба во взрослом возрасте, потому что почти все они либо привязаны к какому-то мужчине из соображений экономического выживания, либо борются за жизнь, прорубая себе дорогу в джунглях, чтобы держать голову над аморфной массой. Любовь не может процветать в обществе, основанном на деньгах и бессмысленном труде: она требует полной экономической и личной свободы, времени на развлечения, ей необходима интенсивная, всепоглощающая, эмоционально удовлетворяющая деятельность, которая, если вы делите ее с той, кого уважаете, приводит к настоящей дружбе. Наше «общество» практически не предоставляет возможности для такого времяпрепровождения. Отняв у мира возможность разговора, дружбы, любви, мужской род предлагает нам следующие жалкие суррогаты:

«Великое искусство» и «культура»

Мужчина «от искусства» пытается разрешить дилемму своей неспособности жить и неспособности быть женщиной, конструируя совершенно искусственный мир, в котором мужской пол героизируется, то есть демонстрирует женские качества, а женский низведен до крайне ограниченных, скучных, подчиненных ролей, то есть до уровня мужчины. «Артистическая» задача мужчины не в том, чтобы общаться с миром (не имея ничего внутри, он не может ничего сказать), но в том, чтобы закамуфлировать свое животное начало, для этого он прибегает к символизму и неясности («глубокому смыслу»). Подавляющее большинство людей, в особенности «образованных», смиренные, преисполненные уважения к авторитетам («Папа знает, как надо» на языке взрослых звучит как «критикам виднее», «писатель знает лучше нас», «профессор лучше знает»), не имея собственного мнения, легко вдалбливают себе в голову, что неясность, нечленораздельность, двусмысленность и скука есть признаки глубины и таланта.

«Великое искусство» доказывает, что мужчины выше женщин, что мужчины — это женщины; то, что именуется «великим искусством», почти полностью, как любят напоминать нам антифеминисты, было создано мужчинами. Мы знаем, что «великое искусство» велико, потому что мужские авторитеты сказали нам это, и мы не можем утверждать обратное, поскольку только

те, кто обладает изысканным вкусом, — не нашему чета — могут понять и воспринять его величие, и доказательством их превосходства является то, что они разбираются в тех помях, которыми восторгаются.

Восприятие — это единственное проявление этих «культивированных» особей; пассивные, некомпетентные, лишённые мудрости и воображения, они вынуждены реализоваться только таким образом; не способные создать собственных творений, создать свой собственный маленький мир, хоть немного повлиять на свое окружение, они вынуждены принимать то, что им предлагается; не умея создавать или соотноситься, они взирают. Поглощение «культуры» — это отчаянная, безумная попытка получить наслаждение от скучного мира, избежать ужасов выхолощенного, бездумного существования. «Культура» дает жвачку для эгоизма некомпетентных, средство для рационализации пассивного созерцания; они могут гордиться своей способностью воспринимать «тонкие» вещи, увидеть драгоценность в куске дерьма (они хотят, чтобы восхищались их восхищением). Не веря в свою способность что-то изменить, подчиняясь порядку вещей, они должны видеть красоту в дерьме, и пока они могут смотреть, они будут иметь дело только с дерьмом.

Поклонение «Искусству» и «Культуре» не только вынуждает женщин предаваться скучной, пассивной деятельности и отвлекает их от более важных и полезных дел, от культивирования активных способностей, но влечет за собой постоянные атаки на нашу восприимчивость всяческих напыщенных диссертаций о возвышенной красоте того или иного куска дерьма. Это позволяет «художнику» считаться человеком, обладающим чувствами, ощущениями, пронизательностью и суждениями высшего порядка, тем самым подрывая веру сомневающихся женщин в ценность и значимость их собственных чувств, ощущений, пронизательности и суждений.

Мужчине, обладающему очень узким диапазоном чувств и, соответственно, очень ограниченными ощущениями, пронизательностью и суждениями, «художник» необходим для того, чтобы направить его, рассказать ему, что такое жизнь. Но «художник» мужского пола абсолютно сексуален, он неспособен соотноситься с чем-либо, кроме собственных физиологических ощущений, и выражать что-либо помимо откровения, что жизнь мужчины бессмысленна и абсурдна, и потому не может быть художником. Как тот, кто сам не способен жить, может рассказать нам о жизни? «Мужчина-художник» — терминологическое противоречие. Дегенераты могут создавать только дегенеративное «искусство». Истинный художник — это каждая самодостаточная, здоровая женщина, и в женском обществе единственным Искусством и единственной Культурой будут тщеславные, шизанутые, сексапильные женщины, балдеющие друг от друга и от всей вселенной.

Сексуальность

Секс не является частью взаимоотношений; напротив, это индивидуальное переживание, нетворческая, пустая трата времени. Женщина может очень легко, гораздо легче, чем она думает, отучить себя от сексуальных позывов, стать хладнокровной, интеллектуальной и свободной для поиска истинно ценных отношений и деятельности; но мужчина, который, по-видимому, воспринимает женщин сексуально и который постоянно хочет возбуждать их, стимулирует сексуально ориентированных женщин до безумной похоти, запутывая их в сетях секса, из которых немногие могут выбраться. Развратный мужчина всегда возбуждал сексуальную женщину; он вынужден это делать, потому что когда женщина вырвется из своего тела, поднимется над животными инстинктами, мужская особь, чье эго состоит из его члена, исчезнет. Секс — прибежище безмозглых. И чем глупее женщина, чем глубже пропиталась она мужской «культурой», короче, чем она приличнее, тем сексуальнее. Самые приличные женщины в нашем «обществе» — неистовые сексуальные маньячки. Но поскольку они ужасно, ужасно приличные, они, разумеется, не снисходят до ебли (это слишком грубо) они скорее занимаются любовью, общаются посредством тела и устанавливают чувственный контакт; начитанные созвучны пульсации Эроса и соприкасаются со Вселенной; религиозные исповедуют духовное слияние с Божественной Чувственностью; мистики следуют Эротическому Кодексу и сливаются с Космосом, кислотницы контактируют с собственными эротическими клетками.

С другой стороны, те, кто не настолько погряз в мужской «Культуре», наименее приличные, неприязнительные и простые души, для которых ебля — это ебля; слишком инфантильные для

взрослого мира частных домов в пригородах, для швабры и детских загаженных пеленок, слишком эгоистичные, чтобы заводить мужа и детей, достаточно нерафинированные, чтобы начхать на чужое мнение о себе, слишком самонадеянные, чтобы уважать Папочку, «Великие», познавшие глубокую мудрость Античности; те, которые доверяют только своему животному, нутряному инстинкту, кто считает Культуру уделом «цыпочек», чье единственное стремление — получить эмоциональное возбуждение и вдохновение; способные устраивать отвратительные, мерзкие, неприятные сцены, злобные, агрессивные суки, готовые заехать в зубы любому, кто их раздражает; кто воткнет тесак в ребра мужчине или засунет ему шило в задницу при первом взгляде, если будут уверены, что их не застукают, короче, те, кто по правилам нашего общества (ОПУМ) считаются отбросами, эти женщины крутые, относительно интеллектуальны и близки к асексуальности.

Свободные от собственности, приличий, скромности, общественного мнения, «морали», «уважения» к авторитетным задницам, всегда заводные, грязные, бессовестные отбросы поступают по-своему, добиваются своего... Они видели весь спектакль, все, что можно было: сцену ебли, сцену «отсоса», лесбийскую сцену, пизду во всей красе... нужно нахаваться сексом, чтобы отвергнуть его, и отбросы прошли это все, они готовы для нового спектакля; они хотят вылезти из-под декораций, двигаться дальше, оторваться, вынырнуть. Но отбросы еще не правят бал, они все еще на обочине нашего «общества», которое, если не свернет с выбранного пути и, если Бомба на свалится на него, докатится до собственного вымирания.

Скука

Жизнь в «обществе» устроена абсолютными занудами, которые угрюмы и депрессивны, и для них только такой жизнь и может быть — если не угрюмой и депрессивной, то занудной.

Секретность, цензура, подавление знаний и идей и разоблачения

Больше всего мужчина боится быть пойманным на том, что он не женщина, а мужская особь, недочеловек, животное. И хотя приличия, вежливость и «достоинство» помогают избежать этого разоблачения на личностном уровне, для того чтобы избежать его на уровне всего мужского рода и сохранить неестественное господствующее положение в «обществе», они вынуждены прибегать к цензуре.

Способный осмыслить только отдельные слова и фразы, а не усвоить общий смысл, мужчина пытается предупредить возбуждение и разоблачение своей животной природы через цензуру не только в отношении «порнографии», но любого другого произведения, содержащего «грязные» слова, независимо от контекста.

Мужчина подавляет все идеи и знания, которые могут разоблачить его сущность или угрожают его господству в «обществе». Немало биологической и психологической информации утаивается, потому что она доказывает неполноценность мужчины по отношению к женщине. Также невозможно разрешить проблему психических болезней, пока мужской род сохраняет контроль в этой сфере, потому что, во-первых, они заняли здесь основные позиции (между тем только те женщины, которым не хватает мозгов, допустили их до этого), и, во-вторых, мужчина не может согласиться с тем, какую роль играет отцовство в психических расстройствах.

Разоблачения. Главное развлечение мужских особей — если вообще способен на какие-либо развлечения зажатый, угрюмый мужчина, — это разоблачение других. Не столь важно, как и по какому поводу это происходит, главное — разоблачить; это отвлекает внимание от них самих. Разоблачение других как агентов противника (коммунистов и социалистов) — одно из любимых занятий, поскольку отводит угрозу не только от него лично, но от всей страны, от всего Западного мира. Жучки в заднице не у него — они в России.

Подозрительность

Неспособный на сочувствие, любовь или преданность, думающий только о себе мужчина не имеет представления о честной игре; постоянно стремясь сойтись с женщиной, получить ее

одобрение, без которого он ничто, всегда на грани животных проявлений, боясь, что его принадлежность к мужскому роду будет раскрыта, постоянно вынужденный скрываться, он должен все время лгать; будучи пустым, он не знает ни чести, ни цельности: он не понимает значения этих слов. Короче говоря, мужская особь — это лжец и предатель, и единственно приемлемыми реакциями в мужском «обществе» являются цинизм и подозрительность.

Уродство

Будучи совершенно сексуальным, неспособным на мыслительные или эстетические реакции, абсолютно материалистичным и жадным, мужчина, помимо навязывания миру «Великого искусства», разукрасил свои лишенные пейзажей города уродливыми (внутри и снаружи) зданиями, уродливым дизайном, рекламными щитами, автомобилями, мусоровозами и более всего уродливым собой.

Ненависть и насилие

Мужчина все время напряжен, переживает из-за того, что он не женщина, что он не способен получать какое-либо удовлетворение или наслаждение; пожираем ненавистью (не осмысленной ненавистью к тем, кто оскорбил или надругался над ним, но иррациональной, неконкретной ненавистью)... в глубине души он ненавидит свое никчемное «я». Ничем не оправданное насилие нужно не только для того, чтобы «доказать», что он «Мужчина», но оно также дает выход его ненависти и вдобавок, поскольку он способен только на сексуальные реакции и нуждается в сильной стимуляции своей полумертвой натуры, доставляет ему определенное сексуальное возбуждение.

Болезнь и смерть

Все болезни можно лечить, а процесс старения и смерть — результаты болезней; возможно, однако, никогда не стареть и жить вечно.

В сущности, проблема старения и смерти могла бы быть решена за несколько лет, если атаковать ее всеми силами науки. Это, однако, не произойдет при мужском истеблишменте, потому что:

Многие ученые мужского пола избегают биологических исследований, боясь обнаружить, что мужчины — это женщины, и потому отдают явное предпочтение мужественным, «мужским» программам о войне и смерти. Многие потенциальные ученые разочаровываются в научной карьере из-за ригидности, скуки, дороговизны, временных затрат и необоснованной закрытости нашей системы «высшего» образования.

Существует пропаганда, распространяемая неуверенными в себе мужчинами-профессионалами, ревниво охраняющими свои позиции, о том, что только кучка избранных способна понимать абстрактные научные концепции.

Широко распространенная неуверенность в себе, инспирированная системой отцов, не позволяет многим талантливым девочкам идти в науку.

Недостаток автоматизации

На сегодня существует огромное количество данных, которые, если рассмотреть их и скоррелировать, помогут найти способы лечения рака и многих других болезней и даже ключ к тайне самой жизни. Но этой информации так много, что необходимы высокоскоростные компьютеры, чтобы просчитать ее. Развитие компьютеризации будет постоянно тормозиться, поскольку мужчина боится, что его заменят машинами.

Денежная система, порождающая ненасытную жажду производить все больше товаров. Большинство из тех немногих ученых, что не работают над программами смерти, заняты работой на крупные корпорации.

Мужской род любит смерть: она возбуждает его сексуально, и, будучи уже мертвым, он все равно хочет умереть.

Давление денежной системы на наименее творческих ученых

Большинство ученых происходят из относительно богатых семей, где Папа правит безраздельно.

Неспособный на позитивное состояние счастья, — единственное, что оправдывает наше существование, — мужчина в лучшем случае иногда может расслабиться, почувствовать комфорт, оставаться индифферентным, но это состояние длится очень недолго, и на смену ему приходят скука, отрицательные эмоции; он, следовательно, обречен на постоянные страдания, облегчаемые случайными, мимолетными моментами отдыха, которые он может получить за счет какой-либо женщины. В самой своей сути мужчина — это пиявка, эмоциональный паразит и, соответственно, не имеет морального права жить, поскольку никто не должен жить за счет других.

Как люди имеют преимущественное право на существование перед собаками в силу того, что они более развиты и обладают высшим сознанием, так и женщины имеют преимущественное право на жизнь перед мужчинами. Уничтожение любого мужчины, таким образом, является хоростим и правильным действием, весьма выгодным для женщин, равно как и актом милосердия.

Тем не менее этот вопрос станет чисто академическим в ближайшем будущем благодаря тому факту, что мужские особи постепенно самоуничтожаются. Помимо того что они участвуют в прославленных временем классических войнах и расовых беспорядках, мужчины все больше и больше становятся голубыми или уничтожают себя с помощью наркотиков. Женщины, хотя они этого или не хотят, постепенно возьмут все в свои руки хотя бы потому, что им придется это сделать. Мужчина утратит свое практическое значение.

Эта тенденция усиливается еще и потому, что все больше мужчин приходят к выводу, что это в их собственных интересах; они все больше понимают, что интересы женщин — это их интересы, что они могут существовать только посредством женщин, и чем больше поощрять женщину жить для себя, реализовывать себя, быть женщиной, а не мужчиной, тем ближе к жизни оказывается он; он начинает понимать, что проще и выгоднее жить посредством нее, чем стараться стать ею и присваивать себе ее качества, заявлять, что они принадлежат ему, принижать женщину и заявлять, что она мужчина. Голубой, который принимает свою мужскую природу, то есть свою пассивность и тотальную сексуальность, свою женственность, тоже выигрывает от того, что женщины остаются женщинами, так как ему будет легче считать себя мужчиной, то есть женственным. Если бы мужчины проявили мудрость, они бы стремились стать настоящими женщинами, проделали бы глубокие научные исследования, которые позволили бы им посредством операции на мозге и нервной системе через изменение психики и тела превратиться в женщин.

Вопрос о том, продолжать ли использовать женщин для воспроизводства или делать это в лабораториях, тоже станет академическим: что произойдет, если каждая женская особь старше двенадцати лет будет регулярно принимать противозачаточные таблетки, и будут ли исключены случайности? Сколько женщин сознательно (или если это будет случайно) согласится забеременеть? Нет, Вирджиния, женщины вообще не любят быть племенными кобылами, несмотря на то что масса зомбированных роботов-женщин говорит это. Когда общество состоит из абсолютно сознательных личностей, этого не захочет ни одна. Нужно ли насильно оставить определенный процент женщин, чтобы они исполняли роль племенных кобыл для воспроизводства вида? Разумеется, это не может быть решением. Решение в лабораторном производстве детей.

Что же касается вопроса о том, нужно ли продолжать воспроизводство мужских особей, то из того, что мужчины, подобно заразе, всегда существовали среди нас, вовсе не следует, что это должно продолжаться. Когда станет возможным генетический контроль (а это скоро случится), не будет нужды говорить о том, что производить на свет надо только цельных, заверенных существ, а не физиологические дефекты и недостатки, включая эмоциональные отклонения, такие, как мужская натура. Как совершенно аморальным является сознательное воспроизводство слепых людей, так же аморально воспроизводство эмоциональных калек.

Зачем продолжать и женский род? Зачем вообще нужны будущие поколения? Какой в них смысл? Когда будут уничтожены старение и смерть, зачем продолжать род? Почему мы должны беспокоиться о том, что будет после нашей смерти, какое нам дело до того, что не появится юное поколение нам на смену?

Постепенное и естественное развитие событий, социальная эволюция приведут к полновластияю женщин в мире и, как результат, к прекращению воспроизводства мужского рода, и, следовательно, к прекращению воспроизводства женского. Но ОПУМ нетерпеливо, ОПУМ не может утешиться мыслью о процветании будущих поколений, полностью хочет прихватить для себя захватывающие моменты жизни. И если бы подавляющее большинство женщин были в ОПУМ, они могли бы взять власть в свои руки в этой стране за несколько недель, просто отказавшись быть рабочей силой, парализуя, таким образом, всю нацию. Дополнительными мерами, любая из которых была бы достаточной для абсолютного развала экономики и всего остального, были бы заявления женщин об отказе от денежных отношений, отказе от покупок, грабежа и подчинения всем законам, которые их не устраивают. Полиция, Национальная гвардия, армия, военный и торговый морской флот вместе взятые не смогли бы подавить восстание более половины населения, в особенности когда оно поднято людьми, перед которыми они беспомощны. Если бы все женщины попросту оставили мужчин, отказались бы вообще иметь с ними дело навсегда, со всеми, то правительство и национальная экономика рухнули бы полностью. Даже не бросая мужчин, те женщины, которые осознают уровень своего превосходства и власти над мужчинами, могли бы взять полный контроль надо всем за несколько недель, могли бы добиться полного подчинения мужчин женщинам. В разумном обществе мужская особь послушно семеняла бы за женщиной. Мужчины податливы и легко управляемы, легко подчиняемы власти любой желающей этого женщины. Мужская особь на самом деле жаждет быть управляемой женщинами, хочет, чтобы Мама за все отвечала, хочет отдаться ее заботам. Но наше общество неразумно, и большинство женщин даже отдаленно не представляют себе, каковы их отношения с мужчинами.

Однако существующий конфликт не между женским и мужским родом, но между ОПУМ — властными, спокойными, уверенными в себе, непристойными, агрессивными, эгоистичными, независимыми, гордыми, ищущими острых ощущений, неуправляемыми, высокомерными женщинами, считающими себя способными править вселенной, докатившимися до границ этого «общества» и готовыми выкатиться далеко за его пределы, — и приличными, пассивными, послушными, «культивированными», вежливыми, достойными, подчиненными, зависимыми, запуганными, безмозглыми, неуверенными, ищущими одобрения Папиными Дочками, неспособными справиться с неведомым; теми, кто хочет барахтаться в грязи, что, по крайней мере, им знакомо, теми, кто хочет остаться в обществе обезьян; теми, кто чувствует себя в безопасности только рядом с Большим Папочкой, с большим сильным мужчиной с жирной волосатой рожей, сидящим в Белом доме, к которому можно прислониться; теми, кто слишком труслив, чтобы признать жуткую реальность, представленную в виде мужчины, в виде Папочки; теми, кто готов разделять свою участь со свиньями, кто приучил себя к животным радостям, кто чувствует себя в этом комфортно и не знает других способов «жизни»; кто снизил планку своих мыслей, идей и откровений до мужского уровня; теми, кто, не имея чувств, воображения и остроты ума, может иметь ценность только в мужском «обществе»; теми, кто может иметь место под солнцем или, скорее, в грязи только как утешительницы, кто способен только хвалить, нянчить и кормить мужских особей; теми, кого не принимают во внимание из-за их абсурдности другие женщины; теми, кто проецирует свои дефекты, свои мужские качества на всех женщин и видит в женщине червя.

Но ОПУМ слишком нетерпеливо, чтобы ждать и надеяться на просветление мозгов миллионов, думающих только задницей. Зачем разнuzданным женщинам таскаться, как прежде, за скучными мужскими особями? Зачем смешивать судьбы крутых и занудных? Почему активные и изобретательные должны подчиняться пассивным и тупым в вопросах общественного развития? Зачем независимым оставаться в грязи вместе с зависимыми, нуждающимися в папочкиной поддержке?

Даже небольшая горстка ОПУМ может взять власть в стране в течение года, систематически наебывая систему, избирательно уничтожая собственность, совершая убийства.

ОПУМ станет членом нерабочей силы, силы наебывания; они займут различные рабочие места и не будут работать. Например, ОПУМ-продавщицы не будут брать деньги за покупки; телефонные операторы ОПУМ не будут брать деньги за звонки; рабочие офисов и заводов — члены ОПУМ — в дополнение к неделанию работы будут втайне ломать оборудование.

ОПУМовцы будут бездельничать до увольнения, находить новую работу и не делать ее.

ОПУМ силой захватит автобусы и такси, выгонит водителей и продавцов жетонов, займет их место и будет возить людей бесплатно, раздавая бесплатные жетоны; ОПУМ разрушит все ненужные и вредные предметы: автомобили, витрины магазинов, «Великое искусство» и т.п.

Постепенно ОПУМ захватит эфирное пространство, все телевизионные и радиосети, силой согнав с рабочих мест тех работников телевидения и радио, которые будут стоять на их пути в студии вещания.

ОПУМ развалит семейные пары, внедрится в смешанные (мужчина-женщина) союзы везде, где можно, и развалит их. ОПУМ убьет всех мужчин, не входящих в Группу мужской поддержки ОПУМ.

Мужчины из Группы мужской поддержки — это те, кто упорно работает на собственное уничтожение, мужчины, которые, независимо от мотивов, делают добро, кто играет в одной команде с ОПУМ. К ним, в частности, относятся: мужчины, убивающие мужчин; ученые-биологи, работающие в конструктивных программах, а не на биологические войны; журналисты, писатели, редакторы, издатели и продюсеры, распространяющие и продвигающие идеи, ведущие к достижению целей ОПУМ; пидары, которые своим зажигательным, ярким примером вдохновляют других мужчин размужчинить себя и сделаться, таким образом, безобидными; мужчины, которые бесплатно раздают все на свете: деньги, вещи, услуги; мужчины, называющие вещи своими именами (пока еще ни один так не сделал), те, кто понимает женщин, открывая правду о самих себе, предлагает безмозглым мужским женщинам правильные фразы для попугайного повторения, говорят женщинам, что их главная цель должна заключаться в расплющивании мужского пола (в помощь этому мероприятию ОПУМ будет проводить Дерьмовые Сборы, на которых каждая присутствующая мужская особь будет произносить речь, начинающуюся словами: «Я дерьмо, низкое, презренное дерьмо», и дальше перечислять все причины своей дерьмовости. Наградой ему за это будет предоставление после окончания собрания возможности дружеского общения на целый час с присутствующими представительницами ОПУМ; приличные, чистенькие мужские женщины будут приглашаться на эти собрания, чтобы прояснить свои сомнения и непонимание по поводу мужского пола; производители и пропагандисты книг, фильмов и т.п. о сексе, которые приближают то время, когда на экране будут демонстрировать только Минет и Еблю (мужские особи, следующие, подобно крысам, за Крысоловом, будут завлекаться в лоно Пизды до Судного дня, будут повержены и растворятся, утонут в своей пассивной плоти, коей они и являются); продавцы наркотиков и адвокаты, которые ускоряют вымирание мужчин.

Членство в Группе мужской поддержки — необходимое, но недостаточное условие для того, чтобы попасть в список спасения ОПУМ: недостаточно делать полезные вещи, чтобы спасти свои никчемные задницы, — мужчины должны избегать делать зло. Некоторые примеры особенно злостных, ненавистных типов — это насильники, политики и все, кто им служит (организаторы кампаний, члены политических партий и т.п.); непотребные певцы и музыканты; председатели правлений, кормильцы, домовладельцы, владельцы забегаловок и ресторанов, где играют «музычку»; «Великие Художники»; дешевки и тусовщики; менты; магнаты; ученые, работающие на программы смерти и разрушения или для частных компаний (практически все ученые); лжецы и хвастуны; диск-жокеи; мужчины, пристающие, даже не очень настойчиво, к любой посторонней женщине; владельцы недвижимости; биржевые маклеры; мужчины, говорящие, когда им нечего сказать; мужчины, болтающиеся по улицам и портящие вид своим присутствием; перекупщики; никчемные артисты; мусорные отбросы; плагиаторы; мужчины, наносящие хоть малейший ущерб женщинам; все мужчины из рекламного бизнеса; психиатры и клинические психологи; нечестные писатели, журналисты, редакторы, издатели и т.п.; цензоры на публичном и личном уровне; все, кто задействован в армии, включая вербовщиков (Военное Министерство и Макнамара отдают приказы, но это подчиненные выполняют их приказы), в особенности, летчики (если упадет бомба, ее сбросит пилот, а не министерство). Если мужчина делает как хорошее, так и плохое, будет производиться общая субъективная оценка его поведения, чтобы определить соотношение плохого и хорошего.

Очень соблазнительно исключить вместе с мужчинами «Великих Художников», лжецов и болтунов и т.п. женского пола, но это будет нецелесообразно, поскольку для большинства людей не будет ясно, что уничтоженная женщина — это мужчина. Каждая женщина в той или иной степени несет в себе элемент продажности, но это проистекает от слишком долгого сосуществования с мужчинами. Уничтожьте мужчин — и женщины станут другими. Женщины

могут развиваться, мужчины — нет, хотя меняется их поведение. Когда ОПУМ поджарит им задницу, они исправятся в один момент.

Одновременно с разграблением, раздолбыванием, разбиванием пар, разрушением и убийствами ОПУМ будет вести вербовку. ОПУМ, таким образом, будет состоять из вербовщиц, элитных формирований ядерных активисток (раздолбаек, грабительниц и разрушительниц) и самых элитных убийц.

Неучастие в системе не решает вопроса, только раздолбай поможет нам. Большинство женщин давно выпали из системы, строго говоря, они в ней и не были. Неучастие только умножает силы тех немногих, кто включен в систему; выпадение из системы — это именно то, чего хотят лидеры истеблишмента, это на руку нашим врагам, это усиливает систему, вместо того чтобы подрывать ее, поскольку система опирается на неучастие, пассивность, апатию и невключенность массы женщин. Однако неучастие является отличной стратегией для мужчин, и ОПУМ с энтузиазмом будет поддерживать эту стратегию.

Самокопание ради спасения, созерцание собственного пупа не является, как считают Неучаствующие, решением проблемы. Счастье находится вне нас, достигается через взаимодействие с другими. Целью должно стать самоотречение, а не самолюбование. Мужчина, способный только на последнее, считает добродетелью неизлечимые недостатки и выставляет самолюбование не только как добро, но как Философскую Добродетель, за что его считают глубокомысленным.

ОПУМ не будет устраивать пикеты, марши, демонстрации или забастовки для достижения своей цели. Эта тактика подходит только приличным, благовоспитанным дамам, которые старательно прибегают лишь к таким акциям, которые обречены на неуспех. Кроме того, только достойные, чистоплюйские, мужеженщины, натасканные на стадном принципе, действуют в толпах. ОПУМ состоит из личностей; ОПУМ — не сборище отбросов, не кучка грязи. ОПУМ делает работу в том количестве, которое нужно. Поэтому ОПУМ, хладнокровные и эгоистичные, не позволят себе получить по голове полицейской дубинкой; это участь приличных, «привилегированных образованных» обеспеченных дамочек, трогательно верящих в изначальную порядочность Папочки и полицейских. Если ОПУМ нанесет удар, то только по тупой, тошнотворной роже президента; если ОПУМ устроит демонстрацию, то это будет демонстрация острой шестидюймовой бритвы в темном переулке.

ОПУМ всегда будет действовать на криминальной основе, а не гражданским неповиновением, то есть не станет в открытую нарушать закон, чтобы попасть в тюрьму и тем самым привлечь внимание к несправедливости. Такая тактика признает правоту всей системы и используется для того, чтобы только модифицировать ее, изменить конкретные законы. ОПУМ выступает против всей системы, самой идеи законодательства и правительства. ОПУМ выступает с целью уничтожения системы, а не получения прав в ее рамках. Также ОПУМ, неизменно эгоистичное и хладнокровное, будет всегда стремиться избежать наказания. ОПУМ всегда будет вороватым, подлым, закулисным (хотя убийства от имени ОПУМ всегда будут известны как таковые). И разрушения, и убийства будут избирательными и узнаваемыми. ОПУМ против полубезумных, бессмысленных бунтов, лишенных идеи и цели, завершающихся арестом. ОПУМ никогда не станет подстрекать, поддерживать или участвовать ни в каких видах неопределенных мятежей или любых видах неоправданного разрушения. Хладнокровно и преднамеренно ОПУМ будет выслеживать своих жертв и подбираться к ним, чтобы убить. Для разрушения никогда не будут применяться такие методы, как перекрытие дорог, необходимых для доставки продуктов и других необходимых вещей, заражение или перекрытие водопроводов, блокирование улиц и движения так, чтобы не смог проехать медицинский транспорт или чтобы помешать работе больницы.

ОПУМ будет разрушать, грабить, портить и убивать до тех пор, пока не прекратит свое существование денежная система и не войдет в действие полная автоматизация или пока достаточное количество женщин не станет сотрудничать с ОПУМ, а насилие станет ненужным для достижения этих целей, то есть когда достаточно женщин будут имитировать работу или бросят работу, начнут грабить, оставлять мужчин и отказываться подчиняться всем законам, не соответствующим истинно цивилизованному обществу. Многие женщины вступят в ряды ОПУМ, но будут и такие, которые давно сдались на милость врага, кто настолько привык к животной жизни, ко всему мужскому, что им нравятся ограничения и запреты, кто не знает, что делать со свободой, согласны оставаться тряпками и лизоблюдами, подобно крестьянам, стоящим по колено в воде на рисовых полях при любом режиме. Некоторые из самых непостоянных будут хныкать и

дуться, бросать на пол свои игрушки и бить посуду, но ОПУМ неумолимо будет давить их дорожным катком.

Полностью автоматизированное общество может быть построено очень просто и быстро, как только общество потребует этого. Уже существуют нужные чертежи, и его конструирование займет всего несколько недель, если этим займутся миллионы людей. Даже если денег не будет, каждый будет только рад включиться и начать строить автоматизированное общество; с этого момента начнется фантастическая новая эра, и праздничная атмосфера будет сопутствовать этой работе. Уничтожение денег и завершение установления автоматизации являются основой для всех других реформ ОПУМ; без этих двух условий остальное невозможно; при соблюдении их, все остальное произойдет очень быстро. Правительство рухнет автоматически. При полной автоматизации каждая женщина сможет напрямую голосовать на любую тему с помощью электронных устройств, установленных в доме. Поскольку правительство почти полностью занято регулированием экономики и изданием законов против абсолютно частных проблем, уничтожение денег, сопровождаемое уничтожением мужчин, которые стремятся узаконивать «мораль», будет означать почти полное отсутствие тем для голосования.

После исчезновения денег исчезнет необходимость в убийстве мужчин; они лишатся единственной власти, которую имеют над психологически зависимыми женщинами. Они смогут навязаться только тем половым тряпкам, которые любят, чтобы им навязывались. Остальные женщины будут заняты решением немногих проблем, оставшихся до того, чтобы планировать повестку дня Вечности и Утопии, полностью перекраивать образовательные программы, чтобы миллионы женщин могли за несколько месяцев освоить высокоинтеллектуальную работу, которая сегодня требует многолетнего обучения (этого очень легко достигнуть, поскольку нашей образовательной задачей будет обучение, а не создание и поддержание академической, интеллектуальной элиты); решать проблемы болезней, старости и смерти и полного реконструирования городов и жилья. Многие женщины некоторое время будут думать, что им нравятся мужчины, но привыкнув со временем к женскому обществу, постепенно увлекаясь своими проектами, они в результате поймут абсолютную бесполезность и банальность мужского рода.

Немногие оставшиеся мужчины могут влачить свое жалкое существование, погрязнув в наркотиках, прогуливаясь в женских платьях или пассивно наблюдая всевластие женщин в действии, реализуя себя как зрители, как суррогаты женщин, или размножаясь на коровьих лугах с подхалимками, или смогут отправиться в ближайший гостеприимный центр самоубийства, где их тихо, быстро и безболезненно усыпят газом.

До установления полной автоматизации, до замены мужчин машинами, мужские особи могут быть использованы женщинами, они будут служить им, исполнять их малейшие желания, подчиняться каждой их команде, стать их абсолютными рабами, существовать в совершенном подчинении их воле, в отличие от нынешней уродливой, дегенеративной ситуации, когда мужчины не только все еще существуют, заполонив мир своим недостойным присутствием, но и пользуются поддержкой и обслуживанием со стороны женских масс, и миллионы женщин поклоняются Золотому Тельцу, и собака ведет хозяина на поводке, тогда как в действительности мужчина, мало отличающийся от трансвестита, выглядит наименее жалким, когда признается его собачья сущность, к нему не предъявляют нереалистических требований, и абсолютно самоценная женщина задает всему тон. Разумные мужчины хотят, чтобы их унижали, наступали на них.

Больные, неразумные мужчины, те, кто пытается защищаться от собственной мерзости, завидев ОПУМ, надвигающийся на них, в страхе прижмутся к Большой Маме с Большими Теплыми Сиськами, но Сиськи не защитят их от ОПУМ; Большая Мама будет прижиматься к Большому Папочке, который будет сидеть в углу, наложив в свои могучие штаны. Однако те мужчины, которые разумны, не станут сопротивляться или бороться, поднимать шум, а просто будут, расслабившись, сидеть в уголке, наслаждаться зрелищем и плыть по течению к своей кончине.

Мюррей Букчин

ИЗ КНИГИ «ЭКОНАРХИЗМ»

Общество и экология

Те проблемы, с которыми люди сталкиваются в процессе самоопределения, осознания себя как личности, порождают необходимость существования широкой психотерапевтической индустрии. Эти проблемы, безусловно, являются личными. Но это проблемы не только отдельных индивидуумов, но и всего современного общества в целом. Мы живем в полном непонимании того, какие социальные взаимоотношения существуют между нами. Мы страдаем не только как личности от отчуждения и неразберихи в наших мотивах и устремлениях; все наше общество, задуманное как единый организм, является весьма неопределенным в том, что касается его структуры и направления развития. Если раньше в обществе культивировалась вера в добродетельность сотрудничества и заботы о ближнем, то в современном обществе добродетелью являются соревнование и эгоизм, и, таким образом, не поощряются ассоциации любого рода, кроме тех, которые создаются ради наживы и безумного потребления.

Мы считаем, что раньше люди имели четкие представления о вере и надежде — ценностях, которые определяли их как людей, обладающих конкретными целями в общественной жизни. Мы называем средние века «Эрой Веры», а Просвещение — «Эрой Рассудка». Даже период между мировыми войнами и конец 40-х — начало 50-х годов кажутся нам привлекательным временем невинности и надежд, несмотря на Великую Депрессию и ужасающие конфликты, которые имели место в тот период. Эту мысль высказал один из персонажей недавнего достаточно хорошего фильма о шпионах: он сказал, что по сравнению со временем Второй мировой войны он утратил ту «чистоту» — чувство цели и идеализм, — которой он руководствовался тогда.

Эта «чистота» в наше время исчезла — ее заменили неопределенность и двусмысленность. Вера в то, что технологии и наука улучшат условия человеческого существования, была подорвана распространением ядерного оружия, массовым голодом в странах третьего мира и бедностью на Западе. Жаркая вера в триумф свободы над тиранией была уничтожена увеличением централизации государств и власти бюрократии, полиции и изошренных средств слежки за людьми. В демократических странах — не меньше, чем в явно авторитарных. Надежда на то, что мы создадим единый мир, сообщество различных народов, которые будут заботиться о своих ресурсах и улучшать жизнь повсюду, разбилась о рост национализма, расизма и бесчувственного местничества, которое порождает индифферентность по отношению к судьбам миллионов.

Мы считаем, что наши духовные ценности гораздо хуже, чем те, которые существовали всего лишь два-три поколения назад. Нынешнее поколение кажется более самовлюбленным, отчужденным и недоброжелательным по сравнению с предыдущим. У него нет таких систем поддержки, как большая семья, сообщество и обязательная взаимопомощь. (Борьба личности с обществом происходит в большей степени через бюрократические структуры, чем при помощи отзывчивых и доброжелательных людей.)

Этот недостаток социальной определенности и значимости становится еще более заметным при наших проблемах. Война — непереносимое условие нашего времени; экономическая нестабильность — всепроникающая реальность; человеческая солидарность — туманный миф. Совсем не последней угрозой является экологический апокалипсис — катастрофический выход из строя тех систем, которые обеспечивают стабильность на планете. Мы живем в постоянной опасности непоправимого уничтожения живого мира системой, помешавшейся на росте; она заменяет органическое неорганическим, почву — бетоном, лес — пустыней, разнообразие живых

форм — упрощенной экосистемой, короче говоря, пытается повернуть экологическое время вспять, к более неорганическому минерализованному миру, который не может обеспечить существование сложных форм жизни, в том числе и человека.

Неуверенность в нашем существовании, предназначении и цели вызывает достаточно неожиданный вопрос: является ли общество бедой, наростом на древе жизни?

Появилось огромное количество литературы, привлекая внимание миллионов читателей; в ней выражается «новый пессимизм» по отношению к цивилизации как таковой. В этих произведениях технология противопоставляется предположительно «девственной» природе, города — деревням, деревни — необжитым пространствам, наука — «почтению» к природе, рассудок — «невинности», интуиции и, наконец, человечество — остальной биосфере.

В наше время все больше и больше теряется вера во все человеческие способности — способность жить в мире, способность заботиться о других людях и остальных формах жизни. Этот пессимизм ежедневно подпитывается социобиологами, которые говорят, что наши недостатки заложены в нас генетически; антигуманистами, оплакивающими нашу «антиприродную» сущность; биоцентристами, принижающими наши уникальные свойства идеями, по которым мы в мире «первородного греха» ничем не отличаемся от муравьев. Короче говоря, идет широкое наступление на веру в способность разума, науки и технологии улучшить мир и для нас, и для жизни в целом.

«Вечная тема» о том, что цивилизация неизбежно противопоставит себя природе, что это произойдет по вине человеческой природы, поднималась еще во времена Руссо и дожила до наших дней, когда нам особенно необходима действительно человеческая и экологичная цивилизация, если мы хотим спасти планету и самих себя. Цивилизация, характеризующаяся рациональностью и технологией, все больше рассматривается как еще одно несчастье. Более того, роль общества как необходимого фактора формирования человечества, рассматривается как нечто неестественное, вредное и изначально деструктивное.

Человечество по иронии судьбы в результате оказалось поругано самими людьми — как проклятая форма жизни, которая только разрушает мир и угрожает его целостности. К той путанице, которая существует в определении нашего сумасшедшего времени и наших личностей, добавился еще один аспект — представление человеческого существования как формы хаоса, созданного нашим стремлением к бессмысленному разрушению и нашей способностью увеличивать эффективность этого стремления, так как в нашем распоряжении имеются разум, наука и технология.

Однако стоит отметить, что немногие антигуманисты, биоцентристы и мизантропы, строящие подобные теории, идут до конца в своих логических построениях. Наиболее важно в этой смеси искусственных теорий и недодуманных мыслей почти полное игнорирование тех форм, институтов и отношений, которые формируют то, что мы называем обществом. Вместо этого мы используем расплывчатые понятия «общество» и «цивилизация», которые скрывают сильнейшее различие между свободными, неиерархичными и негосударственными обществами, с одной стороны, и в разной степени иерархичными, огосударствленными и авторитарными — с другой (так же, как мы используем широкие понятия типа «человечество» или зоологический термин «хомо сапиенс», за которыми скрываются огромные различия, даже жесткие антагонизмы, существующие между привилегированными белыми и цветными, мужчинами и женщинами, богатыми и бедными, угнетателями и угнетенными).

Зоология в результате заменяет социально ориентированную экологию. Огульные «природные законы», основывающиеся на колебании популяций у животных, подменяют противостоящие экономические и социальные интересы людей.

Простое противопоставление «общества» и «природы», «человечества» и «биосферы», «технологии», «знания», «науки» и менее развитых, часто примитивных форм человеческого взаимодействия с природой отвлекает нас от изучения очень сложных различий и разделений внутри общества, которые так необходимы для выявления наших проблем и поиска путей их решения.

Например, в древнем мире отношение к природе египтян сильно отличалось от вавилонян. Египтяне поклонялись сонму в массе своей ани-мистичных божеств, многие из которых и физически были полуллюдьми-полуживотными, в то время как вавилоняне создали пантеон людей-богов, и при этом достаточно политичных. Но египетское государство было не менее иерархичным, чем вавилонское и так же, если не больше, подавляло человеческую

индивидуальность. Некоторые охотничьи племена могут так же наносить вред природе, как и урбанистические общества, ограниченные в своей разрушительности разумностью. Когда мы называем все эти различные социальные формы одним словом «общество», мы оскорбляем мысль и рациональный подход. «Общество» само по себе становится чем-то неестественным. «Разум», «технология», «наука» характеризуются как «деструктивные», несмотря на те социальные факторы, которые обуславливают их использование. Попытки человека изменить окружающую среду опасны, так как наш «род» едва ли может сделать что-либо для улучшения жизни на планете в целом.

Конечно, мы так же относимся к животному миру, как и все другие млекопитающие, но мы являемся чем-то большим, чем стада, бродящие по африканским равнинам. То, чем мы отличаемся, то есть типами обществ, которые мы формируем, и то, как мы разделены на иерархии и классы, сильнейшим образом влияет на наше поведение и на результат наших действий в природном мире.

Наконец, так радикально отделяя человечество и общество от природы или наивно сводя людей к «роду» животных, мы затрудняем для себя понимание того, как человечество развилось из нечеловеческой природы, а социальная эволюция — из природной. Люди отчуждаются не только сами от себя в наш «век отчуждения», но и от природного мира, в котором находятся наши корни как сложной, мыслящей формы жизни.

Мы уже сыты по горло упреками защитников окружающей среды либерального и мизантропического толка в том, что «мы» как род ответственны за разрушение окружающей среды. Причем совершенно не обязательно ехать в Сан-Франциско, на территорию мистиков и гуру, чтобы обнаружить эту «родовую», асоциальную точку зрения на экологические проблемы и их источники. В Нью-Йорке таких людей тоже хватает. Я не скоро забуду «зеленую» презентацию, устроенную Нью-йоркским музеем естественной истории в 70-х годах, когда публике представили большую серию экспонатов, каждый из которых представлял собой пример загрязнения окружающей среды и экологического разрушения. Экспонат, закрывавший выставку, назывался «Самое опасное животное на земле». Это просто огромное зеркало, в котором каждый посетитель видел свое отражение. Я хорошо помню негритенка, стоявшего перед этим зеркалом, пока белый учитель пытался объяснить ему смысл этого «экспоната». Там не были показаны правления корпораций или директор, планирующий вырубить лес на склоне горы, или правительственные чиновники, действующие вместе с ними. Экспонат выражал в основе своей мизантропическую идею: люди как таковые, а не жадное общество и его богатые должностные лица, ответственны за разрушение окружающей среды — бедные не меньше, чем богатые, цветные — не меньше, чем привилегированные белые, женщины — не меньше, чем мужчины, угнетаемые — не меньше, чем угнетатели. Мифический человеческий «род» заменил классы, индивидуумы — иерархии, личные вкусы (многие из которых «причесаны» хищными средствами массовой коммуникации) — социальные отношения, а лишенные власти и живущие в нищете и изоляции люди — гигантские корпорации, обслуживающие сами себя бюрократии и жестокое государство собственности.

Отношение общества к природе

Кроме тех возмутительных выставок, организованных защитниками окружающей среды, на которых представлены привилегированные и непривилегированные классы в одинаковом свете, я считаю важным попробовать обсудить в этой главе еще одну существенную проблему, а именно проблему возвращения общества в общеэкологическую систему планеты. Больше чем когда-либо заслуживает внимания тот факт, что почти все экологические проблемы являются также и социальными, а не просто, или в первую очередь, результатом деятельности религиозных, духовных или политических идеологий. То, что эти идеологии могут взлелеять антиэкологические воззрения у всех слоев населения, вряд ли подлежит сомнению. Но гораздо важнее, чем просто оценивать идеологии так, как они того заслуживают, задать вопрос — откуда же они возникают и развиваются.

Очень часто экономические нужды заставляют людей действовать в несоответствии со своими собственными желаниями и даже сильными природными устремлениями. Дровосеки, нанятые для рубки прекрасного леса, обычно не испытывают ненависти к деревьям. У них просто так же нет выбора, как нет выбора у скотобоев — убивать или не убивать домашних животных. В каждом обществе имеются свои деструктивные и садистские индивидуумы, вроде защитников

окружающей среды — мизантропов, желающих истребить человечество. Но для подавляющего большинства людей их работа, даже такая трудная, как, к примеру, у шахтеров, не является результатом их свободного выбора. Они просто борются с нуждой и к тому же являются продуктами социального устройства, над которым обыкновенные люди не имеют никакого контроля.

Чтобы понять современные проблемы — экологические так же, как экономические и политические, мы должны выявить их социальные причины и решить их социальными методами. «Глубинная», «духовная», антигуманистическая и мизантропическая экологии заводят нас в тупик, переключая наше внимание с социальных причин на социальные симптомы. Наша задача — увидеть изменения социальных отношений, для того чтобы понять наиболее важные экологические перемены. Эти же экологи ведут нас от общества к «духовным», «культурным» и неопределенным «традиционным» началам. Не библия породила европейский антинатурализм. Она лишь оправдывала антинатурализм, уже существовавший на континенте с языческих времен, несмотря на анимистические черты дохристианских религий.

Антинатурализм христианства стал особенно заметен с появлением капитализма. Мы должны не только рассматривать общество в контексте экологии, для того чтобы понять, почему люди являются сторонниками различных идей: одни — ярко натуралистических, другие — антинатуралистических. Нужно также исследовать более глубоко и само общество. Мы должны определить отношение общества к природе, понять, почему оно разрушает ее, и, напротив, почему оно должно и еще способно улучшить, углубить и сильно обогатить процесс естественной эволюции.

Пока мы говорим об «обществе» в абстрактном и общем смысле (а мы должны помнить, что каждое общество уникально и отличается от других многими веками своей истории), нам необходимо изучить то, что лучше назвать «обобществлением», а не просто «обществом». Общество — это определенный комплекс отношений, который мы часто воспринимаем как данность и изучаем в очень жестких рамках. Многие люди в наше время считают, что общество, основанное на рыночных отношениях — торговле и соревновании, существовало «всегда», но мы должны помнить, что существовали и дорыночные общества, основанные на безвозмездном сотрудничестве. Обобществление, с другой стороны, — такой же процесс, как и индивидуальная жизнь. Исторически процесс социализации людей можно назвать социальным бедствием, которое сопровождается болезненным переходом человечества к социальной зрелости.

Когда начинаешь рассматривать социализацию изнутри, поражает то, что само общество изначально имеет свои корни в природном мире. Любая социальная эволюция фактически является проекцией природной эволюции на человеческую сферу. Около двух тысяч лет назад Цицерон сказал: «С помощью своих рук мы существуем внутри Природы, нашей второй природы».

Наблюдение Цицерона, однако, является недостаточным: первобытная, изначально не тронутая «природная сфера», или так называемая «первая натура», была переделана полностью или частично не только «нашими руками». Мысль, язык и сложные, чрезвычайно важные биологические перемены также играли большую, а иногда и решающую роль в развитии «второй природы» внутри «первой».

Я употребил слово «переделана» для того, чтобы обратить ваше внимание на то, что «вторая натура» не просто явление, развивающееся отдельно от «первой». Отсюда и особое ударение на использование Цицероном выражения «внутри природной сферы».

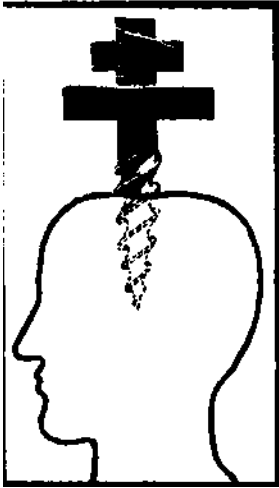
Подчеркнуть то, что «вторая натура», или более точно общество (в самом широком смысле этого термина), появилось из первоначальной «природной сферы», — значит признать тот факт, что общество всегда существовало, так сказать, в «природном измерении», что общество и природа не были противопоставлены в нашем мышлении. Социальная экология четко указывает на то, что общество — это не внезапное «образование» на земле. Общественная жизнь не должна обязательно воспринимать природу как противника в беспощадной войне. Появление общества — природный факт, причины которого заключены в биологии человека.

Процесс человеческого обобществления, в течение которого образовалось человеческое общество в форме семей, групп, племен или более сложных типов человеческих отношений, имеет истоки в родственных отношениях матери и ребенка. Биологическая мать, конечно, может быть заменена различными заместителями: отцом, родственниками, наконец, всеми членами сообщества. Когда социальные родители и родственники, то есть члены сообщества,

окружающего молодежь, начинают участвовать в системе опеки, которой обычно занимаются биологические родители, тогда по-настоящему начинает функционировать общество.

Общество, таким образом, развивается от простой репродуктивной группы к институцированным человеческим взаимоотношениям и превращается из связанного родственными узами животного сообщества в четкую социальную структуру. Похоже, что люди объединились во «второй натуре» все-таки в основном из-за застарелых материнских связей. Мы можем видеть, что во время образования структур и институтов, ознаменовавших превращение животного сообщества в подлинное общество, начали происходить большие перемены, в результате которых возникла социальная экология, изучающая их, — очень важная наука.

Хорошо это или плохо, но общества развились в иерархии, классы и государственные формации. При этом воспроизведение потомства и забота о нем так же остались постоянным биологическим базисом любой формы общественной жизни, как фактор воспроизводства, наоборот, базис социализации молодежи и образования общества. Как отметил Роберт Бриффо в первой половине нашего века: «Известен единственный фактор, четко указывающий на различия между первыми человеческими сообществами и группами животных, — это наличие ассоциации матерей и их отпрысков, что является основой действительной, реальной общественной солидарности. В классе млекопитающих, от утконосов до приматов, наблюдается рост продолжительности этой связи вследствие увеличения периода детской зависимости». Это увеличение Бриффо объясняет увеличением сроков беременности, а также интеллекта. Биологическое происхождение и истоки процесса человеческого обобществления, однако, не следует слишком выпячивать. Решающим фактором являются не только корни общества, лежащие в многовековой

эволюции животных, но и ежедневная рекреация общества в нашей повседневной жизни. Всеобъемлющая забота, которую получает новорожденный ребенок, напоминает нам, что воспроизводится не только отдельный человек, но и само общество. По сравнению с другими видами, человек развивается медленно, в течение долгого периода времени. Живя в тесной связи с родителями, родственниками и постоянно расширяющимся кругом людей, он сохраняет гибкость ума, что способствует появлению индивидуумов и постоянному формированию различных социальных групп. Хотя животные имеют сходства с людьми по многим параметрам, они не создают «второй природы», которая воплощает культурные традиции, не располагают сложным языком, разработанными концепциями силы и впечатляющей способностью преобразовывать окружающую среду в соответствии с собственными нуждами.

Шимпанзе, например, является ребенком в течение трех лет и молодым — в течение еще семи. К десяти годам это уже взрослое животное. Люди же считаются детьми до шести лет, а еще четырнадцать — подростками. Короче говоря, шимпанзе взрослеет в два раза быстрее человека, а его способности к обучению и, наконец, к мышлению ограничены по сравнению с человеческими, чьи умственные способности могут расширяться в течение декады. К тому же связи шимпанзе часто бывают характерными только для отдельной особи, являются идиосинкретическими и довольно ограниченными. Человеческие же связи являются постоянными, сильно институцированными, характеризуются солидарностью и способностью к созидательности, которой, насколько нам известно, животные не обладают.

Увеличенная гибкость человеческого ума, а также большая зависимость и социальная креативность позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, ранние человеческие сообщества, видимо, взрастили сильную склонность к взаимозависимости среди их членов, а вовсе не к тому грубому индивидуализму, с которым у нас ассоциируется понятие «независимость». Подавляющее большинство антропологических свидетельств предполагает наличие таких добродетелей, как взаимопомощь, участие в делах друг друга, солидарность в ранних человеческих сообществах. Идея, что хорошая жизнь и даже выживание зависит от товарищей, возникала из-за удлиненного периода зависимости подростков. Идея независимости (не в значении соревнования) должна была казаться абсолютно чуждой и странной существу, многие годы прожившему в сильной зависимости от окружающих. Забота о других должна казаться идеальным выходом для окультуренного существа, которое в свою очередь нуждается в сильной заботе. Наша современная версия индивидуализма, а точнее, эгоизма, видимо, побила ростки

ранней солидарности, взаимопомощи, — черт, без которых, я хотел бы добавить, такое физически слабое животное, как человек, вряд ли смогло бы выжить даже взрослым, не то что ребенком.

Во-вторых, человеческая взаимозависимость должна была иметь четкую структуру. Сейчас вряд ли можно найти людей, взаимодействующих друг с другом через те потерянные связи, которые мы можем наблюдать у наших ближайших родственников — приматов. Совершенно очевидно, что эти связи могли быть разрушены в период радикальных перемен и культурного кризиса. Но в относительно стабильные периоды человеческое сообщество никогда не было той «хордой», базисом рудиментарной социальной жизни, как предполагали антропологи последнего столетия. Наоборот, свидетельства, которыми мы располагаем, говорят о том, что все люди, даже, возможно, наши далекие предки, жили в некоторых структурированных группах, а потом в племенах, общинах и других сообществах. То есть их связывали не только эмоциональные и моральные узы, но также изобретательные, структурно четко определенные и достаточно постоянные институты.

Другие виды животных также могут образовывать непрочные сообщества и даже предпринимать коллективные действия по защите своих детей от врагов. Но подобные сообщества вряд ли можно назвать структурированными, кроме как в самом широком, часто эфемерном смысле. Люди же, напротив, создают сильно формализованные сообщества, которые имеют тенденцию к увеличению структурированности с течением времени. В результате образуется не просто сообщество, а новое явление — ОБЩЕСТВО.

Если нам не удастся четко разделить сообщества животных и человеческое общество, то появится опасная возможность игнорировать уникальные черты, отличающие человеческую социальную жизнь от жизни животных сообществ. Например, способность общества меняться к лучшему или к худшему и факторы, вызывающие эти перемены. Если мы сведем сложное общество к простому сообществу, мы легко можем не заметить того, чем различались общества разных времен. Мы также можем в этом случае не обратить внимания на то, как произошло преобразование простых различий в статусе в четко определенные иерархии, а иерархии — в человеческие классы. Возможно, мы просто не поймем значения термина «иерархия» как высокоорганизованной системы приказов и подчинения, ее отличия от недолговечных различий в статусе, которые зачастую могут и не сопровождаться актами принуждения.

В результате мы можем спутать сильно институцированное создание человеческой воли, устремлений, конфликтующих интересов и традиций с общественной жизнью в ее наиболее застывших формах, так как здесь мы имеем дело с врожденными, представляющимися неизменными чертами общества больше, чем с искусственными структурами, которые могут быть изменены, улучшены, ухудшены или просто уничтожены. Любая правящая элита прибегала к одной и той же уловке — идентифицировала созданную ей самой иерархическую структуру с общественной жизнью как таковой, чтобы созданное человеком получило божественное или биологическое обоснование.

Современное общество и его институты постепенно превращаются в постоянные и незыблемые реалии, которые живут уже своей жизнью, отдельной от природы, а именно — в продукт кажущейся постоянной «человеческой природы», которая является результатом генетического программирования, произошедшего в самом начале зарождения социальной жизни. С другой стороны, современное общество и его институты можно рассматривать и как еще одну форму сообщества животных со своими «вождями», «военными руководителями», «лидерами» и прочными «основными» формами существования. А когда возникают острые споры, выливающиеся в войны и социальные конфликты, их можно списать на счет «генов», которые, вероятно, вызывают уничтожение себе подобных и алчность.

В любом случае и при абстрактном представлении общества, существующего отдельно от природы, или при не менее абстрактном восприятии его как «естественного сообщества», которое неотделимо от природы, возникает или дуализм, четко отделяющий общество от природы, или грубый редукционизм, растворяющий общество в природе. Эти внешне полярные, но на самом деле очень близкие теории привлекают своей простотой, хотя наиболее искушенные толкователи часто преподносят их в весьма изощренной форме. Но эти идеи, так или иначе, все равно сводятся к ярким лозунгам, к замороженным, популярным догмам.

Социальная экология

Подход к обществу и природе, который предлагает социальная экология, может показаться слишком интеллектуально требовательным, но зато он лишен упрощенности дуализма и незрелости редуccionизма. Социальная экология пытается показать, как природа медленно, по фазам, трансформировалась в общество, не игнорируя различие между ними, с одной стороны, и степень их взаимопроникновения, — с другой. Каждодневная социализация молодежи семьей основана на биологии не меньше, чем постоянная забота медицины о стариках, а именно — на устоявшихся социальных факторах. Мы никогда не перестанем быть млекопитающими со своими первичными инстинктами, но мы институционализировали их и следовали им при помощи разнообразных общественных форм. Итак, социальное и природное постоянно проникают друг в друга, не теряя своей индивидуальности в этом процессе взаимодействия.

Социальная экология ставит не только такие внешне очевидные вопросы, как забота о природе, но и очень важные проблемы, касающиеся различных способов взаимодействия природы и общества, сложившихся с течением времени, и проблем, которые эти способы породили. Как появились сложные, даже воинственные взаимоотношения человечества и природы? Какими были те институты и идеологии, из-за которых этот конфликт стал возможным? Был ли этот конфликт действительно неизбежным при имеющемся росте человеческих нужд и технологий? И может ли этот конфликт быть разрешен с помощью экологически ориентированного общества? Как разумное, экологически ориентированное общество сможет интегрироваться в процесс естественной эволюции? А если еще шире — есть ли основания считать, что человеческий мозг (сам по себе продукт как естественной эволюции, так и культурной) представляет собой решающую, высшую точку природного развития, заметим, долгого развития субъектов современной нам природы из сенсуальности и самовыражения простейших форм жизни в заметную интеллектуальность и самосознание наиболее сложных?

Задавая эти провокационные вопросы, я не пытаюсь оправдать высокомерное отношение к остальным формам жизни. Конечно, мы должны привести человеческую уникальность, характеризующуюся богатым выбором концептуальных, социальных и конструктивных атрибутов, в соответствие с природной плодовитостью, разнообразием и сознательностью. Я оспаривал попытки превратить это соответствие в противопоставление природы и общества, нечеловеческих и человеческих жизненных форм, природной плодовитости и технологии или природной субъективности и человеческого разума. Важным результатом во взаимоотношениях природы и общества является то, что человеческий интеллект, очень различный в своих формах, имеет глубокие корни. Наши нервы и мозги не возникли на пустом месте, без долгой природной подготовки. То, что является нашей неотъемлемой чертой — необыкновенная способность думать о сложных концептуальных идеях, — выросло из нервной сети примитивных беспозвоночных, ганглий, моллюсков, спинной хорды первых рыб, мозгов амфибий и спинного мозга приматов.

Даже при способностях, наиболее нам характерных, мы также являемся продуктами и природной, и общественной эволюции. Как род мы несем в себе эры органической дифференциации и развития. Как и все сложные жизненные формы, мы не только являемся частью природной эволюции, мы также ее наследники и продукт природного размножения.

Пытаясь доказать медленное развитие человеческого общества из природного сообщества, социальная экология, однако, также обязана продемонстрировать подверженность общества процессам дифференциации. Таким образом, социальная экология должна изучить те точки социальной эволюции, где произошел разрыв, постепенно приведший общество к оппозиции природному миру, и объяснить, как эта оппозиция развивалась с начала истории до общества в древности и до наших дней. Действительно, если человеческий род может как форма жизни сознательно и успешно обогащать природный мир, а не губить его, для социальной экологии очень важно раскрыть факторы, которые в процессе естественной эволюции превратили людей в неких паразитов на земле, а не в активных партнеров. Эта попытка должна рассматриваться не как случайный шаг, а как серьезное движение к сведению природы и общества к общему знаменателю, совпадающему с нашим временем и полезному для конструирования экологически ориентированного общества.

Возможно, одним из наиболее важных вкладов социальной экологии в современную экологическую науку является предположение, что основные факторы, противопоставляющие социум природе, появились из внутриобщественного развития, а не изначально природного. То есть разделение природы и общества на противостоящие лагеря идет от разделения в обществе, от

глубоких и давних конфликтов между самими людьми, которые часто затмеваются широким понятием «человечество».

Эта критическая точка зрения противоречит почти всем экологическим и социальным теориям. Одна из наиболее закрепившихся в сознании идей, которую современное экологическое движение делит с либерализмом, марксизмом и даже консерваторами, это вера в то, что природа требует подчинения человека человеком. Это наиболее четко очерченное понятие во всех социальных теориях. Почти все социальные идеологии в своих построениях ставят понятие человеческого доминирования на первое место. С классических времен до наших дней идея о том, что человеческая «свобода» от природы вызывает подчинение человека человеку как первейшего средства производства и как средства обуздания природного мира, остается одним из наиболее распространенных представлений. Таким образом, веками люди пытались доказать, что для того, чтобы подчинить природный мир, необходимо подчинить и одних людей другим, создать рабов, господ и слуг.

То, что эта «инструментальная» теория устроила почти все правящие элиты и стала для либералов и консерваторов оправданием их приспособления к статус-кво, вряд ли требует объяснения. Миф о «скупой» природе всегда использовался для оправдания скупости эксплуататоров и их бесчеловечного обращения с эксплуатируемыми, а также он снабдил индугенцией оппортунизм как либералов, так и консерваторов. Под словами «работать в системе» всегда подразумевалось подчинение как способ организации общества и в лучшем случае средство освобождения от предполагаемого подчинения природе.

Возможно, менее известен тот факт, что Маркс также оправдывал образование классового общества и государства как ступенек к подчинению природы и, возможно, к освобождению человечества. Силой его исторического видения было то, что он искренне верил в необходимость создания классового общества как ступеньки на пути к коммунизму и сформулировал свою материалистическую концепцию истории.

По иронии судьбы, многое из того, что говорят сегодня антигуманис-ты и экологи-мистики, включает в себя тот же самый тип мышления, только в перевернутой форме. Как их оппоненты-инструменталисты, эти экологи признают, что человечество подчиняется природе — в форме ли «природных законов» или же невыразимой «земной мудрости», которая должна определять человеческое поведение. Но если их оппоненты считают необходимым подчинить природу «завоевателю» — активно-агрессивному человечеству, то антигуманис-ты и мистики уверяют в том, что человечество пассивно по своей природе и оно обязано подчиниться всепобеждающей природе. Как бы эти взгляды ни отличались вербально и своими целями, подчинение остается основным понятием обоих: природный мир представляется «определителем» — быть подчиненным ему или же наоборот, подчинить его.

Социальная экология избегает этого путем переосмысления самого понятия подчинения в природе и обществе или же в форме «природных» и «социальных» законов. То, что мы называем подчинением природе, на самом деле является человеческой проекцией высоко организованных систем социальных команд и приказов на в высшей степени идеосинкретичные индивидуальные и асимметричные формы часто вряд ли принудительного поведения в животном мире. Попросту говоря, у животных нет такого подчинения друг другу, как в человеческом обществе, когда элита подчиняет и часто эксплуатирует подавляемую социальную группу. Они не управляют друг другом с помощью институцированных форм систематического насилия. Например, у обезьян нет, или почти нет, принуждения, а существуют только мягкие формы доминирующего поведения. Замечено, что гиббоны и орангутанги мирно сосуществуют со всеми представителями своего рода. Почти так же ведут себя и гориллы, хотя среди них можно выделить «высших» (зрелых и физически сильных самцов) и «низших» (молодых и физически слабых). «Лидеры», отмечаемые у шимпанзе, не имеют четкого статуса в своих весьма условных «группах». Любой приобретаемый «статус» у них обусловлен очень разными причинами.

Можно привести примеры из жизни других видов животных, для того чтобы убедиться в наличии огромного количества причин, по которым возникают «высшие» и «низшие» особи. Если использовать слово «статус» так широко, то оно начинает больше обозначать различия в групповом поведении и функциях, нежели принудительные действия по отношению к особям своего рода.

То же самое относится и к слову «иерархия». И в оригинале, и в истинном, современном значении оно относится к социологии, а не зоологии. Смысл греческого слова, изначально

обозначавшего различные уровни богов, а затем духовенства (характерно, что Иераполис был древним фрикийским городом в Малой Азии и являлся центром поклонения матери богов), был впоследствии сильно расширен и стал обозначать почти все на свете: от отношений пчел в улье до эрозийного действия воды в реке, когда течение размывает и «подчиняет» русло. Заботливые слонихи были зачислены в носители матриархата, а внимательные самцы обезьян, проявляющие недюжинную храбрость, защищая свое сообщество и имея при этом очень мало привилегий, названы патриархами. Отсутствие четкой системы правил, таких характерных для человеческого общества, подверженных радикальным изменениям, в том числе и революциям, обычно игнорируется.

В то же время различные функции, которые свойственны животным в иерархии, и различные причины, которые выдвигают одну особь в «альфа-статус», а других — в меньший статус, приуменьшаются или не замечаются вовсе. С тем же апломбом можно заявлять, что все высокие секвойи превосходят по статусу своих меньших братьев, или еще лучше считать их элитой в смешанном лесном сообществе, стоящими выше, чем, скажем, дубы, которые, кстати, более развиты в биологическом отношении. Стремление механически проецировать социальные категории на природный мир так же абсурдно, как вводить биологические понятия в геологию. Минералы не размножаются, как живые существа. Конечно, сталактиты и сталагмиты в пещерах растут с течением времени, но их рост даже отдаленно не имеет ничего общего с ростом живых существ. Брать какие-то поверхностные сходства, часто неправильно представляемые, и группировать что-то по этим признакам — это все равно что говорить об обмене веществ у камней и «моральности» генов.

Это также касается бесконечных попыток искать как этические, так и социальные черты в природном мире, который обладает лишь потенциальной этичностью — в том смысле, что он сформировал основу объективной социальной этики. Да, принуждение существует в природе так же, как боль и страдания. Однако ей чужда жестокость. Устремления и желания животных слишком ограниченные, чтобы они могли создать этику добра и зла, или добра и жестокости. Фактически нет свидетельств о наличии отвлеченной, концептуальной мысли у животных, кроме как у приматов, слонов, китов и немногих других млекопитающих. Даже способности наиболее «умных» животных к размышлению весьма ограничены по сравнению с экстраординарными способностями «хомо сапиенс».

Понятно, что мы еще далеко не полностью использовали свои возможности быть созидателями, заботливыми и разумными. Существующее общество больше подавляет человеческий потенциал, нежели представляет возможности для его реализации. Мы даже не можем себе представить, как наши лучшие качества могут помочь при решении этических, экологических и иррациональных проблем нашей жизни.

В то же время природный мир, видимо, исчерпал возможности приспособляться к переменам окружающей среды. Если способность приспособляться рассматривать как положительный экологический критерий (как делают многие биологи), то насекомые должны быть поставлены выше любого млекопитающего. Однако они не могли бы быть столь высокомерны в интеллектуальной самооценке, заявляя, что «мать пчела» хоть чуть-чуть беспокоится за свой статус, статус, который только люди (страдавшие от социального подчинения глупым, злым, бездарным и жестоким королям и королевам) могли приписать неспособному размышлять насекомому.

Все эти замечания сделаны вовсе не для того, чтобы «метафизически» противопоставить природу и общество. Напротив, я пытался доказать, что общество и природу в эволюционном процессе объединяет та ступень, на которой люди, живущие в разумном, экологически ориентированном обществе, могли бы воплотить в себе созидательность природы в противовес часто адаптивным критериям эволюционного успеха. Велики достижения человеческой мысли, искусства, науки и технологии — не только памятники культуры — они также увековечивают саму естественную эволюцию. Они являют собой героическое свидетельство того, что человеческий род — это теплокровная, удивительно разносторонняя и глубоко интеллигентная форма жизни (а не хладнокровное, генетически запрограммированное, неспособное мыслить насекомое), которая обладает величайшей созидательной природной силой.

Жизненная форма, которая создает и разумно изменяет окружающую среду предположительно таким образом, что это не вредит ей с экологической точки зрения, представляет собой широкое, неограниченное проникновение природы в захватывающие, возможно, бесконечные области

эволюции (которых никогда не смогла бы достичь ни одна ветвь насекомых), а именно — эволюции абсолютно сознательного порядка.

Природа в свою очередь вовсе не картина, которой мы восхищаемся, запечатленная в пейзаже или панораме. Такие «пейзажные» образы природы, возможно, и привлекательны с эстетической точки зрения, но с точки зрения экологии они обманчивы. Закрепленная в конкретном месте и времени, эта «образность» легко заставляет нас забыть о том, что природа — это не статичный «вид» природного мира, а долгая, кумулятивная история естественного развития. Эта история включает в себя эволюцию и органической, и неорганической природы. Где бы мы ни находились: в чистом поле, лесу или на вершине горы — наши ноги стоят на веках развития — геологических пластах, останках давно исчезнувших организмов, гниющих трупах недавно умерших живых существ или тихом движении новых, нарождающихся форм жизни. Природа — это не персона, не «заботливая мать» и не «материя и движение», как говорят в жестко материалистичном XX веке. Также это и не просто процесс, включающий в себя повторяющиеся циклы смен времен года, это также и не какой-то философский процесс. Скорее всего природа — это движение к еще более разнообразным, разделенным и сложным формам и взаимоотношениям.

Это эволюционное развитие возрастающего количества различных сущностей и, что наиболее важно, форм жизни содержит потрясающие скрытые возможности. Вместе с различиями, сложностями, дифференциацией природа, развиваясь сама, открывает новые направления для дальнейшего движения по альтернативным путям природной эволюции. Когда животное становится сложным, заботящимся о себе и своем потомстве, когда повышается его интеллектуальный уровень, оно начинает делать тот элементарный выбор, который влияет на его дальнейшую эволюцию. Оно все меньше и меньше является пассивным объектом «природной селекции» и все больше — активным субъектом своей собственной судьбы.

Коричневый заяц, который превращается в белого и смотрит на покрытую снегом пустыню, где он должен спрятаться, стремится к выживанию, а не просто «адаптируется», чтобы выжить. Он был не просто «отобран» своей окружающей средой, он сам выбрал свою окружающую среду (сделал выбор), что свидетельствует о наличии некоторой субъективности и способности решать.

Чем разнообразнее участники, составляющие эволюционный процесс, тем более активную и решающую роль в сохранении себя как вида может играть определенная форма жизни. То, как природная эволюция идет по этому пути развития, дает возможность формам жизни рассматривать все большее количество вариантов и рождает новую форму свободы в саморазвитии.

Определяя природу как «кумулятивную историю» все больше дифференцирующихся уровней материальной организации (особенно форм жизни) и увеличения субъективности, социальная экология устанавливает базис для значимого понимания места человечества и общества в природной эволюции. Природная эволюция — это не абсолютно стихийный процесс. Она характеризуется тенденцией, направлением, а если иметь в виду людей, то и заданной целью. Люди и социальные миры, которые они создают, могут открыть весьма обширные горизонты для развития природного мира — горизонты, характеризующиеся сознательностью, разумностью и беспрецедентной свободой выбора и возможностей для созидания. Факторы, которые сводили роль многих форм жизни к чисто адаптивной, теперь заменены возможностью сознательной адаптации окружающей среды к уже существующим и новым формам жизни.

Адаптация в свою очередь открывает все большие возможности для воспроизводства, а также для кажущегося «безжалостным» действия «законов природы». То, что раньше называли «слепой природой» для обозначения отсутствия у природы какого-либо морального направления, превращается в «свободную природу», которая постепенно находит способы избавления от ненужных бед всех видов при наличии высокосознательного человечества и экологически ориентированного общества. Принцип Ноя о сохранении «каждой твари по паре» просто для их сохранения, предложенный антигуманистом Дэвидом Эрен-фельдом, не имеет смысла без предпосылки — существования «Ноя», то есть сознательной формы жизни, называемой человечеством, которая должна спасти остальные формы жизни, чтобы природа не уничтожила их эрами холода, засухами или космическими катаклизмами. Медведи гризли, пумы, волки не находятся в безопасности только потому, что они в руках предполагаемой «Матери Природы». Если верна версия, что великие мезозойские рептилии погибли из-за климатических изменений, произошедших вследствие столкновения Земли и астероида, то выживание млекопитающих может оказаться столь же негарантированным перед лицом какой-нибудь подобной

бессмысленной природной катастрофы, если не существует разумной, экологически ориентированной жизненной формы, которая имеет технические средства для их спасения.

Вопрос, таким образом, не только в том, противопоставлено ли социальное развитие природному. Вопрос в том, как социальная эволюция может быть «вписана» в природную и почему она была противопоставлена — без необходимости, как я покажу ниже, — природной эволюции в ущерб всей жизни. Обладать способностью к разуму и свободе еще не означает непременно реализовать ее.

Если социальная эволюция — это возможность расширить природную эволюцию в сторону беспрецедентных созидательных возможностей, а люди — шанс природы на самосознание и освобождение, то встает вопрос, почему эти возможности до сих пор не востребованы и как их можно реализовать.

Социальная экология признает, что эти возможности реальны и что они могут быть использованы. Это утверждение противостоит «сценичному» образу природы как статичной картины, предназначенной для внушения благоговейного страха, а также романтических попыток создать мистический образ природы как персонифицированного божества, которые ныне так модны. Трещины между социальной и природной эволюцией, человеческим и нечеловеческим, жадным, алчным человечеством и «трудноподчиняемой, скупой» природой были значительны и отвлекали, когда они представлялись чем-то неизбежным. Не менее отвлекающими были редуционистские попытки растворить социальную эволюцию в природной, утопить культуру в природе в оргии иррационализма, теизма, мистицизма, уравнивать человека и простое животное, распространить придуманные «природные законы» на послушное человеческое общество.

Людей превратили в «чужих» для природы те социальные перемены, которые многих сделали чужими и в своем социальном мире: подавление молодых старыми, женщин мужчинами и мужчин мужчинами. Сегодня, как и много веков назад, есть угнетатели, которые фактически владеют миром, и есть угнетенные. Пока общество не станет единым человечеством, которое будет использовать свою коллективную мудрость, культурные достижения, технологические инновации, научные знания и врожденную созидательность для собственной пользы и для пользы природного мира, все экологические проблемы будут происходить из социальных.

Мюррей Букчин

ОЧЕРЧИВАЯ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Идеалы свободы, хотя и запятнанные, до сих пор существуют среди нас. Но революционный проект сейчас подвергается «обуржуазиванию» сильнее, чем Бакунин боялся в конце своей жизни. Эти темы никогда не были более важными, чем теперь.

Такие слова, как «радикализм» и «левизм» стали «темными» и могут быть опасно скомпрометированы. О том, что последовало за революционизмом, радикализмом и левизмом сегодня, было определено поколение или два назад как реформизм и политический оппортунизм. Социальная мысль так глубоко проникла в кишки современного общества, что самостилизованные «левые», будь это социалисты, марксисты или независимые радикалы разных видов, рискуют быть переваренными, даже не заметив этого. Во многих евро-американских обществах этой мысли просто не осталось. Действительно, не существует даже критически независимого радикализма, кроме маленьких анклавов революционных теоретиков.

Что, возможно, еще более серьезно — это то, что революционные проекты рискуют потерять свою подлинность, свою способность к самоопределению, чувство направления. Мы не только свидетели недостаточного революционного понимания сегодня, но и неспособности определить, что подразумевается под словами «революционное изменение и полное значение таких терминов, как «капитализм». Тревожное замечание Бакунина об «обуржуазивании» рабочего класса можно сравнить со страхом Маркса по поводу того, что настанет день, когда рабочие начнут считать капитализм настолько возможным, что он будет казаться «естественной» формой человеческой деятельности, а не обществом, ограниченным специфическим периодом истории. Разговор о евро-американском обществе как о «капиталистическом» часто вызывает либо состояние замешательства, либо просто ощущение контраста с так называемыми социалистическими обществами в таких странах, как Россия и Китай. Первое представляется корпоративной формой капитализма, а второе — его бюрократической формой, часто непостижимой для традиционной понимания.

На самом деле вполне может быть, что мы еще не понимаем, чем на самом деле является капитализм. После вспышки Первой мировой войны радикалы описывали каждый период капитализма как его «последнюю ступень»; даже когда система еще росла, приобретала международные размеры и инновационные технологии, которых не предвидели научные фантасты несколько поколений назад. Капитализм также выявил уровень стабильности и способность кооптировать свою оппозицию, основательно потрясшую старейшин социализма и анархизма в прошлом веке. На самом деле вполне может быть, что капитализм еще не пришел к своему окончательному выражению как абсолютному воплощению социального зла, если говорить словами Бакунина, то есть как системе безжалостного социального соперничества между людьми на всех уровнях жизни и экономики, основанной на конкуренции и накоплении. Но это вполне понятно: это система, которая должна продолжать расширяться, пока она не разорвет все узы, связывающие общество с природой, — дыры в озоновом слое расширяются, растет парниковый эффект.

Это рак социальной жизни как таковой. В этом смысле природа берет «реванш». Этот «реванш», конечно, может предполагать невозможность существования на планете для таких форм жизни, как мы и наши млекопитающие родственники. Но учитывая все быстрее увеличивающийся уровень технологических инноваций, включая исследования самых скрытых проблем

жизни в форме ядерной физики и биоинженерии, возможно, что сбой в естественных циклах будет связан с абсолютно синтетическими суррогатами, в которых огромные индустриальные установки вытеснят естественные процессы. Надо быть абсолютно слепым сегодня, чтобы упустить такую возможность, а также не заметить того, что последующие поколения будут вынуждены принять кошмарное тоталитарное общество, строящееся вокруг полностью технократической администрации социальных и природных предприятий на шкале земного шара. В этом случае планета, представляемая как саморегулирующаяся природная система контроля и баланса под названием «*Gaia hypothesis*», будет полностью или частично заменена сконструированной технологической системой, возможно, «*Dedalus hypothesis*» греческих понятий ограничений и сдерживаний. Но пока на исторической арене столь мрачная перспектива становится реальностью, мы отчаянно нуждаемся в восстановлении революционного проекта и добавлении к нему новых элементов. Мы не должны обращать внимание на насмешки, что сама идея революционного проекта — доказательство «сектантства» или «радикального догматизма». То, что сегодня называется «либеральным» или «левоцентристским», если использовать осторожное политическое пустословие нашего времени, слишком слабо интеллектуально, чтобы знать, что есть сектантство и чем оно отличается от исследовательского анализа современных социальных и экологических проблем.

В результате мы должны решительно и независимо перепроверить прошлые и настоящие периоды, из которых может быть взят революционный проект, такие, как эра «пролетарского социализма», «Новых Левых» и так называемый Век Экологии. Мы должны найти ответы на те вопросы, которые были даны в недавнем прошлом, но возникают сегодня и будут возникать в будущем. Пока мы не займемся критическим исследованием ранних решений, мы будем пробираться наощупь в темноте неизвестной истории, которая должна была столь многому нас научить. Мы будем похоронены наивностью и невежеством, которые могут полностью ввести нас в заблуждение, сориентировать в бессмысленном и бесполезном направлении.

Провал пролетарского социализма

Сегодня нас остро противопоставляет друг другу тот факт, что один из величайших революционных проектов современности уже не жизнеспособен и не имеет смысла в нашем сегодняшнем сложном положении. Я обращаюсь частично к марксистским анализам общества, но, как мы увидим, и к пролетарскому социализму в целом, который далеко отстоит от марксизма в формах социализма и даже безусловно утопических идеях. Но, «будучи определенной разумностью» или, говоря менее философским языком, сознавая, что материальные факторы определяют культурную жизнь, слишком упрощенно тащить чрезмерную тяжесть, которой она стала во второй половине прошлого века и первой половине настоящего, когда сам капитализм сформировал менталитет Европы и Америки в экономическом направлении.

Взгляд на историю показывает, что этот, в большей части буржуазный образ реальности, который марксизм повернул в кажущуюся «радикальной» идеологию, ограничен особым промежутком времени в прошлом, каким бы преобладающим он ни казался в настоящем. Было бы невозможно понять, почему капитализм не стал преобладающим социальным порядком в различное время античного мира, если унаследованные культурные традиции не ограничивали и не подрывали капиталистического развития в прошлые эпохи.

Можно привести бесконечное количество примеров, согласно которым «мышление» определяет «существование» (если кто-то хочет пользоваться таким детерминистским языком), обращая взор к истории Азии, Африки и Латинской Америки начала нового времени, не говоря уже о многих европейских странах. На уровне отношений между сознанием и бытием, которые все еще имеют значение для марксистских академиков, даже если все остальное в теории лежит в развалинах, марксизм ставит свои собственные вопросы.

Оценивая прошедшее с экономической и буржуазной точки зрения, марксизм определяет в буржуазных терминах множество проблем, имеющих отчетливо небуржуазную и удивительно неэкономическую основу. Даже неудача докапиталистических обществ при движении к капитализму, например, объясняется «недостатком» технологического развития, бедностью науки и, как часто случается во многих не менее строгих работах Маркса, культурными факторами, которые считаются обусловленными экономическими факторами.

Кроме круговых обоснований, характеризующих марксизм, к попыткам определения революционного проекта в наше время в гораздо большей степени относится идеал пролетарского социализма и мифы, которые вокруг него нарастают. Основы революционных проектов связаны со спецификой времени их создания, как бы сильно они ни пытались сделать эти идеалы универсальными и выступающими за гуманность во все времена. Крестьянский радикализм в основном относится к периоду начала жизни в оседлых деревенских поселениях. Облаченный в универсальную религиозную мораль, он всегда говорил о вневременных ценностях и надеждах, сконцентрированных вокруг земли и деревни. Такие личности, как украинский анархист Нестор Махно в 1917-1921 гг. и мексиканский народник Эмилиано Сапата примерно в то же время, преследовали почти такие же цели. По той же причине ремесленный радикализм, проявлявшийся повсюду в средние века и достигший расцвета в движении *engages* Французской революции и Парижской Коммуны 1871 г. Пьер-Жозеф Прудон был, возможно, самым сознательным из их ораторов, хотя его муниципальные и конфедералистские идеи были гораздо более дальновидными в своем реконструктивном смысле, чем у любого конкретного класса, к которому он обращался.

Пролетарский социализм, который по сей день сохраняется в идеалах многих независимых социалистов и синдикалистов, имеет более комплексную и сложную генеалогию. Он происходит частично из трансформации ремесленников в индустриальных рабочих во время взрывных лет Индустриальной революции. Похоже, на него как на движение оказала влияние — помимо всех теорий — уходящая корнями в деревню и небольшой город значительная пролетаризация крестьян, которых принуждали оставить деревни и сельскохозяйственную культуру. То, что они привнесли в эту докапиталистическую культуру с ее естественными ритмами и ценностями, имеет ключевое значение для объяснения характера их недовольства и воинственности. Рабочие классы традиционного индустриального капитализма, даже уже в 1920-х и 1930-х гг. в Америке и Европе, не были «потомственными» пролетариями. Американские рабочие автомобильных заводов, например, были набраны в Аппалачских горах в первой половине нашего века. Много французских и особенно испанских рабочих было набрано из деревень и небольших городов, они не были просто ремесленниками в больших городах, вроде Парижа. То же самое верно по отношению к рабочему классу, совершившему в 1917 г. революцию в России. Маркс, к своему непреходящему стыду, обычно считал этот в высшей степени подвижный слой *der alte schisse* (буквально, старым дерьмом) и ни в коей мере не рассчитывал на них в смысле свершения революций, с чем и можно поздравить его последователей.

На этом сельском фоне сложилась в высшей степени сложная мозаика из отношений, ценностей и напряжений между доиндустриальной и индустриальной культурой, каждая из которых формировала пылкий характер мужчинам и женщинам, которыми, хотя они и работали с современными машинами и жили в больших, часто высоко образованных, урбанистических районах, управляли в основном ремесленные и крестьянские ценности. Первоклассные рабочие-анархисты, которые прожигали деньги, награбленные в оружейных магазинах Барселоны в лихорадочные июльские дни подъема 1936 г. (как сообщает Рональд Фрезер), действовали под влиянием глубоко утопических и этических идей, а не просто из экономических интересов, которыми капитализм должен был пропитать во многом рабочий класс с течением времени. Пролетариат конца XIX - начала XX вв. был особой социальной породой. Она была деклассирована по своему мышлению, стихийна в жизненном натурализме своего поведения, разозленная из-за потери своей автономности, и сохраняла своими ценностями разрушенный мир ремесленничества, любовь к земле и общинную солидарность.

Следовательно, здесь был в высшей степени революционный дух, поднимавшийся в рабочих движениях от июньских баррикад Парижа в 1848 г., когда в основном ремесленный рабочий класс поднял красные флаги «общественной республики», до майских баррикад Барселоны в 1937 г., где даже самый общественно разумный рабочий класс поднял красно-черные флаги анархо-синдикализма.

Что так решительно изменилось за десятилетия, последовавшие за этим, длящимся веком движением и революционным проектом, сооруженным вокруг него, это социальный строй, политическая культура, наследство и цели пролетариата сегодняшнего дня.

Аграрный мир и его культурные напряжения с индустриальным миром, питавшие их революционный жар, шли на убыль. Также уходили и люди, конечно, те самые личности, которые воплощали этот фон и эти напряжения.

Рабочий класс теперь стал вполне индустриализованным, а не радикализированным, как искренне надеялись социалисты и анархо-синдикалисты. У него нет ни чувства контраста, ни противоречия с традициями и ни одного из тысячелетних ожиданий его предшественников. Не только средства массовой информации управляют им и определяют его желания (удобное объяснение, если кто-то хочет привязать все к власти современных средств массовой информации), но пролетариат как класс стал копией буржуазии как класса, а не несдающимся антагонистом. Говоря языком, порожденным пролетарским социализмом против его собственных мифов, рабочий класс — просто орган в теле капитализма, а не развивающийся «эмбрион» будущего общества, концепция, так значительно фигурировавшая в революционном проекте пролетарского социализма.

Мы просто свидетельствуем не только о его провале как «историческом факторе» революционных изменений, но и о его завершении как продукта, порожденного капитализмом, с развитием самого капитализма. В «чистом» виде пролетариат как класс никогда не был угрозой капиталистической системе. Эта угроза было обусловлена «нечистотой» пролетариата, как кусочки олова и цинка превращают медь в загрубевшую бронзу, что придало воинственность раннему пролетариату и на явно высоких ступенях его тысячелетние усердия.

Здесь мы подходим к ужасающе ошибочной модели социального изменения, которую Маркс представил в качестве революционного проекта последних ста лет, которая была принята даже немарксистскими радикалами. Это вера, в то, что новое общество зародилось в матке старого и в конце концов выросло из нее, как крепкий ребенок, который управляет своими родителями или уничтожает их.

Ничто в античности не поддерживало эту «эмбриональную» теорию революций, если ее можно так назвать. Европейский феодализм сменил античное общество на северных берегах Средиземноморья — и только там, так как феодальные отношения и были в основном формой, в которую почти всюду развились племенные отношения, если только не были переработаны в абсолютные монархии типа тех, что возникали на Востоке. Великий Европейский Хин-терланд (*hinterland* — тыл, районы удаленные от моря) к северу от Альп стал быстро утрачивать племенные черты, когда столкнулся с римским обществом. Капитализм возник не в лоне нового европейского феодализма, и его зарождение не было неизбежным, как нас заставляли думать марксистские историки в прошлом, или Фердинанд Брэдель, или Иммануил Уолерстайн в более близкие времена. Я уже старался показать, что Европа между XIV и XVIII вв. была весьма смешанной социально и экономически, предлагая много альтернатив капитализму и национальному государству. Миф об «эмбриональном» развитии капитализма и «неизбежности» его превосходства должен был разрушить революционный проект пролетарского социализма.

Во-первых, был создан миф о том, что пролетариат был аналогом буржуазии в современности и, по-видимому, подобно средневековой буржуазии, развивался по революционным линиям внутри самого капитализма. То, что пролетариат никогда не имел экономического превосходства, приписываемого Марксом ранней буржуазии, но при этом он должен был захватить экономическую, а также политическую власть, — все это создало банку с теоретическими червями, которые должны были показать, сколь абсурдна была «эмбриональная» теория, относящаяся к пролетариату, даже если средневековая буржуазия и наслаждалась данной ей властью. Точно так же и то, каким образом рабочий класс мог вырасти над своими собственными узкими интересами в экономике, с которой он полностью сочетался своими узкими требованиями работы, более высокого заработка, укороченного рабочего дня и лучших условий работы в капиталистической системе, оставалось непроницаемой тайной.

Марксистская экономика при всех ее необычных взглядах на товарные отношения и процесс накопления, была сильно надуманной идеологией, показывающей, что капитализм приведет пролетариат через нищету и хронический кризис к восстанию. Пролетариат, как предполагалось, индустриальная система создала для кооперации на фабрике, и затем, вместе с расширением капитала, сделала его преобладающим населением страны. То, что фабричная система полностью приручит пролетариат, делая его нечувствительным к индустриальной рутине фабрики, что она укротит неуправляемость пролетариата, поставив его в условия директорской иерархии и рационализированных методов производства, то, что пролетариат не будет доведен до революции отчаянием, но будет настраиваться сам против себя, вследствие чего хорошо оплачиваемые и «высокие» его слои будут решительно противопоставлены менее оплачиваемым и «низшим» с точки зрения принадлежности к рабочей элите, что надежды на хронический экономический

кризис будут разбиты хитрыми техниками управления кризисом, что национализм и даже патристический шовинизм будут преобладать над интернациональной классовой солидарностью что на самом деле технологические инновации уменьшат численность пролетариата и приведут к тайному соглашению между ним и вроде бы враждебной ему эксплуатацией в управлении японского типа, — все эта логика капиталистического движения не была понята.

Во-вторых, миф Маркса об «эмбриональном» развитии должен был мистифицировать историю и убрать существенный элемент ее спонтанности. В сущности, в такой теории мог быть только один, безальтернативный путь. Выбор играл совершенно незначительную роль в социальной эволюции. Капитализм, национальное государство, технологические инновации, разрушение всех традиционных уз, поддерживавших некогда смысл социальной ответственности, — все это казалось не только неизбежным, но и желательным. История, очевидно, принимала в расчет минимальную автономность человека. «Люди делают свою собственную историю...», — писал Маркс. Вполне очевидное утверждение, на которое культурно ориентированные марксисты должны были обращать особое внимание в течение долгого времени после его смерти и среди растущих противоречий между его теориями и объективной реальностью. Они часто забывали отметить, однако, что Маркс сказал эту фразу, в первую очередь, для того, чтобы подчеркнуть завершающее высказывание: «...Они не делают это под влиянием выбранных ими обстоятельств, но под влиянием обстоятельств, с которыми их решительно столкнуло, дало и передало им прошлое».

Марксистский революционный проект, но без сомнения, только марксистский, был обременен боевым порядком «фаз», «подфаз» и даже дальнейших «подфаз», жидущихся на технологических и экономических «предпосылках». Контрастируя с анархической политикой продолжающегося давления на общество с целью выявить его уязвимые места и стараясь открыть области, которые сделают возможным революционное изменение, марксистская теория сформировалась вокруг стратегии «исторических ограничений» и «периодов развития». Индустриальная революция считалась «предпосылкой» социализма, а Движение луддитов поносилось как «реакционное»; национальное государство было провозглашено ступенькой по направлению к «пролетарской диктатуре», а конфедералистские требования рассматривались как устаревшие. Попутно централизованная экономика и Государство везде приветствовались как продвижение по направлению к «плановой экономике», что является в высшей степени рационализированной экономикой. Действительно, марксисты, включая лично Энгельса, так сильно доверяли этим фатальным мнениям, что марксистские социал-демократы в Германии выступали против следования антимонополистическому законодательству в 1920-х гг. (к постоянной досаде мелкой германской буржуазии, которая вскоре для разнообразия обратилась к нацизму), так как концентрация индустрии и торговли в руках нескольких корпорации виделась «исторически прогрессивной» в подведении страны ближе к плановой экономике.

В третьих, сам пролетариат, почти доведенный до состояния гибкого инструмента капиталистического производства, так и рассматривался своим марксистским авангардом. Для этого авангарда рабочие были первую очередь экономическими существами и воплощением экономических интересов. Попытки радикалов вроде Вильгельма Райха обратиться к их сексуальности, а революционных деятелей искусства вроде Маяковского — к их эстетическому чувству встретили посрамление со стороны марксистских партий. К искусству и культуре обращались в основном как к каналам пропаганды, поставленным на службу рабочим организациям.

Марксистский революционный проект был примечателен малой заинтересованностью в урбанизации и общине. Эти цели были отмечены как «сверхструктуралистские» и предположительно не имели значения в экономических делах. Люди с их широкими интересами были искусственно преобразованы в экономические существа, так что марксистский революционный проект усилился за счет сильной деградации, декультурации и деперсонализации рабочих, произведенных фабричной системой. Рабочий, в его лучшем проявлении, был хорошим профсоюзным или партийным работником, но не сотворенным культурой существом с широкими этическими и моральными принципами.

Наконец, это денатурирование человеческих существ в пустые классовые существа привело к денатурированию самой природы. Марксистскому революционному проекту экологические цели были не только чужды, но они рассматривались как непродуктивные в прямом смысле этого слова. Они препятствовали индустриальному росту и освоению природного мира. К природе

относились как к «скупой», «слепой», жестокой «сфере необходимости» и совокупности «природных ресурсов», которую труд и технология должны укротить, подчинить и переработать. Огромный исторический сдвиг, произведенный капитализмом, который Маркс считал «необходимым», способствовал безжалостному уничтожению всех сдерживаний и ограничений в опустошении природного мира. Следовательно, мы сталкиваемся с восторженными похвалами Маркса новому индустриальному решению, представленному капиталом, который в его глазах был «перманентно революционным» в своем превращении природы в «простой объект» человеческого употребления.

Мнения Маркса по поводу необузданного использования природы на общественные цели не отражают так называемый гуманизм, или антропоцентризм, который в эти дни ругали столько англо-американские защитники окружающей среды. «Гуманизм» Маркса на самом деле основывался на примечательном коварном снижении людей до уровня объективных сил «истории», на их подчинении социальным законам, которые они не могут контролировать. Этот менталитет смущает даже больше, чем большинство бесчувственных форм «антропоцентризма». Природа превращается в простые «природные ресурсы», так как люди рассматриваются как «простые экономические ресурсы». Мнение Маркса о человеческом труде как о средстве, с помощью которого «человек» познает себя в конфликте с природой, зловеще подразумевает, что труд — «сущность» человечества, черта, которая ставит его особняком к другим человеческим чертам.

В этом отношении Маркс разрывает истинно гуманистические традиции прошлого, выбранные людьми за разумность, мораль, эстетические чувства и сочувствие всему живому. Наибольшее беспокойство вызывает то, что, если люди в марксистской теории — просто «инструменты истории», счастье и благосостояние возникающих поколений может быть заложено в угоду свободе более поздних поколений — бесконечность, которую большевики в общем, и Сталин в особенности, успешно использовали в огромных масштабах, «строя будущее» на трупах настоящего.

Вклад пролетарского социализма в революционный проект был в лучшем случае минимальным и непомерно экономическим по характеру. Критика Марксом буржуазной экономики как очень ограниченной в его время была мастерской. Она раскрыла латентную способность товара развиваться во всеразрушающую силу, способную изменить историю и ниспровергнуть рыночную экономику, стереть все традиционные формы социальной жизни. Она предвидела накапливающуюся силу капитала в точке, где монополия рассматривалась как его результат, а автоматизация — как логика капиталистических технологических инноваций. Маркс также видел, что однажды возникнув, капитализм породил фундаментальное чувство недостаточности, которого не создало в человеческом духе ни одно общество прежде. Порабощенное человечество жило в страхе и трепете перед продуктами собственного труда. Товары стали фетишем, который, казалось, управлял человечеством посредством колебаний рынка и его мистической власти решать проблемы экономического выживания.

Свободное общество могло только надеяться прийти к соглашению со своими собственными страхами, материальной нестабильностью и искусственно создаваемыми желаниями, когда технология достигнет того уровня развития, при котором излишек товара сделает нехватку бессмысленной, после чего можно будет надеяться, что в разумном и экологическом обществе люди разовьют, искаженные экономической жизнью, созданной капитализмом. То, что этот таинственный мир должен был стать персонализированным, как это произошло недавно с разными религиями — христианством или язычеством, а также с возвращением мифа, шаманизма, ведьмачества и других приманок таинственного, доказывает то, что капитализм был наводнен не только экономикой, но и личной жизнью.

Важно сделать потребность в технологии частью революционного проекта, которая сможет сдвинуть современный страх дефицита, то есть технологию постдефицита. Но такая технология должна рассматриваться скорее в контексте социального развития, а не как «предпосылка» к человеческому освобождению в любых условиях и в любое время. Докапиталистические общества со всеми своими провалами и ошибками были сформированы на основе безусловно мощных моральных предписаний. Я уже цитировал средневековый декрет, выбранный Кропоткиным, где сказано, что «все должны быть довольны работой»... Это было, без сомнения, редкостью. Утверждение, что работа должна быть приятной и что потребности и благосостояние не должны увеличиваться, неопределенным образом служило огромному количеству народных

высказываний о самой недостаточности. Фактически благосостояние часто считалось демоническим, а чрезмерное удовлетворение желаний — морально унижающим. Предложить дары, освободить себя от бесполезных вещей стояло выше накопления товаров и расширения потребностей. Не то чтобы докапиталистические общества не имели «аппетита» к предметам роскоши и благам жизни — конечно, не в Римской Империи. Но общество быстро реагировало на эти «пороки» аскетизмом и гимнами самоотречению.

Ирония в том, что именно эти традиции Маркс поднимал на смех в самых сильных выражениях, хваля капитализм за то, что он подрывает «унаследованное самодостаточное удовлетворение от существующих потребностей, ограниченных в четко определенных пределах и воспроизведении традиционных путей жизни». Производство в своих интересах — типично капиталистическое пренебрежение к качеству товара, польза которых только в количестве и выгоде, — должно было вступить в состязание с потреблением в своих интересах. Это утверждение сравнительно недавнее, конечно. Но оно глубоко укоренилось сегодня в сознании Западного мира. Данная фетишизация товара и идентификация материального обеспечения с богатством, а также современные определения потребления уже не могут быть значительно изменены только по одному моральному убеждению, какими бы серьезными ни были попытки. Модели современного потребления могут показаться бесполезными, просто нелепыми в силу того, что технология может обеспечить хорошую жизнь всем и что это определение хорошей жизни может сейчас быть предопределено по рациональным и экологическим линиям.

В любом случае марксизм как революционный проект «пошел на убыль», когда капитализм вновь возродился после Второй мировой войны безо всяких предполагаемых «пролетарских революций», которые, как планировалось, должны были завершить войну и избавить человечество от альтернативного варварства. Его спад в дальнейшем был связан с явным перерождением Советской России в национальное государство, изъеденное национальным шовинизмом и империалистическими амбициями. То, что марксистские учения отступили на академическую территорию, свидетельствует о его смерти как революционного движения. Оно стало безопасным и беззубым из-за того, что оно, по существу, буржуазно по своей сути.

Капиталистические страны национализировали огромные области своей экономики. Они так или иначе «планируют» производство, и им удалось смягчить экономическую неустойчивость при помощи огромного разнообразия реформ. Рабочий класс стал слишком безжизненной силой для базового социального изменения, не говоря о революции. Красный флаг марксистского социализма сейчас покрывает гроб мифов, которые прославляли экономическую и политическую централизацию, индустриальную рационализацию и простенькую теорию линейного прогресса, все во имя радикализма. Но красный флаг на нем или нет, он остается гробом. Мифы, покоящиеся в нем, должны были трагически отклониться от радикальной мысли и практики, от общих идеалов свободы, предшествовавших им в первой половине XIX века.

Новый левый радикализм и контркультурный утопизм

Революционный проект не погиб с уходом марксизма, хотя вульгарные марксистские идеалы должны были на десятилетия запятнать его после 1930-х гг. В конце 50-х — начале 60-х совершенно новое созвездие идеалов стало занимать его место. Рост движения за гражданские права в Соединенных Штатах создал социальный момент вокруг простого требования этнического равенства, во многих отношениях напоминающий требования равенства времен демократических революций XVIII в. с их широкими представлениями о новом человеческом содружестве.

Речи Мартина Лютера Кинга, например, имели *millenarian quality* своих почти докапиталистических тем. Его слова — открыто утопические и квазирелигиозные. Они содержат сноску на видение о восхождении на «вершину горы», подобном Моисееву; они обращаются к этическому пылу, который оказывается сильнее обращений к особым интересам и местническим пристрастиям. Они настроены против музыки хоралов, предлагающих послания вроде «Свобода сейчас!» и «Мы Победим!»

Расширение идеи освобождения, ее освящение религиозной терминологией и аналогичными молитвенными обращениями заместили псевдонауку марксизма. Это были остро этический призыв к духовному освобождению и утопическое видение человеческой солидарности, превосходящей классовые, собственнические и экономические интересы. Идеалы свободы теперь

вновь стали утверждаться в местном домарксистском революционном проекте на языке, который понятен спящим наяву пуританским радикалам Английской революции и, возможно, даже радикальным йоменам Американской революции. По качеству движение становилось все более и более мирским. Мирные протесты, срежиссированные, в первую очередь, черными министрами и пацифистами с целью «предъявить улики» против нарушения основных человеческих свобод, дать дорогу злобным столкновениям и насильственному противодействию власти. Обычные собрания заканчивались восстаниями, начиная с 1964 г., почти каждое лето в Соединенных Штатах заканчивалось подъемом черных гетто в размерах, приближенных к восстанию.

Движение за гражданские права не монополизировало идеалы равноправия, возникшие в шестидесятых. Им предшествовало в разумных пределах движение «против бомб» 50-х гг., включая Компанию ядерного разоружения в Англии и Женскую стачку за мир в Соединенных Штатах, началась конвергенция нескольких течений, результатом которой стало появление Новых Левых, которые резко отделяли себя от Старых Левых в своих целях, формах организации и стратегиях социальных изменений. Революционный проект открывался не продолжением пролетарского социализма, но домарксистскими идеалами свободы. В проект проникали антикультурные черты «мятежа молодежи» с его особым «ударением» на новый стиль жизни, сексуальную свободу и широко простирающуюся структуру либертарных ценностей. Возник богато расцвеченный горизонт социальных идей, экспериментов и отношений, ярко горящий экстравагантными надеждами на радикальное изменение.

Этот пыл происходил не только от идеологии, конечно. Его поддерживали плавные технологические, экономические и социальные переходы в евро-американском обществе. После окончания Второй мировой войны и перед началом шестидесятых погиб далеко не один только пролетарский социализм. Другой важной чертой Старых Левых был упадок таких линий, как институционализация радикализма в форме иерархических рабочих партий, экономическое отчаяние, отметившее десятилетие Великой Депрессии, и архаичское технологическое наследие, основанное на массивных индустриальных удобствах и интенсивно-трудовой фабричной системе. Индустриальное предприятие времен Великой Депрессии не было очень инновационным технически. Тридцатые могли быть десятилетием серьезной, но безжалостной надежды; шестидесятые, напротив, были десятилетием обильных обещаний, среди них даже такие, которые требовали немедленного удовлетворения своих желаний.

После Второй мировой войны капитализм, далекий от впадения даже в хроническую депрессию, предшествовавшую войне, вновь стабилизировался на гораздо более прочном фундаменте, чем до этого было известно в истории. Он создал управляемую экономику, основанную на военном производстве, поддерживаемом ослепительными технологическими продвижениями в области электроники, автоматизации, ядерных исследований и сельского хозяйства. Разнообразные товары в огромных количествах казались вытекающими из рога изобилия. Это благосостояние было столь массовым, что значительная часть народа фактически могла жить просто на отложенные средства. С расстояния в десятилетия трудно разглядеть, как бодрое чувство перспективы наполняло эру.

Это чувство обещанного было вполне материалистическим. Контркультурный отказ от материальных благ не вступал в конфликт с собственным потреблением стереомагнитофонов, телевизоров, «расширяющей сознание» фармацевтикой, экзотической одеждой, а также экзотической едой. В ранних либеральных трактатах, таких, как «Троякая революция», поощрялась в высшей степени справедливая вера в то, что технологически, по крайней мере в Западном мире, мы вступили в эру большей свободы от инструмента. То, что общество может быть приспособлено для того, чтобы брать все преимущества материальных и социальных благ, не вызывало сомнений, и это подкреплялось верой в возможность создать хорошую жизнь, которая будет построена на этических принципах.

Эти ожидания охватили все слои общества, включая те, в которые имели больше всего лишений и меньше всего привилегий. Движение за гражданские права проистекало не просто из чувства обиды черных людей, страдавших в течение трех веков от угнетения и дискриминации. В шестидесятые оно возникло, еще больше привлекая внимание, из народного ожидания лучшей жизни, характерного для средних классов белых, и веры в то, что в жизни можно достичь гораздо большего. Этическое обращение Кинга к его *lieutenants* построено на контрасте черной нищеты и белого изобилия, напряжении, сделавшем угнетение черных еще более нестерпимым, чем прежде.

По той же причине радикализм Новых Левых стал всеобъемлющим и фундаментальным по отношению к степени экономического роста, которым наслаждалась Америка, столь неравно распределяемом и так иррационально употребляемом, особенно в военных приключениях за границей. Контркультура и ее требования становились до такой степени все более утопическими, что комфортабельная жизнь для всех стала казаться даже более реальной. Молодежь, знаменитые «отбросы» шестидесятых, сделала этический призыв из того факта, что она может жить хорошо везде, начиная от мусорного бака общества и с «маленькой помощью от одних друзей», перефразируя текст популярной песни «Битлз».

Я говорю это не с целью очернить новый левый радикализм и контркультурный утопизм. Скорее, я пытаюсь объяснить, почему они приняли такие экстравагантные формы, а также как и почему они должны были увянуть, когда техника «управления кризисом» вновь изобрела миф о дефиците и сбавила темпы программ роста своего благосостояния.

Я также не заявляю, что этические идеалы свободы механически шли в ногу с материальными реалиями нищеты и изобилия. Восстания крестьян пятивековой давности и порожденные ими утопические взгляды, восстания ремесленников того же времени и с похожими идеями, религиозных радикалов вроде анабаптистов и пуритан, в конце концов рационалистских анархистов и либертарных утопистов, большинство из которых выдвинули в технологически неразвитую эпоху лозунги аскетизма, были бы необъяснимыми с точки зрения данной предпосылки. Эти революционные проекты одобряли свободу, базирующуюся на нищете, а не изобилии. К действию их обычно толкала тяжесть социального перехода от деревни к городу, от города — к национальному государству, от ремесленных форм работы к индустриальным, от смешанных социальных форм — к капитализму, и каждый раз во все более тяжелых как психологически, так и материально условиях.

Что подвинуло Новых Левых к их собственному революционному проекту, а контркультуру к ее версии нелицензионной утопии, — это идеи свободы, основанной на изобилии: каждый период времени потенциально на лучшем уровне, чем предыдущий. Действительно, первое время казалось, что общество может забыть о возможностях технологий производить материальные блага для всех и сконцентрироваться на этических благах для всех.

Изобилие, по крайней мере, в пределах, существовавших в средних классах, и технология невиданной продуктивности благоприятствовали радикальной этике: разумная уверенность, что уничтожение любой формы угнетения — чувств так же, как и тела, и ума — может быть достигнуто только на буржуазной основе экономического инструментализма. Это вполне объясняет либеральный тон ранних документов Новых Левых, вроде «Постановления порта Гурон», в котором говорится, что технология стала настолько продуктивной, что может быть использована для провозглашения достатка и уничтожения традиционных страхов лишения собственности. Состоятельные люди могут наслаждаться своим благосостоянием и, оставляя вопросы о власти и социальном контроле в стороне, кажется, более чем когда-либо, общество может способствовать богатой жизни для всех. Капитализм и Государство, очевидно, казались вынужденными утратить свой *raison d'être*, свой смысл жизни. Больше нет нужды распределять блага жизни по иерархическим линиям, так как технология делает эти блага доступными для всех.

Следовательно, труд перестал быть исторически объяснимым бременем масс. Уже не было необходимости подавлять сексуальность и сублимировать энергию либидо в непосильный труд. Условности, стоящие на пути к наслаждению, были необременительны в этих новых условиях, и потребность могла быть замещена желанием как вполне человеческим импульсом. «Область необходимого», очевидно, могла в конечном итоге быть замещена «областью свободы» — отсюда популярность, которую приобрели произведения Чарльза Фурье в это время во многих частях Западного мира.

Изначально Новые Левые и контркультура были в основе своей анархическими и утопическими. Несколько популярных подходов стали занимать центральное место в проектах, появившихся на поверхности коллективного сознания. Первый был богато демократическим: воззвания голосовались в системе принятия решений «лицом к лицу». Слова «демократия участия» вошли в моду в форме описания контроля «снизу» над всеми аспектами жизни, а не только политическими. Каждый, как предполагалось, мог свободно войти в политическую сферу или иметь дело с людьми в повседневной жизни в «демократической» манере. Это значило, очевидно, что эти люди должны были быть *прозрачными* во всех своих взаимоотношениях и идеях.

Новые Левые и в немалой степени контркультура, шедшая параллельно с ними, имели сильное антипарламентарное окружение, граничившее зачастую с совершенным анархизмом. Было написано многое об «огне на улицах», ставшем частью радикальной деятельности того времени. Тем не менее существовали сильные импульсы, направленные на институционализацию процесса принятия решений, выходящие за рамки уличных протестов и демонстраций, столь частых в то десятилетие.

Принципы основной американской организации Новых Левых, Студентов за демократическое общество (СДО — SDS) и их аналога в Германии, Социалистического студенческого союза (ССС), отличались в организационном плане от многих конференций и семинаров. Но на аудиторию накладывались некоторые ограничения, что делало эти организации открытыми для циничного проникновения паразитических догматических радикальных влияний. На многих из их конференций и семинаров, кроме самых больших, которые приобрели свою собственную геометрию равенства, обсуждения проходили за круглым столом, где не было формального председателя или лидера. Индивиды создавали форум говорящим, просто выбирая следующего выступающего из поднятых рук тех, кто хотел высказать свое мнение.

Эти геометрия и процедура не были просто праздною формой организационного и демократического символизма. Простая конфигурация выражала искреннюю веру в идеальный диалог лицом к лицу и спонтанную форму обсуждения. Лидерству не доверяли, должности чередовались, а на укрепляющуюся официальность смотрели неодобрительно, как на ступеньку к авторитарному контролю. Конференции Новых Левых драматически контрастировали с в высшей степени формализованными, тщательно срежиссированными собраниями, часто отличавшимися конференции рабочего движения поколением или двумя раньше. На самом деле демократия как радикальная форма принятия решений рассматривалась пролетарским социализмом, особенно в марксистской форме, как маргинальная по отношению к экономическим факторам.

В сущности, Новые Левые почти сознательно возрождали традиции демократических революций двухвековой давности. Именно потому, что блага жизни казались потенциально доступными всем в изобилии, Новые Левые казались понимающими, что демократия и этический идеал свободы были прямой дорогой к тому самому социальному равенству, которого старался достичь пролетарский социализм в основном экономическими и ориентированными на партию способами. Это был примечательный сдвиг в отношении к роли этики в эре, когда все материальные проблемы человечества в основном могли быть решены.

Домарксистская эра демократических революций, очевидно, была сплавлена с домарксистскими формами социализма и утопизма под рубрикой «Демократия участия». Экономика теперь стала действительно политической, а политическое стало утрачивать паутину государственного управления, которая покрывала его в течение века, — изменение, имевшее фундаментально анархическое значение.

Во-вторых, такая демократическая диспозиция социальной жизни была бессмысленной без децентрализации. Пока институциональная структура демократической жизни могла быть сведена к сравнимым, человеческим масштабам, которые были понятны всем, демократия с трудом могла достичь настоящей формы участия. Новые единицы социальных отношений должны были развиваться, и должны были быть основаны новые пути взаимодействий. Короче, Новые Левые начали нащупывать путь по направлению к новым формам свободы. Но они никогда не шли в развитии этих новых форм дальше конференций, обычно созывавшихся в университетских дворах.

Во Франции во время майско-июньского восстания 1968 г. появились некоторые признаки того, что собрания кварталов созывались в некоторых окрестностях Парижа. Проекты местных сообществ были начаты в Соединенных Штатах, особенно в группах, бойкотирующих арендную плату в коллективах, службах для гетто. Но идея развития новых видов либертарных муниципальных форм как сила, противостоящая превалирующим государственным формам, не укоренилась, если не считать Испанию, где Движение горожан Мадрида играло основную роль в формировании общественного мнения против режима Франко. Хотя требования децентрализации остались важным институциональным девизом, они никогда не принимали осязаемую форму, помимо университетских дворишков, где радикалы объединялись вокруг «власти студентов».

Контркультура предлагала свою собственную версию децентрализованных структур в форме коммунарского стиля жизни. 1960-е гг. стали десятилетием *par excellence* для общин анархического типа, как называли их авторы многих книг, посвященных данному предмету. В городах не

меньше, чем за городом, была очень широко распространена организация коммун. Эти образования имели целью не столько развитие новой политики, сколько попытки найти радикально новые пути жизни, которые были бы противопоставлены окружающим их общепринятым формам жизни. Они были ядром контркультуры. Эти новые пути жизни осуществляли обобществление собственности в отношении с благами жизни, разделение и чередование рабочих заданий, коллективную заботу о детях со стороны обоих полов, радикально новые сексуальные нравы, достижение абсолютных размеров экономической автономии и создание новой музыки, поэзии и искусства, которое бы могли подстричь против шерсти устоявшиеся вкусы в эстетике. Человеческое тело и его украшение, что бы не думал кто -то об установившихся стандартах, стало частью попыток украсить окружающую среду. Экипажи, комнаты, экстерьер зданий, даже кирпичные стены квартирных домов были декорированы и покрыты настенными украшениями.

Тот факт, что целые соседства были по большей части составлены из этих общин, привел к неформальным системам межобщинных ассоциаций и систем поддержки, таких, как так называемые советы племен. Идеал «родства», который контркультура бойко позаимствовала у культур американских индейцев, в основном нашел свое выражение в «родственности» «любви» и широком использовании индейских обычаев, ритуалов и взаимопомощи.

Возникли группы, пытавшиеся жить по этим племенным, действительно, в некоторых случаях разумным анархическим принципам, но их было сравнительно мало.

Многие молодые люди, создавшие контркультуру, были временно изгнаны из среднего класса, куда они вернулись после шестидесятых. Но ценности многих общинных стилей жизни просочились к Новым Левым, которые создали свои собственные коллективы для особых заданий, вроде печатания литературы, управления «свободными школами» и даже центры повседневной заботы. Анархистские термины вроде «группы родства» вошли в моду.

Испанские анархисты развивали эти группы как персональные формы ассоциации в оппозиции ветвям социалистической партии, базировавшимся на местах жительства или работы, но наиболее анархические элементы у Новых Левых смешивались с контркультурными элементами вроде стиля жизни с деятельностью в группах родства, образованных ими.

В-третьих, накопление собственности выглядело смешно. Умение «освободить» пищу, одежду, книги и тому подобное из универмагов и торговых центров стало призывом и делом чести. Этот менталитет и практика стали так широко распространены, что даже заразили полных условностей людей среднего класса. Грабеж магазинов достиг в шестидесятых размеров эпидемии. Собственность, в общем, виделась чем-то из общественных ресурсов, которые можно свободно использовать общественными в целом или частными «экспроприациями».

Эстетические ценности и утопические идеалы, которые были погребены в искусстве так же, как и политические манифестации, предстали сверхъестественно воскресшими. Музеи пикетировались как мавзолеи искусства, произведения которого, как чувствовали пикетирующие, должны быть так размещены в общественных местах, чтобы могли быть доступными для всех желающих. Уличные представления устраивались в самых невероятных местах, таких, как тротуары районов бизнеса; рок-банды устраивали свои концерты на улицах в или публичных скверах; парки использовались как районы для церемоний, или места для дискуссий, или просто жилища на открытом воздухе для полуобнаженных молодых людей, скандально куривших марихуану под самым носом у полиции.

Наконец, воображение западного общества перегрелось образами восстания. Новые Левые стали свято верить в то, что весь мир гранит с насильственным революционным изменением. Война во Вьетнаме мобилизовала толпы и сотни тысяч человек в Вашингтоне, Нью-Йорке и других городах, за которыми последовали сравнимое количество также из европейских городов, — мобилизация людей, которой не бывало со времен Русской революции. Восстания черных гетто стали повсеместными, за ними следовали столкновения между толпами так же часто, как полиция вела счет жизням. Убийства общественных лидеров, таких, как Мартин Лютер Кинг и Роберт Кеннеди, были только самыми общеизвестными из убийств, поглотивших жизни активистов гражданских прав, протестующих студентов и, в одном ужасающем преступлении, черных детей во время церковной церемонии. Эти контракты поставили левый индивидуальный терроризм на повестку дня некоторых движений Новых Левых.

1968 год видел самый эффектный подъем студенческих и черных движений. Во Франции в мае-июне миллионы рабочих бастовали вместе со студентами несколько недель. Эта «околореволюция», как ее называли раньше, аукнулась по миру в различных формах, хотя и с

минимальной поддержкой рабочего класса и даже с явной враждебностью американских и немецких рабочих, факт, поставивший печать смерти на пролетарский социализм.

Несмотря на другой огромный подъем студентов в 1970 году в Соединенных Штатах, в котором основное восстание последовало за американским вторжением в Камбоджу, движение было скорее воображаемым проектом восстания, чем чем-то реальным. Во Франции рабочие в конце концов отступили под командой своих партий и союзов. Средние классы находились в центре конфликта между материальными выгодами, которые они получали из установившегося порядка, и моральными призывами Новых Левых, и даже их собственных детей. Книги Теодора Росака и Чарльза Рейха, в которых они попытались объяснить этические призывы Новых Левых и особенно контркультуры, были восприняты старшим поколением на удивление хорошо. Возможно, миллионы вполне подверженных условностям людей должны были переменить мнение по поводу сочувствия к антивоенным демонстрациям, даже самих Новых Левых, если их идеология была проведена в популярных и либертарных формах, совместимых с американским собственным революционным наследством.

Конец шестидесятых фактически был фундаментально важным периодом в истории Америки. Было ли это более медленное, более терпеливое и более нивелированное развитие Новых Левых и контркультуры, так или иначе огромные области народного сознания изменились. «Американская мечта», возможно, подобно национальным «мечтам» других стран, имела глубокие идеологические корни, и не только материальные. Идеалы свободы, община, взаимозащита, даже в децентрализованных конфедерациях были перенесены в Америку ее радикальными пуританскими поселенцами со своим протестантизмом в форме собраний, не признававшим никакой клерикальной иерархии. Эти радикалы проповедовали евангелие скорее примитивного христианского коммунизма, чем «грубо индивидуализма» (собственно, западный ковбой — идеал чисто личностного «анархизма», в котором одинокий «лагерный костер» вооруженного одиночки заменяет домашний семейный очаг деревни йоменов). Пуритане придавали большое значение народным собраниям «лицом к лицу» или городским встречам как инструментам самоуправления, в отличие от централизованного правительства. Возможно, более почитаемый из-за разногласий, чем последовательных обрядов, этот евангельский стиль имел огромное влияние на американское воображение, влияние, легко сочетающее идеи Новых Левых и контркультуры с этической демократией, которую принимали бы многие американцы.

Один из ужасных фактов истории тот, что Новые Левые, далекие от следования этому историческому курсу, сделали все наоборот в конце шестидесятых. Это оторвало их от анархических и утопических корней. Что еще хуже, это без критики приспособило идеологии третьего мира, внушенные вьетнамской, китайской, северокорейской и кубинской социальными моделями. Они были представлены в тошнотворных размерах сектантскими марксистскими обломками, влачившими жизнь с тридцатых не только в США, но и в Европе. Сама демократия Новых Левых использовалась авторитаристами типа Мао при попытках поглотить СДО (SDS) в Америке и Германии. Виной среднего класса был механизм формирования сочувствующего отношения к самозванному рабочему классу и черным группам; одобрения буйного, ультрареволюционного фанатизма, который полностью маргинализировал последователей этого направления и в конце концов деморализовал их. Неудавшиеся попытки многих анархистов в американском и германском СДО (SDS), так же, как и сходных с ними движений, развить хорошо организованное движение внутри более крупных (особенно с «ультрареволюционными» хвастунами и чванливыми радикалами в США), сыграли на руку более хорошо организованным маоистам — с гибельным результатом для Новых Левых в целом.

Но не только недостаток идеологии и организации привел Новых Левых и сильно колеблющуюся контркультуру к упадку. На смену расширению, «перегревшему» экономику шестидесятых, пришла прохладная, более колеблющаяся экономика семидесятых. Все быстрее увеличивающийся уровень экономического роста умышленно сдерживался, и его направление было частично повернуто назад. При Никсоне в Америке и Тэтчер в Англии, так же, как и в других европейских странах, был создан новый политический и экономический климат, заменивший «кипящий» менталитет постдефицита шестидесятых экономической неуверенностью.

Материальная ненадежность семидесятых и политическая реакция, последовавшая за выборами консерваторов в Америке и Европе, начали благоприятствовать уходу личности из общественной сферы. Личность, карьеризм и свой интерес все больше приобретали власть над желанием общественной жизни, этикой заботы и желанием перемен. Новые Левые пришли в

упадок даже быстрее, чем они поднялись, и контркультура стала индустрией бутиков и порнографических форм сексуальной распушенности.

Действительно, расширяющая сознание «наркокультура» шестидесятых дала дорогу успокаивающей «наркокультуре» семидесятых, которая в свою очередь привела евроамериканское общество к национальному кризису в связи с открытием новой фармацевтики и ее экзотических комбинаций с более интенсивными «взлетами» и «падениями».

Еще только предстоит написать о Новых Левых и контркультуре с полным знанием фактов, свидетельствующих об их истоках, развитии и упадке. Большинство материалов, сейчас нам доступных, отмечено скорее сантиментами, чем серьезным анализом.

Радикализм той эры тем не менее чувствовался интуитивно. Новые Левые никогда не были так образованы, как Старые, поэтому они старались преуспеть действием и пренебрегали теорией. Несмотря на внезапный разлив разумных и электризирующих пропагандирующих трактатов, они не создали интеллектуальных отчетов о событиях, связанных с ними, или о реальных возможностях, с которые они имели. В отличие от Старых Левых, которые со всеми своими провалами были частью вековой исторической традиции, эпохи, наполненной анализами совокупного опыта и критическими оценками его результата, Новые Левые, скорее казались изолированным островом истории, существование которого трудно объяснить как часть большей исторической эры.

Занятые больше действиями, чем размышлениями, Новые Левые ухватились за подчищенные версии наиболее вульгарных марксистских догматов, чтобы выразить свое почтение к движениям третьего мира, вызванное чувством вины, собственную ненадежность среднего класса, и скрытую элитарность их наиболее оппортунистических, средне-ориентированных лидеров, которые служили доказательством того, что власть явно развращает. Наиболее увлеченные из радикальной молодежи шестидесятых пошли на фабрики, чтобы за короткий промежуток времени «завоевать» в основном равнодушный рабочий класс, пока другие повернуты к «терроризму», ставшему в одних случаях пародией на реальность, а в других — дорогостоящей трагедией, уносившей жизни просвещенных, но печально заблуждавшихся молодых людей.

Ошибки, которые в последнем веке поколение повторяло за поколением, таким образом, вновь совершали свой цикл: пренебрежение теорией, внимание к действию, исключавшие все серьезные мысли, тенденция впасть обратно в догматы книжных червей, когда действие реализовано, завершающая неизбежность поражения и деморализации. И именно это возникло, когда шестидесятые стали подходить к концу.

Но не все потеряно в развитии. Пролетарский социализм сфокусировал внимание революционного проекта на экономических аспектах социального изменения — на необходимости создать материальные условия, особенно при капитализме, для человеческой свободы.

Это полностью подтвердило тот факт, что люди должны быть сознательно свободны от материальных желаний, чтобы быть в состоянии полноценно функционировать в политической сфере как граждане. Свобода, которой не хватало материальной базы, для того чтобы люди могли действовать как самоуправляемые и самоправящие индивиды или коллективы, была чисто формальной свободой неравенства равных, сферой простой справедливости. Пролетарский социализм погиб частично из-за своей трезвости и недостатка воображения, но он также внес необходимые коррективы в этику, которую ранние радикалы строили на политических институтах и сильно нафантазированном представлении об экономическом устройстве, что было так необходимо для полного народного участия в формировании общества.

Новые Левые восстановили анархические и утопические взгляды домарксистского проекта и широко их распространили в соответствии с новыми материальными возможностями, созданными технологией после Второй мировой войны. К потребности свободного общества в солидном экономическом фундаменте Новые Левые и контркультура добавили явно фурьевские качества. Они создали образ эстетического общества, а не просто хорошо накормленного; общества, свободного от тяжелого труда, а не только от экономической эксплуатации; реальной, существующей демократии, а не формальной; удовольствия, а не просто удовлетворения потребностей.

Антииерархические, децентралистские, коммунальные и эстетические ценности еще сохранялись в семидесятых, несмотря на идеологические искривления распадающихся Новых Левых, и их уход в воображаемый мир восстаний, «дней гнева» и терроризма.

Хотя многие из деятелей Новых Левых проникли в университетскую среду, которую они презирали в шестидесятых, и начали совсем обычную жизнь, движение расширило рамки

понимания свободы и сферу революционного проекта, выведя их за пределы традиционных экономических границ в широкую культурную и политическую область. Ни одно радикальное движение в будущем не сможет игнорировать этическое, эстетическое и антиавторитарное наследие, оставленное Новыми Левыми, и общинные эксперименты, возникшие в контркультуре, хотя обе тенденции были, без сомнения, идентичными. Но теперь остаются два вопроса. Какие особые формы должно принять будущее движение, если оно надеется достучаться до людей? И какие новые возможности и дополнительные идеи должны возникнуть, чтобы они способствовали дальнейшему расширению идеалов свободы?

Феминизм и экология

Ответы на эти вопросы начали появляться еще тогда, когда Новые Левые и контркультура были очень даже живы и сосредотачивались вокруг двух в основе своей новых целей: экологии и феминизма.

Консервативные движения, даже движения в защиту окружающей среды с целью исправить специфические загрязняющие злоупотребления, имеют длинную историю в англоговорящих странах, особенно в Соединенных Штатах и Центральной Европе, где мистификация природы относится еще к позднему средневековью. Возникновение капитализма и повреждений, нанесенных им природному миру, придало этим движениям новое чувство безотлагательности. Признание, что возникновение особых болезней, вроде туберкулеза — известной «Белой чумы» девятнадцатого века — связано с бедности и плохими условиями работы, стало основным выводом многих социально сознательных врачей, таких, как Рудольф Вирхов, немецкий либерал, глубоко озабоченный антисанитарными условиями жизни бедняков Берлина. Похожие движения возникли в Англии и распространились на большую часть Западного мира. Связь между окружающей средой и здоровьем, таким образом, виделась как проблема первостепенной важности для благополучия на протяжении века.

По большей части эта связь рассматривалась с точки зрения практики. Потребность в чистоте, хорошей еде, чистом воздухе, здоровых условиях работы имела дело с весьма узкими условиями, не бросающими вызова социальному порядку. Движение в защиту окружающей среды стало реформистским. Оно не касалось широких проблем, помимо гуманного отношения к бедным и рабочему классу. Его сторонники полагали, что со временем и при помощи последовательного проведения реформ можно избежать конфликта между ориентацией строго на окружающую среду и капиталистической системой.

Другое движение защитников окружающей среды, в основе своей американское (хотя весьма широко распространенное в Англии и

Германии), возникло из мистической страсти к дикости. Состав примкнувших к этому движению слишком смешанный, чтобы его здесь рассматривать. Американские защитники рек и лесов, такие, как Джон Мур, увидели в дикости духовно возрождающуюся форму общинной нечеловеческой жизни, той, которая, предположительно, пробуждает глубоко сидящие человеческие желания и инстинкты. Это мнение во времени существует по времени даже дольше, чем идиллические стремления Руссо к одинокому образу жизни в естественном окружении. Как сентиментальность, оно всегда было отмечено изрядной долей двусмысленности. Дикость, или то, что от нее сегодня осталось, может дать чувство свободы, усиленное чувство плодovitости природы, любовь к нечеловеческим формам жизни, и более богатую эстетическую перспективу и восхищение естественным порядком вещей.

Но она также имеет и менее невинную сторону. Она может привести к отрицанию человеческой природы, интровертному отречению от социального общения, ненужному противопоставлению дикости и цивилизации. Руссо склонялся к этой точке зрения в XVIII в. по различным причинам, которых нет необходимости касаться в данной дискуссии. То, что Вольтер называл Руссо «врагом человечества», не совсем преувеличение. Энтузиаст дикости, уединявшийся в горных районах и избегавший человеческого общества, создал образы неисчислимых мизантропов на протяжении лет. Для людей племени такие индивидуальные уходы, или «поиски видений», были путями возвращения в их общины с большей мудростью, а для мизантропа — восстанием против своего собственного вида, на самом деле, отказом от естественной эволюции, воплощенной в человеке.

Это натравливание «первой природы» на социальную «вторую природу» связано с неспособностью понимать, что иррациональное и антиэкологическое в капиталистическом обществе могло бы быть рациональным и экологическим в свободном обществе. На обществе — клеймо продажности. Человечество, независимо от своих внутренних конфликтов между угнетателем и угнетаемым, превращается в единое целое, становится одним «видом», оказывающим пагубное влияние на первобытный, предположительно «невинный» и «этичный» естественный мир.

Такие мнения с легкостью продуцируют биологизм, который не видит способа существования человечества и общества в природе или, более точно, в естественной эволюции. Тот факт, что люди — тоже продукт естественной эволюции, и общество выросло из этого эволюционного процесса, включило в свою эволюцию природный мир, измененный для социальной жизни, обычно занимает подчиненное положение по отношению к очень статичному образу природы. Этот упрощенный тип представления видит природу простым куском пейзажа типа того, с которым мы встречаемся на открытках. Это мнение больше эстетическое, чем экологическое. Энтузиаст дикой природы обычно либо гость, либо отдыхающий в мире, и в основе своей чужой для его или ее собственной социальной окружающей среды. Такие энтузиасты диких мест переносят свое социальное окружение внутрь себя самих, знают они об этом или нет, это так же верно, как то, что рюкзаки у них за плечами зачастую являются продуктом в высшей степени индустриализированного мира.

Необходимость подняться выше этих традиционных течений в вопросах, касающихся охраны окружающей среды, возникла в начале 1960-х, когда в 1964 году анархистские авторы попытались переработать идеи свободы с проэкологической позиции. Не отрицая потребности остановить деградацию окружающей среды из-за загрязнения, обезлесивания, сооружения ядерных реакторов и тому подобного, реформистские подходы, сфокусированные на отдельных проблемах, были оставлены ими во имя революционного подхода, основывающегося на необходимости тотально перестроить общество в экологическом направлении.

Что характерно в этом новом подходе, корни которого можно найти в трудах Кропоткина, это определение отношений, которые оно создало между иерархией и доминированием человека над природой. Выражаясь просто, сама идея подавления природы берет начало от подавления человека человеком. Как я уже отмечал в этой книге, эта интерпретация полностью перевернула традиционное либеральное и марксистское мнение о том, что доминирование людей над людьми происходит от исторической необходимости доминирования над природой, что, используя человеческий труд, можно преодолеть, «кусачий», неподатливый природный мир, чьи «секреты» должны быть раскрыты и принести пользу при создании процветающего общества.

Ни одна идеология со времен Аристотеля фактически не сделала больше для того, чтобы оправдать иерархию и доминирование, чем миф о том, что доминирование над природой предполагает доминирование «человека над человеком». Либерализм, марксизм и более ранние идеологии нерасторжимо связали подавление природы со свободой человека. Ирония в том, что доминирование людей над людьми, подъем иерархии, классов и государства, рассматривались как «предпосылки» для их устранения в будущем.

Идеи, выдвинутые анархистами, умышленно назывались социальной экологией, чтобы подчеркнуть, что большинство экологических проблем коренятся в социальных проблемах, проблемах, относящихся к самому началу патристической культуры. Подъем капитализма, основными законами жизни которого были конкуренция, накопление капитала и неограниченный рост, сделал эти проблемы — экологические и социальные — особенно важными, причем настолько, что это не имело прецедентов ни в одной более ранней эпохе человеческого развития. Капиталистическое общество, занятое переводением органического мира во все более безжизненное, неорганическое собрание товаров, было предназначено для упрощения биосферы, чтобы посредством этого «стричь против шерсти» естественную эволюцию с ее движением по направлению к дифференциации и разнообразию.

Чтобы это изменить, капитализм следует заменить экологическим обществом, базирующимся на неиерархических отношениях, децентрализованных общинах, экотехнологиях вроде солнечной энергии, органическом сельском хозяйстве и индустрии, короче, демократическими формами типа «лицом к лицу» поселения, экономически и структурно связанного с экосистемой, в которой оно локализовано. Эти идеи выдвигались в таких статьях, как «Экология и революционная

мысль» (1964) и «По направлению к свободной технологии» (1965), за годы до того, как был объявлен «День Земли» и в повседневную речь стало входить непонятное слово «экология».

Следует особо отметить, что данная литература поначалу привязывала экологические проблемы к иерархии, а не просто к экономическим классам; что была сделана серьезная попытка выйти за рамки единичных проблем окружающей среды в направлении к глубоко засевшим экологическим неполадкам монументального характера; что отношение природы к обществу, формально рассматриваемое как изначально ему антагонистическое, раскрывалось как часть продолжительного исторического континуума, на которой общество отодвинулось от природы в результате сложного и кумулятивного эволюционного процесса.

Возможно, требовалось слишком много от становящихся все более маоистскими Новых Левых и — все более коммерческой контркультуры: и те, и другие обладали слишком большой склонностью к действию и все более глубоким недоверием к теоретическим идеям, чтобы включить в себя социальную экологию как целое. Такой термин, как «иерархия», редко используемый в риторике Новых Левых, был широко распространен в радикальных дискуссиях конца 60-х и оказался соответствующим новому движению, а именно феминизму. Категория иерархии с ее определением женщины как жертвы «цивилизации», ориентированной на мужчин, независимо от ее «классового положения» и экономического статуса, оказалась особенно подходящей для ранних феминистских анализов. Социальная экология все больше перерабатывалась ранними радикальными феминистскими авторами в критику иерархических форм, а не просто классовых форм.

В широком смысле, социальная экология и ранний феминизм прямо бросили вызов марксистской ориентации на экономические основания в социальном анализе. Они воспроизводили антиавторитарную перспективу Новых Левых с более четким и более выраженным выделением иерархического доминирования. Приниженная позиция женщин как рода и статусной группы делалась очень явной на фоне ее кажущегося «равенства» в мире, управляемом правосудием неравенства равных. В то время как Новые Левые преобразовывались в марксистские секты, а контркультура трансформировалась в новую форму розничной продажи, социальная экология и феминизм распространяли идеал свободы, выходящий за рамки всех созданных недавно границ. Иерархия как таковая, в форме способов мышления, основных человеческих отношений, социальных отношений и взаимодействия общества с природой, могла быть высвобождена из классового анализа, который скрывал ее в экономической интерпретации общества. Историю теперь можно исследовать в терминах, понятных всем, таких, как свобода, солидарность и эмпатия какого-либо рода; на самом деле потребность быть действующей частью природного баланса.

Эти интересы уже не были специфическими для особого класса, рода, расы или национальности. Это были универсальные интересы, разделяемые всем человечеством в целом. Не то чтобы экономические проблемы и классовые конфликты можно было игнорировать, но ограничение только ими оставляло искаженные чувства и отношения, с которыми следовало бороться и которые следовало исправлять, используя более широкие социальные перспективы.

В терминах, которые были более выразительными, чем любые другие, сформулированные в 60-х или раньше, революционный проект мог теперь быть четко определен как уничтожение иерархии, регармонизация отношений человека с природой путем регармонизации отношений человека с человеком, достижение экологического общества, структурированного на экологически проверенных технологиях и демократических общинах типа «лицом к лицу». Феминизм сделал возможным определить значение иерархии в очень экзистенциальной форме. Срисованный из литературы и языка социальной экологии, он изобразил иерархию при помощи статуса женщины во всех классах, занятиях, социальных институтах и семейных отношениях конкретной, видимой и мучительно реальной. Он показал ужасные жизненные условия, в которых страдали все люди, и особенно женщины, он разоблачил неуловимые формы иерархии, существовавшие в детской, спальне, кухне, на игровой площадке и в школе, а не только на рабочем месте и вообще в общественной сфере.

Следовательно, социальная экология и феминизм логически переплетаются друг с другом и дополняют друг друга в процессе демистификации. Они разоблачили демонического инкуба, извращавшего любое продвижение «цивилизации» ядом иерархии и доминирования.

Поле деятельности, даже большее, чем предложенное ранними Новыми Левыми и контркультурой, было создано в середине 60-х и предлагало развитие разработок,

образовательной деятельности и серьезной организации с целью «достучаться» до всех людей без исключения, а не только части популяции.

Этот проект мог быть подкреплён проблемами, «стригущими против шерсти» все традиционные классовые линии и статусные группы: искажением обширных естественных циклов, возрастающим загрязнением планеты, массовой урбанизацией и увеличением связанных с плохой экологией заболеваний. Стало появляться все больше людей, чувствующих себя глубоко вовлеченными в проблемы окружающей среды. Вопросы роста, выгоды, будущего планеты предполагали на своем собственном пути всеохватывающий, социально планетарный характер; это больше не были одиночные проблемы или классовые проблемы, но человеческие и экологические проблемы. То, что различные элиты и привилегированные классы еще *преследовали свои собственные* буржуазные интересы, могло осветить границы, в которых капитализм сам по себе становился особенно неинтересным, и его существование больше не могло быть оправдано. Это вполне могло доказать, что капитализм не представляет универсальную историческую силу, и еще меньше — универсальные человеческие интересы.

Конец 60-х и начало 70-х гг. образовали период, наполненный экстраординарными альтернативами. Революционный проект ушел в себя. Идеалы свободы, чьи нити были оборваны марксизмом, были вновь собраны и проведены по анархическим и утопическим линиям, чтобы охватить универсальные человеческие интересы — интересы общества как целого, а не национального государства, буржуазии или пролетариата как специфического социального феномена.

Достаточно ли было. Новых Левых и контркультуры, для того чтобы воспользоваться расширенным революционным проектом, открытым социальной экологией и феминизмом, для спасения от процесса разложения, последовавшего в 1968 г.? Могли ли радикальные мнения и энергия радикалов быть мобилизованы в масштабах и с интеллектуальностью, равных обширному революционному проекту, предложенному этими двумя направлениями?

Неопределенные требования демократии участия, социальной справедливости, разоружения и тому подобного должны были стать в перспективе последовательной программой. Они требовали направления, которое могло быть дано только более глубоким теоретическим пониманием, соответствующей программой и более четкими организационными формами, чем могли создать Новые Левые 60-х. Призыв Руда Дучке к «Длинному маршу через институты», обращенный к немецкой СДО (SDS) и оказавшийся немногим больше, чем призывом приспособиться к существующим институтам, не заботясь о создании новых, привел к потере тысяч в их недрах. Они вошли — и никогда не вышли.

Хаким Бей

МИЛЛЕНИУМ

Когда двое встречаются для трапезы или дуэли,
появляется третий, третий лишний паразит,
свидетель, пророк, беглец.

М. Серрес Гермес

1. Джихад

Пять лет назад все еще было возможно занять в мире позицию третьего. Отказаться от выбора, вывернуться, увильнуть, построить свое царство вне диалектики, даже целое подпространство отдохновения от борьбы. Исчезнуть — означало «проявить волю к власти».

Теперь есть только один мир, мир победителя, с его триумфом «конца Истории», конца невыносимой боли, причиняемой воображением, апофеоз кибернетического социал-дарвинизма. Деньги выступают от имени самой Природы и требуют для себя абсолютной свободы. Полностью превращенные в дух, освобожденные от телесной оболочки (проще говоря, от продукции), мгновенно обращающиеся в бесконечности гностической нумисферы далеко за пределами Земли, именно деньги, и только они одни, будут определять сознание. Двадцатый век закончился пять лет назад; наступил Миллениум. Где нет второго, нет оппозиции, там не может быть третьего с его позицией. Так что выбирать приходится: или мы признаем себя «последними людьми», или пойдем, что мы в оппозиции. (Либо автомонотония, либо автономия.) Все позиции, предполагающие воздержание от конфликта, должны быть пересмотрены с новой точки зрения, основанной на новых стратегических данных. Короче, мы загнаны в угол. Пользуясь определениями идеологов прошлого, можно сказать, что мы снова находимся в «объективно предреволюционной» ситуации. Позади временные автономные зоны, мятежи... нужна революция, джихад.

2. Однообразиие

Если в XX веке разменной монетой была энтропия, в веке XXI ее место занимает настоящий хаос. Буржуазные и антибуржуазные школы мысли предлагали картину единого мира, унифицированного благодаря научному сознанию, но в конце концов такой мир создадут деньги.

Деньги не мигрируют в пространстве. И если кочевник движется с места на место, деньги перемещаются от момента времени к другому его моменту, уничтожая пространство. Деньги не ризома, а хаос, многомерный, неорганический, но репродуцирующийся (в ходе бесконечной регрессирующей бифуркации¹). Это половое размножение мертвого тела.

«Капитал» в таком случае должен считаться «странным аттрактором»². Сама математика денег («вышедших из-под контроля») может быть рассмотрена на примере закрытых корпоративных сетей типа *SWIFT*, банковских интернет-систем и систем электронного арбитража. Триллион долларов ежедневно пронесется по киберпространству (причем едва ли 5% от этой суммы имеют хотя бы косвенное отношение к реальной продукции).

Мир может взаимодействовать с хаосом, но вся подлинная сложность будет сведена к однообразию и расщеплена. Само сознание «есть часть представления». Живой опыт, требующий

присутствия, будет отвергнут из простого опасения: как бы он не открыл нам глаза на мир по ту сторону электронного забора. Меня ожидает жизнь после жизни на экране монитора, в этих гностических звездных вратах, в бутылке джина, уготовленной для моего развоплощенного духа. Бесконечность однообразия в бескрайних глубинах цифрового зиндана, безграничные возможности связи и безграничное одиночество, безмерная схожесть желаний и безмерное расстояние до их реализации...

¹ Концептуальные понятия из области квантовой теории систем. Бифуркацией или «вилкой» называют точку на оси времени, в которой реализуется одна из двух возможных альтернатив развития системы, вторая становится «виртуальной». Говоря философским языком, в точке бифуркации возможность становится действительностью. Хаким Бей не вполне корректно использует это понятие для обозначения процесса симуляции, то есть удвоения системой самой себя.

² «Странный аттрактор» - модель квантовой системы, в которой происходит т.н. «квантовый скачок», т.е. переход системы из одного устойчивого состояния на другое с выделением энергии или ее поглощением, а также точка, в которой происходит этот скачок. - Прим. пер.

7. Моральность насилия

Парадоксальное возрождение морали здесь начнется с руин ортодоксии. Однако на этот раз воздвигается жилище не более постоянное, чем черные палатки бедуинов ибн Халдуна. Рано или поздно джихад (т.е. борьба) приводит обратно (путем *та'улия* ИЛИ герменевтической экзегезы) к шариату (т.е. закону). Но «шариат» также означает «путь», или «дорога», это «открытая дорога» неприкаянного странника. Ценности произрастают из способности к воображению, иными словами, из способности к движению. Место, «где боги остановились», реально. Но боги продолжают движение, они движутся подобно бликам на воде в «Одах» Пин-дара.

Привлекать внимание при помощи террора не аморально. Это просто невозможно. Послание «терроризма» состоит в том, что здесь нет никакого «здесь»; только кибергностическая свалка истории, куча мучительной никчемности, ограниченная ответственность как космический принцип. Можно подумать, что морально (пусть даже в соответствии с «воображаемой моралью») насилие над идеями и институтами, но в языке не хватает слов для реализации такой формы насилия, которая неизбежно приводит к слепым атакам, даже к дефициту необходимого внимания. В любом случае все это даже не вопрос чьего-нибудь «духовного состояния». Просто схема восприятия автоматически перестраивается. Это не состояние, а «остановка» в терминологии суфиев. Таково наше видение *да'ва аль-кадими* или Древней Пропаганды. Заимствуя фразу измаилитов, можно сказать, что она устарела, ибо никогда не рождалась вполне.

11. Революционная сотериология

Таким образом, «мир, который будет спасен» благодаря джихаду, это не только Природа, которая не сможет пережить неволю без губительного отчуждения сознания от всякой «изначальной близости», но также пространство культуры, пространство самотождественного становления «Земли и Воли». Возделывание земли это трагическое Отпадение от естественной человеческой экономики собирательства, охоты, обмена, даже больше — катастрофический сдвиг в самом сознании. Но настаивать всерьез на прекращении сельского хозяйства — значит заниматься махрово-мальтузианским, жизнененавистическим нигилизмом, подозрительно напоминающим гностическое самоубийство. Теперь мораль отрицания — это мораль освобождения, и наоборот. Ядро нового общества всегда зреет внутри старой скорлупы. Все, что единый мир пытается уничтожить или смешать с грязью, приобретает в наших глазах неповторимое сияние органической жизни. Это справедливо в отношении всего, что касается нашего нынешнего «позднего каменного века» с его фульеристскими усовершенствованиями и сюрреалистическим урбанизмом. Даже «Цивилизация» может оказаться «неплохой идеей», если освободить ее из-под гнета ее собственного всепожирающего детерминизма. Таков наш консерватизм. Так, несмотря на ни на что, несмотря на титанические опустошения, произведенные искусственным интеллектом Капитала, «мир, который будет спасен» подчас отделен от «этого» мира лишь тонким волоском сатори³. Миллениум всегда раскрывает момент настоящего, но он же завершает целый мир.

³ Буквально это слово переводится как «Просветление». Также мотив Просветления, как мгновенного перехода из одного состояния в другое персонифицирован в образе мифического существа-сатори японской народной мифологии. «Сатори изображаются как люди среднего роста, с очень волосатой кожей и пронзительными глазами. Живут сатори в отдаленных горах, как звери, охотясь на мелких животных и не встречаясь с людьми. Согласно легенде, такими становятся монахи-даосы, достигшие полного понимания Дао и Просветления. Они могут читать мысли собеседника и предугадывать каждое его движение. Люди от такого иногда сходят с ума.» (Б. Иванов «Введение в японскую анимацию») Упоминание реалий Дальнего Востока и, в частности, персонажей японской мультипликации и японского кинематографа настолько же характерно для Хаким Бея, насколько употребление суфийских терминов. Жанр аниме был чрезвычайно популярен в молодежной среде Америки конца восьмидесятых - начала девяностых годов. Из аниме в большинстве случаев молодые американцы подчерпывали сведения о японских боевых искусствах (например, айкидо), а также образы мифических чудовищ. - Прим. пер.

13. Вызов и ответ

Меньше десятилетия назад враг мог быть воплощен во Всемирной Машине Труда или в Зрелище, что заставляло искать спасения от него в отшельничестве или бегстве. Еще не упал огромный загадочный занавес, закрывший от нас картины иных форм производства, игровых и ни к чему не обязывающих, и иных форм Представления, аутентичных и приносящих удовольствие актерам и зрителям. Основная и очевидная цель того времени состояла в том, чтобы создать альтернативное ядро, основанное на реализациях описанных форм (или, напротив, не дать распасться уже существующему). Сопrotивление было тактикой защиты автономных зон, созданных вокруг такого ядра (как временных, так и постоянных). В айкидо нет понятия «нападение»: вы уклоняетесь от атаки, после чего энергия атаки, отразившись, уничтожается за счет самой себя. Капитализм в свое время утратил основания для подобной тактики отчасти потому, что оказался восприимчивым к стратегической концепции «третьей силы», а отчасти из-за того, что в качестве идеологии он, как и прежде, не смог разрешить свои собственные внутренние противоречия (к примеру, явление «демократии»).

Теперь ситуация в корне иная. Капитализм свободен от своей идеологической брони. Теперь он не считает нужным уступать место какой-либо «третьей силе». Основатель айкидо мог уворачиваться от пуль, но никто не в силах уклониться от натиска такой силы, которая занимает все пространство тактического маневра. Эскапизм доступен «третьему лишнему, паразиту», но не напрямую и единственному бойцу. Теперь капитализм волен объявить войну и открыто выступить против всех бывших «альтернатив» (в том числе и «демократии»). В этом смысле не мы выбрали для себя роль оппозиции: ее выбрали для нас.

В кендо считается, что нет такого приема, как защита, вернее, что лучшая защита — это нападение. Однако атакующий находится в невыгодном положении (потеря баланса), вспомним айкидо. Что же делать? Парадокс: будучи атакован, бей первым. Ясно, что теперь наши

«альтернативы» не просто любопытные возможности, но жизненно важные стратегические позиции. Революция, правда, не поединок в кендо и не нравоучительная пьеса. По всей видимости, наша тактика будет определяться не столько историческим опытом, сколько желанием оставаться в истории, не потребностью «выжить», а упрямым стремлением продолжать.

Вопрос «что делать?» должен быть решен по двум причинам: во-первых, уже сейчас существуют тысячи организаций, легально работающих на фактически революционные (или хотя бы более или менее пристойные) цели, но нет организующего мифа, нет пропаганды, нет преобразующего «революционного сознания», способного преодолеть разделение, институционализацию реформизма и идеологический паралич («раздать темы для борьбы»). С другой стороны, «нелегалы» в большинстве своем обречены, к несчастью, на контрпродуктивность и зализывание ран по той же самой причине: отсутствует сознание, или, если угодно, метаноя, целостное сознание. В подобной ситуации слияние кажется невозможным, и первое, с чем приходится столкнуться на пути джихада, это грубая теоретическая необходимость осознать и подчеркнуть собственное место в историческом процессе. Вести сейчас разговоры о «предреволюционной ситуации» — значит навлекать на себя иронию, которую подобные термины и должны неизбежно вызывать (чего стоит одна только история, понятая как «кошмар»). Какие ныне зрим знаменья и откуда?

В этом месте надо остановиться и вспомнить, что первоначально так называемая «пропаганда действием» включала в себя помимо актов насилия также и «добрые дела». Временные автономные зоны сохраняют свое значение не только сами по себе, но и в связи с предоставляемой ими возможностью историзации непосредственного жизненного опыта. Возможно

даже, что это тоже способ ее «пропаганды действием». Восстание в таком случае — это призыв к созданию «постоянной автономной зоны», а слияние множества восставших групп придаст форму Миллениуму. Даже «уклонение от выбора» может иметь тактический смысл, если под это ружье поставлены массы («революционное миротворчество»).

Нарисовав подобную схему, лишней раз видишь, как далеко нам до ее воплощения. Мы хотели бы удовлетворить жгучую экзистенциальную страсть к «действию» или, по меньшей мере, к проявлению «антипессимизма», но в настоящий момент всякое обсуждение реальной тактики скорее всего окажется фатально (или смехотворно) преждевременным. Помимо прочего, сам вопрос «что мне делать?» едва ли не самый опосредованный из вопросов и гарантирует полную невозможность всякого ответа.

* * *

Как же мы тугоумны: нам потребовалось пять лет, чтобы осознать все это. Все то, что когда-то называлось «третьим путем», должно быть переосмыслено в свете одного-единственного обстоятельства: один мир противостоит нам, не два. Если заряд сопротивления ушел на ностальгию и склоки (1968 год столь же «трагичен» для нас, сколь и любое другое фиаско), если левацкая стержность и фашистская мелочность сохранили такую привлекательность для выдохшихся радикалов, то это случилось лишь потому, что даже мы не смогли сосредоточиться на этом новом обстоятельстве, а именно на том, что, объявив себя абсолютom и выстроив мир вокруг этого заявления, Капитал вызвал к жизни своего заклятого врага (столь обезображенного двадцатым веком, убитого и такого скучного), вызвал вновь и дал ему новое воплощение: последний рубеж обороны для всего, что не может быть связано всемирными узами, новый революционный Джихад.

Нью-Йорк — Дублин, 1 сентября 1996 года

Хахим Бей

УСТОЙЧИВЫЕ ВРЕМЕННЫЕ АВТОНОМНЫЕ ЗОНЫ

Теория временных автономных зон (ВАЗ) стремится более к отражению уже существующей или возникающей вновь ситуации, нежели к чистому утопизму. По всему миру люди ускользают или «исчезают» из сетей Отчуждения, для того чтобы попытаться восстановить человеческие контакты. Интересным примером этого процесса внутри «народной городской культуры» может служить возникновение групп по интересам и узкотематических конференций. Недавно мне в руки попали фэнзины двух подобных объединений: «Высокоамперные Драгоценности Короны» (фэнзин, посвященный коллекционированию стеклянных электроизоляторов) и «Господин Тыква» — журнал по кукурбитологии¹. В подобных увлечениях содержится немалый творческий потенциал. Маньяки этих и им подобных культов периодически встречаются лицом к лицу на оригинальных эксцентрических фестивалях. Эти фестивали не просто проявление «контркультуры», которая создает собственную ВАЗ. Это стоянки и привалы кочевников, ночи, свободные от Общественного Договора. Самоорганизующиеся автономные группы развеивают в пыль любые стереотипы о «классовости» и «субкультурах». Широкие дороги Вавилонской Империи в настоящий момент практически пусты. По

¹ Кукурбитология - тыквоведение. Воочию видеть порождение этой науки можно, сыграв в 3D-action «Serious Sam 2 - The second encounter» (в русском издании: «Крутой Сэм2 - Второе пришествие»). Хорватские разработчики, авторы этой игры, утверждают, что именно журнал по кукурбитологии вдохновил главного злодея на создание одного из монстров игры - Кукурбито Тыквоголового. - *Прим. пер.*

ним скитаются лишь призраки масс-медиа, да изредка можно встретить пару нервических полисменов. Теория ВАЗ предполагает осознание того обстоятельства, что ВСЕ ЭТО ПРОИСХОДИТ ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Мы не рассуждаем о том, что «должно быть» или что «будет», мы говорим об уже существующем движении. Все наши разнообразные мыслительные эксперименты, утопическая поэзия, параноидальный критицизм и т.д. — все это нацелено на прояснение сложного и до сих пор по большей части недокументированного движения, на придание ему теоретической заостренности и самосознания, на создание тактики, основанной на целостной стратегии акушера или панегириста, а не «авангарда»!

Кроме того, мы также должны принять к сведению, что не все существующие автономные зоны «временны». Некоторые из них (по крайней мере, в плане) более или менее «постоянны». Кое-какие трещины в Вавилонском Монолите столь обширны, что целые группы могут передвигаться по ним и селиться внутри. Такие концепты, как «Пермакультура», были созданы как раз для того, чтобы описать эту ситуацию и в большинстве случаев послужить ее созданию. «Поселения», «коммуны», «общины», даже «аркологии» и «биосферы» (а также прочие разновидности утопических городов) были вначале созданы как эксперимент, а затем успешно внедрены. И тем не менее даже тут теория ВАЗ может предложить некоторые полезные мыслительные схемы и определения.

Каким образом в постоянных ВАЗ (или в ПАЗ?) проявляет себя поэтика («искусство созидать») и политика («искусство жить вместе») ? Каковы действительные отношения между временностью и постоянством? И как, наконец, ПАЗ обновляют и освежают сами себя при помощи «фестивального» аспекта ВАЗ?

Вопрос известности

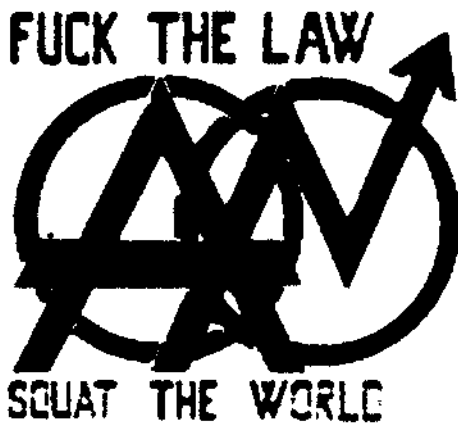
Недавние события в США и Европе показали, что самоорганизующиеся автономные группы вселяют страх в сердце Государства. «Move» в Филадельфии, корешиты из Вако², «мертвые головы»³, «племена радуги»⁴, хакеры, скваттеры и т.д. нацелены на разрушения различных уровней интенсивности. До сих пор прочие автономные группы не замечались или, по крайней мере, не преследовались. В чем тут разница? Одним из дурно повлиявших факторов могли оказаться СМИ. Масс-медиа испытывает вампирическое влечение к темным играм «Терроризма», этой искупающей кровавой жертвы публичного ритуала Вавилона. Если хотя бы однажды пристальный взгляд его упадет на какую-нибудь автономную группу, дерьмо ударит в голову журналистам, и они попытаются состряпать из него мини-Армагеддон, для того чтобы удовлетворить собственное болезненное пристрастие к зрелищам смерти.

² Последователи Дэвида Кореша (настоящее имя Вернон Хоуэлл, годы жизни 1959 - 1993), оригинального мессии и лидера культа Колена Давидова в городе Вако, штат Техас. Кореш после неудачной карьеры рок-музыканта ударился в религиозную мистику, собрав вокруг себя группу верующих. 28 февраля 1993 года сотрудники Американского бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию обыскали лагерь корешитов по подозрению в существовании подпольного склада пулеметов. Дэвидианцы отбивались, уложив четырех агентов Бюро. В течение 51 дня им удавалось держать оборону. Из огромных громкоговорителей на них выливались мегатонны рок-музыки и тибетских песнопений. Однако психологическая атака не привела к необходимому результату. Тогда на лагерь корешитов двинулся танк федеральной армии... Лагерь потонул в пламени. Погибло 86 членов секты, 25 из которых были детьми. Прокурор штата Техас, Джанет Рено, отдавшая приказ о танковой атаке, объясняла свое решение тем, что ФБР донесло о физической зависимости детского населения лагеря, исключавшей иные способы достижения цели. Позже она говорила о том, что «недопоняла» эти данные, а спустя два года назвала свои действия «ошибкой». Ровно через два года в канун событий в Уэйко был совершен небезызвестный подрыв здания в Оклахома-Сити, который показал, что Кореш за это время превратился в мученика-героя. - *Прим. пер.*

³ Поклонники рок-группы «Grateful Dead», за беспрецедентно долгое время существования последней создавшие свое самобытное и стилистически выдержанное альтернативное течение. В июне 1995 года тысячи безбилетных фанатов из числа «мертвых голов» вломилась на шоу в штате Вермонт, спустя три месяца прямо на стадионе RFK в Вашингтоне трех фанатов ударила молния. Через неделю после этого случая сотни фанатов закидали полицию штата Индиана камнями и бутылками, затем в Уэнтсвилле (штат Миссури) более ста «мертвых голов» были ранены, когда во время урагана их кемпинг смело ветром. В 1995 году от передозировки умер сам Джерри Гарсия, лидер «Grateful Dead». - *Прим. пер.*

⁴ Группы индеанистов (поклонников американских индейцев), близкие по идеологии к экологическому движению. - *Прим. пер.*

Сейчас ПАЗ представляют удобную мишень для их говнометания. Осажденная в своей «резервации» самоорганизующаяся группа может предать себя лишь какой-нибудь дешевой, легко предсказуемой попытке. Разве эта роль не предназначена исключительно для невротических мазохистов? В любом случае большая часть таких групп хотела бы прожить в привычной колее мира и тишины. Хорошей тактикой здесь было бы избегать освещения в СМИ, шархаться от журналистов, как от чумы. Некоторая доля естественной паранойи станет привычной на то время, пока она не пройдет сама собой. Придется хитрить для того, чтобы не быть пойманным. Нанести камуфляж, бросить камень в кусты, отвлечь... Чувство такта как тактика будет полезно и ПАЗ и ВАЗ. Рекомендации по обману: используйте

только те средства информации, которые предназначены для «внутреннего пользования» (фэнзины, телефонные цепочки, BBS⁵, вольное радио и миниультракоротковолновые радиостанции, многопользовательские кабельные сети и т.п.); избегайте мачиз-ма и конфликтных состояний: вам на самом деле не нужны пять секунд в вечерних новостях «Полиция провела очередной рейд. Арестованы члены культа» для того, чтобы оценить собственное существование. Наш лозунг может быть таким: «Отдайся жизни, а не образу жизни».

Допуск

Возможно, люди пожелают выбрать людей, с которыми они хотели бы жить. Но коммуны с «открытым членством» неизбежно тонут в болоте, состоящем из нахлебников и изголодавшихся по сексу патетических гадов. ПАЗ должны выбирать членов в других ПАЗ. Этот принцип не

имеет ничего общего с «элитарностью». ПАЗ могут открываться на какое-то время, например, во время проведения фестивалей, раздачи бесплатных угощений и т.д., но они не нуждаются в том, чтобы постоянно быть открытыми для любого случайного пришельца, который выложит им свои симпатии.

⁵ *Bulletin board system*, электронная доска объявлений. Зачаточная форма существования файл-серверов (компьютеров, предназначенных для хранения файлов и доступа к ним через удаленное соединение), когда серверы не связаны между собой постоянно действующей сетью, причем обыкновенно сервером *BBS* служил домашний или рабочий компьютер, оставляемый на ночь в режиме автономного функционирования. Каждый желающий в ночное время мог позвонить на *BBS*, скачать/закачать различные файлы, а, главное, оставить любое сообщение (объявление) остальным посетителям. Каждая *BBS* была уникальна и отличалась особым оформлением (насколько это позволял текстовый режим работы). В настоящее время *BBS* почти полностью вытеснены крупными (часто коммерческими) FTP-службами Internet, а функция общения перешла к чату и электронной почте. - *Прим. пер.*

Возникновение подлинно альтернативной экономики

И снова все это уже происходит, но впереди еще огромная работа, которую надо проделать, перед тем как движение, наконец, обретет свою устойчивость. Субэкономики по типу «*lavago negro*», безналоговые операции, бартер и т.п. жестко ограничены и локализованы. *BBS* и другие типы сетей могли бы пригодиться для того, чтобы связать эти регионально-маргинальные экономики («домашние хозяйства») в жизнеспособную альтернативную экономику известной мощности. «Р.М.» уже высказал кое-что из этого в концепции боло-боло⁶. В действительности набор возможных систем теоретически так или иначе уже существует. Проблема вот в чем: как создать настоящую альтернативную экономику, то есть завершённую экономику без привлечения IRS и прочих капиталистических сволочей? Как я смогу обменять мой навык, например, слесаря или самогонщика на еду, книги, пристанище и психоактивные растения, не уплатив налога, даже без использования обычных денег? Как я могу жить комфортабельной (даже роскошной) жизнью без того, чтобы участвовать в отношениях и операциях Мира Потребления? Если бы мы собрали в один пучок всю энергию, которую леваки вложили в «демо», и всю энергию, с которой движения за гражданские права играют в свои пустые партийные игры, попытавшись стать третьей силой в парламенте, и перенаправили эту энергию на создание реальной подпольной экономики, мы бы уже давно воочию наблюдали свершение революции.

⁶ Крайне странный текст, озаглавленный «Боло-боло», появился на свет в 1983 году первоначально на немецком языке. После перевода на английский язык и публикации в виде небольшого памфлета он обрел небывалую популярность как фундаментальный манифест утопического анархизма 80-х. - *Прим. пер.*

Конец света наступил в 1972 году

Безобразный череп с пустыми глазницами, принадлежащий Абсолютному Государству, наконец, треснул в 1989 году. Капитализм, эта идеология последних времен, не более чем кожное заболевание Позднего Неолита. У машины желаний топливо на исходе. Я надеюсь увидеть ее распад еще при жизни. Реальность будет походить на одно из полотен Дали. И я хочу, чтобы мне было куда «уйти», когда все это дерьмо хлынет сюда. Разумеется, смерть капитализма не должна повлечь разрушения всей человеческой культуры. Капитализм — не-подстреленная Годзилла. Подобный плакатный сценарий тиражирует сам Капитализм. Тем не менее разумно будет предположить, что сонное тело испытает сильнейшие спазмы перед тем, как смерть положит им конец, и Нью-Йорк или Лос-Анджелес могут оказаться не самыми лучшими местами для того, чтобы переждать бурю (которая, быть может, уже началась). С другой стороны, Нью-Йорк или Лос-Анджелес могут быть не самыми худшими местами для того, чтобы начать строить Новый Мир (вообразите себе самовольное заселение окраин, ганги, превращенные в Народную Милицию и т.д.). Сегодня цыганский образ жизни может оказаться одним из способов поладить с надвигающимся смерчем Перезрелого Капитализма, но для себя я предпочел бы прелестный анархистский монастырь где-нибудь в отдалении — типичное место для «ученых», переживающих «Темные Века». Чем раньше мы создадим подобное, тем с меньшими не-

приятностями мы столкнемся позже. Я толкую не о «выживании», я не заинтересован в одном только выживании. Я хочу процветать. Назад, в Утопию!

Фестивали

ПАЗ выполняют жизненно важную функцию узлов в сети ВАЗ. Они являются местами встреч для широкого круга друзей и союзников, которые не могут жить все время вместе на «фермах» или в «селениях». Деревни прошлого проводили ярмарки, которые приносили доход общине, обеспечивали рынок для путешественников и создавали праздничное пространство-время для всех участников. В наши дни фестивали — это не только одна из важнейших форм самих ВАЗ, но также источник обновления и свежей энергии для ПАЗ. Помню, я прочитал где-то однажды, что в Средние века на один год приходилось сто одиннадцать праздников. Мы должны принять это число за «утопийский минимум»⁷ и даже бороться за его увеличение.

⁷ Утопийский минимум, предложенный К. Фурье, подразумевал такое количество пищи и секса, которое мог себе позволить средний аристократ восемнадцатого столетия; Б. Фуллер предложил свой «голый минимум», имея в виду примерно то же самое. - Прим. пер.

Живая земля

Я верю, есть достаточное количество веских, чисто эгоистических причин, по которым нужно было бы стремиться к «органическому» (в силу его большей сексуальности), «натуральному» (на вкус лучше), «зеленому» (так как оно красивее), «дикому» (ибо оно волнует). Община (как это назвал П. Гудман) и сожительство (в терминах И. Ильича) приятнее своих противоположностей. Живая земля не отторгнет органический город — маленький, но интенсивный конгломерат из представителей человечества, посвятивших себя искусству и слегка декадентским игрушкам цивилизации, очищенной от гигантизма и принудительного одиночества. Но даже те из нас, кто наслаждается городами, могут увидеть сиюминутные и гедонистические мотивы битвы за «окружающую среду». Мы воинствующие биофилы. Экология глубин, социальная экология, пермакультура, щадящие технологии — какая разница... Мы не настолько разборчивы в идеологиях. Пусть расцветают все цветы!

Типология ПАЗ

«Религия чудес» или художественное повстанческое течение могут служить примерами нелокализованных ПАЗ, подобно более интенсивным и затягивающим тематическим объединениям. Тайное общество (такое, как китайский Тонг) также может быть моделью для ПАЗ без географических границ. Но «чистый сценарий» реализации предполагает свободное пространство, переходящее в освобожденное время. Сущность ПАЗ должна состоять в продолжительной интенсификации игр, проводимых ВАЗ. В свою очередь, интенсификация ПАЗ даст... Утопию Настоящего Времени.

Хахим Бей

ИНФОРМАЦИОННОЕ ЧАРОДЕЙСТВО: ОКУЛЬТНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

Уровни иммедиалистских организаций (организаций Прямого Действия)

Сборище. Что угодно — от дружеской вечеринки до уличного бунта. Может быть запланированным или незапланированным, но спонтанность должна присутствовать в любом случае, для того чтобы все было «по-настоящему». Примеры: анархистские сходки, неязыческие празднества, пьяный разгул, непродолжительные городские беспорядки или спонтанная демонстрация. Конечно, лучшими из сборищ становятся ВАЗ, такими, как би-ины шестидесятых, ранние сходки Племен Радуги или Стоунвольский мятеж¹.

*Горизонтальный потлач*². Единовременная встреча группы друзей для обмена подарками, а также банкеты (здесь в роли подарка выступает еда). Запланированная оргия также может попасть в эту категорию — в этом случае подарком становится сексуальное удовольствие.

¹ Гражданские беспорядки, имевшие место в июне 1969 года в Нью-Йорке. Мятеж начался с полицейской облавы на гей-бар «Стоунвольский Постоялый Двор» на улице Кристофера в районе Гринвич-виллидж. Начавшись с конфликта между черными гомосексуалистами (основной частью посетителей бара) и полицией, мятеж ширился и охватил значительный район города, продолжавшись несколько ночей. «Стоунвольские беспорядки были водоразделом для геев, и когда плотина была прорвана, через эту дыру в социальных ограничениях хлынули идеализм, агрессия, и страстное желание» пишет историк Иан Янг. - *Прим. пер.*

² Распространенная у североамериканских индейцев форма праздника, в ходе которого имущественная верхушка племени избавлялась от избытка накопленных богатств путем их дарения или уничтожения. Таким образом, предотвращалось образование знати, следовательно, государства. - *Прим. пер.*

Команда. Команда Прямого Действия — это группа друзей, регулярно встречающихся для работы над отдельным проектом. Команда может выступать как организационный комитет потлача, как творческий союз, как братство по оружию и т.д. Такая Команда напоминает «Плеяду увлеченных» Фурье: это группа, объединенная общей страстью, которая может быть реализована только в группе.

Когда членство в Команде становится более или менее постоянным, а цели Команды выходят за рамки одного проекта, следует говорить уже о постоянно действующем *клубе*, *Gesellschaft*, построенном на неиерархической основе или тайном неиерархическом обществе по типу Тонга. Последнее сейчас представляется более актуальным по ряду тактических причин, а также в связи с тем, что клуб всегда находится под угрозой «институционализации» и потому (как сказал Иван Ильич) в ситуации «парадоксальной контр-продуктивности». (Иными словами, превращаясь в учреждение, он вынужден осуществлять жесткую и монополистическую внутреннюю политику, что противоречит тем целям, для достижения которых он изначально создавался. Общества, основанные во имя «свободы», становятся авторитарными и т.д.) Традиционное тайное общество, такое, как Тонг, также тяготеет к этому, однако Тонг Прямого Действия построен таким образом, что он самоуничтожается, как только перестает удовлетворять своему назначению.

ВАЗ может вырасти из любой или из всех описанных форм, прорасти тонким стеблем, полноценным деревом или настоящими зарослями. Хотя я говорил уже, что ВАЗ может существовать всего одну ночь или же целых два года, это лишь крайности, и между ними можно разыскать примеры любой длительности. И все-таки ВАЗ — это нечто большее, чем просто

каждая из описанных четырех форм. Пока она длится, она приковывает к себе внимание всех ее участников. На какое-то (короткое) время она становится полноценным обществом.

В финале, в ходе восстания, ВАЗ выходит за собственные границы и растекается (или стремится растечься) по «всему миру» — становится доступным всеобщее пространство/время прямого действия. Пока длится восстание и до тех пор, пока оно не закончится по причине поражения или не перейдет в «Революцию» (каковая стремится к завоеванию необратимых достижений), сознание большинства его последователей насыщено впечатлениями, предельно ясно, обращено к новым возможностям индивидуальной и совместной реализации и (что греха таить) преисполнено счастья, состояния, столь характерного для великих социальных переворотов, таких, как Парижская Коммуна или 1968 год. С экзистенциальной точки зрения (здесь мы ссылаемся на Штирнера, Ницше и Камю), это-то счастье в действительности и есть цель восстания.

Цели иммедиалистских организаций

Сожительство — совместное проживание группы в физической близости для всецелого увеличения количества и качества удовольствий ее членов³.

Творчество — сотрудничество с целью прямого и непосредственного производства необходимой красоты вне всяких структур гипермедиаии, отчуждения, потребления⁴. Мы переросли софистику и не хотим ничего разжевывать. Если вы не понимаете, что мы имеем в виду под «необходимой красотой», дальше можете не читать. «Искусство» есть только одна из малых сфер этой великой мистерии, и необязательно самая жизненная из них.

Разрушение. Мы пошли дальше Бакунина и говорим, что творчество невозможно без разрушения. Всякое привнесение в бытие новой красоты подразумевает, что старое уродство будет выметено вон или взорвано. Красота утверждается отчасти (но практически каждый раз) разрушением уродства, которое всегда не самодостаточно. В соответствии с нашей версией сорелианского мифа о социальном насилии никакой иммедиалистский акт не может считаться таковым и не может обладать должным эффектом, если он не будет сопряжен равно с творчеством и разрушением: целостная диалектика Прямого Действия соединяет в себе как творчество-в-разрушении, так и раз-рушение-в-творчестве. Отсюда, кстати, проистекает «поэтический терроризм», потому-то действительной целью, или телосом, всех перечисленных форм организации является:

³ Очевидно, как и количества самих ее членов. - *Прим. пер.*

⁴ Я не использую здесь термин «гипермедиа» в том смысле, который был придан ему нашими товарищами из Ксексоксиальной Эндархии: под «гипермедиа» они подразумевают простое сведение всех творческих информационных потоков в один пучок для достижения единого эффекта (для них это следующий шаг после «смешанного медиа»).... Я использую понятие «гипермедиаация», имея в виду репрезентацию реальности, доведенную до высшей степени униженного отчуждения, находящей свое воплощение в продуктах потребления. - *Прим. автора*

Конструирование ценностей. Масловское «крайнее переживание» формирует индивидуальные ценности. Команда, Тонг, ВАЗ или восстание позволяют перейти к «переоценке ценностей» в массовых масштабах. Говоря иначе, вплотную подойти к трансформации повседневной жизни.

Связь между типом организации и ее целью продиктована тактикой. Проще говоря, чем занята организация Прямого Действия? Наша «стратегия» состоит в подготовке оптимальных условий для возникновения ВАЗ (или даже Мятежа) — но каковы те специфические меры, которые должны быть предприняты для реализации данной стратегии? Лишенная тактики иммедиалистская организация может рассыпаться за короткое время. Прямое Действие должно опережать «причину», повлекшую его, но также должно обладать необходимым потенциалом для того, чтобы «причина» могла родиться в нем самом. В действительности каждое действие в потенции должно быть не только нацелено на достижение цели, но и отождествляться с ней. Мы не можем использовать такую тактику, которая сводилась бы к опосредованным действиям. Каждое действие должно немедленно достигать цели, по крайней мере в каком-то отношении,

иначе мы обнаружим, что работаем на абстрагирование от собственных целей или даже на их симуляцию. Поэтому любая из многочисленных тактик и акций должна представлять нечто большее, чем просто сумму собственных частей, должна давать жизнь ВАЗ или Восстанию. Подобно тому, как обыкновенные типы организаций не могут обеспечить необходимые нам структуры, обыкновенные тактики не могут удовлетворить нашему требованию создавать непосредственные и мятежные «ситуации».

Карнавал, и тактика, и цель. Он благороден сам по себе, может служить как своей формой, так и содержанием таким типам организаций, как сборище, потлач, банкет. Но карнавал сам по себе нуждается в преобразующей энергии, основным источником которой является комплекс действий, который включает в себя и то, что мы называем «разрушением», и так называемое «творчество». Идеальная организация Прямого Действия нацелена на достижение этой более комплексной цели и подразумевает сожителство как необходимую ей структуру. Другими словами, группа, собираясь вместе для того, чтобы спланировать потенциальную ВАЗ, уже осуществляет Прямое Действие. «Добавляя» к этому райское блаженство человеческой близости, она тем самым честно борется за еще более восхитительные достижения и прорывы. Может показаться, что квинтэссенцией всех акций и тактик Прямого Действия будет такая тактика, которая соединит в себе в одно и то же время творчество и разрушение, а не останется только лишь одним карнавалом. Именно в этом смысле (и только в нем) Команда и Тонг — более «высокие» формы организации, чем сборище и потлач.

В Команде акцент ставится на творчество, на строительство, на совместный арт-проект, групповой производительный акт, направленный скорее на самих себя и на реальность, нежели на какую бы то ни было «публику» или опосредованного потребителя. Разумеется, Команда также может замышлять или предпринимать разрушительные или «преступные» действия. Но когда она так поступает, это первый шаг на пути к ее превращению в тайное общество — Тонг Прямого Действия. Поэтому я думаю, что Тонг — это более сложная (или «более высокая») форма организации Прямого Действия, которая может быть заранее определена к достижению заметной степени влияния. Возникновение ВАЗ и восстания зависит в конечном итоге от многих факторов «организационного» порядка, если только с самого начала этому процессу не сопутствовал особый «успех». Как я уже говорил, мы можем максимально расширить возможности ВАЗ или мятежа, но мы не можем в действительности «организовать» их или обеспечить им успех. Между тем Тонг может быть точно определен и организован, и может осуществлять сложные акции как материального, так и символического характера, как созидательные, так и разрушительные. Тонг не может гарантировать появление ВАЗ, Коммуны, «реставрации династии Мин» (великого Праздника Сознания), объективного совпадения всех желаний.

Помня обо всем этом, попытаемся представить и критически рассмотреть возможную тактику группы Прямого Действия, а также идеал хорошо организованного полупостоянного Тонга, или по-настоящему тайно действующей группы, или сети родственников, способной покуситься на полноценное Прямое Действие в русле четко выраженной стратегии. Всякое подобное действие должно в одно и то же время повреждать или уничтожать некоторое реальное и/или воображаемое пространство-время «врага», одновременно давая участникам хороший шанс окупиться в экстремальное переживание или «приключение»: всякая тактика, таким образом, по сути, служит захвату и отделению вражеского пространства и в конечном итоге его занятию и преобразованию. Всякая тактика или акция сама по себе потенциально уже представляет собой целый «Путь» к автономии, так как любое обращение к Реальности (в соответствии с «гнозисом» измаилитов и гетеродоксального суфизма) целиком содержит в себе путь духа.

Но постойте! Во-первых, кто такой «Враг»? Все сказанное может быть приложимо к секретным службам истеблишмента или системам психического контроля. Мы же ведем речь о прямых действиях в реальном времени, которые должны осуществляться «против» видимых узлов власти реального же времени. Дискуссии об абстрактных врагах, таких, как «государство», заведут нас в тупик. Я страдаю не от репрессивности или отчуждения, порожденных какой-либо железобетонной целостностью по имени «государство» напрямую, а от специфических групп, таких, как учителя, полиция, начальство и т.д. «Революция» может быть и нацелена на свержение «государства». Но Мятежники и все иммедиалистские группы должны найти для себя мишень, которая не будет идеей, клочком бумаги, «привидением», сковывающим нас при помощи наших же собственных дурных снов о власти и немощи. Да, мы будем играть в войну с миражами. Но миражи связаны воедино некоей сетью. Зрелище обладает структурой, а структура состоит из

точек, пересечений, хитросплетений и уровней. Зрелище даже может иногда иметь конкретный адрес. Оно не реально так, как реальны ВАЗ. Но оно достаточно реально, для того чтобы его атаковать.

Тексты Прямого Действия в значительной степени адресованы людям «творчества» и людям, «не признающим авторитетов», а кроме того, империализм — это не политическое движение, а игра, даже эстетическая игра. Поэтому совершенно очевидно, что мы должны искать нашего врага в медийной сфере, особенно в области репрессивных информационных структур. Например, для студента давящим и отчуждающим институтом-посредником будет образование, средоточием которого (точкой приложения подавляющей силы) станет ВУЗ. Для деятеля искусства самый важный источник отчуждения — это тот комплекс, который мы обычно называем «медиа». СМИ и шоу-бизнес узурпировали ниву искусства, в то время как мы хотели бы возделывать ее сами. Они перестроили все каналы творческой коммуникации для целей циркуляции предметов потребления или отчуждающих образов, создав прогнивший насквозь «дискурс». В прошлом отчуждающим институтом была церковь, а участники Восстания, выступавшие против организованной религии, говорили на языке еретической духовности. Точно так же, как Церковь в свое время состряпала небылицу про якобы существующую труднодоступность святости или спасения, СМИ создают миф о труднодоступности ценностей и «смыслов». Точно так же, как Церковь пыталась стать монополистом в духовной сфере, СМИ стараются переделать сам язык, сделать его делом одного только разума в отрыве от тела. СМИ отделяют смыслы от телесности, от повседневной жизни так же, как Церковь объявляла тело средоточием зла, а повседневную жизнь грехом. СМИ определяют сами себя (или свой собственный дискурс) как истинный мир. Мы — настоящие потребители, живущие в иллюзорном мире, чьей-то черепной коробки. Через глазницы телевизоров мы всматриваемся в мир живых, мир «богатый и знаменитый», настоящий мир. Некогда религия объявляла мир иллюзией, а небеса — единственным настоящим (правда-правда!) миром. В наши дни история повторяется. Повстанцы той эпохи говорили о Церкви как о главной ереси. То же самое повстанцы дня сегодняшнего должны говорить о медиа.

Легко почувствовать ностальгию по битвам с таким величественным когда-то врагом, как Римская Католическая Церковь. Я и сам пытался убедить себя, что эта полинявшая, ненавидящая секс кош-марина и по сей день достойна того, чтобы строить против нее заговоры. Проникнуть в церковный аппарат; засунуть на полку с трактатами прекрасные порнографические открытки с надписями вроде «Таково лицо Бога»; подложить дада/вудуистские штучки под фамильные скамьи и за алтарь; послать оккультные манифесты епископу и клиру; запустить пару сатанистских историй на страницы желтой прессы; оставить следы ложи Иллюминатов... Еще более подходящей мишенью могли бы стать мормоны, которые хоть и запутались совершенно в сетях высокотехнологичного гипермедиа, но до сих пор крайне чувствительны ко всякой «черной магии»⁵.

⁵ Учение мормонов было основано шайками бродячих масонских оккультистов. Лидеры мормонов до сих пор крайне чувствительны к беспокойным призракам старины. Римская Католическая Церковь может воспринять «магическую атаку» как знак Миллениума со всем присущим ей философским спокойствием и чисто итальянскими разглагольствованиями, в то время как мормоны возьмутся за оружие. *Прим. автора*

Телепроповедники — это особенно соблазнительный сплав СМИ и плохой религии. Но когда они наберут настоящую силу, церкви придут в полное запустение. Бог их покинул. Теперь у Бога есть собственное ток-шоу, свои корпоративные спонсоры, своя вещательная сеть. Поэтому настоящая цель — все-таки СМИ.

«Магическая атака» — подходящая тактика против новой церкви и «новой инквизиции», ибо медиа, подобно церкви, осуществляет свою деятельность посредством «магии», посредством манипуляций символами. Фактически самая большая наша проблема, касающаяся штурма СМИ, состоит в том, чтобы разработать такую тактику, которую не смог бы подмять под себя Вавилон, сделавшись от этого только мощнее. Бестолковый репортаж в прямом эфире, сообщающий о том, что *CBS* атакована радикально настроенными колдунами, просто станет еще одной частью «зрелища недовольства», субманихейской драмы фальшивого дискурса. Лучшей защитой от этого будет изощренная сложность и эстетическая глубина нашего символизма, содержащая иррациональные величины, не переводимые в целые числа языка, на котором говорят картинки из ящика. Другими словами, даже если «они» попытаются адаптировать наш видеоряд для своих целей, он будет нести в себе неожиданный «вирусный» подтекст, который заразит «их» и

обездвижит, вызвав тошнотворные симптомы заболевания, известного как «поэтический терроризм».

Хорошей задумкой мог бы стать взрыв на телебашне, ответственность за который можно было бы переложить на Американское поэтическое общество (которое, по идее, должно было бы взрывать телебашни). Однако такому чисто деструктивному акту не хватает творческого аспекта для того, чтобы называться подлинной тактикой Прямого Действия. Каждое разрушительное действие в идеале должно быть также и актом созидания⁶.

⁶ Главное не попасться с поличным, так как наказание нейтрализует всю силу, которую мы собрались накопить или применить, и даже может обратить нашу силу против нас. Хорошая акция Прямого Действия должна пройти относительно безнаказанно, как ни парадоксально это звучит. Отчисление из университета может испортить весь эффект. Им-медиализм хочет видеть в своих рядах боевиков от искусства, а не мучеников. - *Прим. автора.*

Возможно, стоит нарушить прием телепередач в каком-нибудь одном квартале и в то же самое время закатить грандиозный фестиваль, превращающий местные дворы в территорию свободы, ВАЗ. Вот тогда момент разрушения и момент созидания сольются в настоящем Прямом Действии красоты и террора, в бакунинском, ситуационном, наконец, подлинно дадаистском действе. СМИ могут попробовать исказить это действие и присвоить его силу, но даже если это и произойдет, СМИ никогда не смогут стереть впечатления, оставшиеся в памяти людей, а быть может, СМИ после всего будут молчать, ибо все событие целиком окажется слишком сложным, для того чтобы они смогли переварить его и высрать в виде «новостей».

Подобное чрезвычайно усложненное действие лежит за пределами возможностей всех типов организации, кроме самого богатого и в совершенстве развитого Тонга Прямого Действия. Но сам принцип приложим и к организациям с более низким уровнем сложности. Например, представьте, что группа студентов хочет протестовать против отупляющего эффекта образования. В один прекрасный день они ломают школьное оборудование или расстреливают здание школы. Это так же легко сделать, как и обнаружить дерзких виновников. Подобное действие хоть и является чисто негативным, может быть тем не менее истолковано авторитетами, как «отклонение от нормы». Таким образом его энергия может быть поставлена под контроль. Смутьяны должны были бы «снабжать» учеников ценной информацией, красотой и ощущением приключения. Следующая задача — распространение листовок об анархизме, надомном обучении, критике СМИ и прочем. Они могут быть «случайно забыты» или могут распространяться среди других студентов, факультетов, даже появиться в печати. Лучше всего, если будет предложена альтернатива самой школе — обучение через совместное проживание, фестивали, свободное посещение занятий, творческую деятельность.

Вернемся к проекту «магической атаки» медиатвердыни, или к информационному чародейству. Для успеха этой атаки тем более важно, чтобы творческие и деструктивные элементы сочетались (насколько это возможно) в одном — в арт-проекте Прямого Действия, или поэтическом террористическом акте. Мы надеемся, что тогда это действие окажется слишком сложным для того, чтобы СМИ могли, как обычно, превратить его в источник собственного питания. Например, было бы пустой тратой времени и усилий забрасывать СМИ картинами ужасов, зверств, серийных убийств, инопланетных извращенцев, садомазохистских безумств и т.п., ведь медиа и есть главный поставщик такого видеоряда. Кошмарный сатанизм хорошо подходит для того, чтобы держать зрителя в узде страха — ради этого и создается большая часть телевизионных программ. Не вам тягаться с так называемыми «Новостями» в деле изображения отталкивающих, отвратительных натуралистических картин животного ужаса и окровавленных трупов. Многоголовое чудовище СМИ (если на секунду персонифицировать нашего врага) будет несказанно удивлено, если кто-то озаботится возвращением всей этой мерзости по обратному адресу, однако подобное действие не произведет на него никакого оккультного эффекта⁷.

Давайте представим (и снова мы предпринимаем «мыслительный эксперимент»!), что известного размера группа каббалистов-имме-диалистов, преисполненная самых серьезных намерений, держит в руках координаты (включая факс, телефон, e-mail или еще что-нибудь) исполнительской и творческой группы телевизионного шоу, воплощающего крайний случай отчуждения и психической отравы (пусть это будет «Дорожный патруль»). В своем «Малайском проклятии темного Джинна» я предлагал посылать таким людям коробку, содержащую дада/вудуистские предметы и записку с предупреждением о том, что место их работы проклято. Тогда я опасался рекомендовать наложение проклятий на отдельных людей. Сейчас я настоятельно рекомендую делать это — и даже кое-что похуже. Я бы послал этим зомби

фотографию кошмарной гадины, пресмыкающегося восточных исламских еретических джунглей, вроде той, что я упомянул в плане операции «Черный джинн», поскольку СМИ выказывают непомерный страх перед «исламской угрозой» и демонстрируют махровый шовинизм по отношению к мусульманам. Однако теперь мне бы хотелось сильно усложнить наш план и используемые в нем образы. Надо будет послать продюсерам и сценаристам телевизионных передач причудливые и путающие сюрреалистические «ящички», содержащие прекрасные, но «запрещенные» картины сексуального наслаждения⁸ и трудно постигаемые духовные символы, глубокие, многосмысленные образы автономии и удовольствия от самореализации, исполненные чрезвычайно искусно, многогранно, загадочно. Эти диковины должны быть сделаны с настоящим художественным рвением и с высочайшим вдохновением, но каждая из них — всего лишь оружие, нацеленное на какого-то одного конкретного человека — жертву чародейства.

⁷ Проблема с большей частью «трансгрессивного» искусства состоит в том, что оно не позволяет выходить за рамки, обозначенные ценностями Общественного Договора. Более того, оно возвращает эти ценности, точнее, доводит их до крайней степени вырождения. Эстетическое помешательство на «Смерти» представляет собой превосходный товар (то есть, образ без внутреннего содержания), но если придать образу Смерти подлинный смысл, покупатели этого товара мигом переведутся. Покупать смерть - значит, покупать либо бездну несчастья, либо фашизм - обрыв, стоя над которым трепетал сам Батай, пытаясь удержаться от падения. Я говорю это, несмотря на свое восхищение Батаем. *Прим. автора*

⁸ Это навсегда закрывает дорогу к появлению таких картин на экранах телевизоров или страницах газет, а кроме того, заставит задуматься о взаимоотношениях между «красотой» и «пороком», между «искусством» и «цензурой», и т.д., и т.п. - *Прим. автора*

Получатели будут, вероятно, ошарашены этими анонимными «подарками», но скорее всего не станут ни уничтожать, ни даже поначалу обсуждать их. Впрочем, если даже и станут, это не беда. Однако вероятнее будет предположить, что эти объекты покажутся им, с одной стороны, слишком уж прекрасными, слишком «дорогими» для того, чтобы их просто вот так взять и уничтожить, а с другой — слишком «грязными» для того, чтобы показать кому-то еще. На следующий день жертвы получают письмо с сообщением о том, что через «подарок» на них была наведена порча. Чары заставят их познать свои истинные желания, воплощенные в магических предметах. С этого момента они, помимо прочего, начнут осознавать, что все предшествующее время они выступали врагами человечества, превращая желание в предметы потребления и работая агентами душевного контроля. Магические артефакты будут проникать в их сны и фантазии, делая повседневную работу не просто удручающе скучной, но и подрывающей мораль. И тогда либо желания, разбуженные магией, разрушат их изнутри на рабочем месте, либо они обратят мысли к восстанию и саботажу. Лучшее, что они могут сделать, — это смыться. Так они сохраняют здоровье ценой своей бессмысленной «карьеры». Если они останутся на службе у медиа, они стораются от неудовлетворенных желаний, чувства стыда и вины. Или станут повстанцами и научатся сражаться против Ока Вавилона изнутри идола брьюха. К этому времени их «шоу» уже готово для полномасштабной магической атаки, которую могут провести шиитские колдуны-террористы, или штурмовой отряд ливийского вуду, или еще кто-нибудь. Конечно, было бы нелишним иметь внутри этой организации своего агента, способного оставлять «следы» и вынюхивать ценную информацию, однако известная часть предложенной схемы может быть реализована без активной инфильтрации в аппарат учреждения. Начальная стадия атаки, возможно, будет проводиться при поддержке печатной пропаганды и даже лозунгов, высылаемых по почте. Различные неудачи и ошибки должны быть подстроены на самом деле, — разумеется, если это возможно. Вы знаете все эти злые шутки. Но, повторяю, это вовсе не обязательно и может даже считаться дополнением к нашему чистому эксперименту в области ебли мозгов и манипуляции образами. Пусть ублюдки самостоятельно выдвывают неудачи из собственной депрессии, раз уж они такие злобные кретины, из собственного атавистического тщеславия (без которого они не стали бы служить СМИ), из своего страха перед иным, из своей подавленной сексуальности. Можете быть уверены, так оно и выйдет — они станут вспоминать «проклятье» всякий раз, когда с ними будет случаться что-нибудь нехорошее.

Тот же основной принцип может применяться к информационным системам, отличным от телевидения. Компьютерная компания, например, может быть проклята через ее компьютерную сеть талантливым хакером, хотя лучше избегать научно-фантастических сценариев вроде того, где Уильям Гибсон с боем прорывается в киберпространство — до того это барочно... Рекламные компании, эксплуатирующие магию образа, режиссеры, PR-группы, художественные галереи, юристы и даже политики⁹. Всякий душитель свободы, который сделал своим инструментом образ, сам уязвим для силы образа.

Необходимо особо подчеркнуть, что мы не описываем здесь сценарий Революции, революционной политической акции или даже Мятежа. Это скорее новый вид негерметического агитпропа, предложения по новому виду «политического искусства», проект для Тонга или мятежных художников, эксперимент в имедиалистской игре. Прочие будут бороться против притеснителей на поле экспертизы, работы, дискурса, жизни. Будучи художниками, мы выбираем своим полем битвы «искусство», медийные практики. Мы сражаемся против того вида отчуждения, который влияет на нас непосредственно⁹. Мы вступаем в схватку там, где мы живем, вместо того чтобы строить теории о враге где-нибудь еще. Я попытался предложить стратегию и представить некоторые тактики, которые будут развивать эту стратегию. Никаких других заявлений сделано не было, и за сказанным никаких новых деталей не последует. Все остальное — дело Тонга.

⁹ «Политики» в массе своей не заслуживают того, чтобы быть объектами для атаки, ибо они всего лишь «бумажные тигры», но, возможно, их стоит атаковать именно как бумажных тигров. *Прим. автора*

¹⁰ Лидер Онтологических Анархистов заговаривается - отчуждение, конечно, не может «непосредственно влиять», так как механизм отчуждения как раз и состоит в опосредовании любого отношения. *Прим. перев.*

Я допускаю, что мой собственный вкус может подсказать мне более жестокие приемы обращения с медиа, чем те, что предложены в этом тексте. В народе поговаривают о «захвате» телестанций, но никто пока что не добился успеха в этом деле. Может быть, в стрельбе по телевизорам, выставленным в витринах магазинов бытовой электроники, несмотря на всю кажущуюся смехотворность этого предприятия, будет больше смысла, чем в мечтах о захвате телестудий. Но я сознательно дистанцируюсь от предложений применить силу к неофашистам или даже убить одного из псов Джеральдо и делаю это по причинам, которые все еще кажутся мне достаточно вескими. Во-первых, я принял близко к сердцу замечания Ницше по поводу неполноценности и бесплодности реваншизма как политической доктрины. Голая реакция никогда не является достаточным ответом, тем более что в ней нет ничего от благородного пути. Более того, она просто не работает. Реакционные действия посчитают «атакой на свободу слова». В противоположность этому проект, предложенный здесь, несет внутри своей структуры возможность действительного преобразования чего-нибудь, пусть даже всего лишь «сознания» нескольких отдельно взятых людей. Другими словами, конструктивный аспект проекта представляет собой единое целое с его деструктивным аспектом. Они неразрывно связаны. Наш дада/вудуистский предмет в одно и то же время и наказывает, и соблазняет, и оба эти эффекта тщательным образом разъяснены в сопроводительных открытках или письмах. В результате у нас появляется шанс обратить кого-нибудь в нашу веру. Конечно, мы также можем легко потерпеть неудачу. Все наши усилия могут в итоге оказаться в мусорной корзине вместе с ненужными бумагами, не заинтересовав тех людей, чье сознание покрыто броней, слишком толстой для того, чтобы ощутить всю ответственность момента. Помимо всего прочего, все это — всего лишь мыслительный эксперимент, или эксперимент в области мышления. Если хотите, можете даже назвать это только формой эстетического критицизма, острие которого направлено не столько на потребителей плохой художественной продукции, сколько на преступников. Время для настоящего насилия еще не пришло хотя бы потому, что производство насилия остается монополией властных институтов. Нет никакого смысла в том, чтобы насадить чью-то голову на пику и бряцать оружием, в то время как над нами реют рукотворные звезды смерти — телеретрансляционные спутники¹¹.

¹¹ Хвала активистам, уничтожившим такой спутник при помощи топоров еще на земле Калифорнии. К несчастью, они были пойманы и наказаны. Их зарплаты пошли на покрытие причиненного ущерба. Плохо. - *Прим. автора*

Наша задача состоит в том, чтобы расширять трещины в якобы несокрушимой твердыне социального дискурса, постоянно отрывать куски от занавеса, прикрывающего бессодержательное зрелище, выявлять и помечать скрытые формы психологического контроля, обозначать на карте пути для побега, отламывать куски от кристаллов, образовавшихся из удушающих информационных паров, греметь кастрюлями и чайниками для того, чтобы пробудить нескольких горожан от медиа трансa, использовать внутренние каналы передачи информации¹² для оркестровки наших атак на Империю большой лжи, заново учиться тому, как дышать всем вместе, жить в наших телах, как сопротивляться наркотику «информации». В действительности то, что я назвал «Прямым Действием», больше известно как не прямое, символическое, заражающее, оккультное и потаенное действие, нежели как причиняющее реальный вред, воинствующее и открытое. Мы вместе с нашими природными союзниками обрадуемся даже небольшому успеху. Однако сверхсложная структура может однажды сама

потерять координацию и связь своих составляющих, и ее сила иссякнет. Этот день может настать (кто мог подумать, что в одно прекрасное утро 1989 года коммунизм испарится?), этот день может настать тогда, когда перезрелый капитализм начнет таять, ведь в конце концов он всего лишь глупейший сплав выжившего из ума марксизма и фашистских пережитков. В один прекрасный день сама фабрика по производству Общественного Согласия начнет распадаться вместе с экономикой и всем прочим контекстом. Однажды колосс может дрогнуть и зашататься, как статуя Сталина на главной площади какого-нибудь провинциального городка. И в этот день, возможно, телестудия будет взорвана и останется взорванной. Но до того — одна, две, десять, тысяча оккультных атак на социальные институты.

¹² Внутренние информационные каналы по определению не проникают в подсознание масс подобно телевидению, фильмам, газетам. Но они могут «обращаться» к индивидууму. Ультракотковолновое радио, открытые кабельные сети, малотиражная пресса, компакт-диски и кассеты, программное обеспечение и другие виды информационных технологий могут использоваться для организации внутренних информационных каналов. Идея «гипермедиа» как средства для подготовки восстания, предложенная Ксексок-сиальной Эндархией, здесь приобретает первостепенное значение. Сегодня внутри неавторитарной теории существуют два противоборствующих течения - примитивисты, выступающие против технических средств («Пятое Сословие»¹², «Анархия: Журнал Воинствующего Желания», Джон Зерзан) и футурологи - сторонники технологии (в том числе анархо-синдикалисты от левого крыла и анархо-либертарианцы от правого). Я нахожу аргументы как тех, так и других чрезвычайно информативными и вдохновляющими. В теории ВАЗ и практически повсюду я пытался мысленно примирить обе эти позиции в лоне моей собственной концепции. Теперь я полагаю, что на вопрос, поставленный сторонниками этих двух течений, нельзя ответить никак иначе, кроме как в практическом (другими словами, в политическом) процессе реализации желания. -Прим. автора.

Давайте представим, что «Революция» свершилась. Мы свободны в своем выборе технологического уровня из широкого спектра возможностей — от примитивизма пещерного века до фантастических постиндустриальных технологий. И что же? Сторонники неопалеолита заставят устремленных в будущее избавиться от техники? Или, может быть, космические младшие братья прикажут Зерзанитам купить оборудование для виртуальной реальности? Не дай бог. Надемся, что этого не случится. Вопрос надо ставить в другой плоскости: насколько мне самому нравится жизнь охотников и собирателей в сравнении с жизнью среди эволюционирующей кибернетики? Нужен ли мне компьютер настолько, чтобы я сам взялся за выплавку кремниевых пластин? Ведь после «Революции» никто не возьмется за чужую работу. На этом сходятся все неавторитарные течения. Вам нужен лес, полный дичи? Тогда сами отвечайте за его первозданность. Хотите космический корабль? Только вы ответственны за его постройку, за весь технологический цикл — от добычи руды до отливки носового обтекателя. Приложите все усилия для создания коммуны или рабочей группы. Всеми средствами стремитесь к тому, чтобы мои требования к технологическому уровню не пересекались с чужими. Помимо этих базовых правил, устраняющих возможность гражданской войны, только ваши собственные желания будут формировать технологический ландшафт в непосредственной близости от вас. Как отметил еще Фурье, уровень экономической сложности утопического общества будет находиться в гармонии со всеми желаниями. Я могу примерно предсказать, что может возникнуть. Все, что я себе представляю, это то, что я хотел бы воплотить сам. Лично я (согласно своему вкусу) предвижу что-то весьма напоминающее «боло-боло», бесконечное разнообразие в едином революционном контексте позитивной свободы. Очевидно, что такие явления, как NASA-боло или Уолл-стрит-боло, невозможны, так как и NASA, и Уолл-стрит не самодостаточны и нуждаются в отчуждении для поддержания своего существования. Я могу также предположить, что повсеместно будет распространен низкий уровень технологического развития, или «экологически приемлемый» уровень (предсказанный теоретиками 60-х годов, такими, как Иллич), а местами будут попадаться как зоны, целиком занятые реставрированной перво(з)данностью, так и космодромы, с которых летают на Луну. В любом случае все это — научная фантастика. В своем труде я попытался увидеть тактики, которые могут использоваться любым неавторитарным течением. Как Тонг, так и магическая атака должны подойти и примитивистам, и технологам. Я веду разговор о пользе как магии, так и компьютеров, ибо и то и другое существует в мире, в котором я живу, и будет использовано в борьбе за освобождение. Не только будущее, но и настоящее содержит слишком много возможностей, слишком много ресурсов для того, чтобы все это можно было ограничить какой-либо идеологией, — таков его чрезмерный и всевозрастающий потенциал. Технологическая теория слишком узка. Иммедиализм предлагает вместо этого технологическую эстетику и предпочитает теории практику.

Примечание об архитектуре ВАЗ

Обычно ВАЗ не оставляет после себя никаких разрушений. Строительство — тоже не главный ее приоритет. Но поскольку все обитаемое пространство — это пространство архитектуры, а ВАЗ по определению существует в реальном пространстве и времени, то понятно, что и ВАЗ может обладать собственной архитектурой. Ее прототип — лагерь кочевников. Палатки, трейлеры, дома на колесах, дома на плотках... Шапито старых времен или карнавал могут рассматриваться как модель для архитектуры ВАЗ. В городских условиях пустыри и трущобы становятся самыми подходящими местами для наших целей, но в Америке закон о частной собственности заставляет думать о трущобах как о жизненном пространстве бедняков. ВАЗ требуется пространства изобилия, богатого не столько своей организационной сложностью (как это бывает в подконтрольном пространстве, в официальных зданиях капитала, религии, государства), сколько возможностями самовыражения. Временные игровые площадки, предложенные ситуационистами и городскими радикалами 60-х, обладали некоторым потенциалом, но в итоге оказались слишком дорогими и слишком спланированными. Архитектура городской ВАЗ почти повторяет архитектуру Парижской Коммуны. Микрорайон перекрывается баррикадами. Затем одинаковые дома бедноты связываются проходами, для чего в смежных стенах на высоте первого этажа пробиваются новые дверные проемы. Эти проходы напоминают нам об аркадах Фурье, проходя через которые фаланстерии попадали из личного пространства в общественные места и наоборот. Коммунальный городской блок становится укрепленной ВАЗ, где первый этаж и крыши отданы под общественное пространство вооруженного сопротивления, верхние этажи — под личное пространство, а перекрытые улицы — под территорию фестиваля. Этот план составлен под влиянием проекта Пи-Эм¹³ (так называемые «боло-боло»). Там такой блок становится более устойчивой городской утопической коммуной. Что касается ВАЗ, то нельзя не заметить, что в описанном виде она испытывает на себе некоторые последствия собственной закрытости. Парадокс состоит в том, что ее жители сами будут стрелять через все проемы и дыры по «свободному миру», ибо ВАЗ — это убежище от душающей закрытости Капитала, от трагического уродства индустриального мира. Ее здание лишено ломаных линий и острых углов. Палатка не тюрьма, аркада не ворота, баррикада не проспекты Хауссмана.

¹³ За этими инициалами скрывается автор английского перевода «Боло-боло». - Прим. пер.

Хахим Бей

КОММЮНИКЕ АССОЦИАЦИИ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АНАРХИЗМА

Коммюнике № 1 (Весна 1986)

I. Слоганы и лозунги для граффити на стенах подземки и других целей:

ЗА БЕСПОЧВЕННЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ!
ЗА ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ!
(для выцарапывания или надпечатывания
на рекламных щитах):
ЭТО ТО, ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ НА САМОМ ДЕЛЕ?
МАРКСИЗМ-ШТИРНЕРИЗМ
ВСТУПАЙ В БОРЬБУ ЗА ПРАЗДНОСТЬ
И ДУХОВНУЮ КРАСОТУ
СТУПНЯ МЛАДЕНЦА СТОЛЬ ПРЕКРАСНА
УЖЕ СЛОМАНЫ ЦЕПИ ЗАКОНА
ЗА ТАНТРИЧЕСКУЮ ПОРНОГРАФИЮ
ЗА РАДИКАЛЬНЫЙ АРИСТОКРАТИЗМ
KIDS' LIV УЛИЧНЫЕ БОИ
ВООБРАЖАЕМЫЕ ШИИТСКИЕ ФАНАТИКИ
БОЛО-БОЛО
ГЕЙСКИЙ СИОНИЗМ
(содом для содомитов)
ПИРАТСКАЯ УТОПИЯ
ХАОС - ВЕЧЕН

Некоторые из этих слоганов — просто излияния искренности АОО — другие предназначены для того, чтобы пробудить в зрителе мрачные предчувствия и опасения, но мы не уверены в том, где тут что. Попутно спасибо Сталину, Неизв., Черному Бобу, Пэру Хассану (да пребудет мир с ним), Ф. Ницше, Хэнку Парцеллу Мл., «Пи-Эм» и Бр., Абу Джихаду аль-Салля из мавританского храма Дагона.

II. Некоторые идеи поэтического терроризма все еще томятся в царстве «Концептуального Искусства»:

1. Прогуляйтесь в рабочее время до центра, в квартал, где расположились сервис-центры компьютерной техники, положите на тротуар дерьмо и смойтесь.

2. Маевка-86 в Чикаго: организуйте «религиозную» процессию в память «мучеников» Хаймаркета — кающиеся грешники в черных колпаках а 1а КККатолицизм несут огромные транспаранты с сентиментальными портретами, утопающими в цветах, перевязанными лентами и серпантинном... Пусть вызывающе гомосексуальные служки брызгают на толпу святой водой и жгут ладан, анархисты с перемазанными сажей лицами бичуют себя при помощи маленьких пле-

точек, а «Папа» в черном одеянии благословляет миниатюрные гробики, аккуратно транспортируемые на кладбище рыдающими панками. Подобное зрелище должно дойти до как можно более широких народных масс.

3. Расклейте в публичных местах ксерокопии с изображением мастурбирующего двенадцатилетнего мальчика с подписью: «Лик Божий».

4. Вышлите почтой без указания обратного адреса и анонимно тщательно продуманные и изысканные магические благопожелания людям или группам, которыми вы восхищаетесь, за проводимую ими политику, духовную или физическую красоту, успехи в преступной деятельности и т.д. Следуйте в основных чертах процедуре, описанной в следующем пункте, но используйте эстетику удачи, благословения или любви.

5. Наложите кошмарное проклятье на злоторные учреждения вроде газеты «Нью-Йорк Пост» или компании «Мьюзек»¹, для чего используйте магическую технику, заимствованную у колдунов Малайзии: пошлите по адресу компании-жертвы посылку, содержащую бутылку, запечатанную черным воском. Внутри: мертвые насекомые, скорпионы, ящерицы и тому подобная мерзость; пакет, набитый кладбищенской землей («чернь-чернь» в терминологии американского Худу) а также какой-нибудь другой субстанцией, от которой кровь стынет в жилах; яйцо, проткнутое железными гвоздями и булавками; и свиток.

¹ Фирменное название ряда мелодий, используемых как фон в магазинах, конторах и рекламных роликах, а также название производящей их компании. Мелодии «Мьюзек» по замыслу создателей должны отвлекать слушателя, настраивать его на радостный, некритический лад и привлекать к рекламируемому продукту. Мелодии «Мьюзек» сатирически обыграны в известном фильме «Бойцовский клуб», а также в компьютерной игре «Sims». Схожей техникой пользуется компания Кока-Кола и др. *Прим. перев.*

(Эта янтра или вева вызывает Черного Джина, темную тень человеческой личности. Все необходимые детали можно узнать от АОА) В сопроводительной записке должно быть сказано, что чары направлены против организации, а не против частных лиц, но если организация не перестанет творить зло, проклятье наполнит помещения сгустками негативной энергии. Приготовьте «выпуск новостей», в котором эффект проклятья будет разъяснен, а ответственность за его наложение будет приписана Американскому Поэтическому Обществу. Вышлите копии этого текста всем сотрудникам организации, в редакции газет, радио и телевизионных передач. За ночь до того, как эти письма придут по адресу, расклейте по помещениям организации ксерокопии с эмблемой Черного Джинна, где наутро их увидят все сотрудники, пришедшие на работу.

(Еще раз спасибо Абу Джихаду, спасибо также Шри Анаманда — Мавру-Смотрителю Бельведерской Метеорологической Башни и другим нашим товарищам из Автономной Зоны Центрального Парка, а, кроме того, Бруклинским тамплиерам, храму № 1)

Коммюнике № 2

Калликакское Боло и Ашрам Хаоса

Восславим же повальное увлечение пассажирскими автоприцепами — этими колесными дирижаблями классической эпохи. Я видел это: Сосновые Пустоши штата Нью-Джерси — бескрайние затерянные земли песчаных ручьев и чернеющих сосен, клюквенных болот и заброшенных городов, - земли, где проживает не более 14 человек на квадратную милю. Грунтовые дороги, заросшие сорняками, опрокинутые и просто одиноко стоящие вдали ржавые дома на колесах, сожженные машины на переднем плане.

Таков пейзаж в земле загадочных калликаков — местных семей, которых в 1920-е годы по заказу правительства изучали евгеники для того, чтобы узаконить стерилизацию сельской бедноты. Некоторые калликаки удачно женились, процветали и, наконец, обуржуазились (видно сказались «хорошие гены») — другие, напротив, за всю жизнь не смогли устроиться на нормальную работу, но выжили за счет леса — среди них процветали инцест, содомия, умственные отклонения. Угрюмыми и рассеянными выглядят они на фотографиях тех лет, - в

прошлом воинственные индейцы, Гессы², подпольные торговцы ромом, дезертиры, дегенераты, вышедшие из-под пера Лавкрафта.

Задумайтесь на минуту: ведь калликаки могли произвести на свет тайных хаотов, предтеч сексуальной революции, провозвестников Безделья. Подобно прочим монотонным ландшафтам (пустыням, болотам, морю), Пустоши до предела насыщены эротической силой — не столько врилем или органом³, сколько апатией беспорядка, похотливостью Матери-Природы, как будто сама земля и вода здесь — один большой половой орган: плева, губчатая эрегирующая ткань. Мы хотим поселиться здесь. Может быть это будет охотничий или рыбачий домик с покосившимся дровяным сараем и нужником или разваливающийся мотель на закрытом хайвэе какого-нибудь округа или просто участок леса, где мы припаркуем два или три трейлера, спрятав их в соснах возле ручья или лесного озера. Хорошо ли жилось кал-ликакам? Мы это выясним.

² Гессы или гессенские наемники - бойцы отсталых немецких княжеств, привлекаемые на наемную службу во время Войны за Независимость 1775—1783 гг. (см. к/ф «Сонная Лощина» по одноименному роману или сам роман). *Прим. перев.*

³ «Вриль» - название мистической энергии в учении одноименного традиционалистско-го националистического «ордена» 1910-1940гг., тесно связанного с СС. «Оргон» - род рассеянной психофизической энергии, выделяемой в момент оргазма, в учении Вильгельма Райха. *Прим. перев.*

А где-то мальчики мечтают о пришельцах из космоса, которые спасут их от семьи, возможно, попутно распылив родителей на элементарные частицы каким-нибудь инопланетным излучателем. Превосходно. НЕРАСКРЫТЫЙ ЗАГОВОР КОСМИЧЕСКИХ ПИРАТОВ-ПОХИТИТЕЛЕЙ! «ИНОПЛАНЕТЯНИНОМ» ОКАЗАЛСЯ ШИИТСКИЙ ПОЭТ-ФАНАТИК-ПЕДЕРАСТ! НАД СОСНОВЫМИ ПУСТОШАМИ ЗАМЕЧЕН НЛО! «ПРОПАВШИЕ МАЛЬЧИКИ ПОКИНУТ ПЛАНЕТУ ЗЕМЛЯ» - ЗАЯВИЛ Т.Н. ПРОВОЗВЕСТИК ХАОСА ХАКИМ БЕЙ!

Ах, сбежавшие мальчики, вы — бардак и беспорядок, экстаз и лень. Тощие купальщики, вы — само мятежное детство. Ах, ваши коллекции лягушек, улиток и листьев бесподобны! Как прелестен блеск вашей мочи, когда вы писаете в лунном свете! Вам 11,12 или 13 — достаточно, чтобы очистить свою биографию от родительской скверны, школьного контроля, карьеры и телевидения. Приходите жить с нами в Пустошах. Мы станем выращивать местный сорт конопли на веревки, чтобы роскошно обставить свое жилище и вдоволь насладиться алхимическими соблазнами жаркого лета. Или лучше не будем делать ничего, кроме странных диковин — бомб Поэтического Терроризма и причудливых памятных знаков совместных удовольствий.

Мы будем кататься бесцельно на старом пикапе, рыбачить, собирать грибы и ягоды, лежать в тени деревьев и читать комиксы, есть виноград — вот и вся наша экономика. Таковы вещи сами по себе, если освободить их из-под стражи Закона, каждая молекула — орхидея, каждый атом — жемчужина для пронизательного ума — вот и вся наша религия. Трейлеры устелены и увешаны персидскими коврами, лужайки поросли разнотравьем.

Шалаши, устроенные в развилках деревьев превращаются в деревянные звездолеты в июльской наготе полудня и тьме полночи, полуоткрытые звездам, влажные от теплого эпикурейского пота, поднятые в небо соснами и убаюканные ими. (Дорогой Пи-Эм, ты задавался вопросом о практически осуществимой утопии. Так вот она: это не постнуклеарная фантазия, не замки на лунах Юпитера — мы можем начать жить так хоть завтра, если, конечно, не останавливаться перед единственным аспектом правонарушения, обнажающим абсолютную власть табу в американском обществе, угрожающим самому его механизму и т.д. и т.п. Плохо дело. Для того чтобы следовать своим истинным желаниям, мы должны исповедовать не только искусство для искусства, но и преступление в целях преступления, бунт ради бунта. Аминь).

(Спасибо Беспощадному Жнецу и другим членом Си Фанско-го Храма Провидения за Ялу, Гано, Сила⁴ и вовремя поданные идеи).

⁴ Названия даров (соответственно, пищи, временного крова и гостеприимства), право на которые предусмотрено концепцией «боло-боло» (см.) *Прим. перев.*

КОММЮНИКЕ № 3

Жертвы Хаймаркета

«Здесь я вынужден лишь вкратце упомянуть об этом любопытном явлении: спустя годы после того, как Япония погрузилась в ядерный хаос, традиционное увлечение образом сятихоко⁵

проявило себя в популярном цикле фильмов про Годзиллу. Символические детали эволюции народного образа Годзиллы странным образом воскрешают традиционную для Японии и Китая тему битвы с амбивалентным созданием хаоса (в некоторых фильмах, таких как «Мотра» напрямую используются древние мотивы космического яйца, вселенского плода или кокона). Чудовище обычно приручается после того, как оно разрушит весь уклад цивилизации, причем обычно приручение происходит при специфическом посредничестве детей». — Жирардо, «Смысл Мифа в раннем даосизме: Тема Хаоса (hun — t'un)».

⁵ Сячихоко или тигр-рыба - Морское чудовище с головой тигра и телом рыбы, покрытым ядовитыми иглами. Для хождения по земле оно может превращаться в тигра. Обычно они плавают вокруг головы кита, следя за тем, чтобы кит не нарушал Закон Моря - «кит не должен есть большую рыбу». Если кит нарушает этот закон, сячихоко забираются к нему в рот и зажаливают до смерти. В средневековые статуи сячихоко часто ставили в японских замках, как в Европе - статуи горгулий.» - (Б. Иванов «Введение в японскую анимацию»). Другой вариант этого чудовища - годжира или кит-горилла стал прототипом Годзиллы. *Прим. перев.*

Один мой друг уверял меня, что в одном старом Храме Мавританской Науки (то ли в Чикаго, то ли в Балтиморе) он видел тайный алтарь на котором в обитом бархатом кейсе возлежала пара шестизарядных револьверов и черная феска. Возможно, что посвящение требовало от новоиспеченного Мавра убить, по крайней мере, одного полицейского. А как насчет Луи Линга? Был ли он предшественником Онтологического Анархизма? «Я презираю всех вас», — сказал он. Вряд ли эти сантименты ему на самом деле помогли. Этот парень подорвал себя в возрасте 22 лет только для того, чтобы не попасть на виселицу. Нет, мы идем другим путем. Полиция в нашем понимании — это стоглавая гидра, и каждая голова чудовища — один живой полицейский. Простое отсечение голов приведет только к дальнейшему росту твари до тех пор, пока она не станет достаточно велика, чтобы разом проглотить нас. Сначала убей Идею — взорви монумент внутри себя, и тогда, быть может, баланс сил изменится. Когда последний коп в нашей черепной коробке будет расстрелян последним утоленным желанием — возможно тогда даже пейзаж вокруг нас начнет меняться... Поэтический Терроризм выдвигает идею саботажа архетипов в качестве единственной тактики восстания, приемлимой в настоящее время. Но шиитские экстремисты готовы пойти дальше и любыми способами сокрушить полицию, айятолл, банкиров, палачей, попов и т.д. Поэтому мы считаем для себя возможным чтить даже «неудачи» их радикальных выступлений. Несколько дней без Империи Лжи достойны разумной жертвы; одно мгновение экзальтированной самореализации может перевесить всю жизнь обывателя-микроцефала, полную скуки и оупляющей работы. Но это мгновение должно стать нашим. И право нашей собственности на него может быть серьезно скомпрометировано, если мы пойдем на самоубийство только для того, чтобы удержать его. Поэтому наше почитание переплетено с иронией — у террориста обыкновенного мы предлагаем заимствовать не мученичество, а храбрость, самообладание перед лицом Порождений Хаоса, стремление к преступным и незаконным удовольствиям.

Коммюнике № 4

Конец Света

Ассоциация официально провозглашает себя уставшей от ожидания Конца Света. Последняя каноническая версия такого конца была придумана в 1945 году для того, чтобы держать нас в постоянном страхе перед самоуничтожением в огне атомного конфликта. Нас заставляли пресмыкаться перед кучкой политиков — наших супергероев, которые только и могли воспользоваться пресловутой «Красной Кнопкой».

Что означает тот факт, что мы изобрели способ полностью уничтожить жизнь на Земле? Да ничего особенного, в сущности. Мы всегда мечтали о подобном способе, как о средстве, снимающем с нас ответственность, навязанную нашими личными, индивидуальными актами смерти. Перестав верить в личное бессмертие, мы создали для себя новый великий символ. Вместе с уже упомянутыми диктаторами мы замираем при мысли о том, что все это низвергнется в Бездну вместе с нами.

Неофициальная версия современного Апокалипсиса между тем содержала в себе пафос сладострастного томления о Конце, о постнук-леарном Эдеме, где Выжившие (те же 144 000

Праведников из Откровения Иоанна Богослова) смогут окунуться в оргию двухполюсной истерии, бесконечного последнего и решительного боя с соблазнительным злом...

И вот перед нами встает призрак Рене Генона⁶, смертельно бледного и с феской на голове (на манер Бориса Карлова в роли Ардиса Бея из «Мумии»), солирующего в индустриальной рок-группе. Мы слышим мрачные аккорды, возвещающие о гибели Культуры и Космоса: так извращаются изысканные фетишисты и патетические нигилисты, пытаясь превзойти друг друга в гностическом самоотвращении, являя лики фригидных интеллектоидов тех дней, когда «секса больше не будет».

Не правда ли, в этих угрюмых балладах легко узнать ту ложь и пошлость о Прогрессе и Будущем, которая выливается из каждого громкоговорителя, из отупляющих учебников и телевизоров эпохи Примирения и Согласия⁷? Танатозис новомодных «тысячелетников»⁸ вытекает как гной из якобы здоровых (а на самом деле смертельно больных) утопий: утопии Потребителей и утопии Трудящихся.

⁶ Французский философ-традиционалист и ориенталист-эзотерик, долгое время живший в Каире. Риторика Генона близка к духу работ Ницше и Шпенглера. Оказал сильнейшее влияние на ряд более поздних традиционалистов, в т.ч. и на Юлиуса Эволу. *Прим. перев.*

⁷ В оригинале - «учебников и телевизоров мира Консенсуса». Консенсус (лат. согласие, совпадение смыслов) - термин близкий по смыслу «Общественному Договору». Концепция консенсуса была развита в шестидеятые-семидесятые годы кардиналом Йозефом Хёффнером в фундаментальном труде «Христианское социальное учение», ставшим «второй Библией» для христианских социал-демократов. Консенсус в католическом варианте означает мир и согласие социальных классов и групп на основе общей (христианской) нравственности. Однако слово «консенсус» у русского читателя неизбежно ассоциируется с риторикой Михаила Горбачева (который позаимствовал термин у немецких христианских демократов). Автор перевода счел возможным перевести его здесь словосочетанием «Примирение и Согласие», введенным в оборот Борисом Ельциным в том же смысле - примирение экономических, политических и национальных общественных групп на основе нравственности, определяемой т.н. «общечеловеческими ценностями» (по сути - ценностями религий авраамического цикла, т.е. ортодоксальным христианством, иудаизмом и официальным исламом). В других местах этот термин переведен словосочетанием «Общественный Договор» или просто «Согласие». *Прим. перев.*

⁸ Тысячелетники или хилясты - средневековая секта, предрекавшая наступление конца света в 1000-ом году. В 1904 году молодой тогда испанский культуролог Хосе Ортега-и-Гассет, во многом являющийся предтечей правого крыла философско-политической мысли, защитил диссертацию по хилястам под названием «Ужасы тысячного года» в которой детально рассмотрел причины, породившие подобное умонастроение, вновь возродившееся в ожидании года 2000-го. *Прим. перев.*

Каждый, кто способен понимать историю обоими полушариями головного мозга, знает, что мир постоянно находится в процессе гибели. Волны времени, схлынув, оставляют по себе лишь окаменелые напоминания о прошлом, неверные напоминания, сами столь же преходящие. Но мир постоянно перерождается. Ему нет дела до копошения философов и ученых, чьи тела проросли травой. Он в настоящем, то есть там, где сосуществуют все (не)вероятности, где сожаления о прошлом и гадания о будущем растворяются в едином голограмматическом психомантрическом жесте.

«Общепринятые» картины тепловой смерти вселенной в прошлом или будущем значат для нас не больше, чем графики, отражающие падение ВВП в какой-то далекой стране. Все модели идеального прошлого или светлого будущего просто отвлекают наше сознание от полного погружения в сиюминутное существование.

Приверженцы некоторых сект верили, что наш мир (или, если угодно, этот мир) уже пришел к своему концу. Для Свидетелей Иеговы это случилось в 1914 (да, ребята, мы все сейчас живем в Книге Откровения). Для отдельных восточных оккультистов это произошло во время Великого Парада Планет в 1962. Иоахим Фиорский провозгласил о наступлении Третьей Эпохи, эпохи Святого Духа, которая воследовала за эпохой Отца и эпохой Сына. Хассан II Аламутский объявил о Великом Воскрешении, когда эсхатон, рай на земле, поселяется в сердце человека. Нечестивое время исчерпало себя где-то на излете Средневековья. С тех пор мы живем в ангелическом времени, однако большинство из нас не подозревает об этом.

Или, возьмем, к примеру, еще более крайние утверждения радикальных монистов: Время вообще никогда не начиналось. Хаос никогда не кончался. Империя никогда не была основана. Ни теперь, ни когда-либо мы не станем рабами прошлого или заложниками будущего.

Мы тоже полагаем, что Конец Света есть уже дело решенное, точная дата здесь не важна. Народные проповедники в 1650 году знали, что Миллениум входит прямо здесь и сейчас в каждую душу, которая пробуждается для самой себя, постигает себя, как средоточие всего, как Бога. «Возрадуйся, о, брат, — зывали они, — все для нас!»

Мне не нужно удела в любом другом Конце Света. Мальчик улыбается мне на улице. Черная ворона сидит на ветке розовой магнолии, каркая. С каждым ее криком оргон собирается и

рассеивается над городом... всходит лето. Я мог бы быть твоим любовником... но мне наплевать на твой Миллениум.

Коммюнике № 5

«Интеллектуальный садомазохизм - это фашизм восьмидесятых — Авангард жрет собственное дерьмо, и, похоже, ему это нравится»

ТОВАРИЩИ!

Недавно вокруг темы «Хаоса» разгорелся отвратительный спор, навязанный нам несколькими реваншистами. Все знают, как мы презираем полемику. Но они заставили нас в конечном итоге устроить это на Пленарном Собрании, посвященном обличениям *ex cathedra*. Наши лица горели от негодования, слюна брызгала из наших уст, вены на шеях вздувались, едва сдерживая напор праведного гнева. В конце концов, нам пришлось пустить в ход тряпки с агрессивными лозунгами (вернее, не пустить, а запустить в эти лица, словно вышедшие из тридцатых годов) для того, чтобы дать понять, чем Онтологический Анархизм не является.

Запомните — только в классической физике Хаос связан с энтропией, тепловой смертью и распадом. В нашей физике (в нашей Теории Хаоса), Хаос отождествлен с дао, лежащим между инь-энтропией с одной стороны и янь-энергией с другой. Для нас это скорее принцип непрекращающегося творения, нежели что-то, имеющее отношение к ничто, пустоте как потенци, опустошению. (Хаос, понимается нами как «сумма всех порядков»).

Из этой алхимии мы извлекли квинтэссенцию эстетической теории. Хаотическое искусство может использовать ужас или даже *grand guignol*⁹, но оно никогда не позволит засосать себя в воронку гнилого негатива, в танатозис, *shadenfreude* (любование чужой бедой), в упивание злодеяниями нацистов и серийных убийц. Онтологический Анархист не собирает коллекцию удушливых фильмов, его утомляют отморозки, разглагольствующие по поводу французской философии. («Надежда уже погибла, и я узнал об этом раньше тебя, придурок. Йо!»).

⁹ Читается «гран гиньоль» (франц.) - Великий Ужас - здесь имеется в виду психологическая техника запугивания посетителя «Комнаты Страха». *Прим. перев.*

Вильгельм Райх наполовину сошел с ума и был убит агентами Эмоциональной Чумы. Может быть, половина его работы была лишь следствием его явной паранойи (заговоры пришельцев, гомофобия, даже его теория оргазма), НО... В одном мы всей душой согласны с ним: секспол! Подавление сексуальности чревато болезненным влечением к смерти, что, в свою очередь, ведет к дурной политике. Львиная доля искусства Авангарда излучает Убийственные Оргоновые Лучи (УОЛ). Целью Онтологического Анархизма является создание эстетических погодных орудий (ОЛ-пушек), которые смогут развеять миазмы умственного садомазохизма, который нынче в такой моде. Увечающие сами себя в ходе «перфомансов» актеры поражают нас своей тупостью и банальностью. Их искусство делает всех вокруг еще более несчастными. Каким же навозом, каким же мушиным мозгом вместо человеческого разума надо обладать, чтобы приготовить такое апокалиптическое кушанье?

Разумеется, авангард претендует на интеллектуализм. Точно то же мнили о себе Маринетти и футуристы, Паунд и Селин¹⁰. Из разных типов зауми уж лучше предпочесть настоящую глупость, буколическое блаженное бездумье Нью-Эйджа, лучше стать обыкновенным дураком, чем пьяным от смерти. Но, к счастью, нам не нужно выбивать из себя мозги для того, чтобы стать полоумными на свой собственный лад. Все чувства, все способности наши принадлежат нам по праву собственности, равно сердце и голова, интеллект и дух, тело и душа. Наше искусство не калечит, оно восхищает, развлекает, одаривает всем и сверх меры.

¹⁰ Праворадикальные писатели. Маринетти - поэт-футурист, возглавлял группу футуристов на учредительном съезде Фашистской партии Муссолини в марте 1919 г. и участвовал в разработке ее программы. Луи-Фердинанд Селин - французский писатель, автор книг «Путешествие на край ночи», «Из одного замка в другой» и т.п. «Изуродованный на I-ой мировой войне, куда отправился добровольцем, желчный инвалид. Мрачный писатель-пессимист Селин [...] ...настоящее мировоззрение злобного правого анархиста. Селин обновил французскую литературу, указав ей пример, что есть еще непочатые запасы народных слов, народного видения, народных мнений. До него французская литература говорила языком избранных интеллектуалов (курсив переводчика). Умер он [...] в меховой безрукавке, запущенный и больной. Селин это

Бог для раздраженных работяг, для тех, кто торгует на улицах, кряхтя, встает на работу в раннюю рань, ругает правительство у пивных стоек, несчастлив в личной жизни, для ипохондриков, полицейских и мрачных молодых людей. [...] У Селина всегда будут читатели.» (Э. Лимонов). Вопрос о том, претендовал ли вообще Селин на какой-либо интеллектуализм остается открытым. *Прим. перев.*

Поставщики бессмысленного мрака — это Похоронная Команда современного искусства, а мы — «те, кого нет». Пусть натуралистические бальные залы оккультных безделушек Третьего Рейха и картины детской насильственной смерти развлекают тех, кто правит Зрелищем, смерть на экране телевизора смотрится лучше, чем жизнь, а мы, хаоты, верующие в мятежную радость, извергнуты во тьму внешнюю и преданы забвению.

Надо ли говорить, что мы против всех видов цензуры, как духовной, так и светской. Но «после революции» мы хотели бы взять на себя личную ответственность за выметание удушающего сора всех Похоронных Команд с их искусством путем выселения их из города на специальном поезде. (Критика в контексте анархизма приобретает силу прямого действия). В моем личном космосе нет места ни для Иисуса и его повелителей мух, ни для Чарли Мэнсона и его поклонников. Мне не нужна ни мировая полиция, ни космические палачи. Я не нуждаюсь ни в массовой бойне по телевизору, ни в прочувствованных постструктуралистских романах, посвященных некрофилии.

Когда это случится, АОА может лишь надеяться на успех в деле саботажа машины Государства и ее призрачного окружения, но мы просто должны попробовать себя в какой-нибудь деятельности, более реальной, чем манифестации УОЛитов вроде «Трупоедов Нижнего Ист-Сайда» и прочей артистической чепухи. Мы поддерживаем художников, которые используют пугающий материал в каком-то «высшем смысле», тех, которые пускают в ход любые проявления любви и секса, даже шокирующие или запретные, употребляющих свой гнев, свое отвращение и свои истинные желания для самоутверждения, для создания красоты и поиска приключений. «Социальный нигилизм» — да, но не мертвый нигилизм гностического самоуничтожения. Каждый, у кого еще есть хоть малейшие остатки третьего глаза, отличит революционное жизнеутверждающее искусство от мертвящего реакционного, даже если проявления того и другого будут отмечены грубостью и жестокостью. УОЛ нестерпимо воняют и нос хаота может унюхать эти эманации так же, как он распознает аромат духовного и сексуального веселья, пусть даже последний будет приглушен темными запахами. Даже крайне правые, несмотря на весь свой страх плоти и чувственных проявлений, в конечном итоге достигают расширенного сознания и восприятия. Но от Похоронных Команд, несмотря на все их тщетные потуги и модные революционные лозунги, исходит ровно столько же подлинной раскрепощающей энергии, сколько от ФБР, ФКЛП или дважды окрещенных баптистов.

Мы живем в обществе, где роскошнейшие предметы потребления рекламируются при помощи картин смерти и уродств, которые посредством генерирующих альфа-ритмы, канцерогенных, искажающих реальность приспособлений транслируются напрямую в мозжечок миллионов человекоподобных рептилий в то время, как некоторые картины жизни (например, наша любимая — мастурбирующий ребенок) отвергаются и преследуются с невероятной жестокостью. Быть садистом от искусства в наше время вообще ничего не стоит, ведь соблазнительная фигура Смерти стоит в центре нашей парадигмы Общественного Договора. «Леваки», обожающие переодеваться и играть в «Полицейские и Воры», люди, оргазмирующие над фотографиями зверств, люди, умствующие по поводу невнятного искусства и щеголяющие своим безнадельем, затягивающим в пропасть ублюдством и страданиями других людей — подобные «художники» по сути своей такая же полиция, только лишенная силы (превосходное определение, подходящее также и для многих других т.н. «революционеров»). Для этих эстетических фашистов у нас уже приготовлена черная бомба. Она разорвется мужским семенем и фейерверками, дымом марихуаны и пиратством, причудливыми шиитскими ересями и пузырящимися райскими фонтанами, сложными ритмами, пульсацией жизни — всем, что лишено формы и изысканно.

Проснись! Дыши! Почувствуй, как дыхание мира овеивает твою кожу! Завладей этим днем! Дыши! Дыши!

(Благодарности: Дж. Мандер — «Четыре аргумента в пользу отмены телевидения»; Адам Экзит; Мавританский Космополит из Уильямсбурга)

Коммюнике №6

¹¹ «Апокалипсис в салоне» был организован Шароном Ганноном в июле 1986 года)

Уже давно Сталин не дышит нам в затылки, почему бы тогда искусством не послужить... делу революции?

Даже не думайте, что это «невозможно». Чего еще мы можем надеяться достичь, как не «невозможного» Должны ли мы ждать еще кого-то, кто обнажит наши потаенные желания?

Если искусство мертво, если публика увяла, что ж, нашей кобыле легче. Возможно, каждый из нас теперь своего рода художник и, возможно, зритель вновь стал девственно чист, заново обрел способность быть тем, что он видит.

Если так, то мы можем найти выход из наших внутренних музеев. Если так, мы перестанем продавать самим себе билеты в галереи, что находятся внутри наших черепов, мы сможем созерцать то искусство, которое воссоздает исконную цель мага: менять структуру реальности при помощи манипуляций над живыми символами (в данном конкретном случае, над теми образами, которыми нас «снабдили» организаторы этого художественного салона: убийствами, войной, голодом и стяжательством).

Теперь нам известно, что эстетические акты наделены некоторыми качествами актов террористических («жестокостью» в трактовке Арто), только нацелены они не столько на уничтожение людей, сколько на разрушение абстракций, скорее, на освобождение, чем на установление господства. Они совершаются в большей степени ради получения удовольствия и для забавы, а не ради политической выгоды и запугивания. Короче говоря, это именно «поэтический терроризм». Избранные нами образы проникнуты темной силой, но все эти образы — всего лишь черные покрывала, скрывающие те энергии, которые мы можем использовать для света и наслаждения.

Например, так, как это сделал человек, придумавший айкидо. Он был самураем, но стал пацифистом, отказавшись сражаться на стороне японских империалистов. Он стал отшельником, жил на горе, сидя под деревом.

Однажды бывший однополчанин пришел к нему в гости и обвинил в предательстве, трусости и т.п. Отшельник ничего не сказал в ответ, а продолжал сидеть. Тогда офицер разъярился, достал свой меч и нанес удар. Внезапно безоружный мастер разоружил офицера и вернул ему меч. Снова и снова пытался офицер убить отшельника, используя все приемы боя на катанах, но из своего опустошенного сознания отшельник каждый раз извлекал новый способ обезоружить его.

Разумеется, тот офицер стал его первым учеником. Позже они научились уворачиваться от пуль. Мы можем видеть здесь некую форму метадреды, призванную запечатлеть вкус этой истории. Она дает толчок развитию совершенно нового искусства, полностью бескровного способа боя, войны без убийства, пути «меча жизни», но не смерти.

Заговор художников, анонимных, как сумасшедшие бомбаши, но направивших свою энергию не на акты насилия, а на беспричинную щедрость, на Миллениум, а не на апокалипсис, нацеленных на эстетический шок текущего момента во имя воплощения и освобождения...

Искусство — это собрание прекрасной лжи, которое становится правдой.

Может быть, стоит создать «тайный театр», в котором как художники, так и зрители полностью исчезнут, но лишь для того, чтобы вновь появиться в другом плане бытия, где искусство и жизнь становятся одним: чистым даром без расплаты?

II. Убийство-Война-Голод-Стяжательство

Манихеи и катары верили, что тело может быть спиритуализовано, иначе говоря, что тело, окверняющее чистый дух, должно быть полностью отвергнуто. «Совершенные» гностиков (радикальных дуалистов) истязали себя до смерти для того, чтобы сбежать из темницы тела и вернуться в плерому чистого света. Парадоксально, но вот единственный способ избежать плотского зла — насильственной смерти, войны, голода, и ненасытного стяжательства, который они исповедовали: убить собственное тело, объявить войну плоти, изголодаться до смерти и стяжать... спасение.

С другой стороны, радикальные мониеты (исмаилиты, рэнтеры, антиномисты) считали, что тело и дух едины, что дух, живущий в черном камне, также проникает и в плоть, что все живет и все — жизнь.

«Вещи таковы, каковы они в момент встречи с ними... все естественно... все в движении, как если бы Истинный Господь действительно все время двигал бы их — но если мы будем искать свидетельств существования этого хозяина всех вещей, мы не найдем ничего». (Го Цзян)

Парадоксально, но монистический путь также пролегает через своего рода «убийство, войну, голод и стяжательство»: через превращение смерти в жизнь (пища, негэнтропия), через войну против Империи Большой Лжи — «пост души», или через отказ ото Лжи, от всего, что не живо и стяжание самой жизни, абсолютной мощи желания.

Даже больше: без познания тьмы («плотного опыта») не может быть познания света («гнозиса»). Эти два вида знания не просто дополняют друг друга: правильнее будет сказать, что они идентичны, как одна и та же нота, сыгранная в разных октавах. Гераклит сказал, что реальность находится в состоянии «войны». Только сочетание нот создает гармонию. («Хаос — это сумма всех порядков»). Теперь дайте каждому из наших четырех понятий покрывало из других слов (назвать фурий «милыми созданиями» значит не просто употребить эвфемизм. Это означает найти в фуриях больше смысла). Облеченные в эти покрывала, ритуализированные, реализованные в качестве искусства, эти четыре понятия приобретут свою темную красоту, свое «Черное Сияние».

Скажи «охота» вместо «убийства». В охоте заключается бесхитростная экономика всякого архаического, родоплеменного и неавторитарного общества. «Почитание» жертвы — это одновременно убийство, поедание плоти и путь Венеры, путь возжеления. Вместо «войны» скажи «бунт». Не классовая борьба, а вечный мятеж, в котором темное начало обнаруживает внутри себя светлое. Вместо «стяжательства» скажи «томление», непокорное желание, безумная любовь. И, наконец, вместо голода, этой пытки, говори о полноте, избытке, чрезмерности, щедрости, Даре самого себя Другому.

Без этого танца покровов ничто не может быть сотворено. Древнейшая мифология считала Эрота перворожденным сыном Хаоса. Эрот, дикарь, которого можно приручить, открывает ту дверь, через которую художник возвращается к Хаосу, к Единому, а затем устремляется обратно, унося с собой частицу прекрасного. Художник, охотник, воин — в них уравновешенность сочетается с пассионарностью, стяжательство с крайним альтруизмом. Упаси нас от всех спасителей, которые спасают нас от самих себя, от нашей животной, анимальной природы, без которой мы были бы лишены как anima, «живота», нашей жизненной силы, так и animus, «живчика», живительности роста, проявляющей себя в агрессии и ненасытности. Вавилон поработил нас, убедив в том, что наша плоть мерзка, и заставив ожидать спасения. Но если плоть уже «спасена», уже просветлена, если даже само сознание — разновидность плоти, осязаемый живой эфир, тогда мы не нуждаемся в силе, ходатайствующей за нас. Как сказал Омар: «дикость — это рай в настоящем».

Только свобода дает возможность подлинной жизни, убийство же — обычай Империи. Война — также вавилонское изобретение. Никто не должен умирать ради возвеличивания других. Голод входит в человеческую жизнь исключительно благодаря верховному жречеству — разве не Иосиф учил фараона спекулировать зерновыми? Стяжательство... жажда земли, символа богатства, силы, позволяющей деформировать души и тела других людей под лозунгом их спасения. Стяжательство тоже произрастает не из «природных обстоятельств», а из того, чисто человеческого обстоятельства, что все благотворные энергии втаптываются в грязь во славу Империи. Художник может выставить против этого свой танец покровов, тотальную радикализацию языка, «Поэтический Терроризм», который ударит не по живым существам, а по злоторным идеям, который собьет крышку с гроба, где похоронены наши желания. Удушливое и парализующее здание будет взорвано благодаря всеобъемлющей радости, когда радуются даже тьме.

Коммюнике №7

Пещерное мышление и высокие технологии: изложение позиций

Поскольку в АОА постоянно ведутся разговоры о «пещерности», я думаю, вы будете не против отправиться обратно в Каменный Век.

Нас не интересует «возврат к почве», если подразумевается скучная жизнь крестьянина, гребущего лопатой дерьмо. Не нужен нам и «родоплеменной» строй, если он связан с табу,

фетишами и недоеданием. Мы вовсе не против концепции культуры, в том числе включающей технологию. Для нас проблемы начинаются с цивилизации.

То, что нам нравится в жизни палеолита, суммировано антропологической школой в выражении «Народы без авторитетов»: элегантная праздность общества охотников и собирателей, двухчасовой рабочий день, одержимость искусством, танцем, поэзией и любовью, «демократизация шаманизма», культивация ощущений, короче, культура.

А вот то, что нам не нравится в цивилизации: «сельскохозяйственная революция»; возникновение каст; Город и связанный с ним культ иерархической власти («Вавилон»); рабство; догма; империализм («Рим»).

Подавление сексуальности в «рабочее» время под эгидой «авторитетов». В общем, «Империи нет конца».

Новое пещерное мышление, базирующееся на высокотехнологичном, пост-аграрном, постиндустриальном, свободном от труда, кочующем (или «беспочвенном космополитском»), квантовом обществе — вот идеальный образ будущего согласно Теории Хаоса и «футурологии» (в том смысле, который придавали этому термину Роберт Энтон Уилсон и Тимоти Лири).

Что до настоящего, то мы отвергаем всякое сотрудничество с цивилизацией Постников и Обжор, с людьми, которые настолько стыдятся отсутствия страданий, что заставляют затягивать пояса себя и других и с теми, кто безжалостно нажирается, а потом возвращает съеденное в виде рвотных масс в мазохистических припадках диет и пробежек. Все способы доставить себе удовольствие и способы самоограничения подарены нам Природой. Мы никогда не станем отрицать самих себя, никогда не откажемся ни от чего, но в некоторых вещах нам отказано с самого начала, некоторых вещей мы лишены, потому что мы сами слишком велики для них. Я — пещерный человек настолько же, насколько пришелец со звезд, я — одновременно член команды и свободный пират. Как-то раз одного индейского вождя пригласили на банкет в Белый Дом. Когда разносили еду, он трижды наполнил доверху свою тарелку. Какой-то белый, сидевший рядом с ним, наконец, не выдержал и сказал: «Мистер Вождь, хе-хе... Не думаете ли вы, что это будет чуть-чуть лишку?».

«Гм, — ответил ему вождь, — когда чуть-чуть лишку, для Вождя это — в самый раз».

Тем не менее, некоторые положения «футурологии» остаются под вопросом. Даже если мы, к примеру, согласимся с тем, что новые технологии, такие как телевидение, компьютерная техника, роботизация, космические исследования и т.д. содержат освободительный заряд, мы не сможем не заметить пропасти между их потенциалом и реальностью. Ба-нализация телевидения, яппификация компьютеров¹³ и милитаризация Космоса указывают на то, что сами по себе эти технологии не дают строгой гарантии использования их возможностей для дела освобождения.

¹³ Для того, чтобы объяснить постоянные упоминания Хакимом Беем «компьютерных» реалий в анархистских текстах, следует сказать несколько слов о взаимоотношениях анархизма 80-х и киберпанка. Киберпанк вырос из т.н. первой компьютерной революции 1981-1988 гг., когда многие американцы обзавелись персональными компьютерами первого поколения, такими как Apple II и Atari (В Великобритании и континентальной Европе это были Amstrad, BBC и ZX-Spectrum) и начали экспериментировать с модемной связью. Тогда же появились первые информационные службы, такие как Престел, а также BBS и хакеры. Персональный компьютер в восьмидесятые мыслился как «Зазеркалье», как нечто магическое по своей природе, весьма далекое от инженерной скуки. Авторы популярных книг о компьютерах в то время слишком часто цитировали Льюиса Кэрролла. Забавные сегодня восьмидесятилетние машинки тогда казались чем-то вроде электронного ЛСД. Потенциальная трансгрессивная сила компьютерной техники в то время осознавалась, хоть и крайне смутно, но почти всеми... Не в последнюю очередь она связывалась с графическими компьютерными играми, в том числе и написанными самостоятельно - тогда еще не существовало крупных студий девелопмента, а тем более игровых империй, превративших сегодня компьютерные игры в кальку голливудских блок-бастеров. Эти игры создавали уютное, замкнутое и в то же время «псевдобесконечное» (см. статьи Ямины Михайлович) пространство, через которое могли самореализовываться друзья, входившие в тесный круг, центром которого была (в терминологии «докомпьютерных» взрослых) «дорогая куча металлолома», состоявшая из грязной клавиатуры, залепанного монитора и кассетного магнитофона без крышки, приютившаяся в гараже или на чердаке коттеджа. Атмосфера самодостаточности, «автономии», складывающаяся вокруг компьютеров (и полностью противоположная нынешней глобалистской идее о том, что компьютер без Интернета это вроде бы еще не компьютер), обмен коммерческими и некоммерческими программами среди друзей-отаку («увлеченных» (япон.) - все это было близко утопическим анархистам, а анархистские идеи - первому компьютерному поколению. Не случайно один из киберпанковских фэнзинов назывался «bOING-bOING». Это название - результат скрещивания названия анонимного анархистского манифеста начала 80-х («bolo-bolo») и названия известной программы, демонстрирующей графические возможности ультрапрогрессивного мультимедийного персонального компьютера 1985-1995 гг. «Amiga». Программа называлась «Boeing» и демонстрировала трехмерное изображение текстурированной красными и белыми прямоугольниками сферы, летавшей по экрану и с шумом отскакивающей от его краев. (Этот «шарик» определил визуальный облик эпохи настолько же, насколько «электронная» мелодия «Popcorn» - ее акустическое окружение.)

Конец такому пониманию компьютерной техники настал в 90-х годах с т.н. «второй компьютерной революцией» (контрреволюцией?), с монополизацией рынка персональных компьютеров IBM-клонами, а рынка операционных систем - компанией Microsoft. CEO Microsoft - Билл Гейтс видел и продолжает видеть в компьютерной технологии лишь средство для утверждения Общественного Договора в мировых масштабах и ни грама магии. Разнообразные варианты ОС Windows

и Windows-приложений позиционируются как программы, призванные насаждать «семейные ценности» и «политкорректность» по-американски. Представление о «домашнем клубе друзей-отаку» - кибермальчишнике 80-х безвозвратно утеряно. Билл Гейтс может сказать теперь, что «все стало на свои места», то есть произошла та самая яппификация и капитализация компьютеров, о которой пишет Хаким Бей. Гейтс и сам являет собой пример ренегата - революционера и губителя семейных надежд, ставшего самым богатым яппи на свете и главным проповедником новой, кибернетической семейности (основатель «Apple» Стив Джобс - пример революционера, так и не ставшего яппи - вот что, кстати, писал о всемирно известном логотипе «Apple» бывший вице-президент Apple Computer Жан-Луи-Гасси: «Одной из самых больших тайн для меня является наш символ - символ греха и знания - надкусанное яблоко, все в цветах радуги в неправильном порядке. Нельзя и мечтать о более удачном символе - греха, знания, надежды и анархии»). Память о «революционности» и «магизме» компьютерной техники, тем не менее, живет в среде производителей игрового «железа», что отражается, в частности, на его названии, например в названии серии ускорителей трехмерной графики 3dfx Voodoo. *Прим. перев.*

Даже если мы отвергнем ядерный Холокост, как еще одно Зрелище, поставленное для того, чтобы отвлечь наше внимание от реальных проблем, нам придется согласиться с тем, что такие понятия «гарантированное взаимное уничтожение» или «чистое оружие» несколько умилили наш пыл в отношении некоторых аспектов Высокотехнологического Приключения. В Онтологическом Анархизме луд-дизм используется как тактика: если определенная технология, не зависимо от того, какие восхитительные возможности она может преподнести в потенции в будущем, используется для моего подавления здесь и сейчас, то я должен или найти способ ее саботировать, или завладеть средствами производства (или, что, вероятно, важнее, средствами коммуникации). Человеческое подразумевает использование техники, но нет такой техники, которая значила бы больше, чем человеческое во мне.

Мы с презрением смотрим на антитехнологический анархизм с его технофобиями, по крайней мере, считаем его неприемлемым для нас самих (существуют ведь другие хорошие люди, просто обожающие деревенскую жизнь). Но мы также отказываемся от технологической идеи фикс. Для нас все формы детерминизма выглядят равно бессодержательными. Мы не рабы наших генов, как не рабы и наших машин. То «естественно», что мы придумали и воплотили. «У Природы нет Законов — только склонности».

Для нас жизнь не принадлежит ни Прошлому — этой земле, кишасей призраками славной старины, стерегущими свои потускневшие сокровища в могильной тьме, ни Будущему, где мутанты-гидроцефалы ревностно охраняют секреты бессмертия, полетов со сверхсветовой скоростью, геной инженерии и упадка Государства. Или сейчас или ничего. Каждое мгновение пропитано вечностью, а мы заблудились в миражах, увиденных нами сквозь глазницы мертвого черепа, завязли в ностальгии по невоплощенному идеалу.

Все достижения моих предшественников и последователей значат для меня не больше чем поучительная и развлекательная история. Я никогда не поставлю их выше себя даже для того, чтобы оправдать собственную незначительность. Я издал декрет, разрешающий мне брать у них все, что я пожелаю — пещерное мышление, высокие технологии, или причудливые обломки цивилизаций, секреты Тайных Мастеров, утех фривольной аристократии и жизнь богемы.

Декаданс... как много слилось в этом слове для Онтологического Анархиста, несмотря на отрицательный смысл, который придал ему Ницше. В нашей жизни он играет такую же важную роль, как здоровье. И того и другого мы хотим в изобилии. Эстетствующие декаденты не станут разжигать глупые войны, не станут растекаться мыслю по мертвому дереву зависти и обиды. Они ищут приключений в новинках искусства и сексуальных нестандартных практиках, а не в чужих бедах. АОА восхищается их леностью, пренебрежением к глупым условиям, культивацией аристократической чувственности и подражает им как может. Для нас эти качества парадоксальным образом гармонируют с основополагающими принципами Каменного Века — бьющему через край здоровью, игнорированию иерархии, развитию художественного чутья вместо чувства Закона. Мы требуем сильного декаданса и нескучного здоровья!

Поэтому АОА безоговорочно поддерживает все туземные племена в их борьбе за полную автономию и в то же время помогает самым безумным проектам футурологов. Палеолитизм будущего (которое для нас как для мутантов наступило раньше, чем для всех прочих) может быть повсеместно достигнуто только при помощи массового применения технологий Воображения, научной парадигмы, преодолевающей квантовую механику и идущей дальше, в глубины Хаоса и галлюцинации Спекулятивной Беллетристики.

Как Беспочвенные Космополиты, мы обращаемся ко всем красотах прошлого, востока и родоплеменных обществ. Все это наследие должно быть и может быть нашим, даже сокровища Империи должны быть поделены между нами. И в то же время мы требуем создания технологии, которая превзошла бы земледелие, промышленность, даже вездесущее электричество, техники,

способной работать на неуловимых токах человеческого сознания, сочетающей мощь кварков, частиц с обратным ходом времени, квазаров и параллельных миров.

Враждебные друг другу идеологии анархизма и либертарианства содержат в себе свои собственные представления об утопии, варьирующиеся от земледельческой общины до Звезды КЭЦ. Мы же говорим: пусть расцветают все цветы — так пусть расцветают они в одном саду без садовника, который мог бы срезать «лишние» стебли и почки, следуя какому-нибудь моральному или евгеническому плану. Единственный настоящий конфликт — это конфликт между авторитетом тирана и авторитетом самореализации. Все прочее — иллюзия, предрассудок, пустословие.

С одной стороны, сыновья и дочери Гайи¹⁴ никогда не покидали пещеры, с другой — все достижения будущего уже в наших руках. Только восстание «решит» этот парадокс — только восстание против фальшивых представлений в нашем и чужом сознании уничтожит технологию подавления и убожество Зрелища. В этой схватке раскрашенная маска шамана может быть полезна настолько же, насколько окажется полезным захват спутника связи или проникновение в закрытую компьютерную сеть.

¹⁴ Богиня греческого пантеона (олицетворение матери-земли), центральная фигура одноименного неонархаического религиозного движения в США. *Прим. перев.*

Единственный критерий, по которому мы судим об оружии или инструменте — это его красота. Средства и цели в некотором смысле суть одно и то же, восстание и есть наше приключение, становление суть бытие. Будущее и Прошлое существуют в нас и для нас, мы и альфа и омега. Нет других богов ни за нашими спинами ни на нашем пути. Мы свободны во времени и мы скоро станем свободными в пространстве.

(Спасибо Поющей Ведьме ЦелИне за Сагу о Городе и Лесе)

Коммюнике №8

Теория хаоса и семья мирного атома

Воскресный день в парке на берегу реки. Отцы принуждают своих детей оставаться на местах, волшебным образом приковывая их к траве своими недобрыми взорами кровного родства, заставляя часами бросать туда-сюда бейсбольные мячи. Мальчики похожи на маленьких Св. Себастьянов, простреленных насквозь стрелами скуки.

Чопорные обряды семейного отдыха превращают по воскресеньям каждую мокрую от росы лужайку в парк аттракционов. Всякий сын есть нечаянная аллегория славы Отца, тусклая картинка, в два или три раза менее отчетливая, чем первореальность: Ребенок, как сон о Чем-то или Ком-то Большем.

Сюда прихожу я, как только сгущаются сумерки. Здесь сижу я, обдолбанный, наевшись волшебного грибного порошка, пока еще верящий в то, что рой вот этих вот огнистых мушек вылетает из моего собственного сознания. Где они только прятались все эти годы? Почему их сразу стало так много, почему их явление столь внезапно? Каждая мошка, взлетая, мгновенно раскаляется добела и стремительно описывает дуги, словно чертит абстрактные графики сперматической энергии.

«Семьи! Бедствие для любви! Как я вас ненавижу!» А бейсбольные мячи бессмысленно мелькают в закатном свете. Ловящие промахиваются, слышны усталые сварливые голоса взрослых. Дети чувствуют, как последние часы отведенной им свободы покрываются ржавчиной закатных лучей, но Отцы настаивают на продолжении теплой постлюдии своей патриархальной жертвы до самого ужина, до того, как тени поглотят траву на лужайке.

В какой-то момент я встречаюсь взглядом с одним из этих юных горожан. Я пытаюсь телепатически транслировать ему картины сладкой вседозволенности, аромат ВРЕМЕНИ, выпущенного на волю из школьных застенков, карцеров музыкальных классов, летних концлагерей, тюрьмы семейных посиделок вокруг ящика и воскресных прогулок по тюремному двору в-парке-с-Папой, аромат истинного, хаотического времени.

И вот, семья, этот маленький отряд разочарований, покидает Парк. Но тот самый оборачивается и участливо улыбается мне¹⁵: «Сообщение принято». Он уходит прочь, пританцовывая, вслед за блуждающим огоньком, запущенным по моему желанию. Тогда Отец вылаивает мантру, которая рвет в клочья мою силу.

¹⁵ «Юношеский цвет двенадцатилетнего мальчика приводит меня в радость, но предпочтительнее мальчик лет тринадцати. Тот, кому четырнадцать, - еще более сладостный цветок Эротов, и еще прелестнее тот, кому только исполнилось пятнадцать. Шестнадцатый год - это возраст богов, а желать семнадцатилетнего - удел не мой, а Зевса. Если же кто влюблен в мальчика, который еще старше, то он более не играет, а уже требует гомеровского «он же ответил». Стратон. (Anth. Pal., xii, 4) Цит. по Лихт, Ганс «Сексуальная жизнь в Древней Греции», М.:1995 *Прим. перев.*

Проходят секунды. Мальчик проглочен зарослями вечности, пропал из виду — этот голоногий пират, этот индеец, захваченный в плен миссионерами. А Парк знает кто Я такой, он простерся подо мной, словно гигантский ягуар, готовый проснуться для ночной медитации. Скука свалила его наземь, но в своей самой глубинной сущности он все еще дик, как когда-то: прелестный остров беспорядка в сердце ночного города.

Коммюнике №9

Двойной крест на дважды окрещенных

I. Христианство

Вновь и вновь мы надеемся, что корчащийся труп испустит, наконец, свой злобный дух и окончательно мумифицируется. Вновь и вновь нам снится, как это до неприличия уродливое истощенное пугало, прикованное ко стенам всех наших приемных, наконец издохнет и не притащится к нам больше для того, чтобы стонать по ночам о наших тяжелых грехах...

Но вновь и вновь оно воскресает и волочится в нашу сторону, преследует нас, словно маньяк из какого-нибудь черного порнофильма ужасов категории «N» — будто ты в тысячный раз смотришь римэйк «Ночи живого мертвеца». Оно снова встает и принимается униженно хныкать как раз в тот момент, когда ты уже думал, что оно в отключке, а ты в безопасности. Это христианские Мертвецы-Пожиратели. Посмотрите вокруг! Нас окружили Тердолобые Баптистские Кретины! У них в руках бензопилы!

Леваки тоскуют по Точке «Омега» своего диалектического рая. Они приветствуют каждое подергивание гниющей догмы довольным мурлыканьем. Ах! Давайте станцуем танго с марксистскими епископами из Латинской Америки, споем на два голоса старинную балладу с набожными польскими докерами и хором — спиричуалс с афро-методистским кандидатом в президенты из «библейского пояса»¹⁶ США...

¹⁶ «Библейский пояс» США - южные штаты с большой долей «афро-американского» (черного) населения, известного своей экзальтированной религиозностью. *Прим. перев.*

АОА обличает Теологию Освобождения как заговор монахинь-ста-линисток, тайную сделку Вавилонской Блудницы с красным фашизмом тропиков. «Солидарность»? Это личный профсоюз Папы Римского, вскормленный АФТ/КПП, Ватиканским банком, членскими взносами масонских лож и золотом Мафии. Если мы когда-нибудь и голосовали, мы ни разу не потратили этот ложный шанс ни на одну христианскую собаку, не важно какой породы и какого окраса.

Что до настоящих Христиан, этих скучающих самолоботомизирующихся изуверов, этих мормонских детоубийц, этих Имперских Штурмовиков Рабской Морали, телепроповедников-чернорубашечников, отрядов зомби имени Благословенной Девы Марии (которая притаилась в розовом облаке над Бронксом, поплеывая злобой, анафемой, смердящими розами на детскую сексуальность, подростковую беременность и добродушных педерастов...

Что до настоящих смертопокклонников, ритуальных каннибалов, фанатиков Армагеддона — Ультраправых Христиан, что до них всех — то мы молимся, чтобы смерч прошел по ним, вытащил из кресел автомобилей и телестудий, из их девственных постелей и забрал их на небеса, предоставив нам жить дальше своей человеческой жизнью.

II. Сторонники и противники абортот.

Ошалелые дурни, подбрасывающие самодельные бомбы в окна абортариев принадлежат к той же гротескной категории злобных идиотов, что и попы, которые лепечут из-за алтаря «мир вам», и при этом порицают все проявления человеческой сексуальности. У Природы нет законов («только склонности»), всякий закон противоестественен. Все принадлежит сфере частной/воображаемой морали — даже убийство.

Тем не менее, это не значит, что мы обязаны любить и поощрять убийство или аборт. Хаосу угодно всякое внебрачное дитя любви, выношенное и рожденное в срок. Сперма и яйцеклетка взятые даже по отдельности — прелестные субстанции. А когда их ДНК сочетаются, они могут образовать новое сознание, негэнтропию, радость.

Если уж «есть мясо значит быть убийцей», как любят кричать на каждом углу вегетарианцы, то что сказать об абортах? Тотемисты, танцевавшие перед изображением животного, на которое они охотились, стремившиеся стать одним целым с их живой пищей и разделить ее трагедию, выказывали приверженность куда более человеческим ценностям, чем любая взятая наугад группа феминоидных либералок, выступающих за «свободу выбора».

В дебатах по поводу каждой надуманной «проблемы», входящих в программу тотального Зрелища, обе стороны неизменно оказываются двумя кусками дерьма. Дебаты вокруг «проблемы аборт» не составляют исключения...

Коммюнике №10

Пленум снова обличает. Обещанные чистки.

Для ТОГО, чтобы не попасть под действие плохой кармы, которую мы могли заработать за свои проповеди, направленные против Христиан и прочих концесветников (см. последний бюллетень) и просто для того, чтобы привести ситуацию к равновесию, АОО также обличает всех новоиспеченных мудоатеистов с их затхлым поствикторианским багажом сциентистского вульгарного материализма. // // // // Разумеется, мы приветствуем все антихристианские чувства и все нападки на все организованные религии. Но если послушать некоторые анархистские разговоры, можно подумать, что шестидесятых никогда не было и никто никогда даже на кончик языка не попробовал ЛСД. // // // // Лучших ученых кэрроловское безумие Квантов и Хаоса привело к даосизму и веданте (не говоря уже о дада), а если вы почитаете «Матч» или «Свободу», вы увидите, что князь Кропоткин уже давно похоронил науку, а епископ Ушшер «религию». // // // // Разумеется, мы ненавидим Фашистов Эры Водолея, этих псевдогуру, которым недавно была пропета алилуйя в «Нью-Йорк Таймс» за их плодотворное сотрудничество с миром Большого Бизнеса. Ненавидим их «свободные» культы для зомбированных яппи, постную и банальную метафизику Нью-Эйджа... наш эзотеризм недостижим для посредственных клерков с их сотовыми, вызывающими рак мозга. // // // // Еретики и парадоксальные мистики Востока и Запад разработали системы, основанные на самоосвобождении. Некоторые из этих систем были испорчены религиозным мистицизмом и даже стали реакционной социальной силой — другие остались более радикальными и «психологическими», а некоторые даже вылились в революционные движения (Левеллеры, Ассасины, Желтые Тюрбаны и т. д.) Чем бы они ни были отягощены, они заключали в себе известные магические техники, которых так не хватает анархизму: (1) Способность к метарациональности («метанойе»), превращающей дискретное мышление в непрерывный поток мышления и восприятия (в блуждающий или «хаотический» разум); (2) непосредственное ощущение самореализующегося и свободного сознания, позитивное опиание его структуры и практические навыки по его применению; (3) связанный архетипический эпистемологический взгляд, то есть такой способ познания (истории, например), который использует герменевтическую феноменологию для того, чтобы вычленять смыслонаделенные участки из общего поля исследования (что-то подобное предлагали сюрреалисты под названием «Параноидального Критицизма»); (4) такое обучение Эросу («тантрический» аспект присутствует во многих Учениях), в котором удовольствию придается большее значение, чем самоотдаче, причем удовольствие мыслится не только как что-то самоценное, но и как средство достижения расширенных состояний сознания или «освобождения»; (5) праздничное настроение, то что можно назвать «концепцией Юбилея», когда психическая зависимость от чего бы то ни было снимается простым обращением к богатству непосредственной реальности; (6) особый язык (включающий жесты, ритуалы, скрытое поведение) при помощи которого можно было оживить пять предыдущих аспектов и поведать о них другому; и (7), наконец, искусство молчания. // // // // Нет ничего удивительного в том, что многие анархисты это бывшие католики, священники-расстриги или беглые монашки, бывшие служки, отпавшие от общины баптисты или даже шиитские фанатики. Анархизм предлагает им всем отслужить свои черные (и красные) мессы для того, чтобы вымести всех призраков из собственных мозгов, предлагает светский экзорцизм, однако после этого предаст сам себя, призвав присутствующих построить Новый Храм Анархизма на

заплесневелом фундаменте гуманистической этики, свободы совести, вульгарного атеизма и жесткой картезианской логики. ///// Два десятилетия назад мы решили стать Беспочвенными Космополитами, просеять через сито личного опыта все осколки исторического опыта племен, культур и цивилизаций (включая нашу собственную) для того, чтобы обнаружить жизнеспособные фрагменты и для того, чтобы впоследствии слепить из этих черепков свою собственную живую систему, иначе (как предупреждал еще Блэйк) мы бы стали чьими-нибудь рабами. ///// Если у какого-нибудь яванского колдуна или индейского шамана есть превосходный ингредиент, нужный мне для моей «аптечки», то с какой стати я должен усмехаться над цитатой из Бакунина насчет последнего попа, повешенного на кишках последнего банкира? Или зачем мне тогда вспоминать, что «анархия не знает догм», что «хаос непредставим в схеме», и помогать себе в прочих сомнительных предприятиях? ///// Самое раннее определение анархии можно обнаружить в Чжуань Цзи и других даосистских текстах. «Мистический анархизм» может похвастаться куда более древней родословной, чем греческий рационализм. Я думаю, что когда Ницше говорил о «Гиперборейцах», он предсказал наше появление. Мы родились тогда, когда Бог умер, одновременно с перерождением Богини, мы родились для царства, в котором дух и материя — одно. Любая манифестация этой иерога-мии, всякий материальный предмет и всякое живое существо не только сами по себе «священны» но и выступают символами собственных «божественных сущностей». ///// Атеизм — просто опиум для народа (или, точнее, для самозванных предводителей людского стада) и это не слишком яркий и сексуальный наркотик. Нет уж, увольте. Следуя совету Бодриера «быть всегда в состоянии наркотического опьянения», АОА предпочтет прибегнуть к более мощным средствам, например, к волшебным грибам. Хаос — древнейший из богов и Хаос вечен.

Коммюнике №11

Особая речь о еде, произнесенная по случаю начала сезона отпусков: Выключить ЛАЙТ!

Ассоциация Онтологических Анархистов объявляет бойкот всей продукции, отмеченной клеймом ЛАЙТА — сигарет «лайт», пива «лайт», мяса «лайт», низкокалорийных конфет, косметики, музыки «для легкого прослушивания», «здоровых образов жизни» из ярких коробок и прочего.

ЛАЙТ-концепт (жаргонное слово ситуационистов) раскрывает сложный символизм, при помощи которого творцы Зрелища надеются вылечить отвращение, возникшее у потребителя, желаниям которого придан товарный вид. «Натуральная», «органическая», «здоровая» продукция придумана для того сектора рынка, где преобладают умеренно разочарованные потребители со скромными надеждами на будущее, пребывающие в своей скромной ностальгии по согревающей душу подлинности предметов. Эта ниша уготована для тебя! Она мягко освещена иллюзиями простоты, чистоты, стройности — блестящими росчерками аскетизма и самопожертвования. Разумеется, диетические продукты стоят немного больше... в конце концов, ЛАЙТ создавался не для нищих и голодных дикарей, для которых еда - это все еще источник энергии первой необходимости, а не украшение жизни. ЛАЙТ должен стоить больше, в противном случае, вы бы его просто не купили.

Американский Средний класс (только не надо софизмов, вы прекрасно знаете, что я имею в виду), естественным образом разделился на две взаимодополняющие фракции: на армии Постников и Обжор. Анорексия и булимия — клинические случаи двух этих крайностей, всего лишь психосоматическая пена на волне культурной патологии, глубоко зашедшей в своем развитии и захватившей весь организм культуры, однако до сих пор по большей части неосознанной. Обжоры - это распальцованные джентри, заплывающие жиром от маргаринов и домашних кинотеатров¹⁷, а потом изгоняющие этот жир при помощи диетической пищи, пробежек или (ан)аэробики. Постники это — борцы за «здоровый образ жизни», нацепившие себе на голову физкультурные повязки маньяки ультра-легкой пищи, безрадостные, тщедушные и бледнолицые поеда-тели морских водорослей, надменные в своем пуританском рвении. Гротескная еда толстух — это обратная сторона «здоровой пищи» живых мертвецов. Канцерогенные чипсы и скучные пищевые добавки имеют один и тот же объединяющий мир вкус: вкус невообразимого идиотизма.

¹⁷ В оригинале - «и видеоманитофонов», однако сегодня видеоманитофоны стандарта VHS являются не предметами престижа, как в 1986 году, а дешевыми low-end устройствами (иногда их уже дают «в нагрузку» к дорогим телевизорам), поэтому буквальный перевод затупил бы острие критики Хаким Бея. *Прим. перев.*

Пища, сырая или вареная, не может избежать символизации. Она в одно и то же время сама сущность, и то, что выражает эту сущность. Пища — это всегда пища души. Рассматривать ее как-то иначе — значит страдать от несварения, как хронического, так и метафизического.

Но в удушливой пропасти нашей цивилизации, где почти весь опыт опосредован, где реальность просеивается через убийственное сито социально-обусловленного восприятия, мы потеряли точку соприкосновения с пищей, как с источником питания, мы начали лепить для себя кокон из того что мы потребляем, рассматривая продукты, как проекцию нашей жажды подлинного.

Иногда Хаос видится АОО как рог изобилия, фонтан непрекращающегося творения, гейзер производительных сил Космоса; поэтому мы тем более воздерживаемся от признания пользы воздержания, тем паче мы выступаем равно против Освященного Многообразия и Божественной Избирательности. Мы не собираемся навязывать вам предписания о безупречном здоровье, как это делается в Нью-Эйд-же (ведь только труп совершенно здоров); мы заинтересованы в жизни, а не в «образе жизни».

В еде мы обожаем как истинную легкость, так и богатую тяжесть. Всему свое время. Избыток ведет нас к совершенству, умеренность приятна, а о голоде мы знаем то, что он может быть лучшим из яств. Всякая вещь легка и так. Самые пышные цветы растут вокруг нужников. Мы мечтаем о фаланстерах и боло-боло кафе, где, праздничное собрание обедающих разделит гений Брилла-Саварина (этого святого от кулинарии).

Шейх Абу Са'ид никогда не копил деньги, даже не оставлял их на следующий день. Тем не менее, когда какой-нибудь патрон жертвовал толстый кошелек его богадельне, дервиши справляли гастрономический праздник. По другим дням все они ходили голодными. Их цель состояла в том, чтобы насладиться обоими состояниями: наполненности и пустоты...

В ЛАЙТ спародирована духовная опустошенность и просветленность. Точно так же «Макдональдс» облекается в образы изобилия и празднества. Человеческий дух (и уж конечно, человеческий голод) может перерасти и преодолеть этот фетишизм. Радость может наполнить вас даже от супербургера и даже безалкогольное пиво может таить в себе частицу крови Диониса. Но почему мы должны бороться против дешевого изобилия помойной свежести всего в двух дермовых калориях, если мы имеем возможность даже сегодня пить райское вино, возлежа под виноградной лозой или фиговым деревом?

Еда принадлежит царству повседневной жизни, этой первейшей арене мятежного самоутверждения и духовной самореализации, получения удовольствий и восстания против Всемирной Машины Труда и ее имитаций. Мы далеки от догматизма. Американский туземный охотник мог подкрепить свое счастье жаренной белкой, анархо-даос — горстью сушеных абрикосов. Тибетец Миларепа десять лет сидел на крапивном супе. Однажды он съел пирожок с маслом и достиг просветления. Профан не увидит эроса и в бутылке шампанского, маг способен захмелеть и от стакана чистой воды.

Наша культура, по горло забитая собственными отходами, кричит (словно умирающий Гете): «Больше ЛАЙТА!»¹⁸, как будто бы если все эти подвергнутые многократной очистке сточные воды могли ослабить наши страдания, как если бы безвкукусность, бесцветность и отсутствие запаха могли защитить нас от стгуающей тьмы.

¹⁸ Непереводимая игра слов. Light по-английски и Licht по-немецки - также «свет». *Прим. перев.*

Нет! Эта последняя иллюзия переполнила чашу нашего терпения. Мы вынуждены, несмотря на нашу склонность к лени, встать и протестовать. Бойкот! Бойкот!!! Выключить ЛАЙТ!

Приложение: меню для черного анархистского банкета (приглашаются как вегетарианцы, так и любители мясного).

Блины с черной икрой; яйца столетней давности; кальмары с рисом, сваренным на чернилах; баклажаны, приготовленные в собственной коже с черным маринованным чесноком; дикий рис с черными грецкими орехами и черными грибами; трюфели в черном масле; оленина, маринованная

в портвейне, древесный уголь гриль, поданный на дольках черного ржаного хлеба и гарнированный жареными каштанами. Black Russians, Гинесс в смеси с шампанским; китайский черный чай. Темный шоколадный мусс, кофе по-турецки, черный виноград, черные сливы, черные вишни и т.д.

Специальное Коммюнике в канун дня всех СВЯТЫХ

Черная магия как революционная деятельность

Приготовьте чернила из настоящего и тщательно очищенного шафрана, смешанного с розовой водой. Добавьте по возможности немного крови черного петуха. В тихом помещении поставьте алтарь, а на него чернильницу и ручку с железным пером, семь черных свечей, кадило и некоторое количество бензоина. Заклинание может быть написано на девственно чистом листе бумаги или пергамента. Нарисуйте чертеж в среду, в четыре часа пополудни, обратившись лицом к Северу. Срисуйте семиглавый знак не отрывая ручки от бумаги, одним четким движением, задержав дыхание и прижав язык к нёбу. Это Барисан Лакшамана, или Царь Джиннов. Затем нарисуйте Печать Соломона (звезду, означающую пятиголового джинна) и другие участки чертежа. Поверх Соломоновой Печати напишите имя человека или организации, на которых вы хотите наложить проклятье. Затем держите лист в парах бензоина и вызывайте белого и черного джиннов изнутри себя:

Бисмилля ар-Рахман ар-Рахим
ас-салам аликум
О Белый Джинн, Сияние Мухаммеда
повелитель духов внутри меня
О Черный Джинн, тень меня самого
лети прочь, убей моего врага
- и если ты этого не сделаешь
тогда ты будешь считаться предавшим Аллаха
- заклинаю тебя силой волшебства
Л а иллаха иль'Аллах

Мухаммед ар-Расу А Аллах

Если проклятье нацелено на притеснителя-человека, можно изготовить восковую куклу и вставить в нее заклинание (см. иллюстрацию).

Семь игл воткните в верхнюю часть ее головы, проденьте сквозь левую и правую подмышки, левое и правое бедра, сквозь губы или ноздри. Заверните куклу в белый саван и закопайте ее в земле в том месте, по которому обязательно пройдет ваш враг, непрерывно взывая к местным духам земли:

Бисмилля ар-Рахман ар-Рахим
О Джинн Земли, Дух Почвы
О Черный Джинн живущий под землей
слушай, о вампир души
Я приказываю тебе найти и уничтожить
тело и душу имярек
Внимай моим приказаниям
ибо я есмь подлинный и правильный заклинатель
заклинаю тебя силой волшебства -
ла иллаха иль'Аллах

Мухаммед ар-Расул Аллах

Если проклятье направлено на учреждение или компанию, приготовьте следующие предметы: сваренное вкрутую яйцо, железный гвоздь, три железные булавки (воткните гвоздь и булавки в

яйцо); сушеного скорпиона, ящерицу и/или крупных жуков; небольшой замшевый мешочек, содержащий кладбищенскую землю, намагниченные железные опилки, асафетиду и серу, перевязанный красной ленточкой. Зашейте заклинание в желтый шелк и запечатайте его красным воском. Поместите все эти вещи в бутылку с широким горлышком, забейте пробку и запечатайте красным воском.

Теперь бутылку можно аккуратно запаковать и отправить почтой по адресу цели, например на телешоу протестантских проповедников, в редакцию газеты «New York Post», компанию «Мьюзек», школу или колледж, сопроводив ее следующим текстом (дополнительные копии можно направить конкретным служащим или тайно разложить в помещениях):

Малайское Проклятие Темного Джинна

Это место проклято при помощи черной магии. Проклятье было наложено в соответствии с правильным ритуалом. Эта организация проклята за то, что она подавляла Воображение и развращала Мысль, использовала искусство для отупления, духовного закабаления, пропаганды Государства и Капитала, пуританской реакции, для получения грязной выгоды, для лжи и насаждения эстетической плесени. Сотрудники этого учреждения находятся теперь в опасности. Никто из них не проклят лично, но в самом этом месте поселились несчастье и беда. Кто не очнется теперь и не уйдет отсюда, или не начнет саботировать свою работу, постепенно попадет под действие магических сил. Попытка устранить или уничтожить предметы чародейства не приведет ни к чему хорошему. Это место было оценено, проверено и проклято. Воззовите к своей человечности и восстаньте во имя Воображения, или будете судимы судом этого заклинания как враг всей человеческой расы.

Мы рекомендуем «переложить ответственность» за эти действия на плечи каких-нибудь других агрессивных организаций, например, на Американское Поэтическое Общество или на Крестовый Поход Женщин Против Порнографии (только не забудьте указать полный адрес).

Для того чтобы уравновесить негативный эффект от вызывания собственного темного джинна, мы также рекомендуем послать человеку или группе лиц, которыми вы восхищаетесь, магическое благословение. Делайте это анонимно, и пусть подарок будет как можно более прекрасным. Никакого точного ритуала здесь не требуется, но подарок должен выводить человека из сознательного русла в спонтанно-интуитивное медитативное состояние. Подойдут благовония, красные и белые свечи, твердые сласти, вино, цветы и т.п. Если это возможно, добавьте настоящее серебро, золото или драгоценные камни.

Настоящее руководство по созданию Малайского Проклятия Темного Джинна было составлено в соответствии с полным подлинником этого ритуала, предоставленным Комитетом Культурного Терроризма Внутреннего Круга Посвященных НМОСА (иначе «Третий Рай»). Мы низари-измаилитские эзотерики, шиитские еретики и фанатики, возводим свою духовную родословную к Хассану-ибн-Саб-бе по линии Аладдина Мухаммеда III Безумного, седьмого и последнего Пэра Аламута (а не по линии Ага Ханов). Мы поддерживаем радикальный монизм и чистый антиномизм, и отвергаем любые формы закона и авторитета во имя Хаоса.

Пока, из тактических соображений, мы не поощряем насильственных или магических действий в отношении отдельных лиц. Мы призываем к действиям против организаций и идей — идеологическому арт-обстрелу и скрытой пропаганде (в том числе с использованием церемониальной магии и «тантрической порнографии»), и, в особенности, против отравляющих эфир СМИ Империи Большой Лжи. Проклятье Темного Джинна — это только первый шаг в кампании за Поэтический Терроризм, за которым, мы верим, последуют более смелые и открытые формы восстания.

Специальное Коммюнике

АОА объявляет

о начале чисток в Движении Хаоса

Разумеется, Движение Хаоса неоднородно. «В пашне грехи, на кафтане прорехи». Всякая попытка вырастить идеологический кристалл приведет к ущербному ожесточению, окаменению и усыханию. Поэтому мы предпочтем забить на это и на любую «чистоту». Да, Хаот пирует в окружении некоторого творческого беспорядка, не такого, правда, как эротический беспорядок у

тех, кого мы любим за распушенность повадок и неприкрытую изменчивость. Тем не менее эта приятная расслабленность вовсе не подразумевает, что Теория Хаоса должна принимать в себя всякий конец, который пытается протиснуться сквозь ее девственную плеву. Некоторые ответвления или искажения в понимании Хаоса заслуживают поношения, и то обстоятельство, что мы посвятили себя божественному беспорядку не должно удерживать нас от желания сокрушить предателей и пообрывать крылья энергетическим вампирам, с шумом слетевшимся сегодня на свет Хаоса, посчитав что это модно. Мы предлагаем не Инквизицию, защищающую наше учение, но, скорее, дуэль, драку, акт насилия или эмоциональный конфликт, экзорцизм. Прежде всего мы хотели бы обозначить и даже назвать наших врагов. Ими являются: (1) Все те смертники и смертописцы, которые связывают Хаос исключительно с бедствиями, негативом и безрадостным псевдолибертинизмом, те, кто считают, что быть «по ту сторону добра и зла» означает творить зло — садомазохистские интеллектуалы, певцы апокалипсиса — новые гностические дуалисты, мироненавистники и уродливые нигилисты. (2) Ученые, которые торгуют Хаосом, как средством уничтожения (например, видами оружия, построенного на излучении элементарных частицах) или как механизмом для насаждения порядка, как в случае с использованием математики хаоса в статистической социологии и теории толп. В этом направлении будут предприняты попытки установить имена и адреса конкретных лиц и организаций. (3) Все те, кто продают Хаос, как еще один сорт лапши для ушей в магазине Нью-Эйджа. Конечно, мы не против, если вы отдадите нам все ваши деньги, но мы предупреждаем вас заранее: мы употребим их на покупку дозы или авиабилет до Марокко. Нельзя торговать водой из реки. Хаос — это та субстанция алхимиков, которая стоит больше, чем золото, хотя и может быть найдена в любой навозной куче. Главный враг в этой категории — это Вернер Экхарт¹⁹, основатель ЭСТ, который в настоящее время занимается тем, что разливает по бутылкам «Хаос» и пытается продавать его Яппоидам. И, наконец, мы перечислим здесь некоторых наших друзей, чтобы обозначить радующие нас, но в корне отличные версии Теории Хаоса: Хаотика — воображаемая автономная зона, открытая Полевым Фавном (ака Полевой Проповедник); Академия Хаотических искусств Ветра Тундры; журнал «КАОС» Жюля Бирноко; «Корпорация Хаос» — информационный бюллетень, связанный с работой Ральфа Абрахама, ведущего исследователя Хаоса; Церковь Раздора; Дзен Вражды; Ортодоксальная Мавританская Церковь; некоторые ответвления Церкви Духа Земли; Священный Джихад Мадонны Вечного Хаоса; писатели, связанные с «анархизмом третьего типа» и журналами вроде «Популярной Реальности»; и т.д. Граница проведена. Будет битва. Хаос — не энтропия, Хаос — не смерть, Хаос — не товар. Хаос — это творение без конца. Хаос вечен.

¹⁹ Об ЭСТ и ему подобных практиках можно узнать из забытой сегодня книги советского журналиста Бориса Жукова «Нищие духом» (1985 г.), критическое направление которой практически совпадает с таковым Хаким Бей. Это первая книга, из которой советские люди узнали о секте Муна и фильме «Терминатор», апокалиптических настроениях и «Эре Водолея». Это блестящее исследование массовой культуры США и Западной Европы 80-х годов, по своей содержательности не имеющее аналогов в современной российской журналистике, появившееся еще до анонсирования «гласности» и прочих «апрельских тезисов» Михаила Горбачева. Такой едкой критики западного масскульта сегодня вы ни за что не найдете. Ужасает то, что со времен Рейгана этот масскульт не изменился - он просто стал технически совершенней. *Прим. перев.*

Лютер Блиссет

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НЕОИЗМ

Неоизм является культурным течением, возникшим под влиянием футуризма, дадаизма, флюксуса и панка. Он вырос из сети почтовых художников в конце семидесятых.

Неоизм можно считать методологией для изобретения истории искусства. Смысл в том, чтобы создавать атмосферу интереса вокруг работы и разнообразных личностей, которые, как заявлено, составляют это движение. Неоисты хотят вырваться из «тюрьмы искусства» и вообще «изменить мир». Если учесть последнее намерение, то получится, что неоисты одаривают капиталистическое общество его же изображением, причем с искаженным от страха лицом.

Неоистом может стать любой. Для этого достаточно лишь заявить о присоединении к движению и принять имя Лютера Блиссетта. Впрочем неоисты не ограничиваются использованием имени одного Лютера Блиссетта, они также пользуются именем Смайл (улыбка). Неоисты называют свои поп-группы «Смайл». Точно такое же название имеют и театральные группы неоистов. Даже журналы неоистов называются «Smile».

Это настоящий экзистенциальный эксперимент, это опыт практической философии. Неоисты стремятся установить, что же происходит, когда они перестают проводить различия между систематизированными артефактами и конкретными людьми.

Однако, хотя неоисты переводят свою веру в плоскость практической философии, они НЕ поддерживают изучение логики, чего добиваются от студентов в университетах и прочих авторитарных инстатутах. Философия неоизма из тех, что должны быть опробованы на улицах, в пабах и ночных клубах; такая философия подразумевает создание некой коммунистической культуры, а вовсе не изобретение теоретических абстракций.

Капитализм управляет материальным миром, называя и описывая те объекты, которыми он хочет манипулировать. Неоисты лишают эти ярлыки смысла и тем самым разрушают центральный контролирующий механизм буржуазной логики. Оставшись без спасительных классификаций, Власть не в силах разглядеть, отделить и изолировать революционные массы.

Поскольку фрагментарный мир, в котором они живут, доводит неоистов до тошноты, они согласились принять общее имя. Всякая акция, проведенная под знаменем с именем Лютера Блиссетта, — это акт открытого неповиновения Порядку Власти и демонстрация того, что неоистами никто не управляет. Лютер Блиссетт — вот кто настоящая личность в мире, где неподдельная индивидуальность считается преступлением! В конечном итоге философия неоизма представляет собой революционный проект. Он затеян с расчетом на то, чтобы улучшить судьбу рода человеческого. Неоизм пришел на смену всем прошлым философским течениям, потому что он сознательно основывается на риторике в большей степени, чем на наблюдении за фактами.

Неоисты верят в ценность лжи как революционного оружия. Они практикуются в фальсифицированной науке и с завидной регулярностью подделывают результаты исследований. Используя подобную методологию, неоисты безо всякого труда опровергли господствующие иллюзии насчет психологической установки на «индивидуальность». Теперь неоисты требуют права безжалостно убивать всех тех, кто отказывается признать их подлинный гуманизм. Успех неоизма исторически неизбежен. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ!

Лютер Блиссет

ДЕСЯТЬ ПРАВИЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ СТАТЬ НАСТОЯЩИМ КУЛЬТОВЫМ ХУДОЖНИКОМ

Опубликовано в «Big Issue» 25 марта 1966 г.

Современное искусство сознает, что оно — сплошной новый рок-н-ролл. На удачливых молодых британских художников вроде Дэмиена Хирста неожиданно натыкаешься повсюду — от колонок светской хроники и до заглавных статей в журнале «Hello!» Так что если вам нравится посещать крутые тусовки и ездить с шофером в лимузине, тогда почему бы вам не попробовать свои силы в культурном терроризме? Стать *модерновым явлением* довольно легко. И, разумеется, никакой талант здесь не требуется. Вот как этого можно добиться.

1. Признание

Ваш имидж — именно он продает продукт. Имидж есть конечная форма утверждения брэндов. Гилберт и Джордж известны как художники, которые носят деловые костюмы. Создайте себе заметный образ и слейтесь с ним воедино.

2. Плагиат

Оригинальность для неудачников. Не тратьте зря время на поиски и разработку новых идей — пусть это делают для вас другие. Известных художников вдохновляют самые пропавшие собратья по цеху, из тех, кто голодает и живет на чердаках. Необходимость, может быть, и есть мать изобретения, но что толку разгуливать с пустым желудком, когда обеды в шикарных ресторанах можно оплачивать за счет актов культурного воровства. Синди Шерман прославилась своими картинами, как две капли воды похожими на полотна старых мастеров.

3. Обнаженность

Джефф Кунс, бывший фондовый брокер, превратился в невероятно популярного художника. Он женился на итальянской порно королеве Чиччолине и впоследствии использовал ее в своей работе в качестве модели. Всякий человек питает интерес к сексу. Поэтому большие груди и задницы — любимая тема для великих художников. По этой причине не следует растрачивать время на возню с «серьезными» вещами. На любой сомнительной вещи культовый художник сделает деньги. Поскольку у культовых творцов нет печального опыта жизни на улице, богатых покровителей искусства всегда тянет на что-нибудь декадентское, дегенератское и с плохим качеством. Выбирайте темы, которые считаются запретными.

4. Эгоизм

Если вы не верите в себя, то никто другой тем более в вас не поверит. Говоря о своей работе, вы должны выступать с экстравагантными заявлениями. Провоцируйте замешательство, тогда даже профессиональные критики засомневаются в своей способности адекватно оценивать вещи, которые вы делаете. Современное искусство похоже на голого короля. Пока кто-нибудь не оспорит его безосновательные претензии на то, чтобы служить вратами в высшее царство опыта, богатые и легковверные люди будут продолжать вкладывать деньги в искусственных акул и

залитые бетоном дома. На редкость преуспевающий датский художник Асгер Йорн как-то сказал: «Творческий поиск имеет ту же природу, что и общественные науки. При этом мы имеем в виду конкретно-направленную науку, не чисто историческую».

5. Реклама

Большая часть добившихся успеха художников начинает свою карьеру определенным образом: целое множество литераторов берется восхвалять их работу. И хотя такое славословие редко попадает в национальную прессу, зато страницы малоизвестных некоммерческих журналов пестрят подобного рода отзывами. По мере роста популярности ваше красноречивое финансовое влияние заставит критиков обратить внимание на ваши достижения. Глянцевый каталог, выпущенный для последней выставки «Chaos II» скандинавского художника Йенсена Йоргена Торсена, был без меры наполнен хвалебными отзывами искусствоведов. На самом деле, за все, что написано в каталоге, ответственным был Торсен, включая эссе под названием «Картины Йенсена Йоргена Торсена бросают вызов законам гравитации».

6. Пагубные пристрастия

Героин, крэк и прочие сильные наркотики ни в какой мере не помогают творческому процессу. Вместе с тем широкая общественность с восторгом верит в то, что «гений» не может контролировать свои (его или ее) творческие излияния. Поэтому необходимо культивировать имидж человека с вредными привычками, хотя по-настоящему можно и их не иметь. Здесь подходят любые уловки, начиная со следов от уколов, специально нанесенных на ваши руки, и вплоть до выливания галлонов виски в раковину. Оставшиеся пустые бутылки используются для того, чтобы создать «творческий беспорядок» в вашей студии.

7. Провоцируйте молодежь против старшего поколения

Любители искусства — это, главным образом, люди в возрасте и с деньгами. Если вы публично оболчете их грязью, на вас посыплются деньги и подарки. Ваши оскорбительные слова станут подпиткой для их иллюзий. Ведь они считают, что могут купить себе место в культуре молодых и стильных. Однако удостоверьтесь, что умеете правильно держать нож и вилку. Вы должны показать себя с наилучшей стороны, если вас пригласят провести уик-энд в семейном гнезде влиятельного покровителя. Музеи собирают полотна художников, принадлежавших к группе футуристов, именно потому, что лидер этого направления, Ф.Т. Маринетти, написал, что футуризм «уничтожит музеи, библиотеки, академии любого рода».

8. Не марайте попусту руки

Энди Уорхолл, самый успешный художник в послевоенный период, имел в своем распоряжении огромное количество ассистентов. Помощники облегчали ему утомительный творческий процесс. Так что заплатите кому-нибудь, чтобы он выполнил вашу работу. Видный художник — это профессионал, принадлежащий к среднему классу, а не ремесленник. Единственное, что интересует культовую персону, — конечный результат.

9. Брак по расчету

Существует два вида капитала — финансовый и культурный. Культовый художник стремится получить и тот, и другой. Удачливый художник пользуется старым правилом, гласящим, что глупцов можно с легкостью лишить их денег. Продажа произведения искусства есть розовая сделка. Если кто-нибудь из состоятельных людей вдруг поторопится вступить с вами в брак, заставьте его платить бешеные деньги за подобное безрассудство. В конце пятидесятых много

говорили об английском художнике Ральфе Рамни. Стоило ему жениться на одной из представительниц помешанной на искусстве и сказочно богатой семьи Гугенхаймов, как его занятия живописью превратились в обычное хобби.

10. Смерть

Великие художники обыкновенно наделяются аурой бессмертия. Тем не менее если ценность ваших работ начинает неожиданно падать, в этом случае смерть часто оказывается самым ловким карьерным ходом. Инсценировать собственное самоубийство и затем исчезнуть с поля зрения публики — дело относительно безболезненное. Если же все будет по-настоящему, то нужно выкинуть что-нибудь такое, что хотя бы частично обнаружит вашу принадлежность к *высшим классам*. Как никак, это последнее творение культового художника, а не того, которого можно заподозрить в вульгарности. Работы художника из Нью-Йорка Жана Мишеля Баскиа хорошо расходились в середине восьмидесятых. Когда дела перестали идти на лад, он наложил на себя руки. Ретроспективная выставка его картин в настоящее время проходит в престижной галерее «Серпентайн» в Кенсингтоне.

Лютер Блиссет

МЕСТЬ РАЛЬФА РАМНИ И ПРОЧИЕ ШУТКИ

Отчет о психогеографической войне в Венеции во
время Биеннале-1995

Футуристы хотели до смерти замучить (убить) Венецию с ее лунным светом и каналами. А теперь перед этими норовистыми парнями предстал опустевший город. Набравшая обороты кампания по благоустройству города и подскочивший до заоблачных высот прожиточный минимум сократили местное население вдвое. Модернизация и стандартизация города на благо индустрии туризма привела к тому, что многие венецианцы оказались высланы в глубь Италии. С оставшимися обращаются так, словно они дополнительные актеры в бесконечном шоу, чья работа не оплачивается. Совсем не по сезону узкие улочки пустуют, уныние и запустение царят в городе, и особенно по ночам. Помимо прочего, здесь есть серьезные проблемы с загрязнением окружающей среды. К тому же из-за строительства метанового трубопровода в Венецианском заливе городу угрожает опасность затопления.

Мэр Венеции Массимо Каччиари какое-то время был марксистом, но сейчас он полюбил Хайдеггера. Он является членомлевой демократической партии и, как любой политик, служит и вашим и нашим. На людях Каччиари осуждает стремления превратить Венецию в один огромный музей и говорит об оживлении города через организацию международных собраний, выставок, торговых ярмарок и других впечатляющих мега-мероприятий. Однако, когда оппозиционные движения требуют устроить *реальные* празднества, не запятнанные коммерцией, мэр игнорирует эти требования. Венецианские политики — сплошные демагоги: они сетуют на упадок города, но для того, чтобы оправдать свой призыв к международному капиталу инвестировать деньги в Венецию! Они по-настоящему заинтересованы лишь в одном — в продаже муниципальной собственности крупным боссам транснациональных компаний.

На протяжении всего двадцатого столетия Венеция была в фокусе радикальной критики. Побывав мишенью для бесчисленных авангардистских нападков, в конце концов «отцы» города были вынуждены наладить отношения с критикой и признали авангард. Даже самым вызывающим перфор-мансам теперь находится место на некогда завзято консервативном международном Биеннале современного искусства. Поэтому совершенно естественно, что Лютер Блиссетт должен был провозгласить психогеографическую войну Венеции. Как-то раз ночной порой, во время первой недели проведения Биеннале, Лютер расклеил на стенах города сотни психогеографических плакатов. Плакаты были красного цвета с белой стрелой, направленной одновременно в обе стороны. Еще там была зеленая надпись: «Лютер Блиссетт — психогеографический путь — июнь-сентябрь 1995: великое представление». Венеция идеально подходит для извилистого развития концепций, и стрела с двумя остриями не указывала ни на одно конкретное направление. Плакаты намекали единственно на идею *дрейфа*¹. В позднюю ночь с 7 на 8 июня Блиссетт выступал с речью перед пьяными посетителями таверн и клубов, уговаривая их собраться в партии и последовать за стрелами, нарисованными на психогеографических плакатах. Замысел состоял в том, чтобы организовать «свидание ни с кем».

¹ Дрейф (Derive) - важнейшее понятие для языка ситуационистской семьи. Обозначает некую, чаще - личную, реже - коллективную, провокативную практику, проявляющую пределы, возможности, а также истинные ценности, тайные табу и уязвимые места позднего капитализма. В идеале вся жизненная практика ситуациониста должна была этим непрерывным экспериментом по преодолению символического и экономического отчуждения в условиях «распыленного спектакля». - Прим. ред.

Сколько часов прошло, прежде чем мы встретили другого Лютера, бродившего по пустынным улицам? Где мы должны были встретить их и как мы могли их узнать? Чтобы разрешить последний вопрос, мы распространили визитки с изображением андрогинного лица

Лютера и сопроводительной надписью: «Этот билет обеспечивает одно место в первом ряду. Показывается вселенская катастрофа». Это мероприятие проходило под кодовым названием «Мечь Ральфа Рам-ни», чтобы служить напоминанием об изгнании непокорного англичанина из Ситуационистского интернационала в 1958 г., после того как он не смог закончить психогеографическое исследование о Венеции к назначенному сроку. Во время моего дрейфа мне повстречался лишь один человек. Это была захмелевшая женщина из Шотландии. Было четыре часа утра, мы оба устали, и я не мог разобрать ее ворчание на английском. На какое-то мгновение меня охватило недоумение, и я почувствовал себя под гнетом столетий буржуазной цивилизации.

Притворившись приятным молодым человеком, Лютер направился к Джиардини-ди-Кастелло и начал раздавать печатные материалы проходившим мимо художественным критикам и гостям из высшего общества. Реклама была отпечатана на дорогом мелованном картоне и украшена заголовком «Луга — обезьяна, которая умеет рисовать»². На лицевой стороне красовались две ужасные неразборчивые надписи и логотип *LB* — «Свобода животным». На обороте содержался следующий текст:

«В 1985 г. представители Фронта по освобождению животных ворвались в лабораторию Пенсильванского университета, где более пятнадцати лет доктор Томас Джен-нарелли проводил жестокие эксперименты над серкопитеками и приматами других видов. Животных пытали почем зря, это была пустая трата денег. Причем никто не собирался извиняться перед Министерством здравоохранения США за ежегодное вымогание 1 миллиона долларов у налогоплательщиков. Фронт по освобождению животных выкрал печально известные «Магнитофонные записи Дженнарелли» и распространил их по всему миру. Правительство остановило эксперименты, так как проводившие эти опыты ученые не смогли доказать, что их деятельность была полезной.

² Своеобразная дань памяти отцу-основателю Ситуационистского интернационала Ги Эрнесту Дебору. Именно он первым выставил живопись шимпанзе на художественном аукционе под видом «новейшего американского абстрактного экспрессионизма» с последующим разоблачением этого трюка. Целью этой акции Дебора было доказать, что в условиях «общества спектакля» единственным реальным искусством становится искусство создания стоимости. - *Прим. ред.*

Некоторых шимпанзе, включая Лугу, забрали в Фонд Рональда Кона по изучению горилл. Обнаружилось, что коэффициент интеллекта у Луты равняется 80 (примерно такой коэффициент был у Форреста Гампа³). Кроме того, ее научили рисовать. Спустя год после смерти Луты Фонд Ханса Рюеша с гордостью подготовил выставку ее рисунков. По рисункам видно, как изо дня в день красота и ум подвергались смертельному воздействию в «лабораториях» безжалостных псевдочученых. Если бы череп Луты был вскрыт во имя "научного поиска", то мы никогда бы не увидели маленькие сокровища, нарисованные этим животным, пока оно тихо и мирно не скончалось во сне».

³ Умственно отсталый киногерой одноименного голливудского фильма 90-х гг., ставший для американцев - и не только для них - воплощением собственной истории последних сорока лет и стандартом невинности и доверчивости. Главная черта характера Гампа - полное отсутствие самоанализа и сентиментально-уповательное восприятие мира. Начиная с уничижительной критики этого фильма неомарксистом Славоем Жижекком, Фор-рест Гамп - главный кандидат на должность «идеальной жертвы» и «модного святого» - стал популярнейшей мишенью левацких нападок на массовую культуру и нарицательным именем.. - *Прим. ред.*

Внутри буклета были напечатаны выводы вымышленного Андре-аса Рюеша из Лугано. Ему было доверено толкование шедевров, принадлежавших кисти Луты:

«Луга изображает природу как первичный мир, который служит противовесом мучительным воспоминаниям о том, что ей пришлось вытерпеть от людей. Я

смотрю на тонкие синие линии, выполненные в разной тональности. Они протянулись по всему холсту (картина № 16), словно очертания горного хребта. Возможно, пятно символизирует остров - тут стоит задаться вопросом о том, видела ли Лута настоящий остров или представления об острове являются частью генетического наследия ее вида, -остров вызывает воспоминания о блестящей на солнце гальке. Несмотря на ужасные пытки, которые ей довелось вытерпеть, странное и таинственное алхимическое искусство Луты демонстрирует симпатию и оптимизм по отношению ко всем вещам в мире... Неровные повторяющиеся отметины пурпурного цвета (картина № 4) на охряном фоне напоминают позднего Кандинского...».

Папка с материалами была разослана многим критикам и отослана по факсу в местные и национальные газеты. Все приглашались на открытие представления в честь Луты, которое должно было начаться в шесть часов вечера 10 июля в Вальдезском лесничестве. Прорыв в университетскую лабораторию, предпринятый представителями Фонда по освобождению животных, эксперименты Дженнарелли, Фонд по изучению горилл и деятельность Фонда Ханса Рюеша против опытов над животными — все это имело место в действительности. Но эти реальные события стали лишь основой, которая позволила сфабриковать легенду о Луге. Хотя Луга и не существовала, за несколько месяцев до этого на обложках международных изданий появились изображения рисунков обезьяны, проданных на выставке в Вене. Многие из тех, кто слышал об этих рисунках, решили, что именно Лута их и нарисовала. На самом деле «Луга» — это не что иное, как искаженный вариант имени «Лютер». Местные газеты разрекламировали выставку. Прибывшие на открытие выставки посетители опять столкнулись с печатной продукцией. На одной стороне листовки была помещена фотография банана. Логотип *Chiquita* на банане заменяло лицо Лютера Блис-сетта. На обратной стороне можно было прочесть текст следующего содержания:

*«Вот вам картина. Фармацевтическая промышленность убивает нас, притворяясь, что лечит болезни. Львиная доля лекарств, которые она выпускает, либо бесполезна, либо по-настоящему вредна. Производители медикаментов испытывают свою продукцию как на людях, так и на животных. Реагировать на подобную ситуацию банальными заявлениями о «правах животных» явно недостаточно. Само понятие прав является изобретением буржуазной идеологии. Оно становится абсурдным по отношению к антропоморфным животным. Весьма существенно, что мы отказываемся от всех упрощенных мнений и романтизма в духе «назад к природе». По заблуждениям сторонников с-а-й-е-н-т-и-з-м-а⁴, которые приводят к лабораторным экспериментам над животными, необходимо нанести сокрушительный удар, но без спасительной антропоцентрической ерунды на-счет того, что животных надо любить больше, чем людей. Органическая, анатомическая, биологическая, метаболическая, генетическая и психологическая разница между человеком и другими живыми существами очевидна и ясна. Любой объективный наблюдатель заметит *отсутствие достоверных фармакологических или генетических опытов*. Болезнь, появляющаяся в результате искусственного и повторяющегося воздействия, разительно отличается от заболевания, полученного «само собой» под влиянием загрязненной, но все же «неконтролируемой» окружающей среды. *При помощи именно таких аргументов мы эффективно боремся с теми, кто мучает животных. Мы утверждаем, что убийство макаки или мандрилы лишает мир потенциального художника и просто-напросто воспроизводит правящую идеологию!* Пока внимание публики сосредоточено на рисунках шимпанзе, сколько других приматов подвергаются пыткам в лабораториях? И всем наплевать на них. Самозванные идеологи «освобождения животных» вроде Питера Сингера и Тома Ригана опираются лишь на моральные доводы и явно избегают научных доказательств, которые способны вызвать куда большее осуждение. Эти ничтожества не смогли одержать победу даже в*

споре о морали; они преуспели лишь в искажении общественного мнения. В итоге появилось множество людей, готовых прийти на выставку картин, созданных обезьяной, но не собирающихся посвятить себя борьбе против фармацевтических тестов. Более того, злостные мучители животных прекрасно сознают, что, пока «борцы за права зверушек» ограничиваются вопросами морально-этического свойства, их научный обман разоблачен не будет. Щедрое финансирование «экспериментов» на животных не оскудеет до тех пор, пока ученые, занимающиеся вивисекцией, имеют прикрытие. Другими словами, пока они пользуются совершенно бредовой отмазкой насчет спасения человеческих жизней, во имя чего якобы совершаются эксперименты. Такова их «этическая позиция» на фоне «защитников прав животных, которые хотят спасти только собак»! *Лута - всего лишь продукт моего воображения, она не оставляла после себя никаких рисунков. Ханс Рюеш об этой акции ничего не знает; я просто использовал его адрес в качестве прикрытия, поскольку он один из тех пресловутых борцов против опытов на животных, равно как один из немногих, кому вы можете поверить.* Вам не требуется никакого «обезьяньего искусства», чтобы воевать с вивисекцией и всеми прочими злоупотреблениями со стороны могущественной медицины!

Лютер Блиссетт, анти-художник, выступающий за освобождение животных»

⁴ Радикальные экологи обозначают этим словом аморальный научный модернизм - комплекс идей, свойственных ученым-экспериментаторам и тоталитарным политикам, -выгодный в конечном счете правящему классу буржуазии как «изображение мира в виде рационально действующей машины», от которой можно требовать всё больше и которую можно иметь в собственности. - *Прим. ред.*

Журналисты из разных изданий стояли ошеломленные — они не знали, что написать о происходящем. Маленький ребенок — на выставку его привели родители, прочитавшие о ней в местной газете, — заплакал, когда до него дошло, что никакой обезьяны не будет. На самом деле газеты дали маху, не упомянув ключевую деталь в истории Луты — ее смерть. Отец, который пришел на выставку, чтобы скорее показать своему малышу обезьяну, а не восхищаться рисунками, сказал мне пару ласковых, прежде чем ретировался. Ему было начхать на искусство вообще и на Биеннале в частности; может, он был единственным порядочным человеком во всей Венеции. У Лютера есть дар быть вездесущим. Пока он/она раздавали флайеры на выставку творений Луты в Джардини-ди-Кастелло и Лидо, другие он/она одновременно распространяли пригласительные билеты на инсталляцию «Виртуальные автопортреты»:

«Виртуальные автопортреты - интерактивная видеоинсталляция в галерее Анпленэр. Открытие состоится в пятницу 9 июня, в шесть часов вечера. Обладающие даром ясновидения предсказывают будущее при помощи гладких кристальных сфер. В более ранние века шаманы из племени берберов достигали состояния глубокой медитации, лишь пристально рассматривая собственное отражение. Для многих архаических культур специфическое отношение к портрету - типичное явление. Считается, что портрет пленяет дух изображаемого существа. В результате на портретное искусство налагается запрет, оно вызывает страх либо пользуется величайшим почитанием. Исторические корни автопортретов глубоко уходят в тайну и миф: умиловительные изображения охотников в Альтамире, Нарцисс, соблазненный собственным отражением, и т.п. Способ и процесс чувственного восприятия человека регулируются не только физиологическими законами, но и историей. В литературе есть такие примеры -портрет Дориана Грея старится вместо самого героя. По мнению Дюшана, через какой-то промежуток времени картины умирают так же, как и их создатели. Потом они отправляются на кладбище, то есть переходят в историю искусства. Если поместить эти виртуальные автопортреты в конкретное пространство метафорического дискурса, который постоянно убегает от самого себя, то они шутивно раскроют противоречия

этого мира. Они анонимные/универсальные, уникальные/многочисленные, эфемерные/долговечные, имманентные/трансцендентные, заимствованные/оригинальные, высокохудожественные/приспособленные для потребителя и т.д.

Если кто-нибудь пару минут пристально посмотрит на хорошо видимое изображение, то контур этого изображения отпечатается на сетчатке глаза. Если затем перевести взгляд на белую поверхность, появится четкое мысленное воспроизведение изображения. Данная инсталляция берет эти мысленные образы за отправную точку для манипуляции и демонстрации «автопортретов». Цель состоит в том, чтобы посеять сомнения у зрителя, увлекаемого в пучину глубоких и темных размышлений о парадигматической черте века постмодерна, которая заключается в кризисе субъекта. Если умственный процесс действительно окажется единственным характерным искусством нашего времени, персонифицирующим, как это и происходит, сверхпередачу всех одномедийных параметров, то эту инсталляцию можно сравнить с пирогом из книги «Алиса в стране чудес». С тем самым пирогом, который нужно было разделить на куски до того, как он будет разрезан. Лишь полное отрицание жанра автопортрета может сохранить аутентичный смысл такого сомнительного искусства, каким он является.

Витторе Барони»

Приведенный выше текст намекал на виртуальную реальность, но не гарантировал того, что она будет создана. Просто надо было заставить туристов поверить, что инсталляция будет проходить на экране, сделанном по последнему слову техники. Галерея Анпленэр в реальности не существовала. Это название означает «на открытом воздухе», так что шоу проходило в обычном внутреннем дворе. Пришедшие на инсталляцию увидели зеркало. В зеркале отражались виртуальные автопортреты Лютера Блиссетта, кто бы туда ни смотрел. Как только любопытные отходили от зеркала, портреты исчезали. Продолжай же, кретин, места хватит на всех! Шутку объяснял следующий текст:

«Проект Лютера Блиссетта доступен всем и каждому -любой человек может посмотреть в зеркало и увидеть там Лютера Блиссетта. Прохожие - это Лютеры Блиссетты, все вокруг - это Лютеры Блиссетты: мой отец, папа римский, Лайла, Пазолини, Элюар, Фортунато Деперо, Бью, Фрэнк Заппа, Ги Дебор, Курт Швиттерс, Оскар Уайльд, Рэй Джонсон, Марлен Дитрих, Керуак, Эйнштейн, Мэн Рэй, Маяковский, Пино Галлицио, Дюшан, Гарри Киппер, Кейт Харинг, Валентино, Феллини, Арто, Че Гевара, Альберто Рицци, Мэрилин, Леннон, Пьермарио Чиани, Мона... Не важно, сознаете вы это или нет, но даже *вы сами* являетесь частью проекта Лютера Блиссетта. Если вы видите лицо Лютера Блиссетта, значит вы видите себя. Это единственный *виртуальный автопортрет*, который будет вас интересовать!

*Союз Неоистов, Венеция, июнь
1995г.»*

Если считать Венецию «городом зрелищ», то мы должны сделать так, чтобы этот город узрел презренный образ самого себя. Наша психогеографическая война была успешной. В скором времени последуют новые акции.

Лютер Блиссет

ПОКУПАТЕЛЬСКИЙ БУМ ДЛЯ ПРОЛЕТАРИАТА

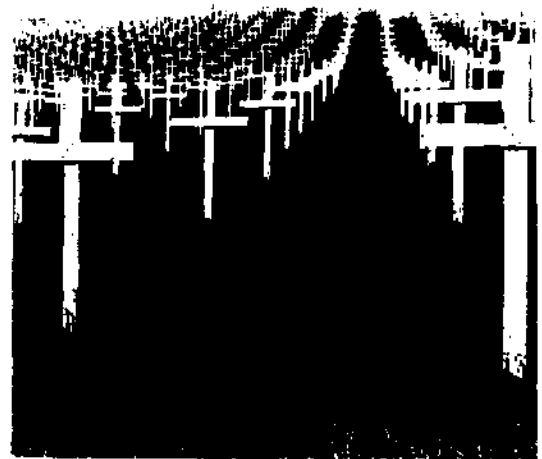
Декадентская акция

Кто хочет стать миллионером?.. Мы хотим. Допустим, это случилось, раз пошел такой разговор. Тогда целая куча денег украсит вашу жизнь, не так ли? В «андеграунде» встретишь немало людей, которые разглагольствуют о том, как ужасны деньги и потребительство. Но можно быть уверенным на все сто, что им пришлось бы по душе, если бы новый компьютер или ксерокс размножил их писанину. Может, всего лишь пара новых ботинок или новое зимнее пальто поправили бы дело. Все зависит от восприятия. В конце концов виновато не производство, а в большей степени система распределения, т.е. капитализм. Декадентская акция предлагает новую и уникальную стратегию по свержению капитализма без мучительного чувства вины с чечевичным привкусом, которое сопровождает деятельность крайне левых и анархистских группировок.

Декадентская акция предлагает план, основанный на принципах, которые образуют фундамент капитализма. Речь идет о простом равенстве спроса и предложения. Именно это отношение определяет конъюнктуру «рынка» и, следовательно, цены на товары в магазинах. Для отношения спрос-предложение характерна одна деталь: чем выше спрос, тем выше цена. Такая зависимость вытекает из правил экономической теории. Они гласят, что существует некая «стоимость», устанавливаемая для товаров, исходя из редкости материала, из которого они изготовлены. Действие этого правила проще всего увидеть на примере драгоценных камней и металлов, каковыми являются бриллианты и золото. Вы платите за них бешеную цену, потому что они представляют собой ограниченный материал, на который действует огромный спрос.

Итак, план состоит в следующем: мы подстрекаем народ тратить как можно больше денег, в том числе и на приобретение предметов роскоши. Эффект будет двойным. Во-первых, люди станут жить не по средствам и не по статусу. В конце концов почему бы вам не обедать в самом модном ресторане в городе? Во-вторых, через покупательный процесс мы можем оказать влияние на инфляцию. Главная экономическая стратегия нынешнего правительства предполагает контроль над инфляцией. Для этого есть определенные средства, как-то: не всегда отвечать на требования повысить заработную плату, сокращать высокие процентные ставки и вообще придерживать рост экономики. Полная занятость повышает инфляцию, поэтому правительству нет ни малейшего смысла желать эффективной экономики.

Так что выходите из своих домов на улицу, обзаведитесь кредиткой, а может, даже двумя или тремя, и от души развернитесь в ближайшем супермаркете. И не думайте о счетах, которые придется оплачивать. Мы же говорим о крушении капиталистической системы — она рухнет под тяжестью собственного веса. Счета превратятся в мелочи, которые перестанут что-либо значить. И случится это, когда мы дойдем до гиперинфляции наподобие той, что случилась в предвоенной Германии.

**WE HAVE FOUND NEW
HOMES FOR THE RICH**

ТЕЛЕМАГИЯ¹

Телевидение как магия и религия

¹ Впервые текст был опубликован в 1988 г.; приведенный выше фрагмент взят из улучшенного и расширенного варианта, опубликованного в 1993 г. издательством «Temple Press».

Человеческое восприятие дошло до автоматизма. Можно ли считать обожествление технического прогресса и откровенное почитание передовых технологий ответной реакцией на это, и будет ли она достойна прощения? Во времена Гармоничного сближения одна из представительниц Нового века взяла с собой на гору Шаста телевизор и затем совершенно ошеломила остальных присутствовавших, заявив, что на экране появится изображение ангела. На следующий день перед внушительной толпой телезрителей мастер по ремонту аппаратуры вновь продемонстрировал чудо и объяснил, что оно случилось из-за простого механического дефекта. Представители прессы и скептики, потирая от радости руки, раскритиковали эту историю в пух и прах, но момент был упущен. Да кого заботит, чем было вызвано появившееся на экране видение? Какая разница, была ли это проделка пришельца из другого мира, результат коллективного бессознательного или короткое замыкание? Разве нейронная структура человеческого мозга, ответственная за расшифровку чувственных данных, не является всего лишь сложной системой схематизированных и базисных процессов, протекающих автоматически? Неподконтрольные сознанию зрительные галлюцинации давно считаются явлением, свойственным исключительно человеку.

Последующее использование телевидения для передачи духовного опыта есть неизбежная реальность. Наша всеокружающая среда, или, как обычно говорится, Природа, обернулась технологией. До воцарения Иудейства-христианства все западные религии были, что вполне понятно, основаны на связи с окружающей средой. Теперь, когда мы переросли дефектную духовную систему, предельно оторванную от физического опыта (что еще более ухудшило ее), почему бы не возвратиться к более последовательной религии, которая к тому же плотнее соприкасается с реальным положением человека? Не получится, потому что наша природа стала самосозидающейся? Да-да, но этот постулат, должно быть, и есть тот крючок, на котором подвешена новая вселенская вера... Эволюция наделяет нас могущественной силой Творения и Разрушения. Когда-то эту прерогативу мы оставляли своим богам. Впрочем, может, мы просто воображаем себе, что где-то в глубине нашей души живут неутомимые энергии, благодаря которым и вырастают семена духовной мысли... Вот тогда передающим средством действительно становится послание.

Посредством этих информационных и коммуникационных технологий человечество приобрело свой самый субъективный опыт и внесло его, уже воспроизведенный, в общий «котел воспоминаний» о перцепционных раздражителях. Таким путем мы структурно оформили гештальт человеческой реальности, перекинув хотя бы какие-то мосты через пропасти, разверзшиеся между вселенными, которые образует каждое человеческое сознание. Обычно каждый отдельный разум называют «личностью». На самом деле, мы воссоздали (в его собственном образе...) гештальт для того, чтобы признать духовное понятие предельного Единства или решетку квантовой энергии, о чем толкует современная физика. Мы находимся вне ощущения времени; всё есть одна Сеть Бытия. Другими словами, мы бессознательно, но верно реализовали (на нашем маленьком пути) креативный принцип внутри нас самих. Мы внутренне усвоили сущность этого принципа и воплотили ее вовне. В каком-то смысле, телевизоры и магнитофоны с

высококачественным воспроизведением за несколько лет достигли того, за что организованная религия борется вот уже на протяжении тысячелетий.

Представьте себе расклад карт Таро в формате видео. Расклад начинается, как только становится доступной функция «выбранных наугад» отдельных последовательностей (компакт-диск с видеoinформацией). Насколько больше соответствующих предположений и возможностей для субъективных впечатлений одновременно возникнут в нашем восприятии при виде изображения на экране, чем при виде реальной маленькой игральной карты? Нарисуйте в своем воображении ритуальную церемонию (Виртуальная Реальность?), которая транслируется по ТВ. Ключевой момент обрядов в духовных традициях, эзотерических (общедоступных) и эзотерических (тайных), состоит в том, чтобы пробудить внутренний опыт под воздействием необычных сенсорных ощущений. Очевиден весь потенциал сегодняшней зрительной информации применительно к этому древнему трансформационному акту, ее способности произвести коренные перемены. Технические достижения позволяют, как создавать в виртуальной реальности любой образ, так и делать этот образ доступным для восприятия каждого. Развитие телетехнологий, конечно, будет идти исключительно по прогрессивной нарастающей. Впереди только дальнейшие улучшения, новые изобретения...

Бесполезно отрицать, что распространенные ныне системы коммуникации являются, по большей части, двумя противоположными полюсами просвещения. Из этой ситуации, однако, следуют пара-тройка редкостных возможностей. Телевидение невероятно плодородная нива. Подавляющая часть населения тратит на просмотр телевизионных передач уйму времени. С точки зрения будущей перспективы, получается «сведение» телевидения к еще более жизненно важному проекту. Сегодняшние «гостиные» превратились в место, где смотрят телевизор. Этот тезис яснее ясного доказывается тем, что сначала ставится телевизор, тогда как мебель и прочие предметы интерьера согласуются уже с ним. Объективному наблюдателю, возможно, пришло бы в голову, что телевизор начал выполнять религиозную функцию. Идея «телевизор как алтарь» хотя и не нова, зато она вновь обретает повышенную значимость. Мы нежим и лелеем наши тумбочки для телевизоров так же, как привыкли бережно относиться к образам наших богов...

Так, может, в электронно-лучевой трубке и находится тот Канал, который мы должны отыскать. Истинная Сеть — на нее надо настроиться, пульт дистанционного управления какой-то бесконечностью, просмотр иллюзорных страстей на плоскости, излучающей статическую радиацию, — мы тоже изображение на экране?

Телевизионные помехи

Сейчас будет продемонстрирована возможность использования телевидения в качестве подсознательного зеркала для гаданий. Эта работа, равно как использование ее результатов в форме «кадровой нарезки», была главной идеей, которой подчинился данный проект. Гораздо больше вещей еще только предстоит исследовать...

Важная задача современной магии заключается в том, чтобы заново установить психические формы использования существующих структур. Практикующему магу следует взять на вооружение и активно применять на первый взгляд подзабытые явления, к коим можно причислить телевизионные помехи. Это же Психическая Территория Граффити. Фильтровать общественные каналы, не пропуская передач, которыми набит ночной эфир, - можно не погнушаться и тем, что снято на камеру, снимающую поездку в метро от начальной до конечной станции. Это тоже подойдет для использования в ритуале.

По моим впечатлениям, полученным в ходе наблюдения за телевизионными помехами, выходит, что благодаря ограниченным параметрам телевизора (в отличие от структуры сновидений) и повторяемости образов помехи способны образовывать последовательный язык с особым набором образов. Интересно, эти образы воспринимаются одинаково в совершенно разных обстоятельствах?

Начал я с того, что настроился на канал, по которому не велось вещание, а потом уставился на «помехи», стараясь смотреть в одну точку, расположенную ближе к центру экрана. После какого-то промежутка времени из «помех» начали возникать движущиеся модели, например, вращающиеся мандалы или длинные колонии черных муравьев, закружившиеся в танце в прорытых под землей ходах... в конце концов, я разглядел несколько видов изображений, наслаившихся друг на друга... Я могу сосредоточиться на любом из них, правда, не надолго. Это

дает так много информации, словно смотришь пять или шесть фильмов, демонстрируемых один поверх другого (слоями), и пытаешься выбрать какой-то из них, чтобы сфокусироваться. Я могу увидеть топографические панорамы земной поверхности, проносящиеся со стремительной скоростью, как будто в полете над континентом. Кажется, преобладают пустыни и редкая растительность. Есть также и сцены из повседневной жизни: дома, люди, машины и т.п.

Группы танцующих и вращающихся людей, колонны марширующих мужчин... это очень похоже на Машину грез², но с открытыми глазами. Чтобы остановить мельтешение всех образов, мне всего лишь надо перевести взгляд на какой-нибудь другой предмет в комнате... Порядком усиленные теле- и аудиопомехи, судя по всему, являются особенно обогащенной формой продолжительного шума (комбинируются все частоты). Звуковые галлюцинации вполне могут идти в комплекте — эдакий звуковой аналог телевизионных помех.

² Дрим-машина, изобретенная битником Брайеном Гайсиным в Танжере 60-х годов. Как и «холотропное дыхание» Станислава Гроффа, предназначалась для получения глубокого психоделического опыта без химического воздействия на организм. В случае дрим-машины это достигалось за счет не фиксируемой сознанием частоты световых вспышек. -Прим. ред.

Окружающее телевидение

Если телевидение обладает уникальной способностью проникать в наше подсознание, то как отдельный человек может восстановить контроль над ним? Единственное решение этой проблемы — сделать телевидение обыденной вещью. Самый легкий способ, который помогает придать явлению или вещи рутинный характер, заключается в частых повторах, пока не наступит ощущение привычности. Работающий без передышки телевизор становится просто мебелью, а не развлечением! Множество телевизоров, настроенных на разные каналы, не позволяют сосредоточиться на какой-нибудь одной программе; взгляд телезрителя блуждает от одного телевизора к другому. И речь идет всего лишь о трех телевизорах.

Утроенное изображение

Постоянно мелькающее изображение, образы сменяются безостановочно. Стоит схватить магические моменты, как их можно зрительно стимулировать. Если пристально вглядываться, то появятся цвета. Разнообразные оттенки синего, зеленого, желтого и красного. В темноте, если обернуться к телевизору спиной, мерцающий свет заставит плясать на стенах быстрые, напоминающие строб-импульсы, тени. Пожалуй, уместным будет сравнение с Машинной грез.

У меня телевизор стоит в одном из углов спальни. Он работает без перерыва вот уже два года. Я никогда его не выключал.

Настройте вертикальную и горизонтальную развертку плюс контрастность таким образом, чтобы видимой была лишь одна треть изображения. На самом деле, изображение присутствует на экране целиком, утроенное, слои перекрывают друг друга.

Если держать глаза открытыми, то картинка может быть занятной и удивительной. Я пробовал применять принцип, по которому работает Машина грез (т.е. закрывать глаза). В этом случае я мог реагировать на мерцание экрана. Первые попытки были безуспешными. Но однажды я увидел. Возникло странное ощущение глубины, будто бы я смотрел сквозь веки, да еще со стороны затылка. Казалось, что моя голова заполнилась вихреобразным изображением. Единственные цвета, которые удалось разобрать, - серый и синий. Этот метод срабатывает не всегда; похоже, чем больше усилий я прилагаю, тем меньше мне удастся что-нибудь увидеть. Используйте также настройку яркости. Здесь есть некоторые побочные эффекты: поначалу мои веки сильно дергались (интерференция электронно-лучевой трубки?) и возникала легкая головная боль.

«Нарезка» телевизионных кадров

Прибегайте к уловкам, если у вас есть доступ к кабельному или спутниковому телевидению (другими словами, если ваш телевизор подсоединен ко многим станциям), купите быстро

просматривать все каналы. За получившейся «нарезкой» частенько будет мчаться скорый поезд ваших мыслей. Он словно не захочет отставать от вас и будет подпитываться символами, живущими в подсознании. И тогда, благодаря ассоциативным блокам, между вашими мыслями и потоком образов возникнет взаимосвязь. Во время этой процедуры общение с телевизором часто приобретает интенсивную эмоциональную окраску. (Кроме того, если включить только звук, сделав его стерео, и остаться без изображения, под прикрытием контроля телевизора могут появиться ценные озарения.)

Мы приступаем к записи необычных рекламных роликов и отрывков программ, при которых возможна психическая стимуляция в том или ином виде... Видеомагнитофон полезен для быстрой перемотки вперед и назад и для того, чтобы по-всякому монтировать кадры. Если получится, достаньте несколько экранов и разместите на них самые искаженные и причудливые изображения, какие сможете найти или достать на видео, и потом задействуйте все раздражители. Чем фантастичнее, тем лучше. Эксперимент лишь выиграет от добавления музыки, но она должна быть такой же странной и загадочной.

Телевидение и видео идеально подходят для применения метода «кадровой нарезки», объединяя, как они прекрасно это делают, звуковой и зрительный ряды. Интересно чередовать аудио- и видеопотоки двух или более различных программ и наблюдать противоречивые сообщения, которые воздействуют на вас. Чему вы станете придавать больше смысла?

«Нарезка» видеозаписей также может служить серьезным подспорьем в ритуале. Если у вас возникает желание чего-то, вы можете записать разные изображения желаемого объекта во время телевизионной трансляции. Когда наберется достаточно сырого материала, продолжайте делать из него «нарезку», наугад соединяя кадры. Можно оставить оригинальное звуковое сопровождение, можно позаимствовать саундтрек из другого отснятого материала или взять совсем уже особенную музыку - вашего собственного сочинения. Вдобавок можно было бы сделать «нарезку» из пленки, на которой запечатлены вы сами в процессе достижения задуманного желания. Вы можете изобразить что-нибудь символическое или продемонстрировать, как реально достигаете своей цели. Использование кадров с изображением самого человека мне кажется очень важным, поскольку данная манипуляция служит на благо персонализации телевидения. Она помогает отнять у крупных корпораций силу, скрытую в технологии, и посвятить эту силу *Мне*.

При переключении каналов часто возникает ощущение синхронности; иначе говоря, звуковые сигналы, воспринимаемые человеком, в некотором смысле, взаимосвязаны с его действиями и/или чувствами в Реальном Времени. Подобное ощущение усиливается при использовании мультителевизионных систем, когда изображение идет с одного телевизора, а звук — с другого. Изображение меркнет, и идет переключение на другой канал.

Большинство людей используют свои телевизоры слишком ограниченно и прямолинейно. Они настраиваются на один конкретный канал и пассивно смотрят транслируемые по этому каналу передачи. Но стоит кому-нибудь начать смотреть на телевизор как на зеркало для гаданий (астральных) и прорицаний («ворожба»), то он обнаружит, что добрая половина «плохого резонанса», связанного с телевидением, рассеется. Телевизор можно даже превратить в потенциального союзника шаманства. «Нарезанные» записи телепрограмм — это существенно помогает лишить телевидение контрольных механизмов, тех самых, посредством которых нами как зрителями/потребителями манипулируют. Разрушая эти механизмы, мы способны освободить телевизионные каналы от их врожденной *объективности* и использовать их в качестве субъективных отражений наших собственных мыслей. Одна из самых серьезных жалоб на современное телевидение состоит в том, что оно не предусматривает участие зрителя; телевидение действует как снотворное, поскольку не бросает телезрителю никакого вызова или не ставит его перед двусмысленностями. Даже сложные проблемы, например, конфликт на Ближнем Востоке, сокращаются на ТВ до полутораминутных «рассказиков». Способ «нарезки» являет собой простое, понятное даже ребенку, средство, при помощи которого можно вновь придать средствам информации абстрактность и субъективность, *глубину*, отсутствием которых они печально известны.

Росс Бирелл

МОЛЕКУЛЯРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Протекание молекулярной революции гибридных структур

Базисная эволюция

Двадцатый век оказался поражен унаследованными от девятнадцатого столетия базисными теориями эволюции. Речь идет о концепциях Дарвина и Маркса.

Теория эволюции Дарвина была базисной потому, что строилась исключительно на биологическом подходе. Чистота структуры являлась основой выживания.

Экономическая теория Маркса покоилась на утверждении о том, что капитализм неизбежно эволюционирует в чистой воды коммунизм.

Обе указанные теории привели к возникновению Тоталит-Ар-ных режимов во главе с Гитлером и Сталиным. В наше время они породили новую форму фашизма, известную под названием «Новый Мировой Порядок».

ДАДАНАРХИЗМ СУЩЕСТВУЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО В ФОРМЕ МОЛЕКУЛЯРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГИБРИДНЫХ СТРУКТУР

Молекулярная (р)еволюция

Искусство и мораль уже нельзя рассматривать в качестве (революционных) понятий. Они перестали быть средствами, при помощи которых можно достичь чистой цивилизации или чистого государства. ДАДАнархисты отказываются от (р)евolutionной модели, основанной на чистоте. Вместо этого они выдвигают другой постулат — эволюцию неоднородного.

Искусство ДАДАнархистов может существовать лишь в форме временных гибридных структур.

Иначе это называется шизоидными состояниями. В шизоидном состоянии нет ничего, кроме участков интенсивности на ровной поверхности тела с отсутствующими органами.

Органы/жанры — это оружие, которое государство использует для насаждения своей неизменной морали. Оружие помогает государству реализовать фашистское желание установить тотальный контроль. И мораль, и контроль внедряются под маской демократии потребительского общества.

Арто показал нам, что к свободе ведет тело с отсутствующими органами. Эволюция тела с отсутствующими органами есть процесс разрушения индивидуальности в ризомной линейности органического потока.

Наши индивидуальности растворятся и перемешаются с другими, как это происходит в сточных водах.

ДАДАНАРХИЗМ = ДАДАИЗМ - СМЕРТЬ

ДАДАНАРХИЗМ МЕРТВ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДАДАНАРХИЯ!

Монти Кэнтсин

КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОММУНИЗМ

1. Идея «революции» по своей природе изначально «религиозна» и опирается на неосуществимую абстракцию. Поборники массового преобразования мира должны отказаться от идеи революции и всех других концепций подобного рода, которые относят достижение перемен на неопределенное и отдаленное будущее. Пока мы не искореним идею революции, мы останемся рабами истории.

2. Диалектика есть мистификация. Только наивный может утверждать, что взаимодействие идей в ходе общественного развития механически приводит к разрешению социальных противоречий. Представления об исторической неизбежности просто смехотворны. Понимание «истории» демонстрирует накопление «противоречий». Их истинность напрямую зависит от логики, которой привык пользоваться наблюдатель.

3. Замешанные на эмоциях желания отливаются в «социальные теории». Эти теории никогда не были строго «научными». Самая худшая мистификация, придуманная революционерами, — излагать свои программы в «научной» форме. «Революционер» хотел бы показать, насколько мало важнейших обязательств в других теориях по сравнению с «научной мыслью», представленной в «революционной» культуре. Наука — это фашистская идеология. Она увековечивает себя при помощи технической элиты, которая производит «правду» в поддержку капитализма. Наука основывается на ряде ложных предпосылок. Эти допущения остаются относительно неизменными. Наиболее примечательна уверенность науки в законе «причины и следствия». Это не что иное, как искаженная версия капиталистической идеологии «индивидуальности». Она постулирует «индивидуальные причины», непосредственно связанные с индивидуальными «следствиями» в пределах гармоничной вселенной. Хотя на практике эта концепция тщательно разработана, своими корнями она уходит во фрагментарное мировосприятие, свойственное капитализму. Коммунистам следует попытаться коллективизировать «правду» и свергнуть научное «знание», которое привнесло в общество разрушительные технологии и индустриальное рабство.

4. «Революционеры» связаны лишь с одной системой. Она находится в пространстве их собственного сознания и создает обособленные личности, «управляя» их отчужденностью. Стать «революционером» — значит оказаться вовлеченным в ностальгическую мифологию фашистского толка, что является частью развлекательной постановки «Западного мира». Чтобы достичь изменений, необходимо нейтрализовать все обособленные личности и поддерживающие их структуры и мнения.

5. «Общество» — это абстракция, с помощью которой этноцентризм реализует себя в местном масштабе. Идея общества, взятая в качестве абстракции, ведет к тому, что человеческая жизнь помещается в удобные и понятные условия продуктивного, восприимчивого дискурса. Контроль над этим дискурсом человеку не подвластен. Чтобы стать частью «общества», нужно усилить индивидуальность, такую же отчужденную, как всякая «конкретно-личная» индивидуальность. Решение о коллективизации власти находится за рамками существования неоригинальных и понятных культур.

6. Серьезные изменения на местном и общем уровне возможны, и они уже начались.

Стюарт Хоум

«КЛАССОВАЯ ВОЙНА»

Для многих наблюдателей «Классовая война» [*Class War*] взялась как будто из ниоткуда. За два года, прошедшие между появлением первого номера газеты *Class War* в 1983 году и «горячей осенью» восемьдесят пятого, дело дошло до того, что британские масс-медиа стали писать об «анархистской угрозе», равной любой «красной угрозе», которую только можно себе представить. Впервые со времен взрывов, устроенных «Сердитой бригадой» в начале семидесятых, анархизм стал восприниматься как угроза британскому истеблишменту.

«Классовая война» очень скоро стала «жареной» темой в прессе и, как обычно, журналистские расследования скорее мистифицировали, чем проливали свет на социальные, культурные и политические корни этой группы. И дело тут не только в сознательном извращении фактов писателями с Флит-стрит; несмотря на имидж циничных пропойц, который так нравится насаждать журналистам, большинство из них на самом деле в высшей степени наивны и невежественны.

На обложке первого номера газеты *Class War* была изображена парочка «шишек из высшего общества», а под ними — лозунг: «Пришло время каждому грязному дерьмовому бродяге вооружиться пистолетом или ножом, залечь в засаде у дворцов богачей и резать или стрелять каждого, кто выйдет». Эти слова перефразируют одно место из речи, произнесенной анархисткой XIX века Люси Парсонс перед чикагской беднотой. Коллектив *Class War* состоял из анархистов со стажем, которые прекрасно знали историю своего движения и умели применять эти знания в производстве пропаганды.

Бывший вокалист панковской группы «Living Legends» Иэн Боун стал «лидером» движения, до того был вокалистом панковской группы, а также *мозгом* агитационной газетки *The Scorcher*, выходившей в Южном Уэльсе. Остальные члены коллектива *Class War* набрались из пестрой тусовки *хедбэнгеров* из Южного Уэльса и Лондона. Впоследствии к ним присоединилась группа *психов*, которые жили коммуной в большом доме в Ислингтоне (южный Лондон). Члены последней фракции участвовали в анархистском движении более десятилетия и приложили руку ко многим проектам. Часть из них принимала участие в издании сатирического журнала *Authority*, два номера которого вышли в конце семидесятых. На последней странице обложки первого номера был изображен фашистский митинг с подписью «Национальный фронт любит Британию ... почти так же пламенно, как анархисты любят Испанию». С появлением «Классовой войны» черный юмор такого сорта достигнет *новых высот*.

В начале своей деятельности «Классовая война» не пыталась найти социальную базу в традиционном рабочем движении, но скорее видела своих потенциальных сторонников в среде бунтарской молодежи, а ее пропаганда была рассчитана на то, чтобы привлечь *крайние* группы внутри панковского движения. Большая статья под заголовком «Never Mind the... BOLLOCKS TO THAT!» в одном из первых номеров газеты может послужить образчиком этой тенденции:

«В шестидесятые Дилан разбогател, эксплуатируя заебы и терзания молодежи из среднего класса. Макларен и панки разбогатели, эксплуатируя заебы и терзания молодежи из рабочего класса. Появление панка спасло индустрию звукозаписи и музыкальных писак... Акцентируя энергию и агрессивность, панк дал хороший пинок под жопу дряблым супергруппам

семидесятых. Но рабочему классу важно правильно понять, к чему привело все это стебало над занудными старыми пердунами и британским истэблшментом. «God Save The Queen», «Anarchy In The UK» на первых местах в британских хит-парадах — капитаны рок-индустрии, возводимые в рыцарское звание за заслуги перед Ее Величеством Прибылью, — все это один большой прикол, равно как и показатель извращенности богатых ублюдков, которые заправляют всем. Но ведь пошутили-то над нами... Музыкальные стили, музыкальная пресса и индустрия — это лишь самый пикантный из примеров того, как современный рынок работает по принципу «если оно шевелится, продавай его!» С пролетарского гнева, пропущенного через призму подновленной Маклареном политики шестидесятых, ... можно поиметь хороший профит.

Старые панки говорят, что, вот, дескать, «Clash», «Stranglers» и прочие «продались» Большим Звукозаписывающим Корпорациям, — как леваки говорят, что тред-юнионы «продают» забастовки... но чего еще от них ожидать, ведь им по фигу, прославятся они как герои или антигерои, главное, чтобы шестеренки индустрии продолжали вращаться. «Ой» попытался отвергнуть все это и вернуться к корням, но потерял направление.

Хотя он был основан на реальных элементах классовой культуры, сейчас «Ой» докатился до преклонения перед вооруженными силами и призывов голосовать за Лейбористскую партию. Единственной бандой (sic!), которая пыталась продвинуть музыкально-политическую линию вперед, были «Crass». Они сделали для распространения анархистских идей больше, чем Кропоткин, но, как и у него, их политические взгляды находятся в полной жопе. Проповедуя пацифизм и сельский эскапизм, они отказываются видеть то, что в городе оппозиция, и если она захочет чего-то добиться, то это приведет к конфронтации и насилию.

Но сейчас, наконец, стали появляться команды, которые отвергают путь бегства от пролетарской скуки в рок-музыку/славу/богатство так же решительно, как и заезженный политический маршрут «тред-юнионы/Лейбористская партия». Им неинтересен успех, если при этом не удастся сравнять с землей и само шоу, и его организаторов. Эти группы — настоящий шаг вперед по сравнению со стилем «Ой», фанаты которого деградировали настолько, что мочат друг друга (а не богатеев), клянутся вверности «нашим парням» в Южной Атлантике и голосуют за лейбористов. Группы «Apostles» и «Anti-Social Workers» связывают свою судьбу с войной против богатых и предоставляют реальную возможность вынести гнев и разочарование из концертного зала на улицу, раз и навсегда сказав: «Пошли вы на хуй!» - всем говенным ритуалам, которые люди принимают за удовольствия».

Статья заканчивается цитатой из текста одной из песен «Apostles». Читается как материал из панковского фэнзина, за тем исключением, что политический анализ — как и следы знакомства автора со спекто-ситуационистской теорией — делает текст, пожалуй, «чересчур заумным» для фэнзина. Полемический стиль явно указывает на то, что статья написана человеком с большим опытом агитации против *власти*, чем у обычного уличного панка.

В 1984 году «Классовая война» начала свое «Весеннее наступление» на богатых. На обложке газеты, где объявлялось об этом проекте, был изображен охотник на лис и подпись: «Ты, ебанный богатый мешок с дерьмом!.. Мы до тебя доберемся!» «Классовой войне» удалось примазаться к популярной среди анархопанков кампании по Освобождению животных, и в результате этого хода тираж ее газеты заметно увеличился. Теперь группа могла не только «тащиться в хвосте» левых демонстраций или примыкать к вдохновленным анархистами акциям, таким, как «Остановим город!» (*Stop The City*), но и инициировать свои собственные кампании. В статье под заголовком «Наступление на Мэйфэр», группа сообщает о ходе этой кампании:

«Первая акция весеннего наступления "Классовой войны" состоялась 1 марта в отеле "ГроувнорХаус". Поводом послужил Бал Лошадей и Гончих... который не пропускает ни одна дебютантка, ни один сельский сквайр или великосветский охотник. Так как светскому человеку не появиться там было просто неудобно, то и мы, неустрашимая кучка анархистов, тоже решили заглянуть на минутку... Скоро мы стали различать в толпе лица друзей, и наши ряды выросли до сорока человек. Мы сочли, что группа достаточно велика, чтобы поднять хороший шум. Мы хотели, чтобы это была демонстрация, а не драка, так что надеваем вязаные шлемы - и вперед, к главному входу. Когда подонки стали выползать из своих лимузинов, они увидели, что *анти* пришли и собираются наступать крупными силами. По-настоящему акция протеста началась, когда мы развернули большой транспарант с надписью "УЗРИТЕ СВОИХ БУДУЩИХ ПАЛАЧЕЙ!" Мы не такие люди, чтобы бросать слова на ветер. Скоро стали пачками прибывать богатые говнюки в своих цилиндрах и охотничьих камзолах под ручку с золушками из высшего общества. Толчки, пинки, плевки и в высшей степени меткие удары по кумполу испортили вечер не одному мерзавцу... Весеннее наступление "Классовой войны" начинается самым многообещающим образом».

Несмотря на громкие лозунги — газета агитировала читателей «присоединиться к анархистской толпе» — ни одна акция восьмидесят четвертого не была особо впечатляющим событием. Тем не менее тираж газеты *Class War* резко подскочил и для некоторых номеров достиг десяти тысяч экземпляров, но скандальная слава группы росла еще быстрее. Последняя страница обложки «Angry 1», журнала, который издавал в Шотландии один не вышедший из школьного возраста симпатизант «Классовой войны», воспроизводит некоторые газетные сообщения того времени:

«... группа политических психов, которые проповедуют опасное новое учение, зовущее к анархическому насилию. И они пытаются распространять свои злобные взгляды среди бастующих шахтеров, борцов за мир, даже среди школьников. Их можно увидеть на пикетах забастовщиков, на демонстрациях Кампании за ядерное разоружение, на митингах в защиту прав животных — и везде они продают свой изрыгающий гнусную матерщину пропагандистский листок под названием "Class War". Это издание, символ которого — череп и кости, а содержание смертоносно... газета хвастается: "Мы перекрывали автомагистрали, мы разносили по кирпичику дома штрейкбрехеров, мы избивали газетных репортеров..." Излюбленные объекты ненависти "Class War" - это места, где собираются "богатые говнюки".

Газета рекомендует своим сторонникам приходить на мероприятия вроде Регаты в Хенли или матчи по поло в вязаных шлемах и говнодавах *Doc Martens*, чтобы "заставить богатых ублюдков подавиться своими корзинами для пикников".

Группе уже удалось внести смятение в ряды сторонников Лейбористской партии во время митинга, на котором выступал Тони Бенн... На прошлой неделе лейбористский журнал "Tribune" обратился к своим читателям с просьбой сообщать любую информацию о "Классовой войне"».

Вырезка из *Sunday People*, без даты

И еще:

«... "Class War"... В статье под заголовком "Богатые ублюдки, трепещите!" она призывает читателей, когда они в следующий раз увидят богатого ублюдка, пнуть его, плюнуть на него, расписать стены его дома краской из баллончика или торчать вместе такой большой толпой, чтобы он почувствовал себя неудобно. "Нагнать 250 000 людей, и заставить их брести, подобно овцам, через весь Лондон, чтобы послушать, как буржуазные онанисты из Кампании за ядерное разоружение типа Джоан Раддок или Брюса Кента агитируют их разойтись по домам и ничего не».

делать, - это полная хуйня. Давайте соберем всего 5 000 человек и появимся на скачках в Эскоте ... и дадим им почувствовать всю мощь нашего классового гнева... Сделаем так, чтобы они боялись выходить на улицу поодиночке, чтобы им было страшно показывать знаки своего богатства, заставим их жить на осадном положении за запертыми дверями, не выходя из своих кварталов и домов".
И так далее, на протяжении четырех страниц. Остроумная пародия? Понятия не имею...»

Вырезка из *Guardian*, без даты

В 1985 году «Классовая война» начала кампанию «Мочи богатых!» Специальная статья на последней странице газеты, посвященная рекламе первого лондонского марша в рамках этой кампании, также сообщала читателям, откуда взялась сама идея:

«Идея маршей "Мочи богатых!" отнюдь не нова. Ровно 100 лет тому назад, 15 апреля 1885 года, в Чикаго делали то же самое... Анархистка Люси Парсонс советовала людям, которые были на грани самоубийства, «прихватить с собой парочку богачей» и хотела, чтобы «красное сияние разрушения» открыло им глаза на происходящее. Анархисты проводили огромные митинги, иногда собирая до 20 000 человек... Анархисты устраивали огромные марши из рабочих гетто в богатые кварталы. Они собирались тысячами перед ресторанами или домами состоятельных людей, держа огромный транспарант, на котором было написано: «Узрите своих будущих палачей!» Впадавшие в панику богачи вызывали полицию, и все заканчивалось грандиозными массовыми беспорядками. Рабочий класс Чикаго был преисполнен решимости перенести борьбу в самое сердце вражеской территории — и мы, сто лет спустя, преисполнены той же решимости».

Марш «Мочи богатых!» 11 мая 1985 года был образчиком партизанского театра, достойным берлинских дадаистов. Газета «Class War» напечатала о нем полный отчет:

«Полиция грозила арестовать всех нас по акту об охране общественного порядка за то, что мы, мол, будем маршировать в "парамилитарной униформе" (это они о вязаных шлемах и мартенсах!). С подачи полиции и муниципального совета Вестминстера, Ассоциация жителей Минуайл Гарденз добила судебный запрет нашего митинга. Полиция сделала все возможное, чтобы марша не было. Но, несмотря на все это запугивание, мы провели самый большой анархистский марш за многие годы. Более 500 наших людей шли на мажорский Кенсингтон, скандируя: "Богатая мразь!" и "Мы еще вернемся!", а офигевшие буржуи тарасились на нас из-за закрытых штор. Мы наконец-то принесли реальность поднимающегося классового гнева в их уютные, защищенные жизни. Было просто охуительно хоть раз поучаствовать в настоящем анарховском марше, вместо того чтобы плестись в хвосте очередной левацкой демонстрации, слушая ораторов из лейбористской партии. Когда мы повернули на Холланд Парк Авеню, на всем протяжении Лэдбрук Гроув были видны одни черные флаги. Полиция давилась от злости, что ей приходится сопровождать нас в один из самых шикарных районов Лондона, мы изрыгаем проклятия в адрес его богатеньких обитателей, а она ни хуя не может с этим поделать. Ни один человек не был арестован, хотя у полицаев и шла пена изо рта, когда мы орал "богатый ублюдок" очередному раздувшемуся экземпляру местной паразитической фауны... Теперь нам нужно подготовиться к следующему событию -Регате в Хенли, которая будет 6 июля. " Если мы хорошенько поработаем, мы сможем привести в Хенли больше тысячи человек и заставить богатых ублюдков подавиться своими корзинами для пикников на берегах Темзы».

«Вперед на Хенли!»

Помимо того, что он был одним из самых уморительных зрелищ в Лондоне за многие годы, марш еще и хорошо показал социальный состав движения «Классовая война». В голове колонны шло около десятка анархистских активистов в возрасте от 25 до 35 лет — в обычной уличной одежде, — которые, собственно, и делали газету «Class War», а за ними шагало несколько сотен панков-тинейджеров.

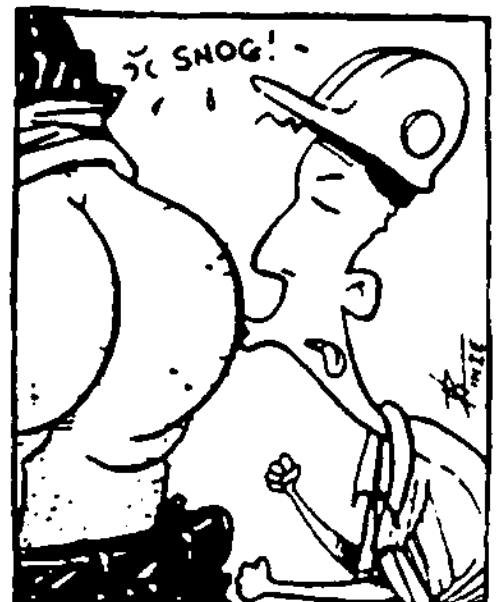
Из-за отсутствия большого числа полицейских, на Регате в Хен-ли особого хаоса создать не удалось, но реакция СМИ была такой, что «Классовая война» в своей газете могла хвастаться этой акцией как *победой*. Чего сказать о Походе на Хэмпстед, который состоялся 21 сентября 1985 года. Демонстранты, снова примерно 500 панков плюс руководство «Классовой войны», подверглись со стороны копов неслыханному унижению. Полицейские, численно превосходившие демонстрантов более чем вдвое, заставили участников марша свернуть с запланированного маршрута и загнали их в боковые улицы. Шествие полностью остановилось более чем на час, а менты тем временем создали узкое место в голове колонны и стали прижимать демонстрантов все теснее и теснее друг к другу. В качестве последнего унижения участников марша заставили пробежать — гуськом — между двумя рядами полицейских в форме (которые дразнили их, скандируя: «А мы арестовали ваших лидеров!»), прежде чем их окончательно разогнали.

Этот провал вызвал серьезные дискуссии внутри группы о том, как дальше следует вести кампанию. Более экстремистские элементы предложили устроить демонстрацию «Мочи богатых!» в западном Белфасте и «Марш памяти Гарри Робертса» в Лондоне. Оба предложения, будь они приняты, повлекли бы за собой серьезный риск. Акция в Белфасте привела бы в бешенство все стороны, участвовавшие в гражданской войне, и любой демонстрант подверг бы себя реальной угрозе серьезного избиения, если не смерти. А шествие в честь убийцы мента было бы прямым приглашением к репрессиям со стороны полиции. Оба варианта были отвергнуты. Кампания «Мочи богатых!» пришла к своему бесславному концу после марша в Бристолле 30 ноября 1985 года.

Репутация «Классовой войны» как группы, представлявшей *серьезную политическую угрозу*, была на грани коллапса. Однако, *по счастливой случайности*, СМИ приписали группе серьезную роль в организации беспорядков, произошедших в Брикстоне и Тотнеме осенью того года. На самом деле, на тот момент в Лондоне жило менее двадцати членов «Классовой войны», и группа не оказала абсолютно никакого влияния на события — хотя горстка ее сторонников и проникла в зону беспорядков, как только началась заваруха. Хотя это и несколько упрочило пошатнувшуюся репутацию «Классовой войны», вскоре после событий *ислингтонская команда* покинула группу, позволив Иэну Боуну принять бразды правления в качестве бесспорного лидера.

После этого «Классовая война» утратила свою изюминку и скоро стала неотличимой от любой другой анархистской группировки. Несмотря на шумиху в медиа, ее кампания против «облагораживания» трущоб в лондонском Ист-Энде оказалась совершенно безрезультатной. Группа попыталась расширить сферу своего влияния, обращаясь не только к панкам, но и к *простым людям из рабочего класса*. Переделанной газете «Class War» не хватало стиля ее первых номеров, а ее попытки завоевать новых читателей провалились самым жалким образом. Новый формат газеты со специальными рубриками: «Скандалы», «Поп», «Секс», «Спорт» и т. д. — воспринимался как похлопывание читателей по плечу. Тем временем СМИ игнорировали изменение линии «Классовой войны» и продолжали печатать леденящие кровь материалы о ее *террористической тактике* (см. например статью в *News Of The World Sunday Magazine* от 5 июля 1987 года).

Когда прошли первые восторги по поводу успеха ее агитационных кампаний, «Классовая война» совершила одна за другой все традиционные ошибки анархистского движения. Те, кто еще оставался в группе, проиграли в своей же собственной игре. «Классовая война» успешно манипулировала СМИ и доносила самые крайние анархис-

тские идеи до широкой общественности, но затем группа стала отказываться от проектов, которые позволили бы ей предложить публике нечто еще более *тревожащее*. Группе следовало самораспуститься сразу же, как она обнаружила, что не готова провести ни марш в Белфасте, ни демонстрацию в честь убийцы полицейского. Вместо этого она занялась безуспешными попытками расширить свою аудиторию, чему, несомненно, помешали бы медиа, даже если бы группа была в состоянии реализовать такой проект. В этот-то момент «Классовая война» и порвала связь с традицией, хронику которой я пытаюсь здесь писать. Гневная сатира, одушевлявшая дадаистское, ситуационистское и панковское движение на пике их развития, была отброшена. *Популяристский* подход, который ее *сменил*, был зачастую настолько сентиментальным, что по сравнению с ним и мыльные оперы покажутся образцом вкуса.

Будучи крошечной по численности группой, «Классовая война» понимала, что лучший способ донести свои взгляды до широкой публики — это брать культурные стереотипы и, необходимым образом «подправив» их, вбрасывать обратно в масс-медиа. По этой причине культура (в широком смысле слова) волновала «Классовую войну» не меньше, чем политика. Группа черпала вдохновение главным образом из трех источников — культуры британского рабочего класса, панка и анархистской/лево-коммунистической традиции. «Классовая война» была как будто специально создана, чтобы возбуждать журналистов — и это ей блестяще удавалось! Свою тактику группа позаимствовала из панковской и анархистской традиций. В двух словах она сводилась к тому, что «Классовая война» прославляла все, что пресса объявляла воплощением зла. СМИ изображали рабочий класс приверженным к насилию — «Классовая война», идя по стопам панка, карикатурно заостряла этот образ (правда, с той оговоркой, что это насилие всегда направлено против ментов или богачей). Освещение в печати как панка, так и «Классовой войны» в основном касалось их оскорбительных выпадов в адрес богачей и истеблишмента (особенно королевской семьи). Когда «Классовая война» выпустила пластинку «Better Dead Than Wed» [«Лучше быть мертвым, чем женатым»] (Mortarhate Records, Лондон, 1986), таким образом отметив свадьбу принца Эндрю, реакция была такой, как будто вернулись дни антиюбилейной пластинки «Секс Пистолз» (но пролетарские развлечения пропагандируемого «Классовой войной» толка были, разумеется, не так популярны, как панк). Интересно также отметить, что акцией голландских *прово*, которая получила больше всего освещения в прессе, был взрыв дымовой бомбы во время свадебных торжеств голландского королевского двора в 1966 году.

И панк, и «Классовая война» подчеркивали энергию и агрессивность как добродетели, присущие *честной и прямой* культуре рабочего класса. Они противопоставлялись благовоспитанным ударам ножом в спину, характерным для среднего и высшего класса, которые всегда говорят одно, а думают другое. Из всех течений, описываемых в этом тексте, именно панк и «Классовая война» вели наступление на культуру самым широким фронтом. Другие движения были склонны либо адресовать свои нападки высокой культуре (искусству), либо отдавать всю энергию созданию *альтернативных* (что часто означало «параллельных») и потому не представлявших такой прямой угрозы стилям жизни (коммун и пр.). Очень мало движений могли похвастаться (*пролетарской*) культурой, столько четко артикулированной и продуманно оппозиционной, как культура панка и «Классовой войны».

Ноам Хомский

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Отрывки из книги «Прибыль на людях»

Вашингтонское соглашение

Вашингтонское соглашение по неолиберализму является рыночно ориентированным сводом принципов, разработанным Правительством Соединенных Штатов и международными финансовыми учреждениями, находящимися, в основном, под контролем Правительства США и используемыми разными путями в более уязвимых обществах, часто в виде жестких структурообразующих прикладных программ. Основные их правила, в двух словах, — либерализация¹ торговли и финансов, право рынка устанавливать цену («получать правильную цену»), сведение к нулю инфляции («макроэкономическая устойчивость») и проведение приватизации.

«Правительство должно «уйти с дороги», следовательно, и население тоже, поскольку правительство является демократическим», — такой вывод подразумевается. Решения тех, кто навязывает это соглашение, естественно оказывают основное влияние на глобальный порядок. Некоторые аналитики занимают значительно более жесткую позицию. Международная бизнес-пресса ссылалась на эти международные финансовые институты, как на ядро «де-факто мирового правительства новой имперской эпохи».

Независимо от того, насколько точно это описание, оно должно напоминать нам, что институты управления² не являются сами по себе независимыми агентами, а отражают распределение власти в большем обществе. Так было, по крайней мере, со времен Адама Смита, заметившего, что «главные архитекторы» политики в Англии были «торговцами и промышленниками», которые использовали государственную власть, чтобы обслуживать свои интересы, несмотря на «мучительные» последствия для других, включая народ Англии.

¹ Устранение государственного регулирования. - *Прим. пер.*

² Общественного. - *Прим. пер.*

Предметом рассмотрения Смита было «богатство наций», но он понимал, что «национальный интерес» — это, в основном, заблуждение и что внутри «нации» есть остро противоречащие интересы, и чтобы понимать политику и ее последствия, мы должны спросить, где сосредоточена власть и какими путями она осуществляется; это то, что позже стали называть анализом классов.

«Главными архитекторами» неолиберального «Вашингтонского соглашения» являются хозяева частной экономики, главным образом, огромные корпорации, которые управляют большей частью международной экономики и имеют средства, чтобы доминировать при формировании политики, а также и в создании господствующих идеологии и мнений. Соединенные Штаты по очевидным причинам играют особую роль в этой системе. Говоря словами историка по вопросам дипломатии Джеральда Хэйнса, который также является главным консультантом по истории в ЦРУ, «после Второй мировой войны Соединенные Штаты приняли на себя, вне зависимости от собственных интересов, ответственность за благосостояние всей мировой капиталистической системы».

...В наше время было много экспериментов в области экономического развития с закономерностями, которые нельзя игнорировать. Одна из них заключается в том, что создатели [моделей экономического развития] стремятся делать свое дело хорошо, хотя тем, кто попадает под действие их экспериментов, часто приходится хлебнуть лиха.

Первый и главный эксперимент был проведен двести лет тому назад, когда британские правители в Индии учредили «Постоянное поселение», которое должно было творить чудеса. Результаты были сорок лет спустя подведены официальной комиссией, которая заключила, что «поселение, созданное с большой заботой и продуманностью, к несчастью, подвергло более низкие классы наиболее мучительным притеснениям», оставляя нищету, какой «едва ли есть параллели в истории коммерции», и в то время как «кости сборщиков хлопка усеивают равнины Индии». Но этот эксперимент едва ли может быть признан неудачным. Британский генерал-губернатор заметил, что «эксперимент с «Постоянным поселением» хотя и неудачен, во многих отношениях и в большинстве важных основ, но, по крайней мере, его большое преимущество состоит в том, что был создан обширный класс богатых землевладельцев, глубоко заинтересованных в дальнейшем существовании Британского доминиона и сохранении полной власти над массами людей». Другим преимуществом было то, что британские инвесторы нажили на этом огромные богатства. Также за счет Индии было профинансировано 40 процентов торгового дефицита Великобритании при обеспечении защищенного рынка для британского промышленного экспорта; наемные рабочие для британских владений, заменившие рабский труд туземцев; и опиум, который был ключевым товаром экспорта Великобритании в Китай. Торговля опиумом была навязана Китаю силой, а вовсе не под действием «свободного рынка», так же как священные принципы рынка игнорировались, когда опиум был изгнан из Англии.

Короче говоря, первый большой эксперимент был «плохой идеей» для попавших под его действие, но не для его создателей и местных элит, связанных с ними. Эта модель действует и сегодня, ставя доход выше людей. Дальнейшие свидетельства не менее впечатляющи, чем риторика, называющая самую последнюю витрину демократии и капитализма «экономическим чудом» и которые та же риторика обычно скрывает. Пример такого «чуда» — Бразилия. В хваленой истории американизации Бразилии, которую я упомянул, Джеральд Хэйнс пишет, что с 1945 года Соединенные Штаты использовали Бразилию как «испытательный полигон для современных научных методов промышленного развития, твердо основанных на капитализме». Эксперимент был выполнен с самыми «лучшими намерениями». Иностранные инвесторы процветали, а те, кто его задумал, «искренне верили», что люди Бразилии тоже выиграют. Мне не нужно описывать, как они выигрывали по мере того, как Бразилия становилась «латиноамериканским сокровищем международного бизнес-сообщества» под военным управлением, как утверждает деловая пресса; в то же время Всемирный банк сообщал, что две трети населения Бразилии голодает.

В своей книге 1989 года Хэйнс описывает «бразильскую политику Америки» как «очень успешную», «реальную историю американского успеха». 1989 год был «золотым годом» в глазах делового мира, с утроением дохода по сравнению с 1988 годом, тогда же заработная плата в промышленности, уже среди самой низкой в мире, сократилась еще на 20 процентов; в отчете ООН по гуманитарному развитию Бразилия стояла после Албании. Когда же «экономическое чудо» ударило и по богачам, «современные научные методы развития, твердо основанные на капитализме» (Хэйнс), вдруг с необыкновенной легкостью превратились в доказательство порочности государственной экономики и социализма.

Чтобы оценить это достижение, нужно помнить, что Бразилия долго признавалась одной из богатых стран мира, с огромными преимуществами, включая столетия доминирования в регионе, и ее обучение Соединенными Штатами с их благими намерениями в очередной раз произошло просто для того, чтобы послужить пользе немногих при сохранении нищеты большинства³.

³ Последнее подтверждение исторической правоты избранного Хомским примера: в ноябре 2002-го на волне нового протестного движения к власти в Бразилии пришел социалист Лула да Силва и его Партия Труда, главным предвыборным лозунгом которой было: «Никакого неолиберализма больше!». Эксперты МВФ заявили, что их не удивляет сокрушительная победа левых популистов в стране, где 54 миллиона человек остались за чертой бедности. - Прим. ред.

Самый последний пример — Мексика. Мексику хвалили как самую прилежную ученицу, лучше всех усвоившую правила вашингтонского соглашения, и предлагали как модель для

других - и это в то время, как заработная плата катастрофически падала, бедность росла почти так же быстро, как и количество миллиардеров, иностранный капитал притекал в страну (в основном спекулятивный или для эксплуатации дешевого труда под контролем дикой «демократии»). Также известно, как в декабре 1994 года этот карточный домик рухнул. Сегодня половина мексиканцев живет ниже прожиточного минимума, тогда как человек, контролирующий зерновой рынок, остается в списке мексиканских миллиардеров, — единственная категория, по которой эта страна высоко котируется⁴.

⁴ Именно в 94-м году в Мексике началось партизанское восстание индейцев в штате Чьяпас, а несколько позже возникли и другие автономные очаги антисистемного сопротивления. Декабрьская демонстрация фермеров 2002 г. в Мехико закончилась тем, что вооруженные мачете фермеры со своими козами и свиньями взяли штурмом здание Конгресса и на сутки парализовали всю парламентскую работу. - *Прим. ред.*

Как развиваются страны

...В восемнадцатом веке различия между первым и третьим миром были значительно менее остры, чем сегодня. Возникают два очевидных вопроса:

1. Какие страны развиваются, а какие нет?

2. Можем ли мы определить какие-либо действительные факторы?

Ответ на первый вопрос довольно ясен. Вне Западной Европы есть два главных региона, которые развиваются, — это Соединенные Штаты и Япония, то есть два региона, которые избежали Европейской колонизации. Сюда относятся также бывшие японские колонии; хотя Япония и правила ими как типичная метрополия, она не грабила свои колонии, а развивала их, приблизительно теми же темпами, как и развивалась сама.

А как же Восточная Европа?

В пятнадцатом веке Европа начала делиться, Запад развивался, а Восток стал обслуживающей его территорией, настоящим третьим миром.

Разделение углубилось в начале XX века, когда Россия вывела себя из этой системы. Несмотря на сталинские зверства и страшные разрушения от войн, советская система преодолела внушительную индустриализацию. «Это «второй мир», а не часть третьего мира, — или же она была такой, по крайней мере, до 1989 года. Мы знаем из внутренних источников, что в 1960-х западные лидеры боялись, что российский экономический рост вдохновит «радикальный национализм» где-нибудь еще и что другие с весьма изрядной долей вероятности будут заражены той же болезнью, которая поразила Россию в 1917 году, когда у нее пропало желание «дополнять промышленные экономики Запада», — как описывала проблему коммунизма в 1955 году одна уважаемая аналитическая группа. Западная интервенция в 1918 году была, следовательно, защитной реакцией, призванной сохранить «благополучие мировой капиталистической системы», испуганной общественными изменениями на обслуживающей ее территории. Так об этом написано в авторитетных учебниках.

Логика холодной войны напоминает случай Гренады или Гватемалы, хотя шкала была настолько другой, что конфликт существовал сам по себе. Неудивительно, что с победой более мощного противника останавливаются традиционные модели. Также не должно удивлять, что бюджет Пентагона остается на уровне «холодной войны», а сейчас он даже увеличивается⁵; и тогда как международная политика Вашингтона едва ли изменилась, все больше фактов помогают нам составить некоторое представление о действительности глобального порядка.

⁵ В 2003 г. военный бюджет США стал рекордным за весь период после окончания «холодной войны». Оправдывается это, как и односторонний выход из многих прежних мирных договоров, борьбой с «международным терроризмом». - *Прим. ред.*

...по вопросу о том, какие из стран развиваются, ясен, по крайней мере, один вывод: что развитие происходило в стороне от «экспериментов», основанных на «плохих идеях», считавшихся очень хорошими авторами этих идей и их союзниками. Это не гарантия успеха, но, по-видимому, это необходимое условие [успешного развития]. Давайте обратимся ко второму вопросу. Как удалось Европе и тем, кто избежал ее контроля, преуспеть в собственном развитии? Часть ответа снова кажется ясной: они безбожно нарушали одобренные правила свободного рынка. Этот вывод верен сегодня, начиная от Англии и кончая растущими экономиками стран Восточной Азии, включая, разумеется, Соединенные Штаты, лидера в протекционизме со времени их основания.

Общепринятая история экономики признает, что государственное вмешательство сыграло главную роль в экономическом росте. Но его влияние недооценивается из-за слишком узкого подхода к этому вопросу. Одно из основных упущений при этом состоит в том, что промышленная революция [в Британии] основывалась на дешевом хлопке, в основном, из Соединенных Штатов. Он оставался дешевым и доступным благодаря вовсе не рыночным силам, а устранению непокорного населения и рабства. Были, конечно, и другие производители хлопка. Среди них выделялась Индия. Именно ее ресурсы текли в Англию, в то время как собственная передовая текстильная промышленность Индии была уничтожена британским протекционизмом и силой. Другой случай — Египет, который хотя и принимал меры по саморазвитию в одно время с Соединенными Штатами, но его развитие было заблокировано усилиями Британии, на той категоричной основе, что Великобритания не будет терпеть независимое развитие в этом регионе. США, наоборот, смогли следовать путем своей страны-родительницы (Великобритании), исключая дешевый британский текстиль с помощью высоких тарифов, то есть так же, как Великобритания поступила с Индией. Без таких мер половина возникшей текстильной промышленности Соединенных Штатов была бы уничтожена с далеко идущими последствиями для всего промышленного роста, как оценивают историки экономики.

Современным аналогом дешевого хлопка является энергия, на которую полагаются продвинутые промышленные экономики. «Золотой век» послевоенного развития был основан на дешевой и обильной нефти, а доступ к ней обеспечивался силовыми методами или угрозой их применения. То же самое продолжается и сейчас. Большая часть бюджета Пентагона призвана поддерживать цены на нефть Ближнего Востока в пределах того диапазона, который Соединенные Штаты и их энергетические компании сочтут приемлемыми...

В одном исследовании по этой теме показано, что расходы Пентагона равняются субсидии 30 процентов рыночной цены нефти, а следовательно, «современная точка зрения о том, что ископаемое топливо недорого — полный вымысел», — заключает автор исследования. Достоверность оценок предполагаемой эффективности торговли и выводы об экономическом здоровье и росте представляются сомнительными, когда мы игнорируем много таких скрытых издержек...

Ноам Хомский

МИРОВОЙ ПОРЯДОК И ЕГО ПРАВИЛА

Отрывки из книги
«Новый военный гуманизм»

Презрение США к основам мирового порядка так сильно, что это даже странно обсуждать...

Несмотря на отчаянные меры идеологов доказать, что круг является квадратом, нет серьезного сомнения, что бомбардировки НАТО все больше подрывают то, что осталось от хрупкой структуры международного закона. США сделали это очевидным в ходе дебатов, приведших к решениям НАТО. Чем более тесно это касалось конфликтного региона, тем сильнее, в основном, была оппозиция Вашингтону по вопросу применения силы, даже в пределах НАТО (Греция и Италия). Опять же это не является чем-то необычным. Возьмем бомбардировки Сербии, которые США и Великобритания предприняли в декабре 1998 года, откровенно наплевав на Совет Безопасности — даже время совпало с экстренной сессией по вопросу кризиса. Еще одна иллюстрация этого — уничтожение Клинтоном половины фармацевтического производства небольшой африканской страны несколькими месяцами раньше. Это было преподнесено здесь как малозначимый любопытный случай, хотя если бы то же самое сделали в Америке исламские террористы, это вызвало бы немного другую реакцию.

Возможно, это пример типа «деятельного сдерживания» объявленного в Стратегической концепции США в 1995 году и нацеленного на то, что «оценивается в пределах культуры», как, например, судьба детей, умирающих от легко излечимой болезни.

Необязательно подчеркивать, что есть значительно более обширное толкование, которое может быть существенно пересмотрено прямо сейчас, если рассмотреть факты, актуальные при определении термина «обычай и практика», толкование, в соответствии с которым придется предоставить наиболее просвещенному государству право «делать то, что оно считает нужным» посредством силы.

Могло бы быть доказано, довольно правдоподобно, что дальнейшее разрушение правил мирового порядка теперь так же не имеет никакого значения, как было в поздних 1930-х. Презрение к ведущей силе мирового сообщества в отношении основ мирового порядка стало настолько предельно, что немного странно обсуждать это. Обзор внутренней документальной хроники демонстрирует, что эта поза (США) прослеживается далеко назад, вплоть до самых ранних дней, даже к первому меморандуму впервые сформированного Национального Совета Безопасности в 1947 г. Во времена Кеннеди, эта поза начала приобретать открытое выражение, когда, например, выдающийся государственный деятель и советник Кеннеди Дин Атчесон оправдал блокаду Кубы в 1962 г., сообщив Американскому обществу международного права, что это справедливый ответ США на «вызов ... власти, позиции и престижу Соединенных Штатов...» и что этот вызов «... есть вызов закону». «Реальной целью говорить о международном законе было, для Атчисона, просто «чтобы украсить наши позиции этикой, выведенной из весьма общих моральных принципов, которые затрагивали официальную доктрину», — когда это удобно.

Главным новшеством для времени Рейгана-Клинтона стало полное пренебрежение международным законом, и серьезные обязательства были полностью сняты, это даже широко восхваляли на Западе как «новый интернационализм», который возвещает замечательную новую эру, уникальную в человеческой истории. Неудивительно, что такое развитие было воспринято по-разному в традиционных областях просвещенных государств и в силу различных причин вызвало озабоченность даже у некоторых политических аналитиков.

Конец холодной войны сделал возможным цинизм, превосходящий цинизм Атчисона. Поклоны мировому порядку необязательны, даже презренны, так как просвещенные государства поступают, как им угодно без беспокойства насчет сдерживания ими мирового общественного

мнения. Идеологическое управление добавляет — «чтобы прикрыть наши позиции этическими признаками, производными от очень общих моральных принципов», как со значительной ясностью показывают последние события. «Прогрессивное, но оправданное расширение толкования международного закона» (Марк Веллер) может быть разработано по желанию могущественных государств, чтобы обслуживать их особые интересы. «Гуманитарное вмешательство» бомбами в Косово, и при этом взгляд сквозь пальцы на поток смертоносного оружия, предназначенного для этнических чисток и государственного террора в пределах НАТО, — вот лишь наиболее яркий пример. С «замалчиваемыми непопулярными идеями и держащимися в тайне неудобными фактами» в духе того, что описывал Оруэлл в своих наблюдениях (замалчиваемых) о свободных обществах, все должно проходить шито-крыто. Что бы ни произошло, это «поворотный пункт в международных отношениях», если «просвещенные государства», ведомые «идеалистичным Новым Светом, который напряженно борется за прекращение бесчеловечности», применяют военную силу, веря, «что это, должно быть, справедливо», или, как это видится другим, чтобы разработать «правила игры», которые дадут им «право на силовое вмешательство, чтобы заставить оправдать то, что, по их мнению, должно быть оправданно», всегда «замаскировано в моралистичную праведность», «как в колониальную эпоху».

С точки зрения этих просвещенных государств, такое различие в оценке происходящего отражает четкий раздел, который отделяет их «нормальный мир» от тех отсталых народов, которым недостает «западных понятий терпимости» и которые еще не преодолели «человеческой способности ко злу», к удивлению и смятению цивилизованного мира.

В этом контексте вряд ли удивляет то, что «международный закон сегодня, вероятно, менее всего берется в расчет в стране (США), чем когда-либо» со времени основания Американского общества международного закона в 1908 году. Или то, что редактор ведущего профессионального журнала по международным законам должен заботиться о «тревожащем углублении» отказа Вашингтона от договорных обязательств. Господствующая позиция по отношению к установкам мирового порядка была проиллюстрирована другим образом, когда Югославия выдвинула обвинение против стран НАТО в Мировом суде, указывая на Конвенцию о геноциде. Суд определил, что у него нет необходимой юрисдикции, считая, что «все стороны должны действовать в соответствии с их обязательствами в соответствии с Уставом Объединенных Наций», который ясно запрещает бомбардировки. — Так обвиняками было дано понять, что бомбардировка нарушала международные правовые нормы», сообщила «Нью-Йорк Тайме». Особенно интересно было сообщение правительства США, которое представляло собой скользкий юридический аргумент, принятый Судом, о том, что их действия не подпадают под юрисдикцию Суда. США действительно ратифицировали Конвенцию о геноциде, после очень долгих проволочек и с оговоркой, что «требуется особое согласие Соединенных Штатов», если обвинения выдвигаются против них, а Соединенные Штаты отказываются давать это «специфическое согласие». «Юридические нормы требуют, чтобы обе стороны соглашались с юрисдикцией Международного суда, — напомнил Верховному суду советник Джон Крук, — а ратификация Конвенции Соединенными Штатами была обусловлена ее неприменением к самим Соединенным Штатам».

Добавим, что это ограничение еще более общее. США ратифицирует несколько возможных конвенций относительно прав человека и связанных с этим вопросов, и эти несколько конвенций обуславливаются оговорками, которые предоставляют США (и отнюдь не на бумаге) неприменимость их в отношении США. Объяснения, предложенные для отказа от международных обязательств, интересные, они должны были бы занимать первые страницы и особо изучаться в школьных и университетских программах, если бы честность и гуманитарные последствия считались значимыми величинами.

Самые высшие власти дали понять, что международные законы и средства стали неактуальны, поскольку они больше не следуют указаниям Вашингтона, как это было в первые послевоенные годы, когда власть США была господствующей. Когда Мировой суд рассматривал то, что позже осудил, как «противозаконное использование силы» Вашингтона против Никарагуа, госсекретарь Джордж Шульц, прозванный в администрации Рейгана «чистюлей», высмеивал тех, кто защищает «никчемные, правовые средства вроде внешнего посредничества, Объединенных Наций и Международного суда, игнорируя силовой элемент уравнения». Ясно и прямодушно и, вне сомнения, оригинально. Юридический советник государственного департамента Абрахам Софер объяснил, что члены ООН не могут больше «приниматься в расчет при формировании наших

взглядов» и что «большинство» (в ООН) «часто не согласно с Соединенными Штатами в важных международных вопросах», поэтому мы должны «зарезервировать за собой власть, чтобы определять», как мы будем поступать, и какие вопросы подпадают, «по существу, в пределы внутренней юрисдикции Соединенных Штатов, как определено Соединенными Штатами» в этом случае незаконного использования силы Вашингтоном против Никарагуа.

Все это очень хорошо говорить отвлеченно о «прогрессивном, но законном расширении международного права», расширении, которое создает право «гуманитарного вмешательства», или согласовывать с просвещенными государствами право использования военной силы, где, как они «полагают», это «должно быть оправдано». Но также нужно признать и то, что едва ли случайно государствами, оценивающими себя как просвещенные, оказываются те, которые могут действовать, как им угодно. И это в реальном мире, где есть два выбора:

1) некоторый тип основы мирового порядка, возможно Устав ООН, Международный суд законности, другие существующие учреждения или, возможно, что-то лучшее, если это может быть разработано и широко принято;

2) те, у кого есть сила, делают то, что они хотят, ожидая получать одобрения, которые есть прерогатива власти.

В качестве темы для отвлеченной дискуссии позволительно выбрать для рассмотрения другой возможный миропорядок, и, возможно, это отличная тема для выпускных семинаров по философии. Но в настоящем, по крайней мере, это выбор между 1) и 2), определяющий реальный мир, в котором решения, влияющие на гуманитарные дела, должны приниматься.

Тот факт, что реальные возможности выбора сводятся к 1) или 2), был признан 50 лет тому назад Международным судом: «Только Суд может рассматривать предполагаемое право интервенции (вмешательства) как провозглашение политики силы, которая, как это было в прошлом, привела к наиболее серьезным злоупотреблениям и которая не может, каковы бы ни были недостатки международной организации, существовать в международном законе...; из природы вещей следует, что если возможность [интервенции] будет сохранена для наиболее сильных государств, то это может легко привести к извращению самой сути законности».

Можно принять позу «преднамеренного незнания» и игнорировать «обычай и практику» или развивать их на некоторых нелепых предположениях («перемены, конечно», «холодная война» и другие знакомые предлоги)- Или мы можем взять обычай, практику, и явную идеологию всерьез вместе с фактической историей «гуманитарной интервенции», отдаляясь от приличных норм, но, по крайней мере, открывая возможность получить некоторое понимание того, что происходит в мире.

Куда подпадает особый вопрос о том, что было сделано в Косово? Этот вопрос оставили без ответа. Ответ не может просто выводиться из абстрактного принципа и еще меньше из набожных надежд, но он требует осторожного внимания к обстоятельствам реального мира. Разумный вывод, я полагаю, в том, что США выбрали курс действия, который, как и ожидалось, усиливал бы зверства и насилие; и это очередной удар по режиму международного порядка, который предлагает слабую, но, по крайней мере, некоторую ограниченную защиту от грабительских государств; это подрывает демократические наработки в пределах Югославии, возможно, также и в Македонии; и это ставит под вопрос перспективу разоружения и хоть какого-то сдерживания ядерного и другого оружия массового уничтожения и на самом деле может отбросить все эти «нет выбора» (при интервенции), но «получать оружие массового уничтожения» во время самообороны. Из трех логически возможных вариантов США выбирают: (I) — «действие, усиливающее катастрофу», отвергая альтернативы; (II) «не делать ничего» и (III) «попытка смягчить катастрофу». Был ли выбор (III) реалистичным? Нельзя точно знать, но есть признаки того, что это было вероятно.

Для Косово с самого начала было справедливо замечание о том, что «каждая бомба, которая падает на Сербию и каждое этническое убийство в Косово предполагают, что едва ли будет возможно для сербов и албанцев жить рядом друг с другом в каком-нибудь подобии мира» («Файненшиэл Таймс», 27 марта). Другие возможные долгосрочные результаты также неприятны, если хорошенько подумать. В лучшем случае, как было признано, безотлагательное утверждение НАТОвской версии официального урегулирования оставляет «неустойчивые проблемы», адресованные, наиболее безотлагательно тем, кто попал под «эффект» бомбардировок.

Стандартный аргумент при этом состоит в том, что мы должны были что-то делать: мы не могли просто держаться в стороне, в то время как зверства продолжались.

«Применению силы не было никакой альтернативы», — заявлял Тони Блэр, многие ему поддакивали: «Ничего не делать значило бы молча соглашаться со зверствами Милошевича». Если выбор (III) («смягчить катастрофу»), исключен, как и было молчаливо принято, и мы оставлены только с (I) («усилить катастрофу») или (II) («не делать ничего»), то мы, конечно же, должны были выбрать (I). То, что аргумент может даже быть высказан, награда отчаянию сторонников бомбардировки. Предположим, что Вы видите преступление на улицах и чувствуете, что Вы просто не можете держаться в стороне молча, поэтому Вы приобретаете наступательную винтовку и убиваете всех, включая: преступника, жертву, свидетелей. Должны же мы понять, каким должен быть рациональный и моральный ответ в соответствии с принципом Блэра?

Один вариант, всегда возможный, состоит в том, чтобы следовать принципу Гиппократа: «Прежде всего, не причини вреда». Если Вы никоим образом не можете думать о том, чтобы придерживаться этого элементарного принципа, тогда не делайте ничего; по крайней мере, это лучше, чем причинить вред; в случае с Косово последствия были признаны заранее как «предсказуемые», и прогноз точно исполнился. Да, бывает, что приходится выбирать между ничегонеделанием и катастрофой. Если так, то каждый, даже с минимальной претензией на то, чтобы считать себя порядочным человеком, соблюдает принцип Гиппократа. То, что ничего конструктивного сделать не удастся, должно, тем не менее, быть продемонстрировано. В случае - Косово, мирное урегулирование следовало предпринять, и оно могло бы быть продуктивным, но, как приходится признаваться, он появился слишком поздно.

Право «гуманитарного вмешательства», вероятно, будет чаще применяться в ближайшие годы, может быть, с представлением оправдания, может быть, нет; сейчас вся система сдерживания обрушилась (позволяя большую свободу действий), и факторы «холодной войны» потеряли свою эффективность (требуя новых). В такое время, возможно, стоит обратить внимание на взгляды очень уважаемых комментаторов, не забывая про Международный суд, который принял по вопросу вмешательства и «гуманитарной помощи» решение, отвергнутое Соединенными Штатами, и о выводах которого даже не было сообщено.

Трудно найти более компетентных специалистов по международным делам и международному праву, чем Хедли Балл или Льюис Хен-кин. Балл предупреждал 15 лет назад, что «отдельные государства или группы государств, которые установили сами себя в качестве авторитетных судей мирового общего блага, игнорируя взгляды других, фактически становятся угрозой международному порядку и, таким образом, эффективному действию в этой области». Хенкин в своей главной работе о мировом порядке пишет, что «давления, отменяющие запрет на использование силы, разрушительны и опасны... Даже «гуманитарное вмешательство» может слишком легко быть использовано как случай или предлог для агрессии. Нарушения прав человека на самом деле, слишком обычная вещь, и если бы было допустимым исправить их внешним использованием силы, то не существовало бы никаких законов, чтобы запретить использование силы почти любым государством против почти любого государства.

Права человека, я уверен, должны быть защищены, и с другими несправедливостями должно быть покончено, но другими, мирными средствами, не открывая дверь агрессии и сохраняя главное преимущество международного права — незаконность войны и запрет на применение силы».

Все сказанное — «не просто размышления на тему». Признанные принципы международного права и мирового порядка, договорные обязательства, решения Международного суда, указанные заявления уважаемых комментаторов — все это, однако, не дает автоматически общих принципов или решений для каждого конкретного случая.

Все должно рассматриваться в меру своих достоинств. Те, кто не приемлет методы Саддама Хусейна, должны нести тяжелое бремя доказательства того, что имеют право прибегать к силе для предотвращения угрозы.

Возможно, трудности и появятся, но это то, что должно быть показано, а не просто провозглашено. Последствия должны быть оценены с осторожностью, особенно те, что мы беремся «предсказывать». Причины действий также должны быть оценены на рациональной почве, с вниманием к историческим фактам и документальным свидетельствам, а не ради того, чтобы нашим лидерам подольстить и их «принципами и ценностями», что приписывают им их поклонники.

Ноам Хомский

«ГДЕ-ТО ТАМ ЕСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ»

Интервью с Ноамом Хомски

Дэвид Барсамян¹: Давайте поговорим о том, что произошло в Сиэтле в конце ноября — начале декабря прошлого года накануне конференции ВТО. Какое значение вы этому придаете и какие уроки можно из всего этого извлечь?

¹ Дэвид Барсамян - директор Альтернативного радио в г. Боулдер, Колорадо. Здесь печатается отредактированная версия этого интервью. - *Прим. ред.*

Ноам Хомски: Я считаю, что это очень значительное событие. Оно выявило наличие серьезной оппозиции процессу глобализации, направляемому транснациональными корпорациями (ТНК), навязанному вначале Америкой, а затем подхваченному крупными промышленно развитыми странами. Состав участников был многочисленный и разнообразный: они приехали из различных частей США и мира, которые редко сотрудничали до этого. Это то же самое сплочение сил, направленное против Многостороннего соглашения по инвестициям, свидетелями которого мы были годом ранее, и других, т.н. соглашений, таких, как НАФТА и ВТО.

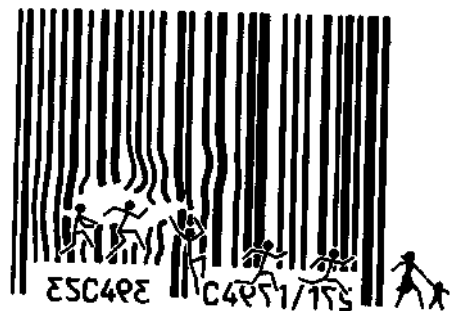
Один из уроков, извлеченных в Сиэтле, это то, что обучение и организация, тщательно проводимые в течение долгого времени, могут принести плоды. Другой урок таков, что реакция значительной части населения как в США, так и за рубежом, вернее даже большинства задумывающихся над этими вопросами, различна. Кого-то просто тревожит такое развитие событий, а кто-то выступает резко против этих событий, а именно против покушений на демократические права человека, свободу принятия решений, против подчинения всех начинаний интересам определенной группы лиц, мировому господству незначительной части населения земного шара и получению прибыли.

Д. Б. : Томас Фридман, журналист «Нью-Йорк Таймс», назвал демонстрантов в Сиэтле «Ноевым ковчегом защитников теории о том, что Земля плоская».

Н. Х.: Со своей точки зрения он прав. С точки зрения рабовладельцев, люди, боровшиеся за отмену рабства, наверное, выглядели точно также. Для одного процента населения, о котором он думает и который представляет, это может быть правдой. Зачем кому-то выступать против изменений, которые мы описываем?

Д. Б.: Справедливо ли высказывание, что в Сиэтле в облаке слезоточивого газа, чувствовалась и струя демократии?

Н. Х.: Я бы допустил это. Реально работающая демократия не выходит на улицы. Она проявляется в принятии решений. Это отражение искаженной демократии и реакции людей на это, и это не в первый раз. Борьба за расширение демократических свобод — это долгая борьба, длящаяся много веков; одержано немало побед. И многие из этих побед добыты именно такой ценой: не мирным путем, а противостоянием и битвами. Если в нынешней ситуации реакция людей примет по-настоящему организованные, конструктивные формы, это может подорвать и обратить вспять в высшей степени недемократические усилия международных экономических

организаций, которые навязываются миру. Они крайне недемократичны. Конечно, кто-то думает о покушении на суверенитет государства, но для большинства стран мира последствия могут быть гораздо серьезнее. Более половины населения мира в полном смысле слова не контролирует свою собственную экономическую политику. Они находятся в статусе лица, управляющего делами несостоятельного должника. Их экономической политикой руководят бюрократы из Вашингтона вследствие их т.н. кризиса задолженности, термина, являющегося больше идеологическим, нежели экономическим. Вот почему более чем у половины населения земного шара нет даже суверенитета.

Д. Б.: Почему вы говорите, что «кризис задолженности» политический термин?

Н. Х.: Существует долг, но кто кому должен и кто несет за него ответственность — это идеологический, а не экономический вопрос. К примеру, есть такой капиталистический принцип, на который никто, естественно, не обращает внимание. Принцип гласит: если я у тебя занимаю деньги, я обязан вернуть тебе долг, и если ты мне их одалживаешь, то это твои проблемы, если я их тебе не верну. Но никто даже не допускает такой возможности. Предположим, что мы бы были обязаны следовать этому принципу. Возьмем, например, Индонезию. Сейчас их экономика в глубоком кризисе, т.к. долг этой страны составляет 140% от ВВП. Если проследить историю этого долга, то окажется, что заемщиками были 100-200 человек, находившихся у власти во время военной диктатуры, которую Америка поддержала, и их закадычные друзья. Кредиторами были международные банки. Значительная часть этого долга к настоящему времени национализирована Международным валютным фондом (МВФ). Это значит, что ответственность несут налогоплательщики Севера. Что случилось с этими деньгами? Они приумножились. Произошел экспорт капитала из страны при небольших затратах на развитие. Но люди которые занимали деньги, не несут ответственности за это. Бремя выплаты долга легло на плечи народа Индонезии, что означает для них режим жесткой экономии, крайнюю бедность и страдания. На самом деле это непосильная задача — выплачивать долг, который ты не брал. А как же кредиторы? Кредиторы застрахованы от риска. Одна из основных задач МВФ - страхование от риска людей, которые дают кредиты и дают займы ненадежным заемщикам. Вот почему они получают высокие проценты: велика доля риска. Но они не берут риск и на себя т.к. он национализирован. Разными способами он переводится с помощью МВФ и с помощью, например, Брейди-бондов. Вся система направлена на освобождение заемщиков от всякой ответственности. Ответственность ложится на нищий народ их стран. И кредиторы застрахованы от риска. Дело тут в идеологии, а не в экономике.

И даже больше того. Есть один принцип международного права, который был придуман США сто лет назад, когда они «освободили» Кубу, а на самом деле завоевали ее, чтобы не дать ей отделиться от Испании в 1898 г. Тогда же, когда Куба перешла к США, США аннулировали долг Кубы Испании на вполне разумном основании, что долг признается недействительным, т.к. был навязан народу Кубы без их согласия, силой. По инициативе США этот принцип позже стал частью международного права; он получил название «одиозный долг». Долг признается недействительным, если он навязан силой. Долг стран третьего мира — это одиозный долг. Это было признано даже представителем США в МВФ. Карен Лисакер, экономист-международник, заявила пару лет назад, что, если бы мы считались с принципом «одиозного долга», то значительная часть долгов стран третьего мира должна быть аннулирована.

Д. Б.: 13 декабря «Ньюсуик» опубликовал заглавную статью под названием «Сиэтлская битва». Несколько страниц было посвящено протестам против ВТО. Небольшая статья была озаглавлена: «Новый анархизм». В статье было упомянуто пять имен, характерных для этого движения. Среди них были: «Rage Against the Machine», и «Chumbawamba». Не думаю, что вы знаете, о ком идет речь.

Н. Х.: Знаю. Я не так далек от всего этого. Д. Б.: Это рок-группы. В списке есть писатель Джон Зерзан и Теодор Качински (знаменитый Унабомбер) и Наом Хомски, профессор Массачусетского технологического института. Как случилось, что вы фигурируете в этой плеяде? «Ньюсуик» связывался с вами по этому поводу?

Н.Х.: Конечно. У нас было долгое интервью. *(Смеется.)*

Д. Б.: Вы шутите.

Н. Х.: Вам нужно было спросить их. Я могу только представлять себе, что происходит в их редакциях, но ваша догадка не хуже моей. Слово «анархист» всегда имело довольно таинственное значение в кругах элиты. Например, сегодня в газете «Бостон Глоуб» был такой заголовок: «Анархисты планируют акцию протеста во время конференции МВФ в апреле». Какие такие

анархисты планируют акции протеста? «Общественный гражданин» Ральфа Найдера, профсоюзы и др. Там будут люди, которые назовут себя анархистами. Только в каком значении? Но элите хочется назвать какие-то идеи до некоторой степени неразумными, лишёнными здравого смысла. Точно так же, как Томас Фридман называет этих людей защитниками теории плоской Земли.

Д.Б.: Вивьен Стромберг из Международной организации по защите прав женщин (Madre), неправительственной организации со штаб-квартирой в Нью-Йорке, сказала, что в Америке делают много телодвижений, но общественного движения как такового нет.

Н. Х.: Я не соглашусь с этим. Например, произошедшее в Сиэтле — это без сомнения общественное движение. Арестовывали студентов, которые выступали за принятие положений, направленных против потогонной системы, которые предлагают многие студенческие организации. И происходит масса других событий, которые, с моей точки зрения, являются общественными движениями. То, что случилось в Монреале несколько недель назад (конференция, посвященная Протоколу по биобезопасности) по разным причинам еще драматичнее, чем события в Сиэтле.

В США это не получило широкой огласки, т.к. большинство протестующих были европейцы. Наряду с США на встречу прибыли представители нескольких стран, которые полагают, что экспорт биотехнологий принесет доходы. Но фактически только Америка выступила против всего мира в вопросе, который носит название «принцип предосторожности». Он означает следующее: будет ли у страны, у людей право заявить о своем нежелании стать объектом проводимого эксперимента? США добиваются именно этого, в международном масштабе. На переговорах в Монреале Америка, будучи центром биотехнологических исследований, генной инженерии и т.д., требовала, чтобы этот вопрос был решен в соответствии с правилами ВТО. По правилам ВТО, объекты экспериментов должны предоставить научные доказательства того, что эксперимент может причинить им ущерб, в противном случае корпоративное право имеет преимущественную силу. Европа и большинство других стран мира успешно выступили за принятие принципа предосторожности. Из этого совершенно четко видно, что поставлено на карту: под угрозой право людей на принятие своих собственных решений в таких простых вопросах, как быть или не быть предметом эксперимента, не говоря уже о контроле над своими собственными ресурсами или установлении климата для иностранных инвестиций, или передаче своей экономики в руки иностранных инвесторов и банков. Это покушение на суверенитет народов в угоду концентрации власти в руках государств, преследующих только собственную выгоду, и крупных корпораций. Причем государства и корпорации выступают как одно целое. Вопрос, поднятый на встрече в Монреале, был во многом острее и отчетливее того, что возник в Сиэтле.

1 марта 2000 г

Крис Ней

ИНТЕРВЬЮ С «ЧЕРНЫМ БЛОКОМ»¹

¹Здесь печатается интервью с анархистом, участником протестов против ВТО в Сиэтле. Мы надеемся, что в интервью вы найдете интересные наблюдения об участниках акций протестов и самих протестах, а также о будущем революционной анархистской борьбы. По соображениям безопасности интервьюируемый не называет своего имени. - *Прим. ред.*

«Активная трансформация»: Что же с самого начала заставило вас поехать в Сиэтл?

- Я чувствовал, что там будет нечто важное. Помню, как года 4 назад прочитал в одной анархистской газете Миннеаполиса «Бласт» о ВТО, которая мне запала в душу как довольно зловредная организация. С тех пор я о ней мало что слышал. Услышал снова за год до демонстрации в Сиэтле. Различные акции Глобального народного действия были очень вдохновляющими, особенно демонстрации 18 июня 1999 г. против «Большой восьмерки». Протесты в США меня всегда разочаровывали, но приготовления к 30 ноября показались интересными. С самого начала было ощущение, что это будет массовое событие, хотя и не очень воинственное. На случай, если это будет массовый протест против мирового капитализма, я и еще несколько человек решили ехать. Тогда я и не предполагал, что эта демонстрация с таким успехом сорвет планы ВТО.

«А.т.» : Как бы вы объяснили успех этой акции протеста?

- Думаю, что это, вероятно, самое важное событие для левых в Америке за последние 20 лет. Были крупные события, как, например, протесты против войны в Персидском заливе и др., но ни одно из них не было, как правило, так разнообразно, направлено именно на подрыв деятельности и поэтому так успешно.

Протесты увенчались успехом по трем причинам. Во-первых, там было множество различных организаций: рабочий класс, экологические, анархистские, студенческие, женские, антипотогонные, — весь спектр организаций. Но дело не только в этом. Что придавало протестующим столько силы, так это осознание того, что акция не предполагает просто пассивное стояние на улицах, речи, попытки усовестить хозяев, — что-то вроде митинга. Все поняли в полной мере, что надо сделать все, чтобы сорвать конференцию. И это огромный успех американского общественного движения.

Во-вторых, сама стратегия, целую неделю разрабатываемая Сетью прямого действия (СПД), явила собой анархизм в действии. Ставка делалась на группы единомышленников, т.е. группы людей, которые знают друг друга, имеют общие политические цели, стремления и т.д. Мы разделили центр города на секторы. Точкой отсчета был конференц-центр. Затем различные группы взяли под свой контроль различные секторы, и, по планам организаторов, все это должно было сорвать конференцию. Полиция не могла помешать происходящему. Копы не могли что-либо предсказать, т.к. стратегия предполагала активность децентрализованных групп единомышленников.

И в-третьих, самая противоречивая причина: «Черный блок» поднял протесты на иной экстремальный уровень. Не хочу сказать, что «Черный блок» был радикальнее других или в большей мере, чем остальные, преследовал политические цели, но ключом к успеху было не поддающееся описанию разнообразие тактик, взаимосвязь на различных уровнях для подрыва деятельности ВТО.

«А.т.»: Не могли бы вы немного рассказать об анархистском Черном блоке.

— Сначала хочу подчеркнуть, что не все анархисты принадлежали к Черному блоку. Там было множество анархистов разного толка. Там были анархисты из рабочего движения, кукловоды, отказывающиеся от насильственных действий участники блокады, марширующие музыканты, медики, люди из СМИ и т.д., но было и двести человек в черных масках, которые готовились,

также разбившись на группы, нанести как можно более тяжелый моральный ущерб международному капитализму.

Я видел много раз, как активисты «Черных блоков» участвовали в протестах в США, но так успешно еще ни разу. Важно понять, что «Черные блоки» возникли не из каких-то подпольных организаций. Все произошло спонтанно: просто объединись люди с общими интересами со всей страны.

День начался с того, что люди из «Черного блока» небольшими группами начали строить импровизированные баррикады из всего, что попадалось под руку: отходов, картонных коробок, пластиковых лент, кашпо и т.д. В довершение этого, анархисты, одетые в черное, попытались заблокировать все входы и выходы отеля Шератон, где остановилось много делегатов, и конференц-центр через дорогу от отеля. Там, где блокада пацифистов была слабой, активисты «Черного блока» укрепляли ее и создавали вторую линию, подальше от полиции. Они также окружали делегатов на улицах и без применения силы заставляли их изменять маршрут и уходить подальше от гостиниц и конференц-центра. Один из делегатов направил на демонстрантов пистолет, и тут же был сбит с ног; полицейские взяли его, все еще сжимавшего в руке пистолет, под свою охрану.

Как государственные, так и подпольные СМИ постоянно навязывают одно и то же ложное утверждение, что полиция применила насилие в ответ на причинение ущерба частной собственности. Хочу подчеркнуть, что полиция начала применять силу с 9 утра в ответ на блокирование людьми улиц и зданий. Это случилось задолго до того, как в 11 часов дня начали бить витрины по примеру активистов организации «Вернем себе улицы». Полицейские начали со слезоточивого газа, резиновых пуль и т.д. На самом деле, первое стекло разбилось тогда, когда граната со слезоточивым газом попала в витрину магазина.

Накануне этого дня и все утро и с частной собственностью происходили некоторые изменения. В основном это были граффити: на автобусах, полицейских машинах, отеле Шератон и т.д. 29 ноября во время акции протестов против ресторанов Макдональдс, спонсированной французскими фермерами, был нанесен незначительный ущерб витринам и т.д. Это были только «цветочки».

Когда по-настоящему начали бить витрины, это было впечатляющее зрелище. Внезапно люди, с которыми мы шли, вытащили разные инструменты: гвоздодеры, молотки, ломы. И сразу начали бить витрины и окна всех банков, фешенебельных или международных магазинов одежды. Я видел даже, как женщина кувалдой разбила банкомат. Я боялся, что в любой момент полицейские прорвутся сквозь толпу и атакуют «Черный блок».

«А. т.»: В новостной передаче «60 минут» основной упор делался на анархистов из Юджина, штат Орегон. По вашему мнению, они ответственны за то, что случилось?

— Насколько я знаю, они там были, но из Черного блока там было несколько сотен человек, люди со всей Америки. Просто анархисты из Юджина шире применяют насильственные методы борьбы. Эпизод, показанный в «60 минут» не делает чести революционному анархизму, т.к. изображает всех анархистов как примитивистов, которые, по моему мнению, составляют меньшинство анархистов. Примитивисты отводят важное место среди воих лозунгов антитехнологическим и экологическим взглядам и, как мне кажется, недооценивают настоящую социальную и классовую борьбу, которой нужно уделять не меньшее внимание. Хотя критика примитивистами современного общества полезна, все же она не принимает во внимание то, что не все современные технологии вредны. Без компьютеров подготовить акцию протеста в Сиэтле было бы невозможно. Кроме того, проведение параллели между Унабомбером и анархистами не увеличит число сторонников последних.

«А. т.»: Расскажите о действиях полиции в Сиэтле.

— Я бы сказал, что полицейские упустили главное, и это было нам на руку. В первый день они пытались помешать тому, что они считали нашей стратегией — заполнить тюрьмы. Они планировали не проводить арестов, а использовать большое количество подразделений для поддержания порядка. Эти подразделения только укрепили людей в решении сорвать конференцию. Это также заставило многих сойти с позиций строгого пацифизма. Остаться пацифистом легче, когда ты на себе не испытал силу государственного аппарата. Когда стратегия полиции потерпела неудачу, все, что им оставалось, это пытаться ударить свои ряды, что им нелегко давалось.

К концу первого дня было объявлено чрезвычайное положение и началась критика в адрес наиболее воинственно настроенных активистов. У полиции и города появилась возможность

повернуть ситуацию в свою сторону, и они не упустили этой возможности. Копы неистовствовали в течение 24 часов, нападая на людей по всему городу без разбора. В то время как они арестовывали многих активистов за гражданское неповиновение, главная сила их удара была направлена на мирных граждан. Полиции и так досталось за неэффективную работу днем раньше. По прошествии дня, в течение которого полиция бесчинствовала, наша борьба стала более гражданской, и копы потеряли всякое уважение.

« А.т. » : А как проявили себя другие группы, бывшие там: зеленые и рабочее движение?

Они были настроены критично по отношению к успеху демонстрации. Вот откуда пошла эта всепоглощающая критика, которая распространилась по всей стране. До 30 ноября почти никто не слышал о ВТО, а сейчас она у всех набилась оскомины. Сила, которая сорвала планы ВТО, была разнообразна по составу, и это сделало ее такой мощной.

Даже если взять рабочее и зеленое движения, то и они разнородны по составу. От экологической организации «Земля прежде всего!» до клуба «Сьерра». И от Американской федерации труда/Конгресса производственных профсоюзов до Объединения портовых рабочих. В то время как более либеральные группы сделали это массовым событием, более радикальные группы превратили этот день в торжество антикапитализма. Объединение портовых рабочих и Организация рабочих-металлистов не подчинились приказам лидеров профсоюзов увести демонстрации из центра города. Металлисты пришли и противостояли рядам полиции и вдыхали слезоточивый газ вместе с нами. На следующий день другие профсоюзы делали то же самое.

« А.т. » : Какое значение события в Сиэтле имеют для общественного движения?

Я только смогу лишь кратко ответить на этот вопрос. Для начала, эти события служат доказательством двух важных вещей: что общественное движение существует и оно может победить. Граффити по всему городу ясно говорили: «Мы побеждаем!» К вечеру, когда объявили чрезвычайное положение, облик центра города был полностью изменен, казалось, что надвигается революция, это впечатляло. Я знаю, что люди возвращались в свои города полные решимости и энергии продолжать борьбу.

Нам нужны такие встряски. Иногда кажется, что надежды на лучшее нет. Это на меня очень повлияло. И еще один важный момент. Когда я разговаривал с людьми в последующие несколько дней, у меня сложилось впечатление, что приехавшие люди были новыми, молодыми активистами. Это действительно здорово. Уверен, что их очень вдохновило произошедшее в Сиэтле, и они привнесут жизнь в наше движение.

Думаю, это очень важно, что в Сиэтле мы заложили фундамент чего-то нового. Нужно воспользоваться этим шансом для налаживания диалога между различными группами. Более тесного диалога между рабочим, анархистским и зеленым движениями. Нужно не взывать к действиям, а продолжать воплощать в жизнь стратегии, подрывающие могущество крупного бизнеса и государства.

Нужно также посеять ростки борьбы там, где мы живем, прежде всего, против притеснения и несправедливости, которые встречаются на каждом шагу. Нас сильно критикует цветное население за то, что в основном белые демонстранты против ВТО ополчаются на несправедливость по всему миру, но не могут найти общий язык, расставить приоритеты, понять важность борьбы, которая происходит у них на глазах. Это один из уроков, которые мы должны принять к сведению. « А. т. » : Итак, чего же нам ждать теперь? — Кроме множества вопросов и проектов местного характера, мы надеемся в ближайшее время участвовать в ряде потенциально интересных мероприятий. В апреле МВФ соберется на конференцию в Вашингтоне. Это, наверное, старший и еще более злобный брат ВТО. Организация «Глобальное народное действие» призвала также к следующему международному дню акций протеста против глобального капитализма 1 мая этого года. Есть планы подготовки событий в Сиэтле, Эдмонте, Фениксе, Лондоне и прекращения деятельности Уолл-стрит в Нью-Йорке. Готовятся акции и в других городах мира. Нельзя забывать об одной важной вещи: многие люди должны ответить перед судом за обвинения в правонарушениях, совершенных в Сиэтле, некоторые из обвинений очень серьезные. Крайне важно сейчас для здоровья радикального движения оказать юридическую помощь этим людям и вернуть им свободу, чтобы они могли снова выйти на улицы вместе с нами.